ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА.

АКАД.

И.Н.

ЖДАНОВ.

FgT/77/6013

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

лекціи

И.Н. ЖДАНОВА.

1886.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЗРТЕЛЕВЪ П 1.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Предметомъ нашихъ занятій будетъ исторія новой русской литературы. Первый вопросъ, который естественно предоставляется при этомъ, есть вопросъ, что такое новая русская литература? гдѣ ея начало?

Новая русская литература - явленіе живое, развивающееся, послѣдній пунктъ котораго отодвигается все далѣе и далѣе съ каждымъ днемъ. Гдѣ же первый пунктъ, отъ котораго мы должны вести начало новой русской литературы?

Обыкновенно говорятъ, что оно совпадаетъ съ началомъ эпохи Петра Великаго. При этомъ необходимо замѣтить слѣдующее. Было время, когда склонны были проводить рѣзкую грань между петровскимъ и до-петровскимъ періодами русской исторіи. Въ XVIII в. дѣятельность преобразователя предоставлялась явленіемъ чуть не чудеснымъ. Ломоносовъ, напр., сравнивалъ его прямо съ Богомъ. Херасковъ также изображаетъ внезапное, сверхъестественное появленіе Петра. Съ теченіемъ времени это воззрѣніе стало падать. Теперь мы знаемъ, что дѣятельность Петра стоитъ въ неразрывной связи съ предшествующимъ ходомъ русской жизни; что эпоха реформъ подготовлялась издавна. Сказанное о Петровской эпохѣ вообще примѣнимо въ частности и къ исторіи литературы. Задолго до времени Петра Великаго, еще въ XVI вѣкѣ начинаютъ чувствоваться новыя вѣянія и полагается начало новому періоду въ исторіи русской литературы.

XVI и XVII вѣка предоставляютъ яркіе образцы переходнаго времени. Подобныя эпохи характеризуются рѣзкою чересполосностью историческихъ явленій. Тогда съ одной сто-

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

роны развиваются явленія, уже окрѣпшія въ прошедшее время, а съ другой - обнаруживаются явленія, показывающія стремленіе къ чему то новому. Изучая литературу XVI в. мы, повидимому, встрѣчаемъ памятники въ томъ же родѣ и того же характера, какіе мы находимъ въ предшествующихъ вѣкахъ. Но, присматриваясь ближе, мы наблюдаемъ много новыхъ явленій, которыя даютъ намъ право видѣть въ нихъ тѣ признаки новизны, которые съ такою рѣзкостью обнаружились въ позднѣйшее время. Итакъ, въ чемъ же заключается разница новаго періода русской образованности отъ стараго? Отвѣчая на данный вопросъ, каждый изъ насъ указалъ бы на два признака, служащіе характернымъ отличіемъ новаго періода отъ стараго. Эти признаки суть: 1| девне-русская образованность складывалась и развивалась подъ исключительнымъ вліяніемъ византійской образованности, въ новой же замѣчается вліяніе ново-Европейскихъ идей; 2| древне-русская жизнь мало, если не совсѣмъ, была знакома съ правильно организованной школой. На высшія, не элементарныя школы, соотвѣтствующія западнымъ средневѣковымъ университетамъ, мы нигдѣ не встрѣчаемъ указанія. Правда, нельзя, конечно, отвергать существованія въ то время образованныхъ людей, но образованіе это пріобрѣталось не въ школахъ, а частнымъ путемъ, частными средствами. Всѣ образованные люди того времени - начетчики, воспитанные на чтеніи разнаго рода книгъ безъ всякой опредѣленной системы. Такимъ образомъ, въ древнемъ періодѣ мы находимъ отсутствіе всякаго систематическаго образованія. Въ новомъ же періодѣ мы замѣчаемъ правильное вліяніе школы на образованіе. Что же даетъ школа? Задача школы - дать богатый запасъ важнѣйшихъ свѣдѣній въ извѣстной системѣ. У чело-

вѣка, получившаго школьное воспитаніе, пріобрѣтается извѣстнаго рода канва, планъ для пріобрѣтенія дальнѣйшихъ свѣдѣній; 2| школьное образованіе внушаетъ привычку къ нѣкоторой системѣ, правильности и наконецъ въ 3| оно способствуетъ развитію критическаго мышленія. Ничего такого конечно нѣтъ у начетчика. Поясним на примѣрѣ: всѣ древне-русскіе духовные писатели безусловно возстаютъ противъ апокрифовъ, а между тѣмъ эти же самыя лица пользовались нѣкоторыми изъ нихъ, какъ достовѣрнымъ источникомъ. Это указываетъ на ихъ неспособность разобраться, наитись въ разнообразіи, что даетъ одна только школа. Далѣе нужно упомянуть, что при отсутствіи школъ невозможно было бы никакое прогрессивное движеніе. Извѣстно, какою тяжеловѣсностью отличаются всякія попытки въ древней Руси сдѣлать шаго впередъ на какомъ либо поприщѣ. Подъ какимъ же условіемъ и въ какое время начинается смѣна литературнаго періода? Уже въ XУ. в. замѣчается ясно переломъ въ ходѣ общественной жизни и образованности. Теперь спрашивается, въ силу какихъ причинъ этотъ переломъ совершается именно въ XУ вѣкѣ и чѣмъ онъ характеризуется? Къ концу XУ вѣка у насъ скопляется цѣлый рядъ историческихъ фактовъ, долженствующихъ измѣнить ходъ исторической жизни русскаго народа. Эти факты слѣдующіе: объединеніе Московской Руси, паденіе Монгольскаго ига и паденіе Византіи. Каждое изъ этихъ явленій оказало особыя вліянія. Такъ объединеніе Московской Руси имѣло слѣдующія послѣдствія: I| собираніе удѣловъ было не только собираніемъ, но и уничтоженіемъ старыхъ традицій и понятій. Историческіе факты не развиваются уединенно, изолированно, а проникаются взаимнымъ вліяніемъ

одного факта на другой. Та работа, которая совершается въ ходѣ однихъ вещей, оказываетъ вліяніе и въ ходѣ другихъ. Удѣльныя княжества имѣли свою исторію и вдругъ теперь съ объединеніемъ все ниспровергается. Каждая мѣстность имѣла свои святыни, свои легенды. И вотъ Москва должна была собрать всѣ эти святыни, отвести каждой должное мѣсто. Такимъ образомъ появляется первая критика легендъ. Собираются два собора о русскихъ святыхъ, на которыхъ разбираются права каждаго святого на почитаніе. Это поднятіе критической мысли въ концѣ XУ и въ XУI в. описано Костомаровымъ въ его сочиненіи: "Историческая критика XУI в." Далѣе составляется соборъ о "бѣломъ клобукѣ". Бѣлые клобуки носили одни только Новгородскіе епископы. До насъ дошла легенда, объясняющая права Новгородскихъ епископовъ на это отличіе. Сей клобукъ сначала былъ въ Римѣ, потомъ попалъ въ Византію, а отсюда былъ переданъ новгородскому епископу Василію. Смыслъ этой легенды, очевидно, слѣдующій - возвысить значеніе мѣстнаго архіепископа. Для Москвы эта легенда была не по сердцу. И вотъ царь предлагаетъ вопросъ, откуда взялся этотъ разсказъ и насколько онъ правдоподобенъ. Достовѣрность его, въ угоду царю, опровергается. Такъ постепенно воспитывается критическая мысль. Тогда же начинаются попытки исправленія книгъ, что послужило главнымъ зерномъ для возникновенія раскола. Это совершается въ связи съ тѣмъ же самымъ фактомъ объединенія. Высказывается потребность ввести всюду однообразіе, уничтожить мѣстныя особенности.

Какіе же люди подвергаются въ эту эпоху возвышенію? Московскіе князья выдвигали по преимуществу молодыхъ людей незнатнаго происхожденія. У прежнихъ же бояръ оста-

вались извѣстнаго рода старыя привычки, традиціи, которыми пожертвовать они не согласились бы, что было неудобно для Московскихъ государей. Выдвигались же эти люди, благодаря своей образованности. Всѣ они были люди грамотные. Итакъ, объединеніе выдвинуло извѣстный классъ людей, права коихъ заключались въ превосходствѣ ихъ образованія. Этого рода дьяки, не связанные съ преданіями легче могли примириться съ отрицательнымъ отношеніемъ къ остаткамъ старины. Ихъ можно назвать первыми раціоналистами, появившимися подъ вліяніемъ новыхъ идей, начавшихъ проникать въ русское общество. Далѣе, до окончательнаго объединенія самый центръ объединенія былъ довольно удаленъ отъ Запада. Москва долгое время сохраняла значеніе захолустья и по своей образованности уступала Новгороду и другимъ областнымъ городамъ. Теперь съ покореніемъ Новгорода она приблизилась къ Западу въ географическомъ отношеніи, а такъ какъ Новгородъ отличался западнымъ образованіемъ, то въ нее стали проникать струи западной образованности. Дотолѣ сближеніе съ Западомъ имѣло чисто мѣстное, частное значеніе, теперь оно стало общимъ. Изъ Новгорода въ Москву переѣзжаютъ образованные люди. Главный совѣтникъ Іоанна IУ Сильвестръ былъ уроженецъ Новгорода. Этотъ же царь вызываетъ Новгородскихъ живописцевъ перестраивать кремлевскіе дворцы. Эти образованные переселенцы были главными проводниками европейской образованности, европейскихъ идей. И такъ, объединеніе привело I| къ тому, что авторитетъ старины сталъ падать;
2| что стали заявляться права на образованіе и въ 3| способствовало сближенію съ Западомъ въ географическомъ отношеніи.

Второй историческій фактъ, оказавшій большое вліяніе

на ходъ исторической жизни русскаго народа - паденіе монголскаго ига. Еще до окончательнаго своего уничтоженія монгольское иго оказывало самое незначительное вліяніе. Послѣ сверженія же остались другіе центры татарщины: Крымъ, Казань, Астрахань. Тѣмъ не менѣе фактъ свеженія оказалъ свое вліяніе: I| онъ способствовалъ подъему національнаго духа, 2| онъ долженъ былъ вызвать чувство успокоенія, безопасности. Съ самаго начала ига Русь была въ тревожномъ состояніи. Теперь впервые является чувство успокоенія. Замѣтимъ, что въ связи съ этимъ чувствомъ является стремленіе къ нѣкотсрому комфорту. Проповѣдники этого времени упрекаютъ современниковъ за ихъ пристрастіе къ роскоши. Таково было вліяніе въ общественномъ отношеніи. Въ политическомъ же отношеніи паденіе орды освобождало правительство отъ исключительнаго вниманія на дѣла востока и позволило вступить въ дѣятельное сношеніе съ Европой.

Третьимъ событіемъ, вызвавшимъ переломъ въ нашей общественной жизни въ XУ в. мы указали паденіе Византіи. Вся древне-русская жизнь складывалась и развивалась подъ исключительнымъ вліяніемъ Византійской образованности. Теперь этотъ источникъ закрывается. Всѣ образованные греки сами спѣшатъ на Западъ. И такъ, паденіе Византіи сопровождалось: I| ослабленіемъ греческаго вліянія и 2| усиленіемъ западнаго вліянія. Такимъ образомъ къ концу XУ в. скопился цѣлый рядъ фактовъ, дѣйствовавшихъ въ одномъ направленіи - пріучавшихъ къ критическому отношенію къ старинѣ и возбуждавшихъ стремленіе къ западной образованности.

3| Вѣрованіе въ то, что послѣ 7000 лѣтъ конецъ міра, слѣдствіе отъ неисполненія этого вѣрованія - невѣріе къ старинѣ. Эти факты дѣйствовали съ постепенностью и наложили

свою печать на XУI и XУII вв. Однако на первыхъ порахъ они должны были вызвать рѣзкій переворотъ. Въ чемъ же онъ выразился? онъ выразился въ ереси жидовствующихъ.

ЕРЕСЬ ЖИДОВСТВУЮЩИХЪ.

Общій ходъ ея таковъ. Въ I486 г. Новгородскій епископъ Геннадій получилъ первое извѣстіе, что въ Новгородѣ завелись еретики; онъ далъ знать въ Москву, откуда получилъ приказаніе произвести слѣдствіе: произведено было нѣсколько арестовъ, причемъ одинъ изъ арестованныхъ, попъ Наумъ, передалъ Геннадію псалмы, бывшіе въ употребленіи у еретиковъ и сообщилъ много разныхъ извѣстій о нихъ. Затѣмъ это дѣло было отослано въ Москву, но оттуда долго не получали никакого отвѣта и только въ I488 г. былъ собранъ тамъ соборъ, присуждавшій трехъ еретиковъ къ казни. Дальнѣйшее разслѣдованіе дѣла поручено было Геннадію и двумъ боярамъ, розыски которыхъ открыли, что ересь получила широкое распространеніе въ городѣ и проникла даже въ окружающія деревни. Слѣдствіе тогда опять отослали въ Москву, но оттуда, какъ и въ первый разъ, ожидать отвѣта пришлось очень долго. Чѣмъ объяснить такую медлительность Московскаго правительства въ этомъ дѣлѣ? Объясняется это тѣмъ, что еретики и въ самой Москвѣ пріобрѣли очень много сторонниковъ и при томъ имѣвшихъ большое значеніе и силу. Сюда еще въ I480 г. были переведены два священника, Алексѣй и Діонисій, и опредѣлены первый въ Успенскій соборъ, а второй въ церковь Михаила Архангела; оба они были главными руководителями распространившейся тамъ ереси и постарались пріобрѣсти себѣ множество сторонниковъ, между

которыми были Зосима, архимандритъ Симоновскаго монастыря, избранный даже впослѣдствіи въ митрополиты, дьякъ Феодоръ Курицынъ, любимецъ Іоанна, и даже извѣстная невѣстка Великаго князя Елена. Но Геннадій продолжалъ въ своихъ посланіяхъ настаивать, чтобы былъ назначенъ новый соборъ и требовалъ наказанія для еретиковъ. Посланія его любопытны еще потому, что онъ рекомендуетъ строго карать еретиковъ, ссылаясь на примѣръ Фердинанда Католика короля Испанскаго, или, какъ онъ самъ говорилъ, Шпанскаго. Въ I490 г. благодаря настояніямъ Геннадія состоялся новый соборъ, на которомъ было постановлено уличенныхъ въ ереси предать проклятію и тюремному заключенію, но казней не было никакихъ; а новгородскіе еретики были обратно отправлены въ Новгородъ. Здѣсь Геннадій, чтобы посрамить еретиковъ, установилъ для нихъ особый шутовской поѣздъ, онъ приказалъ встрѣтить ихъ за 40 верстъ отъ города, посадить на лошадей передомъ назадъ, надѣть на нихъ острые шлемы изъ береста съ мочальными гребнями съ надписью: "се есть сатанино войнство". Въ такомъ видѣ еретиковъ возили по всему городу, при чемъ народъ, по приказанію Геннадія, долженъ былъ плевать на нихъ и говорить: это враги Божіи, хульники христіанства. Но ересь, не смотря на это, продолжала расти и расти, находясь подъ покровительствомъ сильныхъ. Около этого времени воздвигается новый противникъ еретиковъ Іосифъ Волоцкій въ мірѣ Иванъ Саминъ, который въ своихъ посланіяхъ къ Нифониту епископу Суздальскому и Архимандритамъ Вассіану и Митрофану, строго уличалъ еретиковъ, требовалъ для нихъ такихъ же строгихъ мѣръ, какъ и Геннадій и даже прямо показывалъ на Зосиму, какъ на еретика. Въ I494 г. Зосима долженъ былъ

оставить митрополію, а его мѣсто занялъ Симонъ. Съ этого времени дѣла еретиковъ принимаютъ неблагопріятный для нихъ оборотъ. Іоаннъ, сначала расположенный къ еретикамъ, затѣмъ отвернулся отъ нихъ. Въ 1502 г. вліятельныя лица, покровительствовавшія ереси, были удалены отъ двора и потеряли всякое значеніе. Елена съ сыномъ Дмитріемъ была заточена. 2 брата Патрикѣевыхъ были пострижены въ монахи.

Къ 1503 и 1504 годамъ относится цѣлый рядъ соборовъ, занимавшихся рѣшеніемъ различныхъ вопросовъ. Тутъ между прочимъ рѣшались вопросы о платѣ при поставленіи священниковъ, о монастырскихъ имуществахъ и объ отношеніяхъ къ еретикамъ. На соборѣ 1504 г. было рѣшено отнять кафедру архіепископскую у Геннадія, за то, что онъ нарушилъ постановленіе собора о платѣ. Въ слѣдующемъ затѣмъ году Геннадій умеръ въ Чудовской обители. По отношенію къ еретикамъ были приняты, благодаря настояніямъ Іосифа Волоцкаго, строгія мѣры: нѣкоторые изъ еретиковъ были заточены, а нѣкоторые публично сожжены на желѣзныхъ клѣткахъ въ Москвѣ и Новгородѣ.Но эти публичныя суровыя казни не удовлетворили никого - ни противниковъ ереси, ни народъ; напротивъ, они, какъ и часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ возбудили сочувствіе къ еретикамъ, которые въ глазахъ массы были мучениками.Къ тому же возвратившійся въ это время Василій, въ монашествѣ Вассіанъ Патрикѣевъ снова возвратилъ себѣ расположеніе великаго князя и получилъ прежнее значеніе при дворѣ. Іосифъ все съ той же настойчивостью продолжалъ преслѣдовать еретиковъ и въ 1512 г. писалъ Велик му князю Василію Іоанновичу, что въ Москвѣ еретики все еще продолжаютъ сущест-

ствовать и что противъ нихъ надо принять строгія мѣры. Конечно, въ этой борьбѣ Іосифъ имѣлъ успѣхъ, но этотъ успѣхъ не былъ полный: онъ передъ смертью |1515 г.| не могъ сказать, что успѣлъ искоренить ересь. Она дѣйствительно была придавлена, скрылась, но не исчезла, а продолжала существовать: упоминанія о еретикахъ продолжаютъ еще встрѣчаться и у позднѣйшихъ писателей.

Теперь является вопросъ, что же это была за ересь? Іосифъ Волоцкій въ своемъ "просвѣтителѣ" разсказываетъ цѣлую исторію распространенія этой ереси. Пріѣхали въ 1470 г., говоритъ онъ, изъ Кіева въ Новгородъ князь Михаилъ Олельковичъ со свитой, въ которой между прочимъ былъ жидъ Схарія, наученный всякому изобрѣтенію, чернокнижію, чародѣйству, звѣздозаконію и астрологіи". Этотъ то Схарія и сталъ распростанять еврейство и пріобрѣтать послѣдователей. Въ числѣ первыхъ его послѣдователей были вышеупомянутые попы Алексѣй и Діонисій, которые хотѣли даже принять обрѣзаніе, но самъ Схарія и другіе жиды отговорили ихъ отъ этого. Но такого происхожденія ереси нельзя признать безусловно в рнымъ на основаніи сочиненій самого же Іосифа. Тамъ мы постоянно наталкиваемся на противорѣчія, что и подрываетъ вѣру въ истинность его словъ. Такъ онъ говоритъ, что еретики отвергаютъ троичность лицъ и объясняютъ это вліяніемъ еврейства, но рядомъ съ этимъ онъ утверждаетъ, что еретики признаютъ исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына. Или въ другомъ мѣстѣ читаемъ, что еретики ждутъ еще Христа и утверждаютъ, что нужно хранить законъ Моисеевъ, приносить жертвы, принимать обрѣзаніе и признавать ученіе однихъ только пророковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаемъ ниже,

что эти же самые жидовствующіе признаютъ Христа Сыномъ Божіимъ по благодати и хвалятъ Апостольскія писанія. Конечно, такія противорѣчивыя мнѣнія не могли принадлежать однимъ и тѣмъ же лицамъ. Какъ же теперь объяснить ихъ? Объяснить можно тѣмъ, что собирать извѣстія объ еретикахъ и ихъ ученіи было трудно: они таились и скрывали свое ученіе отъ противниковъ; кромѣ того, у нашихъ тогдашнихъ богослововъ не было, быть можетъ, и желанія изучать ересь и быть точными въ опредѣленіи ея. Они старались лишь набрать больше фактовъ для обвиненія еретиковъ, ловили каждое ихъ неосторожно сказанное слово и на основаніи этого дѣлали о нихъ выводы не всегда вѣрные и безпристрастные. Но всѣхъ встрѣчающихся противорѣчій однимъ этимъ нельзя объяснить, а нужно думать, что ересь жидовствующихъ не была какимъ нибудь цѣльнымъ ученіемъ, а была только собраніемъ нѣсколькихъ ересей, или, лучше сказать, особаго рода критическимъ движеніемъ жидовъ въ области религіи. На это находимъ указанія даже у самаго Іосифа, который однажды въ бесѣдѣ съ Иваномъ III сказалъ, что онъ знаетъ какой ереси держится Алексѣй протопопъ и какой Федеръ Курицынъ. Кромѣ того, у Іосифа относятся къ еретикамъ и тѣ, которые занимались астрологіей, читали травники и т.п. Однимъ словомъ все, что было только новизной, считалось ересью. Вся совокупность этихъ проявленій новизны и называлась ересью жидовствующихъ. Элемента жидовства въ ней, конечно отрицать нельзя; можетъ быть и были люди, сочувствовавшіе еврейскому ученію. Но при этомъ нужно еще замѣтить, что обвиненіе въ жидовствѣ въ средніе вѣка было довольно обычнымъ и самымъ унизительнымъ. Византійскіе писатели обвиняли въ жидовствѣ иконоборцевъ, наши старинные

проповѣдники въ посланіяхъ, направленныхъ противъ Латинятъ, обвиняли послѣднихъ по поводу причащенія опрѣсноками въ жидовствѣ. Поэтому быть можетъ и для этой ереси присвоено названіе жидовской, для того, чтобы болѣе унизить ее. Укажемъ теперь нѣкоторыя обстоятельства, вызвавшія ее. Въ числѣ первыхъ такихъ обстоятельствъ стоитъ ересь стригольниковъ, возникшая въ XIУ вѣкѣ, отрицавшая современую духовную іерархію, какъ неудовлетворительную и недовольная поставленіемъ поповъ на мздѣ, ихъ нетрезвой жизнью, поборами и т.п. Что ересь жидовствующихъ несомнѣнно имѣла связь съ этой ересью, убѣждаетъ насъ слѣдующее обстоятельство: между жидовстующими былъ чернецъ - Захаръ, противникъ Геннадія, который говорилъ, что "митрополиты и попы на мздѣ ставлены". Геннадій справедливо называетъ его стригольникомъ. Во-вторыхъ, не малый толчекъ дали ей распространившіяся въ то время на западѣ реформаціонныя раціоналистическія идеи, и проникнувшія къ намъ, какъ пишетъ Геннадій, слѣдующимъ образомъ: "а стала та бѣда съ тѣхъ поръ, какъ Курицынъ пріѣхалъ изъ Угорской земли и отсюда сбѣжали къ Москвѣ еретики. Наконецъ, можно указать на колебаніе стариннаго склада жизни, начинавшееся съ ХУ в., какъ на одно изъ самыхъ благопріятныхъ условій для ереси. Такимъ образомъ, мы видимъ, что ересь жидовствующихъ была сложнымъ движеніемъ, отражала въ себѣ разныя вліянія: и мѣстныя, и заносныя и имѣла громадное значеніе. Не прошла она безслѣдно и для литературы: существовала обширная еретическая литература. Геннадій упоминаетъ, что ему была доставлена еретическая псалтирь, затѣмъ въ посланіи къ Прохору говорится о какой то тетради, како молятся жидовскіе; мы знаемъ и имена нѣкоторыхъ еретическихъ писателей, а именно,

чернецъ Захаръ, который писалъ грамоты противъ Геннадія; Семенъ Кленовъ, о которомъ извѣстно, что онъ письменно излагалъ свои религіозныя убѣжденія; Иванъ Черный, о которомъ сохранилась характеризующая его замѣтка: "книги пишетъ". Но до настоящаго времени сохранились изъ всей этой литературы какіе то псалмы, по раздѣленію и по формѣ похожія на псалмы еврейскіе, не имѣющіе ничего общаго съ извѣстною богослужебною книгою -"псалтирью". Впрочемъ и они признаются за тѣ псалмы, о которыхъ упоминаетъ Геннадій, только по догадкѣ. Читать ихъ можно въ Ученыхъ Запискахъ II отдѣленія Академіи Наукъ томъ У, отдѣлъ III.

Гораздо болѣе памятниковъ сохранилось отъ православныхъ писателей, вызванныхъ движеніемъ ереси, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ Геннадій, Архіепископъ Новгородскій и Іосифъ Санинъ, игуменъ Волоцкаго монастыря. Геннадій сначала былъ Чудовскимъ архимандритомъ, а затѣмъ Новгородскимъ епископомъ и архіепископомъ съ I485 по I504 г. Его литературная дѣятельность главнымъ образомъ сосредоточивается около ереси; отъ него остался цѣлый рядъ посланій противъ ереси къ Прохору, Нифонту и многимъ другимъ лицамъ; ему же принадлежитъ честь собранія многихъ библейскихъ книгъ. Отдѣльные переводы св. книгъ появились у насъ еще со времени Кирилла и Меѳодія и продолжали распространяться, какъ извѣстно, очень медленно. Были въ большомъ ходу книги нужныя для богослуженія: Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь и нѣкоторыя другія. Когда въ концѣ XУ в. возникла ересь жидовствующихъ, и защитники ея ссылались въ своемъ ученіи на текстъ Св. Писанія, то понятно почему Геннадій, желая опровергнуть ихъ ученіе, рѣшился дѣятельно собирать св. книги. Сборникъ его не вышелъ полнымъ, не смотря на

всѣ его старанія разузнавать и пріобрѣтать отъ разныхъ начитанныхъ лицъ св. Книги. Геннадій издалъ свой сборникъ въ I498 году. Теперь сборникъ этотъ хранится въ Синодальной библіотекѣ въ Москвѣ. Присматриваясь къ содержанію его, мы находимъ, что всѣ книги библейскія можно подраздѣлить на три отдѣла: I-й составляютъ книги древнѣйшаго перевода, напр. Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь и друг. ,

2-й - книги, которыхъ текстъ извлеченъ изъ толкованій. Сюда относятся книги Малыхъ Пророковъ, 3-й, вновь переведенныя, которыя и представляютъ особенный интересъ въ исторіи литературы. Книги эти слѣдующія: Паралипоменонъ, Ездры, Товіи, Юдифь, Премудрости Соломона, Есфирь |часть которой переведена прямо съ еврейскаго языка|. Теперь возникаетъ вопросъ, съ какого языка были переведены эти книги? Естественно было бы предположить, что онѣ переведены съ греческой Библіи, перевода 70 толковниковъ, но оказывается, что съ латинской, извѣстной подъ названіемъ *Vulgat'* ы. Кромѣ того и порядокъ Вульгаты былъ удержанъ въ сборникѣ Геннадія: въ началѣ была помѣщена предварительная статья, взятая частію изъ латинской, частію изъ нѣмецкой Библіи. Этотъ фактъ въ исторіи культуры чрезвычайно значителенъ: онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что просвѣщеніе идетъ уже къ намъ съ запада, и что уже такія личности, какъ Геннадій, архіепископъ Новгородскій, сознавали необходимость обращать вниманіе и на латинскія книги. Извѣстно, что Геннадій въ своемъ дѣлѣ имѣлъ главными сотрудниками Димитрія Герасимова, извѣстнаго переводчика, по происхожденію русскаго, а образованіе получившаго въ Ливоніи и считавшагося хорошимъ знатокомъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ, и какого то Веніамина, про котораго сказано, что онъ "родомъ славянинъ, а вѣ-

рою латинянинъ". Другимъ еще болѣе энергичнымъ противникомъ ереси былъ Іосифъ Санинъ. Родился онъ въ 1440 г. и умеръ въ 1515 г. Еще въ ранней молодости Іосифъ поступилъ въ Крестовоздвиженскій монастырь, куда былъ отданъ для обученія грамотѣ, а 20-ти лѣтъ уже постригся въ монахи въ обители преп. Пафнутія Боровскаго и, подвизаясь здѣсь въ продолженіи 17 лѣтъ, заслужилъ всеобщее вниманіе, такъ что по смерти Пафнутія былъ избранъ игуменомъ. Вскорѣ по возникновеніи непріятностей между нимъ и братіею, онъ оставляетъ монастырь и отправляется путешествовать по монастырямъ съ цѣлію присмотрѣться къ жизни монаховъ и монастырскимъ уставамъ. Изъ этихъ путешествій онъ вынесъ идеальное представленіе о монастырѣ и задумалъ осуществить его, основавъ свою обитель на Волокѣ Ламскомъ, гдѣ и оставался до своей смерти. Эта обитель имѣла характеръ общины, въ которой монахамъ запрещено было самымъ строгимъ уставомъ имѣть какую бы то нибыло собственность: они во всемъ были обезпечены отъ монастыря; поэтому и понятно, почему Іосифъ такъ жарко защищалъ право монастырей имѣть имѣнія на соборахъ въ 1503 и 1504 гг.Вводя такой строгій общежительный уставъ, Іосифъ не былъ только наблюдателемъ за исполненіемъ его, но и самъ болѣе всѣхъ старался слѣдовать ему, исполняя всѣ даже низшія монастырскія должности.

Ко времени его игумества въ Волоцкомъ монастырѣ относятся слѣдующіе три замѣчательные факта: споръ съ Серапіономъ, епископомъ Новгородскимъ, участіе на соборахъ 1503 и 1504 гг. и борьба съ еретиками. Памятниками этой

Съ разрѣш. Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЗРТЕЛЕВЪ П. 1

всѣ его старанія разузнавать и пріобрѣтать отъ разныхъ начитанныхъ лицъ св. Книги. Геннадій издалъ свой сборникъ въ 1499 году. Теперь сборникъ этотъ хранится въ Синодальной библіотекѣ въ Москвѣ. Присматриваясь къ содержанію его, мы находимъ, что всѣ книги библейскія можно подраздѣлить на три отдѣла: 1-й составляютъ книги древнѣйшаго перевода, напр. Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь и друг. ,

2-й - книги, которыхъ текстъ извлеченъ изъ толкованій. Сюда относятся книги Малыхъ Пророковъ, 3-й, вновь переведенныя, которыя и представляютъ особенный интересъ въ исторіи литературы. Книги эти слѣдующія: Паралипоменонъ, Ездры, Товіи, Юдифь, Премудрости Соломона, Есфирь |часть которой переведена прямо съ еврейскаго языка|. Теперь возникаетъ вопросъ, съ какого языка были переведены эти книги? Естественно было бы предположить, что онѣ переведены съ греческой Библіи, перевода 70 толковниковъ, но оказывается, что съ латинской, извѣстной подъ названіемъ *Vulgat'* ы. Кромѣ того и порядокъ Вульгаты былъ удержанъ въ сборникѣ Геннадія: въ началѣ была помѣщена предварительная статья, взятая частію изъ латинской, частію изъ нѣмецкой Библіи. Этотъ фактъ въ исторіи культуры чрезвычайно значителенъ: онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что просвѣщеніе идетъ уже къ намъ съ запада, и что уже такія личности, какъ Геннадій, архіепископъ Новгородскій, сознавали необходимость обращать вниманіе и на латинскія книги. Извѣстно, что Геннадій въ своемъ дѣлѣ имѣлъ главными сотрудниками Димитрія Герасимова, извѣстнаго переводчика, по происхожденію русскаго, а образованіе получившаго въ Ливоніи и считавшагося хорошимъ знатокомъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ, и какого то Веніамина, про котораго сказано, что онъ "родомъ славянинъ, а вѣ-

рою латинянинъ". Другимъ еще болѣе энергичнымъ противникомъ ереси былъ Іосифъ Санинъ. Родился онъ въ 1440 г. и умеръ въ 1515 г. Еще въ ранней молодости Іосифъ поступилъ въ Крестовоздвиженскій монастырь, куда былъ отданъ для обученія грамотѣ, а 20-ти лѣтъ уже постригся въ монахи въ обители преп. Пафнутія Боровскаго и, подвизаясь здѣсь въ продолженіи 17 лѣтъ, заслужилъ всеобщее вниманіе, такъ что по смерти Пафнутія былъ избранъ игуменомъ. Вскорѣ по возникновеніи непріятностей между нимъ и братіей, онъ оставляетъ монастырь и отправляется путешествовать по монастырямъ съ цѣлію присмотрѣться къ жизни монаховъ и монастырскимъ уставамъ. Изъ этихъ путешествій онъ вынесъ идеальное представленіе о монастырѣ и задумалъ осуществить его, основавъ свою обитель на Волокѣ Ламскомъ, гдѣ и оставался до своей смерти. Эта обитель имѣла характеръ общинный, въ которой монахамъ запрещено было самымъ строгимъ уставомъ имѣть какую бы то нибыло собственность: они во всемъ были обезпечены отъ монастыря; поэтому и понятно, почему Іосифъ такъ жарко защищалъ право монастырей имѣть имѣнія на соборахъ въ 1503 и 1504 гг. Вводя такой строгій общежительный уставъ, Іосифъ не былъ только наблюдателемъ за исполненіемъ его, но и самъ болѣе всѣхъ старался слѣдовать ему, исполняя всѣ даже низшія монастырскія должности.

Ко времени его игумества въ Волоцкомъ монастырѣ относятся слѣдующіе три замѣчательные факта: споръ съ Серапіономъ, епископомъ Новгородскимъ, участіе на соборахъ 1503 и 1504 гг. и борьба съ еретиками. Памятниками этой

Съ разрѣш. Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЗРТЕЛЕВЪ П. 1

борьбы служитъ цѣлый рядъ посланій, въ которыхъ онъ требуетъ самыхъ строгихъ мѣръ противъ еретиковъ и въ то же время старается опровергнуть ихъ ученіе. Впослѣдствіи онъ собралъ свои посланія въ особый сборникъ и сдѣлалъ кое-какія дополненія. Этотъ сборникъ извѣстенъ подъ именемъ "Просвѣтителя"; это названіе, какъ справедливо думаютъ дано читателями. |Просвѣтитель изданъ въ Православномъ Сборникѣ, въ видѣ приложенія; потомъ вышелъ отдѣльнымъ оттискомъ съ предисловіемъ Порфирьева |1857г.| Изслѣдованія о немъ: свящ. Булгакова, подъ названіемъ: "Іосифъ Волоцкій"; Хрущова - изслѣдованіе о сочиненіяхъ І. Волоцкаго - самый лучшій и подробный трудъ объ Іосифѣ| Но что представляетъ онъ? Отвѣтъ даетъ самъ авторъ: онъ говоритъ, что онъ собралъ эту книгу "отъ многихъ и разныхъ божественныхъ писаній." Въ своемъ Просвѣтителѣ Іосифъ разбираетъ по пунктамъ ученіе еретиковъ. Но, какъ уже было сказано, въ ученіи еретиковъ трудно было разобраться, притомъ же Іосифъ вовсе не обладалъ критическимъ навыкомъ. А потому все сводилось къ тому, что онъ только собиралъ разныя положенія еретиковъ и затѣмъ сравнивалъ и сопоставлялъ ихъ съ положеніями православной церкви, опровергалъ, приводя цѣлый рядъ выдержекъ изъ св. Писанія, сочиненій отцовъ церкви, богослужебныхъ книгъ, легендъ и другихъ памятниковъ духовной литературы. Онъ не заботился даже о томъ, на сколько могутъ имѣть вѣсъ его доводы въ глазахъ еретиковъ. Еретики не признаютъ многихъ книгъ Св. Писанія и св. отцовъ, а Іосифъ приводитъ выдержки даже изъ постановленій Византійскихъ императоровъ, Кормчей книги и легендарныхъ сказаній, говоря, что онъ приводитъ свидѣтельства св. Писанія. Съ этой стороны его трудъ лю-

бопытенъ, какъ типическій трудъ начетчика. Извѣстно, что онъ обладалъ громадною начитанностью, любилъ книги и заботился о заведеніи при своемъ монастырѣ библіотеки, которая чрезъ нѣсколько лѣтъ обратилась у него въ богатѣйшую въ то время библіотеку |теперь часть ея принадлежитъ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, а другая часть Московской Епархіальной библіотекѣ|.

--ooOoo--

Присматриваясь къ ереси жидовствующихъ, мы замѣчаемъ нѣсколько явленій, въ которыхъ проявляется вліяніе запада. Эти явленія можно раздѣлить на три группы: I| путешествія за границу, 2| появленіе переселенцевъ съ запада, 3| переводы съ языковъ западныхъ. Указаніе на то, что русскіе, побывавшіе за границей, оказывали вліяніе на своихъ соотечественниковъ, мы находимъ у Геннадія. Онъ прямо говоритъ про ересь жидовствующихъ, что она появилась съ тѣхъ поръ, какъ дьякъ Ѳедоръ Курицынъ побывалъ за границей. Такъ это или нѣтъ, но для насъ важно то, что сами современники были склонны такъ думать. Есть факты путешествій за границу съ цѣлью образованія. Этотъ фактъ очень важенъ, хотя на него мало обращаютъ вниманія; онъ показываетъ, что задатки того, что развилось въ XVIII вѣкѣ, были еще гораздо ранѣе Петра Великаго. Изъ лицъ, добровольно путешествовавшихъ за границу съ цѣлью образованія, можно указать на Дмитрія Герасимова. Этотъ Дмитрій Герасимовъ былъ сотрудникомъ архіепископа Новгородскаго Геннадія; онъ былъ переводчикомъ, состоявшимъ на государственной службѣ. Русское правительство нуждалось въ такихъ лицахъ, и переводчиками были по большей части иностранцы. Извѣстіе о Дмитріѣ Герасимовѣ, какъ

человѣкѣ очень образованномъ, сохранилось у Павла Іовія. Онъ встрѣтился съ Дмитріемъ Герасимовымъ въ Римѣ въ 1526 году, гдѣ познакомился съ нимъ и подолгу бесѣдовалъ. Павелъ Іовій говоритъ, что Дмитрій Герасимовъ учился въ Ливоніи и зналъ хорошо латинскій языкъ. Это извѣстіе любопытно въ томъ отношеніи, что мы встрѣчаемъ человѣка, который ѣдетъ въ Ливонію и тамъ получаетъ образованіе; но кромѣ Дмитрія Герасимова, вѣроятно, были и другія лица, которыя получили образованіе въ Европѣ.

Это стремленіе получить образованіе за границей было такъ сильно, что у Курбскаго въ его письмахъ мы встрѣчаемъ жалобу на то, что Іоаннъ Грозный запретилъ поѣздку на западъ: "затворилъ еси царство русское, аки бо адовы твердыни." Любопытно сопоставить это извѣстіе съ другимъ, которое относится также къ Іоанну Грозному. У Даніила Принца есть свидѣтельство, что русскіе жаловались на то, что у нихъ нѣтъ свободы путешествовать на западъ. Вотъ изъ этого-то мы видимъ, какое сильное стремленіе было у русскихъ получить образованіе на западѣ. Не смотря однако на эти запрещенія, мы имѣемъ указаніе на то, что были случаи путешествій молодыхъ людей за границу. У Курбскаго мы находимъ извѣстіе о родственникѣ Михаила Матвѣевича Лыкова, который получилъ образованіе за границей и котораго Іоаннъ IУ велѣлъ казнить: "Въ тѣхъ же лѣтѣхъ убилъ свѣтлаго рода мужа Михаила Матвѣевича Лыкова и съ нимъ ближняго сродника его, юношу зѣло прекраснаго, иже посланъ былъ на науку за море въ Ерманію и тамъ навыкъ добрѣ Аллеманскому язнку и писанію, бо тамъ пребывалъ учась не мало лѣтъ и объѣздилъ всю землю нѣмецкую." Тотъ же Курбскій упоминаетъ о князѣ Михаилѣ Оболенскомъ, который получилъ образованіе за гра-

ницей, котораго Курбскій уговаривалъ ѣхать за границу: "Онъ же, говоритъ Курбскій, послушавъ мя, и изнуривъ три лѣта въ Краковѣ, въ школѣ, и потомъ совершенія ради до Влохъ |Италія| ѣхалъ, оставя домъ, жену и дѣтки и тамо аки два лѣта пробылъ". Къ этимъ же лицамъ можно причислить и самаго Курбскаго, у него настолько были пробуждены умственные интересы; такъ что, когда онъ былъ изгнанъ изъ Россіи по политическимъ недоразумѣніямъ, онъ воспользовался свободнымъ временемъ для пополненія образованія.

Если мы пойдемъ далѣе, то будемъ находить указанія на подобные примѣры. Въ царѣтвованіе Бориса Годунова мы наталкиваемся на оффиціальное посланіе молодыхъ людей въ Европу съ цѣлью образованія. Но тутъ мы замѣчаемъ любопытное явленіе: изъ 18 отправленныхъ молодыхъ людей вернулся только одинъ; про нѣкоторыхъ говорили, что они отказались отъ вѣры, а посланный въ Англію умеръ тамъ англиканскимъ священникомъ. Затѣмъ отъ царствованія Лжедимитрія сохранилось извѣстіе, что онъ подсмѣивался надъ невѣжествомъ русскихъ бояръ, какъ незнакомыхъ съ образованностью другихъ странъ, и хотѣлъ дать возможность ихъ дѣтямъ свободно путешествовать за границу. Можно думать, что въ этомъ случаѣ онъ былъ выразителемъ мнѣнія извѣстной части русскаго общества. Дѣйствительно, въ 1610 г. во время переговоровъ русскихъ съ поляками о вступленіи на русскій престолъ Владислава, сына Сигизмундова, составлено было условіе, въ которомъ мы находимъ пунктъ: "бояре согласны признать царемъ Владислава и даже самого Сигизмунда, лишь бы только будущій царь позволилъ ихъ дѣтямъ путешествовать за границу." Фактъ этотъ поразителенъ; здѣсь сказывается то же стремленіе, что и Курбскаго, Даніила

Принца и др., но въ это время потребность образованія была настолько сильна, что ей придавали цѣну государственной важности.

Далѣе сохранилось извѣстіе отъ XYII в. о путешествіяхъ русскихъ молодыхъ людей за границу съ цѣлью образованія: такъ сынъ извѣстнаго Ордынъ-Нащокина пробылъ нѣсколько лѣтъ во Франціи, гдѣ онъ и получилъ образованіе.

Этимъ западничествомъ объясняется появленіе русскихъ эмигрантовъ; припомнимъ Котошихина. Онъ бросаетъ Россію, переселяется въ Швецію и по предложенію шведовъ пишетъ сочиненіе о Россіи. Пересматривая это сочиненіе, мы встрѣчаемъ въ немъ жалобу, что въ Россіи нѣтъ средствъ для образованія. Или, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича мы встрѣчаемся съ попыткою Хворостина бѣжать за границу.

2| Указаніе на то, что переселенцы изъ Европы оказывали вліяніе на русскихъ мы находимъ въ показаніи Башкина; онъ заявлялъ, что принялъ свое ученіе отъ заѣзжаго аптекаря Матѳея. И этотъ фактъ не стоитъ одиноко въ исторіи нашего развитія. Еще Іоаннъ III вызывалъ иностранцевъ; съ его царствованія замѣчается усиленный притокъ иностранцевъ,- достаточно припомнить Аристотеля Фіоровенти и много другихъ. Въ царствованіе Ивана Грознаго въ Москвѣ былъ цѣлый иностранный кварталъ,"нѣмецкая слобода" и было разрѣшено иностранцамъ имѣть свою церковь - протестантскую; это объясняется тѣмъ, что протестанты не были притязательны на религію русскихъ и не было у русскихъ преданій вѣковой вражды съ протестантами.

Но этихъ фактовъ еще не достаточно; имѣемъ ли мы указаніе на то, что иностранцы оказывали вліяніе на русскихъ? Отвѣтъ положительный. Въ сочиненіи Максима Грека мы встрѣ

чаемъ нападенія на Николая Нѣмчина. Этотъ Николай Нѣмчинъ и въ устныхъ бесѣдахъ съ боярами и въ посланіяхъ къ нимъ распространялъ мысли о соединеніи церквей, писалъ въ пользу латинства и астрологіи. Съ этимъ то Николаемъ Нѣмчинымъ и вступилъ въ полемику Максимъ Грекъ. Кто же это былъ Николай Нѣмчинъ? Предполагаютъ, что это былъ врачъ при Василіи III, который пользовался особеннымъ расположеніемъ царя. Сохранилось извѣстіе о врачѣ Николаѣ Люевѣ; но, вѣроятно, фамилію этого врача русскіе передѣлали на свой ладъ; можетъ быть Люевъ и былъ Николай Нѣмчинъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ указаніемъ на то, что иностранецъ занимается дѣятельностью, которая казалась вредною для защитниковъ православія. Да наконецъ, и самъ Максимъ Грекъ былъ человѣкъ съ западнымъ образованіемъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Греціи, а потомъ закончилъ его въ Италіи; во Флоренціи онъ слушалъ знаменитаго Савонаролу. Максимъ Грекъ тоже пропагандировалъ въ пользу запада. Въ его сочиненіяхъ мы встрѣчаемъ разсказы о Парижѣ; онъ съ восторгомъ разсказываетъ о процвѣтаніи въ немъ науки; онъ и о Савонароллѣ говоритъ, что онъ смѣло поставилъ бы его наряду съ первыми исповѣдниками христіанства и Апостолами, если бы онъ не былъ западнаго вѣроисповѣданія. Наконецъ, Софья, супруга Іоанна III, была гречанка по происхожденію и итальянка по образованію. Съ появленіе Софьи въ Россіи, самый складъ жизни при дворѣ измѣнился; другіе греки, пріѣхавщіе вмѣстѣ съ Софьей, не знали даже говорить по-гречески. Вотъ всѣ эти переселенцы оказывали сильное вліяніе на русскихъ. Николай Нѣмчинъ и другіе оказывали вліяніе идеями, а Софья оказала вліяніе на бытовыя стороны русскаго народа.

Исторія должна смотрѣть, какъ рядомъ съ измѣненіемъ идей идетъ измѣненіе и быта. Измѣненіе быта замѣчается уже при Василіи Ивановичѣ; онъ развелся съ Соломіей подъ предлогомъ ея безплодія и женился на красавицѣ Еленѣ Глинской, переселившейся въ Россію изъ Литвы,- и сохранилось извѣстіе, что въ угоду своей второй женѣ онъ даже брилъ бороду. Защитники старины порицали Василія за это,такъ какъ видѣли въ этомъ задатки будущаго измѣненія стариннаго быта.

Если мы обратимся къ царствованію Ивана IУ, то увидимъ, что при немъ еще болѣе возросло западное вліяніе. Въ Москвѣ образовалась цѣлая нѣмецкая слобода и нѣмцы даже имѣли свою церковь. Іоаннъ IУ вообще былъ склоненъ къ сочувствію къ западнымъ европейцамъ. Можетъ быть, эта склонность проявилась у него оттого, что онъ былъ воспитанъ подъ вліяніемъ своей матери Глинской, но съ другой стороны, эта любовь его къ иностранцамъ связывалась также съ его стремленіями къ образованію. Въ первой рѣчи, обращенной къ боярамъ и духовенству, онъ говорилъ, что имѣлъ намѣреніе жениться на иностранной принцессѣ, но раздумалъ потомъ. Эта рѣчь его характерна и показываетъ, насколько въ Іоаннѣ было развито стремленіе къ сношенію съ западными европейцами. Іоаннъ IУ охотно вступалъ въ сношеніе съ иностранными дворами; овдовѣвъ, онъ хотѣлъ жениться на англійской принцессѣ, и послу приказано было узнать ея характеръ и привести ея "персону". Далѣе у него проявлялось стремленіе поселиться на западѣ. Въ концѣ своей жизни онъ велъ переговоры съ англійской королевой Елизаветой и спрашивалъ, нельзя ли ему будетъ найти убѣжище въ Англіи; онъ боялся заговора бояръ и хотѣлъ при случаѣ скрыться отъ нихъ

за границу. Далѣе, мы встрѣчаемъ нѣсколько фактовъ, изъ которыхъ видно, что Іоаннъ приближалъ къ себѣ иностранцевъ. Такъ, между людьми, близкими къ нему, были два нѣмца - Таубе и Крузе; а также упоминается еще докторъ Бомелій, котораго русскіе люди не любили, думая, что подъ его вліяніемъ Иванъ IУ творилъ всякія жестокости.

Если мы теперь обратимся къ послѣдующему ХУII вѣку, то здѣсь мы увидимъ, что западное вліяніе стало еще сильнѣе.

Въ ХУII вѣкѣ нѣмецкая слобода разрослась еще сильнѣе, болѣе, встрѣчаемъ русскихъ людей, которые вступили въ сношенія съ иностранцами. Такъ напр. Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ. Про Матвѣева извѣстно, что онъ устроилъ свою жизнь на западный образецъ. Сыну своему онъ далъ образованіе западноевропейское. Конечно, примѣръ Матвѣева не былъ единиченъ; были и другіе бояре московскіе, которые давали своимъ дѣтямъ образованіе подъ вліяніемъ иностранцевъ. Иностранцевъ-учителей такъ много расплодилось въ Москвѣ, что правительство наше сочло нужнымъ дать имъ правильную организацію. Такъ, въ одномъ изъ пунктовъ проектировавшагося тогда высшаго учебнаго заведенія, въ родѣ университета, сказано, что ни одинъ иностранецъ не можетъ преподавать, не получивши свидѣтельства. Далѣе, иностранцы также содѣйствовали образованію театра, первыя силы были взяты изъ нѣмецкой слободы. Слѣдовательно, въ ХУII вѣкѣ мы встрѣчаемся съ иностранцами, которые тогда служили или преподавателями, или же актерами.

3| Знакомясь съ ересью жидовствующихъ, мы кромѣ указанія вліянія на русскихъ иностранцевъ, встрѣчаемъ

еще появленіе переводовъ съ иностранныхъ языковъ на русскій. Когда мы говорили о дѣятельности Геннадія, то сказали, что въ его Библіи мы находимъ отдѣлы, переведенные съ латинскаго и нѣмецкаго языковъ. Напр. сочиненіе Николая де Лира. Это указываетъ намъ, что во время Геннадія знаніе латинскаго и нѣмецкаго языковъ было болѣе распространено, чѣмъ знаніе греческаго. Если мы пойдемъ далѣе, то найдемъ то же явленіе. Припомнимъ Максима Грека; скоро послѣ его прибытія въ Москву, ему поручено было перевести Псалтирь. Максимъ первоначально не зналъ славянскаго языка, другіе же, которые ему даны были въ помощники, а именно, Дмитрій и Власъ, не знали греческаго. Являлось затрудненіе для перевода. Но въ скоромъ времени явилась возможность продолжать переводъ псалтири. Максимъ переводилъ съ греческаго языка на латинскій, а помощники его, знавшіе латинскій языкъ, переводили это уже на славянскій языкъ.

Это уже указываетъ, насколько у насъ распространено было знаніе латинскаго языка. Принявъ это во вниманіе, мы легко поймемъ, почему съ XУI вѣка усиливаются переводы съ латинскаго и нѣмецкаго языковъ. Въ XУI в. же переведенъ съ нѣмецкаго языка лечебникъ подъ витіеватымъ заглавіемъ: "Благопрохладный вертоградъ здравія". Переводъ былъ сдѣланъ по порученію митрополита Даніила. Затѣмъ, къ XУI же вѣку относится переводъ съ нѣмецкаго небольшой статьи - "Преніе живота и смерти". Хотя эта статья была и небольшая, но она имѣла любопытную судьбу; она пришлась по вкусу русскимъ и распространилась во многихъ спискахъ. Затѣмъ, къ этому вѣку относится переводъ книги „Lucidarius", представляющій собою сборникъ фантасти-

ческихъ, а отчасти и истинныхъ сказаній о вселенной. Затѣмъ, если мы обратимся къ XУII вѣку, то тоже увидимъ значительное увеличеніе этихъ переводовъ съ лат., нѣм., польскаго яз.; но, что всего любопытнѣе, это то, что въ это время появляется новый рядъ произведеній - рыцарскіе романы, перешедшіе къ намъ или непосредственно съ нѣмецкой литературы, или же посредствомъ польской. Это любопытно потому, что указываетъ на перемѣну вкуса читателей; начали находить интересъ въ романахъ, появляется потребность въ занимательныхъ книгахъ. Прежде отъ книгъ требовали поученій, теперь требуютъ занимательности. Этихъ фактовъ достаточно для указанія того, сколь велико было распространеніе западнаго вліянія въ Россіи.

До сихъ поръ мы, говоря о западноевропейскомъ вліяніи, обращали только вниманіе на Московскую Русь, оставляя въ сторонѣ юго-западную. Тамъ еще сильнѣе было вліяніе западное, потому что юго-западная Русь въ государственной связи съ польскимъ государствомъ, которое само было подъ вліяніемъ запада и, конечно, съ своей стороны вліяло на юго-западную Русь. Во-вторыхъ, кромѣ польскаго вліянія, въ юго-западной Руси было также вліяніе захожее. Въ XУI вѣкѣ въ предѣлахъ Польскаго государства находили себѣ убѣжище многіе сектанты, подвергавшіеся преслѣдованію на западѣ. Конечно, пребываніе въ Польшѣ этихъ переселенцевъ съ запада не осталось безъ вліянія и на русскихъ людей; такъ, напр., у Курбскаго мы находимъ указаніе на вліяніе этихъ ересей. Курбскій говоритъ, что князь Острожскій при борьбѣ съ католичествомъ пользовался услугами одного "Аріанина"; Курбскому это не нравилось, и онъ находилъ, что не нужно пользоваться услугами иновѣрцевъ,

а вести борьбу своими силами. Но для насъ важно здѣсь то, что именно эти переселенцы оказывали дѣйствительно нѣкоторое вліяніе на русскихъ людей юго-западной Руси.

Затѣмъ, кромѣ этихъ захожихъ сектантовъ, переселялись и другіе иностранцы, въ качествѣ ремесленниковъ. Соприкосновеніе съ этими людьми не могло не оказывать вліянія. Сохранилось любопытное посланіе одного монаха Іоанна Вишенскаго |XYI|, изображающее положеніе юго-западной Руси въ XYI вѣкѣ. Въ немъ мы находимъ обличеніе за сближеніе русскихъ съ иностранцами. Приведенные факты показываютъ намъ, что въ юго-западной Руси сближеніе съ иностранцами является еще болѣе сильнымъ. Тамъ же, на юго-западѣ возникаютъ первыя не элементарныя школы. Возникновеніе и распространеніе этихъ школъ находится въ тѣсной связи съ національной и религіозной борьбой. Католическое духовенство начало господствовать въ Польшѣ особенно съ тѣхъ поръ, какъ тамъ поселились іезуиты, со времени Стефана Баторія. Духовенство католическое уже издавна обращало вниманіе на распространеніе своего вліянія и среди русскихъ, что особенно сильно сказывается въ XYI вѣкѣ.
Къ этому вѣку относится церковная унія |1596 г.|- особеннаго рода мостъ для дальнѣйшаго перехода въ католичество. Сохранялись обряды, именно всѣ, но съ сохраненіемъ ихъ соединялось признаніе связи съ римскою церковью. Кромѣ этого было у католическаго духовенства еще другое средство для склоненія русскихъ къ католичеству,- это образованіе; оно цѣнило это средство, и поэтому основывало школы. Русскіе люди отдавали своихъ дѣтей въ католическія школы, потому что своихъ школъ не было, а образованіе было необходимо. Болѣе умные и прозорливые изъ рус-

скихъ людей видѣли ту опасность, которой подвергаются ихъ дѣти, учась въ іезуитскихъ коллегіяхъ, и старались тоже учредить русскія школы для поддержанія вѣры и національности. Дѣйствительно, въ XУI в. появляются и русскія школы. Первая попытка образовать школы принадлежитъ нѣкоторымъ знатнымъ лицамъ, какъ напр., князю Константину Острожскому и Курбскому. Князь Острожскій много сдѣлалъ для православія: писалъ въ защиту его посланія, основалъ типографію для русскихъ книгъ, образовалъ первую школу при православномъ монастырѣ. Рядомъ съ нимъ надо поставить и кн. Курбскаго, который тоже много содѣйствовалъ защитѣ православія. Но усилія такихъ знатныхъ лицъ однако не были успѣшны, или, по крайней мѣрѣ, этотъ успѣхъ не былъ продолжителенъ. Стоитъ только припомнить, что сыновья Острожскаго и Курбскаго были уже католики. Болѣе плодотворною оказалась въ этомъ отношеніи дѣятельность средняго сословія, такъ называемыхъ братствъ. Если сравнить усилія Острожскаго, этого очень богатаго и знатнаго человѣка, и этихъ неизвѣстныхъ бѣдныхъ горожанъ - братчиковъ, то мы удивимся тому, что результатъ усилій послѣднихъ былъ куда плодотворнѣе. Дѣятельность перваго пропала безслѣдно, а дѣятельность вторыхъ достигла результата. Происхожденіе этихъ братствъ было слѣдующее: былъ обычай, что прихожане какой-либо церкви устраивали въ день храмового праздника между собою пиръ, для чего дѣлали между собою складчину, остатки которой употребляли на нужды бѣдныхъ своего прихода. Впослѣдствіи эти братства получили характеръ постоянныхъ учрежденій съ филантропическими цѣлями. Члены братства для завѣдыванія дѣлами учрежденія выбирали изъ своей среды старшину.

Нѣкоторые старшины нерѣдко выхлопатывали у правительства разныя льготы для своего братства. Къ концу XУI вѣка эти братства, имѣвшія филантропическій характеръ, берутъ на себя и школьное дѣло. Въ I580 году появилась братская школа въ Львовѣ, въ I588 въ Вильнѣ, въ I6I5 въ Кіевѣ, при Богоявленской церкви, въ I6I7 г. въ Луцкѣ, въ I62I г. въ Могилевѣ. Свѣдѣнія наши о братскихъ школахъ очень скудны. Мы имѣемъ только нѣкоторыя свѣдѣнія о Луцкой, Виленской и Кіевской школахъ. До насъ дошелъ уставъ Луцкой школы. Перечитывая уставъ этой школы, мы можемъ сказать, а| что эта школа во всякомъ случаѣ была не элементарная, а скорѣе соотвѣтствовала нашему среднеучебному заведенію, потому что въ ней изучались риторика, діалектика, греческій языкъ;

б| въ ней преобладало греческое вліяніе: нѣкоторые изъ начальствующихъ лицъ носили греческое названіе, такъ напр. завѣдывающій казной для раздачи бѣднымъ воспитанникамъ назывался пенитархомъ, да и сами воспитанники назывались студеями; с| въ ней безспорно преобладало религіозно-церковное направленіе; причина этого понятна, потому что братскія школы основывались при церквахъ и были основываемы для борьбы съ католичествомъ.

О Виленской школѣ сохранилось извѣстіе отъ I6I7 года. Въ ней было 5 школъ, - въ первыхъ трехъ школахъ читался латинскій языкъ, который читали иновѣрные нѣмцы, скудости ради своихъ; въ 4-ой школѣ или классѣ читался русскій языкъ въ 5-ой славянскій и греческій. Не смотря на разницу въ уставахъ, мы можемъ сказать, что и эта школа была не элементарная, съ церковнымъ направленіемъ и, хотя греческое вліяніе сказывалось не такъ сильно, но все таки оказывало вліяніе, такъ что греческій и латинскій языки считались

вѣнцами образованія.

О Кіевской школѣ сохранилось извѣстіе отъ 1620 года. Въ это время въ Кіевѣ былъ проѣздомъ патріархъ Іерусалимскій Ѳеофанъ и далъ Кіевской школѣ грамоту; въ этой грамотѣ Ѳеофанъ называетъ эту школу "Школою наукъ Эллино-Словенскаго и Латино-Польскаго письма". Она, вѣроятно, имѣла такой же видъ, какъ и Луцкая, то есть не элементарная, съ церковнымъ направленіемъ и въ которой по преимуществу обращалось вниманіе на изученіе Греческаго и Латинскаго языковъ.

Слѣдя за развитіемъ этихъ школъ, мы видимъ, что изо всѣхъ школь, основанныхъ въ концѣ XУI и началѣ XУII в., наибольшее значеніе получила Кіевская школа. Этимъ возвышеніемъ она была обязана покровительству Петра Могилы.

Петръ Могила по происхожденію - знатный молдаванинъ; онъ, оставивъ родину, былъ въ Парижѣ, поступилъ въ польское войско, и благодаря своимъ талантамъ и образованію, скоро выдвинулся въ рядахъ польской арміи; потомъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, онъ оставилъ военную службу и поступилъ монахомъ въ Кіево-Печерскій монастырь въ 1625 г. |подр. у Голубева, профессора Кіевской Духовной Академіи|. Петръ Могила и въ монастырѣ, благодаря своему образованію, тоже скоро выступилъ на первый планъ и уже въ 1627 г. былъ сдѣланъ настоятелемъ этого монастыря. А въ Южной Руси настоятели монастырей, и въ особенности настоятель Кіево-Печерскаго монастыря, играли очень важную роль. Ставши настоятелемъ, Петръ Могила сталъ заботиться о томъ, какъ бы завести школу; и, пользуясь своимъ положеніемъ и средствами, такъ какъ Кіево-Печерскій монастырь, благодаря громадному стеченію богомольцевъ,

обладалъ громадными средствами, онъ легко могъ привести свой планъ въ исполненіе. Съ этою цѣлью онъ выбралъ самыхъ даровитыхъ изъ молодыхъ монаховъ и послалъ ихъ за границу для образованія. Въ 1631 г. они вернулись, и Петръ Могила основалъ свою школу. Основаніе школы Петромъ Могилою произвело сильный переполохъ между членами Кіевскаго братства, такъ какъ школа Могилы могла подорвать ихъ школу; поэтому члены братства стали просить Петра Могилу, чтобы онъ соединилъ обѣ школы и взялъ ихъ братскую школу подъ свое покровительство. Петръ согласился на ихъ просьбу и получилъ отъ братства титулъ "Старшаго брата, Опекуна и Фундатора. Съ этого времени братство уже отступаетъ на задній планъ, и школа вмѣсто братской становится такой, гдѣ имѣетъ вліяніе одно лицо. Петръ Могила много заботился о Кіевской школѣ, давалъ щедрыя пожертвованія на пользу бѣдныхъ воспитанниковъ, перестроилъ ее заново; но этимъ его заботы не ограничились; въ 1632 г. онъ занялъ постъ митрополита кіевскаго и по этой должности митрополита занималъ мѣсто въ польскомъ сеймѣ и выхлопоталъ въ 1633 г. королевскія привилегіи въ пользу коллегіи |такъ Могила назвалъ Кіевскую школу, онъ даже хотѣлъ переименовать въ Академію, но названіе коллегіи оставалось за ней до Петра В. до 1701 г.|

Переименованіе Кіевской школы въ коллегію было связано съ существенными перемѣнами. Программа была измѣнена и расширена по образцу тогдашнихъ католическихъ школъ. Она представляла соединеніе школы и среднеучебнаго заведенія съ высшимъ. Въ ней было 8 классовъ, которые носили названіе школъ. Младшіе 6 классовъ образовали *congregatio minor*, а старшіе 2 класса носили названіе *congregatio maior*.

Каждый классъ носилъ свое особое названіе: такъ I-й классъ носилъ названіе fara, II- infima, III- grammatica, IV - syntaxima, V - піитика, VI - риторика, VII - Богословіе и VIII - философія. Во главѣ школы стоялъ ректоръ, который вмѣстѣ былъ и настоятелемъ монастиря; его помощниками были префектъ и суперъ-интендентъ. Сверхъ того, и изъ воспитанниковъ выбирались должностныя лица, напр. director, senior, censor, auditor и т. Воспитанники, обучавшіеся на казенный счетъ, назывались бурсаками, остальные снискивали себѣ пропитаніе кто чѣмъ; между прочимъ имъ не мало доставляла дохода и поэзія. Во время каникулъ они разсѣевались по Малороссіи, распѣвали духовныя пѣсни и добывали себѣ пищу и другими средствами, иногда совершая опустошительные набѣги на огороды обывателей. Что касается младшаго курса, то на немъ особенное вниманіе обращали на латинскій языкъ и достигали того, что этотъ языкъ былъ не только предметомъ преподаванія, но даже становился разговорнымъ языкомъ.

Теперь спрашивается, зачѣмъ обращали такое вниманіе на латинскій языкъ? Во первыхъ, на латинскій языкъ обращали вниманіе въ подражаніе складу католическихъ школъ; 2| въ Польшѣ латинскій яз. въ нѣкотрой степени былъ государственнымъ, также и литературнымъ. Сильвестръ Коссовъ говоритъ, что лат. яз. былъ необходимъ, такъ какъ на немъ производилось судопроизводство и писались важные документы и различныя дѣловыя бумаги.

Но на первыхъ порахъ изученіе латинскаго яз. показалось подозрительнымъ жителямъ Кіева, и сохранились на-

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

меки, что этимъ подозрѣніемъ воспользовалось католическое духовенство: оно распускало слухи, что это образовывается новая школа съ католическимъ направленіемъ, чтобы незамѣтно православныхъ склонить въ католичество. И вотъ по свидѣтельству Сильвестра Коссова Кіевская школа въ 1635 г. подвергается нападенію со стороны жителей, но это нападеніе не имѣло серьезныхъ послѣдствій.

Кромѣ латинскаго языка, видное мѣсто занимали литературныя упражненія на славянскомъ и латинскомъ языкахъ въ области поэзіи и прозы, съ этою же цѣлью преподавались риторика и піитика. При этомъ нужно замѣтить, что и сами воспитанники любили эти упражненія, такъ какъ они тоже служили однимъ изъ средствъ для добыванія себѣ пропитанія. Они составляли какіе нибудь стихи или привѣтствія на различные случаи, подносили ихъ богатымъ людямъ, а иногда распѣвали и на площадяхъ, и за это получали кое-что.

Что касается старшаго курса, то тамъ главную роль играло Богословіе, которое, нужно замѣтить, преподавалось въ схоластическомъ направленіи.

Схоластика въ примѣненіи къ Богословію означало соединеніе откровенныхъ истинъ съ философіей Аристотеля; богооткровенныя истины укладывались въ рамки философіи Аристотеля и обрабатывались діалектическимъ методомъ. Преподаваніе Богословія на высшихъ курсахъ велось слѣд. образомъ: выставлялся какой нибудь догматъ, потомъ слѣдуетъ рядъ доказательствъ, за которыми шелъ рядъ возраженій противъ этого догмата, которыя нужно было опровергнуть; на послѣдній пунктъ обращалось въ особенности серьезное вниманіе преподавателей, они нарочно подыски-

вали какъ можно замысловатѣе возраженія. При этомъ нужно замѣтить, что иногда занимались рѣшеніемъ такихъ вопросовъ, которые на нашъ взглядъ кажутся странными; напр. Симеонъ Полоцкій, говоря о воскресеніи мертвыхъ, ставитъ такой вопросъ: А ребро Адама въ комъ воскреснетъ, въ Адамѣ или Евѣ? и рѣшаетъ, что въ Евѣ, потому что оно навсегда соединилось съ Евой. Вотъ въ этихъ то контроверзіяхъ и сказывалась любовь къ діалектикѣ.

Чтобы развить эту любовь къ діалектикѣ и у воспитанниковъ, устраивались диспуты - домашніе, которые замѣняли собою репетиціи, состоявшія въ томъ, что на данную изъ пройденнаго тему часть воспитанниковъ должна была возражать, а другая опровергать эти возраженія, и торжественные - вмѣсто акта. Объ этихъ торжественныхъ диспутахъ за нѣсколько недѣль до ихъ начала свидѣтельствовали громадныя афиши, написанныя красными чернилами на латинскомъ языкѣ, которыя прибивались у воротъ коллегіи. Эти диспуты охотно посѣщались жителями и родителями, которые хотя и мало понимали эти диспуты, такъ какъ они велись на лат. языкѣ, но имъ любо было сотрѣть на словесные турниры ихъ дѣтей.

Разсматривая уставъ и образъ преподаванія въ этихъ школахъ, насъ поражаетъ то обстоятельство, что у воспитанниковъ замѣчается отсутотвіе всякаго реальнаго, прочнаго знанія.

На сѣверѣ Руси, въ Московскомъ государствѣ еще въ 16 вѣкѣ замѣчается проявленіе сознанія потребности образованія. Тотъ же архіепископъ Геннадій, который такъ ревностно боролся съ ересью жидовствующихъ, выступилъ въ качествѣ проповѣдника о необходимости образованія. Со-

нранилось любопытное его посланіе къ митрополиту Симону, въ которомъ онъ жалуется на невѣжество духовенства. "Вотъ, пишетъ онъ, приведутъ ко мнѣ мужика на посвященіе; я ему дамъ читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; я ему дамъ псалтирь, онъ и тутъ едва бредетъ. Я его прогоню, а на меня за это жалуются. Земля, говорятъ, такова; не можемъ достать человѣка, который бы грамотѣ умѣлъ: всю землю, видишь ты, излаялъ, нѣтъ человѣка на землѣ, кото-раго бы избрать на поповство".

Далѣе находимъ любопытное извѣстіе о способѣ ученія. Обучали, такъ называемые, мастера, которые выучивали книгу за книгой, сначала учили читать часовникъ, затѣмъ псалтирь и т.д., при чемъ мастера за каждую книгу требовали особой денежной платы и горшокъ каши.

Затѣмъ Геннадій обращается къ митрополиту съ просьбою содѣйствовать открытію школъ. "Вотъ я и бью челомъ государя чтобы велѣлъ училище устроить, чтобы его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ это дѣло исправилось. Пожалуйся, господинъ отецъ, передъ государями нашими, государями великими князьями, чтобы велѣли училище устроить. Мой совѣтъ таковъ, чтобы учить въ училищѣ сперва азбуку съ истолкованіемъ, потомъ псалтирь со слѣдованіемъ хорошенько, чтобы потомъ могли читать разныя книги".

Если обратить вниманіе на тѣ ничтожныя требованія, какія представляетъ Геннадій, а именно изученіе азбуки и псалтири, то поймемъ на какой низкой ступени стояло тогда образованіе.

І такъ одной изъ причинъ потребности образованія являлось невѣжество духовенства. Вопросъ о распространеніи образованія рѣшался также и на Стоглавомъ соборѣ. Соборъ по-

становилъ завести училища и повѣрилъ устройство ихъ избраннымъ духовнымъ, которые должны были открывать училища въ своихъ домахъ; православные христіане приглашались отдавать дѣтей своихъ на обученіе грамотѣ, письму и духовному пѣнію. Каковъ же былъ результатъ этого постановленія Стоглаваго собора и заявленія Геннадія? Образовани и были школы? Мы не имѣемъ никакихъ указаній относительн школъ Соборъ, какъ видно, не очень энергично взялся за это дѣло, высказалъ только благія пожеланія, ничѣмъ не обезпечивъ развитіе этихъ школъ. Такимъ образомъ это постановленіе не привело ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Между тѣмъ |какъ| порча богослужебныхъ книгъ непремѣнно требовала образованныхъ людей, которые могли бы ихъ исправить. Но въ 16 в. и въ началѣ 17 в. мы встрѣчаемся съ заботами образованія уже со стороны государственныхъ людей. Въ это время Россія все болѣе и болѣе начинала входить въ сношенія съ Западной Европой; нужны были образованные техники, ремесленники, которыхъ и выписывали съ Запада. Вотъ здѣсь то и обнаружилась разница образованія Россіи и Запада. Сознавая нужду образованія, Іоаннъ IУ-й хотѣлъ образовать нѣсколько школъ: онъ хотѣлъ образовать школы въ Новгородѣ и Псковѣ, какъ въ городахъ, ближе находящихся къ границѣ, гдѣ русскіе могли бы научиться нѣмецкому и латинскому языкамъ. Свѣдѣнія объ этихъ заботахъ Іоанна мы почерпаемъ изъ записокъ иностраннаго писателя Даніила Принца. Другой иностранецъ Буссовъ въ своей хроникѣ упоминаетъ о подобныхъ же намѣреніяхъ Бориса Годунова: "Желая со временемъ видѣть своихъ подданныхъ людьми образованными и свѣдущими, онъ предложилъ государотву выписать изъ Германіи, Италіи, Испаніи, Англіи и Франціи ученыхъ мужей и для изученія раз-

ныхъ языковъ учредить школы. Но монахъ и попы сказали, что ихъ государство велико и обширно, но единовѣрно и единоправно, что если въ немъ будутъ говорить не однимъ русскимъ языкомъ, а разными, то согласіе и миръ исчезнутъ." Борису Годунову приписываютъ проэктъ образованія высшаго центральнаго училища, чего то въ родѣ университета. Но его заботы объ образованіи такъ и остались благимъ пожеланіемъ: школъ не было основано. Итакъ, въ 16 вѣкѣ мы наталкиваемся только на проявленіе сознанія необходимости образованія. Первыя извѣстія о школѣ относятся къ 30-мъ годамъ XYII в. Олеарій свидѣтельствуетъ, что 1634 г. |въ бытность его въ Россіи| въ Москвѣ была не элементарная школа, въ которой учили латинскому и греческому языкамъ. Собственно эта школа, имѣвшая церковное направленіе, имѣла въ виду подготовить людей, которые были бы въ состояніи исправить церковныя книги. Въ 1649 г. бояринъ Ртищевъ вызвалъ изъ Кіева трехъ ученыхъ, Епифанія Славинецкаго, Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго для преподаванія и для перевода греческихъ книгъ. Эти ученые были поселены въ устроенномъ Ртищевымъ , Андреевскомъ монастырѣ въ Москвѣ, при которомъ находилась школа. Это - первое перенесеніе юго-западнаго образованія на сѣверъ. Спустя нѣкоторое время эти ученые обратили на себя вниманіе патріарха Никона; онъ хотѣлъ воспользоваться услугами этихъ образованныхъ людей для исправленія церковныхъ книгъ. Патріархъ Никонъ перевелъ Андреевское училище въ Чудовъ монастырь и переименовалъ его въ Чудовское. Здѣсь поселились и названные ученые и занялись подъ руководствомъ патріарха Никона исправленіемъ церковныхъ книгъ. Наши свѣдѣнія о школѣ Ртищева очень скудны. Знаемъ только, что

преподавали тамъ трое учёныхъ греческій языкъ и что школа существовала еще въ 1666 г. Едва ли эта школа могла имѣть большое вліяніе и большіе размѣры, потому что преподававшіе тамъ ученые были завалены работой, именно исправленіемъ книгъ церковныхъ, а это отнимало у нихъ много времени. Во-вторыхъ, если бы школа эта имѣла обширные размѣры, то мы имѣли бы отъ бывшихъ ея учениковъ свѣдѣнія о ней. Вообще скудость извѣстій объ этой школѣ указываетъ на то, что она не имѣла особеннаго значенія. Едва ли даже это была школа публичная, скорѣе она была въ очень ограниченныхъ размѣрахъ и монастырскаго характера. О времени закрытія этой школы мы тоже не знаемъ, знаемъ только, что послѣднія извѣстія о ней относятся къ 1668 г., а Епифаній Славинецкій умеръ въ 1675 г.

Въ 1664 г. появляется Симеонъ Полоцкій. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ въ Полоцкѣ и познакомился съ Симеономъ; послѣдній очень понравился царю и онъ пригласилъ его въ Москву. Симеонъ поселился въ Заиконо-Спасскомъ монастырѣ |этотъ монастырь находится за иконнымъ рядомъ|. Поселившись въ этомъ монастырѣ, онъ тотчасъ же занялся дѣломъ обученія. Къ нему были прикомандированы нѣсколько подъячихъ тайнаго приказа для обученія Альвару |авторъ лат. грам.|. Затѣмъ сохранилось извѣстіе, что для воспитанниковъ былъ построенъ особый домъ. Но эта школа имѣла тоже частный характеръ: имѣлось въ виду подготовить образованныхъ подъячихъ. Впрочемъ, есть основаніе думать, что въ Спасскомъ монастырѣ курсъ наукъ не ограничивался одной латинской грамматикой. Извѣстно, что руководитель этой школы, Симеонъ Полоцкій, считался знатокомъ піитики, риторики и др. наукъ , проходившихся въ польскихъ и юго-западныхъ шко-

лахъ. Кромѣ того, нужно принять во вниманіе, что и ученики Симеона были люди взрослые и не могли уже удовлетворяться элементарными свѣдѣніями по лат. языку. Но школа Симеона Полоцкаго существовала недолго, потому что скоро онъ получилъ новое назначеніе, а именно учителемъ дѣтей Алексѣя Михайловича. Такимъ образомъ Симеонъ Полоцкій долженъ былъ прекратить свою дѣятельность. Итакъ, и школа Симеона Полоцкаго, подобно школѣ Епиф. Славин., не имѣла обширныхъ размѣровъ и не могла удовлетворять потребностямъ образованія. Между тѣмъ потребность образованія становилась все сильнѣй и сильнѣй, что ясно сказывалось въ тѣхъ заявленіяхъ, которыя поступали къ Московскому правительству съ разныхъ сторонъ. Лучшіе люди московскаго государства видѣли, что отъ невѣжества народа возникъ расколъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича нѣкоторое время жилъ въ Москвѣ Газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ. Этотъ то митрополитъ тоже ясно сознавалъ нужду образованія для Россіи и какъ причину возникновенія раскола выставлялъ невѣжество. Вотъ какъ онъ говоритъ: "Какъ нѣкогда прехрабрый воевода Алквіадъ говоритъ Афинянамъ, что для успѣха въ войнѣ нужны три вещи: золото, золото и золото; такъ и я, будучи спрошенъ, гдѣ столпы и ограды сану церковному и гражданскому, скажу, для того нужны училища, училища и училища". Ту же мысль высказали восточные патріархи Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій, приглашенные въ Москву для суда надъ Никономъ. Патріархи поручили Симеону Полоцкому оказать отъ ихъ лица проповѣдь и онъ выбралъ темой для нея потребность образованія. Въ этой рѣчи Симеонъ обращается къ Алексѣю Михайловичу съ просьбой: "учредить училища гре-

ческія и словенскія". Конечно патріархамъ было извѣстно содержаніе этой проповѣди. Вообще о Симеонѣ Полоцкомъ нужно замѣтить, что онъ охотно избиралъ для своихъ проповѣдей темой - необходимость образованія. Такимъ образомъ заявленія шли съ одной стороны отъ лицъ восточнаго происхожденія, съ другой - отъ лицъ юго-западнаго происхожденія. Но любопытно также, что заявленія шли и отъ жителей сѣверной Руси. Такъ въ 1668 г. поступила отъ прихожанъ одной церкви просьба объ образованіи Греко-Латинскаго училища. Но этой просьбѣ не суждено было осуществиться. Первая попытка образовать школы относится къ 1679 г. Въ этомъ году вернулся изъ путешествія по востоку монахъ Тимоѳей. Путешествуя по востоку, онъ замѣтилъ, что образованіе духовенства падаетъ все ниже и ниже, вслѣдствіе чего начинаетъ распространяться католическая пропаганда. Тимоѳей обратился къ царю съ просьбой объ образованіи училища для поддержки вѣры. Вслѣдствіе этого была основана небольшая школа при Московской типографіи, всего на 30 человѣкъ. Въ ней учителемъ былъ назначенъ Тимоѳей, а помощникомъ его нѣкто Мануилъ. Но и эта школа имѣла малые размѣры и спеціально подготовляла людей, знающихъ греческій языкъ. Правительство Московское не оставляло безъ вниманія общихъ заявленій о необходимости образованія школъ Въ 1682 г. появился проэктъ образованія школы съ болѣе широкими размѣрами и большею программой. Грамоту объ утвержденіи этой школы написалъ Симеонъ Полоцкій.

Въ программу школы по этой грамотѣ входили граматика, риторика, пітика, философія, право церковное и гражданское и прочія свободныя науки, языки греческій, латинскій

и польскій. На содержаніе этой школы предполагалось отдать доходы съ семи монастырей, кромѣ того еще щедрое пособіе изъ государственной казны. По этому проэкту предполагалось дать училищу обширныя привиллегіи, а именно право самосуда, и кромѣ того оно должно было слѣдить за ходомъ образованія въ Россіи. Исполненіе дѣла задержалось смертью царя и стрѣлецкими смутами. Когда же волненія затихли, монахъ Чудова монастыря Каріонъ Истоминъ обратился къ Софьѣ съ стихотвореніемъ, въ которомъ проситъ ее объ образованіи школъ и говоритъ о пользѣ образованія. Около этого же времени было написано другое стихотвореніе ученикомъ Симеона Полоцкаго Сильвестромъ Медвѣдевымъ на ту же тему. Но какъ бы то ни было проэктъ Симеона Полоцкаго не осуществился. Тѣмъ не менѣе правительство не переставало заботиться объ образованіи школъ. Когда въ 1683 г. посолъ Возницынъ отправлялся въ Турцію для дипломатическихъ сношеній, то ему поручено было пригласить свѣдущихъ людей изъ Греціи. По его приглашенію прибыли въ 1685 г. изъ Царьграда въ Москву двое братьевъ Лихудовъ: Іоаникій и Софроній, получившіе образованіе въ Падуанской Академіи. Прибывъ въ Москву они поселились въ Заиконо-Спасскомъ монастырѣ и тотчасъ же приступили къ дѣлу преподаванія. Съ открытія ихъ учебной дѣятельности начинается исторія Московской Духовной Академіи, называвшейся также Спасскими школами. Дѣятельность Лихудовъ продолжается только 9 лѣтъ, отъ 1685-1694 г. Они заслужили нерасположеніе Іерусалимскаго патріарха, который настаивалъ передъ царемъ объ ихъ удаленіи. Но, несмотря на этотъ краткій промежутокъ времени, Лихуды сдѣлали очень много. Они преподавали грамматику, піитику, реторику, логику, физику, кромѣ того греческій

и латинскій языки. По удаленіи Лихудовъ дѣятельность ихъ школы не прекратилась: ихъ мѣсто заняли ученики. Свѣдѣнія о московскихъ школахъ въ XVII вѣкѣ мы находимъ у Олеарія. Олеарій упоминаетъ о Чудовской школѣ, о школѣ Епифанія Славинецкаго, братскихъ и шк. Симеона Полоцкаго, о школѣ при типографіи и, наконецъ, о школѣ Лихудовъ.

Не смотря на то, что школьное образованіе было вообще скудно, однако въ XVII в. успѣла сказаться разница въ направленіи школъ. Эта разница въ направленіи школъ обусловливается сильнымъ вліяніемъ Южной Руси. Въ направленіи школъ южной Руси мы замѣчаемъ разницу: въ братскихъ школахъ обращалось особенное вниманіе на греческій языкъ, а въ школѣ Петра Могилы на латинскій яз. и на Богословіе въ схоластическомъ духѣ. Эта разница ярко сказалась на ученыхъ, вышедшихъ изъ этихъ школъ, въ особенности на Епифаніи Славинецкомъ и Симеонѣ Полоцкомъ. Епифаній получилъ образованіе въ Кіевской школѣ до преобразованій еще въ ней Петра Могилы, а потому онъ былъ знатокомъ греческаго языка, былъ богословъ положительный, изучалъ источники, литературная же и схоластическая выправка была ему чужда, онъ былъ плохой стилистъ и держался буквальнаго перевода съ греческаго, поэтому ему не нравилось выраженіе въ переводѣ Символа вѣры: "одесную отца". Епифаній совѣтовалъ переводить это мѣсто "изъ десныхъ отца". Онъ образовалъ цѣлую школу буквальныхъ переводчиковъ, изъ которыхъ былъ замѣчателенъ монахъ Ефимій, очень трудолюбивый, но переводившій до того буквально, что трудно безъ подлинника понимать мысли. Симеонъ же Полоцкій былъ знатокомъ латинскаго языка и былъ теологъ преимущественно схоластическій; кромѣ того онъ былъ замѣчательнымъ стилистомъ

такъ что считался однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ писателей своего времени. Вотъ эти то ученые были представителями двухъ направленій. Между этими направленіями происходили иногда столкновенія. Такъ въ 1671 г. Симеона Полоцкій сказалъ проповѣдь: "Слово о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ Божіемъ", въ которой онъ высказываетъ мнѣніе о времени пресуществленія Св.Даровъ и говоритъ, что оно совершается въ то время, когда священникъ произноситъ слова: пріимите, ядите... и пійте отъ нея вси"... Противъ этого возсталъ Епифаній Славинецкій, который доказывалъ, что пресуществленіе Св.Даровъ совершается въ то время, когда произносится молитва во время пѣнія: "Тебѣ поемъ..." Произошелъ споръ въ 1673 г. въ присутствіи патріарха Іоакима; на этомъ спорѣ Епифаній называлъ Симеона латинскимъ еретикомъ и говорилъ, что онъ проповѣдуетъ: "вѣры развращеніе и тайны истощеніе". Этотъ споръ тянется черезъ весь конецъ XVII в. и начало XVIII в. Этотъ вопросъ такъ интересовалъ всѣхъ, что о немъ спорили люди всѣхъ сословій даже на площадяхъ. Защитники православія думали, что тутъ скрывается ересь, которую они называли ересью "хлѣбопоклонниковъ". Когда появились Лихуды, этотъ вопросъ вспыхнулъ съ новой силой. Одинъ изъ учениковъ Симеона Полоцкаго Медвѣдевъ написалъ сочиненіе, носившее названіе: "Манна хлѣба небеснаго". Въ ней доказывалось, что въ таинствѣ евхаристіи хлѣбъ и вино претворяются въ тѣло и кровь въ моментъ произнесенія священникомъ словъ Христа: "пріимите и ядите". Лихуды отвѣчали на это сочиненіе опроверженіемъ, которое названо: "Акосъ или врачеваніе противополагаемая ядовитымъ угрызеніямъ зміевымъ". Въ этомъ сочиненіи Лихуды выказали мысль,

согласную съ Епифаніемъ Славинецкимъ. Сильвестръ Медвѣдевъ пустилъ въ ходъ сочиненіе на Лихудовъ подъ названіемъ: "Тетрадь на Іоанникія и Софронія Лихудовъ". Лихуды съ своей стороны отвѣтили сочиненіемъ "Мечецъ духовный", въ которомъ изложили въ формѣ діалоговъ свой споръ, происходившій въ Львовѣ съ іезуитомъ Рутковъ, о всѣхъ различіяхъ между церквами греческой и римско-католической.

Но съ теченіемъ времени греческое направленіе должно было уступить латинскому; съ теченіемъ времени латинское направленіе распространилось въ Московской Академіи. Въ 1699 г. во главѣ Московской Академіи всталъ ректоръ Палладій Роговскій, который довершилъ свое образованіе на Западѣ, окончивъ курсъ въ Московской Академіи подъ руководствомъ Лихудовъ; съ этого времени утвердилось латинское направленіе.

Если обратить вниманіе на явленія Петровскаго времени, то увидимъ, что какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи нѣтъ скачковъ. Явленія предшествующей эпохи тѣсно примыкаютъ къ Петровской. Мы видимъ здѣсь продолженіе и развитіе того, что началось раньше. Тутъ скорѣе окажется разница количественная, чѣмъ качественная. Явленія повторяютоя тѣ же, какъ и прежде, только развиваются съ большею напряженностью. Способы знакомства Россіи съ Западомъ остались тѣ же, какъ и въ предшествующій періодъ - именно: 1| пересе-леніе иностранцевъ, 2| путешествія за границу и 3| знакомство съ культурой запада по переводамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, первый толчекъ къ реформамъ пошелъ изъ нѣмецкой слободы. Петру попадаетъ въ руки астролябія, никто изъ окружающихъ Петра русскихъ не въ состояніи объяснить ему примѣненіе этого инструмента; понадобился иностра-

нецъ Тимерманъ. Далѣе Петръ нашелъ ботикъ и спять нужно было обратиться къ иностранцу Брандту,- поднять его и спустить на воду.- Вотъ первыя впечатлѣнія, которыя сильно повліяли на Петра. Мы знаемъ, какъ эти впечатлѣнія отразились на Петрѣ: онъ все ближе и ближе знакомился съ иностранцами, нравилась ему жизнь иностранцевъ и ихъ большой запасъ знаній; но не одинъ Петръ находился подъ вліяніемъ иноземцевъ, было много и другихъ. У Посошкова въ "Духовномъ завѣщаніи", въ началѣ находится замѣтка, въ которой онъ предостерегаетъ сына отъ уклоненія отъ православія: "нынѣ бо мнози въ лютеровское зловѣріе начинаютъ уклоняться". Но кромѣ этой замѣтки Посошкова, есть и другой фактъ, свидѣтельствующій объ уклоненіи русскихъ отъ православія. Въ 1713 году было открыто общество, раздѣлявшее воззрѣнія протестантовъ. Главой его былъ Дмитрій Тверитиновъ; въ особенности же изъ этой шайки выдѣлялся членъ ея Ѳома цирульникъ, который разрубилъ икону въ Чудовомъ монастырѣ, вслѣдствіе чего и было открыто это общество. Кромѣ того, вліяніе иностранцевъ отразилось также и на домашней жизни русскихъ; такъ боярин Матвѣевъ устроилъ свой домъ на западный манеръ. Съ этого вліянія начинается новая эпоха.

Школы. Вліяніе запада сказалось и на устройствѣ школъ въ Петровскую эпоху. Въ дѣлѣ школьнаго образованія эта эпоха имѣетъ важное значеніе. Въ эту эпоху около 1714 г. появились цифирныя школы, гдѣ учили чтенію, письму и элементарной математикѣ, отчего школы и получили свое названіе. По указу Петра I дѣти дворянъ должны были проходить эти школы и, не имѣющему свидѣтельства объ окончаніи образованія въ этой школѣ дворянину, было за-

прещено вступать въ бракъ. Но нужно сказать, что вліяніе этихъ школъ было незначительно и распространялось медленно. Въ Москвѣ существовала съ 1703 - 1706 г. школа Эрнста Глюка, въ родѣ теперешнихъ пансіоновъ. Эта школа обращаетъ на себя вниманіе своей приграммой и именемъ основателя. Это былъ тотъ самый Глюкъ, въ домѣ котораго жила Johann Mädchen von Marienburg, какъ звали ее Маріенбургскіе жители, впослѣдствіи русская императрица Екатерина I. Въ этой школѣ преподавали слѣдующіе предметы: языки - латинскій, греческій, нѣмецкій, французскій, піитика, риторика, этика, философія, математика, астрономія, физика, логика и др. предметы. Сохранилось извѣстіе, что въ числѣ учебниковъ этой школы былъ лютеранскій катехизисъ на русскомъ языкѣ и молитвенникъ въ стихахъ. Но и эта школа не могла оказать сильнаго вліянія по краткости своего существованія. Далѣе въ 1707 г. появляется въ Москвѣ больница, и при ней устраивается медицинская школа; въ Москвѣ же открывается навигаціонная школа, а въ Петербургѣ въ 1715 г. Морская Академія. Вліяніе этихъ школъ опять таки было незначительно, потому что школы эти были спеціальныя, а общекультурнаго образованія въ нихъ не было, и это вліяніе шло медленно. Уже Петръ созначалъ недостатокъ прежнихъ школъ и выразилъ это въ бесѣдѣ съ патріархомъ Адріаномъ въ 1698 г. по поводу преобразованія Московской Академіи. Но и Петръ не представлялъ себѣ ясно недостатковъ Академіи, а желалъ только расширить въ ней программу такъ, чтобы изъ нея выходили доктора, и духовные, и военные, и инженеры и т.д. Но эти предположенія его не осуществились. Къ числу причинъ этого слѣдуетъ отнести

то обстоятельство, что 1| еще не созрѣли преобразовательныя мысли Петра, а 2|, что онъ не встрѣтилъ сочувствія со стороны духовныхъ лицъ. Но всетаки самая мысль объ открытіи такого училища не покидала Петра; онъ по этому поводу завелъ сношенія съ Лейбницомъ, Вольфомъ и др. Лейбницъ совѣтовалъ ему устроить ученое общество |коллегію| и предполагалъ основаніе Академіи въ смыслѣ учебнаго заведенія. Вольфъ стоялъ на сторонѣ университета. Въ 1724 г. Петръ Великій поручилъ Блюментросту составить проэктъ Академіи Наукъ, которая должна была состоять изъ трехъ заведеній: 1| ученаго общества, члены котораго должны были "трудиться о совершенствѣ искусствъ и наукъ, оказывать, въ случаѣ надобности, помощь своими познаніями присутственнымъ мѣстамъ и пещись о распространеніи и заведеніи вольныхъ художествъ и мануфактуръ; 2| изъ университета, гдѣ академики читали бы публичныя лекціи "о художествахъ и наукахъ"; 3| изъ гимназіума, гдѣ адьюнкты академиковъ обучали бы юношей первымъ основаніямъ наукъ, приготовляли бы ихъ къ поступленію въ университетъ и т.д. Итакъ, въ Петровскую эпоху мы встрѣчаемся съ новыми школами, какъ то: цыфирными, навигаціонной школой, морской академіей и т.д. Встрѣчаемъ также попытки основать общеобразовательныя школы, какова, напримѣръ, школа пастора Глюка; но всѣ эти школы не могли имѣть большого значенія: одни изъ нихъ были спеціальныя, а другія ограничивались элементарнымъ курсомъ. Петръ задумалъ основать высшее училище при Академіи Наукъ, но этотъ планъ его былъ приведенъ въ исполненіе лишь послѣ его смерти. При Петрѣ играли роль тѣ же школы, какія были и въ 17 в. а именно: Кіевская и Москов-

ская Академіи, которыя не утратили своего значенія, почти до основанія Московскаго университета |1755 г.|. Въ Петровскую эпоху были открыты духовныя епархіальныя школы въ Смоленскѣ, Ростовѣ, Тобольскѣ и Новгородѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ школъ, какъ напр. въ Новгородѣ, достигли значительной степени процвѣтанія и превосходства надъ другими. Такъ мы знаемъ, что въ Новгородскую школу отправлялись для обученія лица, окончившіе курсъ въ цифирныхъ школахъ.

Затѣмъ обратимся къ третьему пункту - къ переводамъ. Если въ области распространенія школъ мы не встрѣчаемъ особеннаго движенія впередъ, то въ этой области движеніе это очень велико. Переводы съ европейскихъ языковъ, сдѣланные при Петрѣ Великомъ и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи превосходятъ всѣ тѣ переводы, которые были сдѣланы раньше. Принимая это въ соображеніе, мы не удивимся, что ученые были поражены этимъ быстрымъ прогрессомъ и высоко цѣнили его. Одинъ ученый выразился такъ: "не съ сатиры Кантемира, не съ проповѣди Ѳ. Прокоповича, а съ переводовъ Петровскаго времени нужно вести начало русской литературы." Другой ученый, Пекарскій въ своемъ сочиненіи "Наука и литература при Петрѣ Великомъ" говоритъ такъ: "говоря о русскихъ переводахъ иностранныхъ сочиненій въ началѣ XVIII в. должно замѣтить, что многіе изъ нихъ остались только въ рукописяхъ. Число ихъ кажется весьма значительнымъ, особенно потому, что во второй половинѣ 17 в. переводы замѣчательныхъ сочиненій рѣдки и извѣстны почти на перечетъ. При

Съ разрѣш. Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭГГЕЛЕБЪ П. І.

разсмотрѣній рукописей нашей литературы той эпохи, не безъ удивленія замѣчаешь внезапное появленіе переводовъ такихъ произведеній, которыя въ Европѣ I7 столѣтія были предвѣстниками послѣдовавшихъ тамъ преобразованій и въ наукѣ и въ жизни. Если разсматривать русскіе переводы въ совокупности, то не трудно убѣдиться, что они дѣлались съ цѣлью познакомиться съ тѣми результатами, которыхъ достигла наука на западѣ по части политическаго устройства государства, законодательства, исторіи и настоящаго положенія ихъ." Также Порфирьевъ въ своей "Исторіи русской литературы" говоритъ, что, подобно тому какъ древній періодъ нашей литературы начинается съ переводовъ съ греческаго языка, такъ и новый періодъ начинается съ переводовъ въ Петровскую эпоху. Какъ видно изъ приведенныхъ мнѣній ученыхъ, эта оживленная дѣятельность въ области переводной сильно поражала ихъ. Чѣмъ же было вызвано это движеніе и почему именно въ этой области мы встрѣчаемъ такое движеніе? А именно потому, что переводы являются болѣе легкимъ и сподручнымъ средствомъ для распространенія знаній и знакомства съ Западной Европой. Петровская эпоха отличается ускоренностью движенія, потому что самъ царь всталъ во главѣ этого движенія. Все то, что было сдѣлано Петромъ, подготовлено было уже раньше, но онъ своимъ всеобъемлющимъ геніемъ ускорилъ это движеніе. Конечно, для распространенія знаній и образованія самый прочный путь - это школы, но школы бы еще не скоро проявили свою дѣятельность и дали бы нужные благіе результаты, а между тѣмъ, вопросы жизни требовали того, чтобы въ обществѣ брошенъ былъ нѣкоторый запасъ знаній.

Петръ ведетъ войну, входитъ въ сношенія съ западными образованными государствами; все это конечно требуетъ образованія и нѣкоторыхъ знаній. Этимъ и объясняется это оживленіе въ области переводной; самъ Петръ принималъ большое участіе въ этомъ дѣлѣ: 1| онъ самъ выбиралъ книги для перевода, 2|отыскивалъ людей, знающихъ иностранные языки и 3| слѣдилъ за ихъ работой. Относительно массы переводовъ есть указаніе, что они сдѣланы по приказанію Петра: таковы переводы относительно военнаго и морского дѣла. Любопытно, что любознательность Петра не останавливалась на переводахъ изъ этой области. Такъ по его приказу былъ переведенъ первый историческій лексиконъ, затѣмъ переведено сочиненіе Апполодора "Библіотека миѳологическая." Сохранилось извѣстіе, что однажды на пиру, гдѣ былъ и Петръ, начали толковать о миѳологіи. Петръ очень заинтересовался этимъ и высказалъ сожалѣніе, что нѣтъ книги, въ которой можно было бы прочесть что нибудь про миѳологію. Тогда Ѳ. Прокоповичъ указалъ на Апполодора, какъ на книгу очень удобную для этого. Петръ тогда велѣлъ перевести ее на русскій языкъ.

Какую важность придавалъ Петръ переводамъ видно изъ того, что онъ самъ отыскивалъ переводчиковъ и заваливалъ ихъ работою. Какія же Лица могли быть переводчиками? Во-первыхъ, лица,вышедшія изъ Кіевской Академіи, которыя были хорошо знакомы съ западными языками; и дѣйствительно, мы встрѣчаемъ очень много лицъ въ Петровскую эпоху бывшихъ переводчиками, такъ напр.: Гавріилъ Бужинскій, Симеонъ Кахановскій и др.; Во-вторыхъ, лица, вышедшія изъ Московской Академіи: Поликарповъ, ученикъ Лихудовъ; въ-третьихъ, переводчики Посольскаго приказа.

Такимъ образомъ Петръ вездѣ находилъ свѣдущихъ людей. Но этимъ онъ не удовольствовался, потому что образованіе упомянутыхъ людей было односторонне. Лица, вышедшія изъ Кіевской и Московской Академіи, хотя и были знатоками латинскаго языка, но зато въ области знаній государственныхъ, медицинскихъ, земледѣльческихъ они были очень слабы. Переводчики Посольскаго приказа были тоже не очень образованы: они умѣли переводить только посольскія бумаги.

Этотъ недостатокъ въ образованіи русскихъ людей заставилъ Петра искать также переводчиковъ за границей. Такъ, когда онъ задумалъ переводить историческій словарь, то обратился къ чехамъ, и тамъ нашелъ переводчиковъ. Къ этимъ переводчикамъ онъ прикомандировалъ русскихъ людей, которне должны были исправить переводъ. Петръ всегда удивлялся тому сходству, которое существуетъ между славянскими языками и думалъ, что, если переводъ будетъ сдѣланъ на чешскомъ языкѣ, то можно будетъ исправить только нѣкоторыя слова и переводъ явится уже русскимъ. Но, конечно, это его предпріятіе не увѣнчалось особеннымъ успѣхомъ. Въ 1724 г. былъ изданъ указъ о необходимости имѣть образованныхъ людей для перевода книгъ. Здѣсь было сказано: "для перевода книгъ зѣло нужны переводчики, а особливо для художественныхъ |ремесленныхъ|, понеже никакой переводчикъ, не имѣя того художества, о которомъ переводитъ, перевесть того не можетъ; того ради заранѣе сіе дѣлать надобно такимъ образомъ: которые умѣютъ языки, а художествъ не умѣютъ, тѣхъ отдать учиться художествамъ; а которые умѣютъ художества, а языку не умѣютъ, тѣхъ послать учиться языкамъ, и чтобы были

всѣ изъ русскихъ или иноземцевъ, кои или здѣсь родились или зѣло малы пріѣхали и нашъ языкъ, какъ природный знаютъ, понеже на свой языкъ всегда легче переводить, чѣмъ со своего на чужой. Художества же слѣдующія: математическое, хотя до сферическихъ тріангуловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ цивилисъ, анатомическое, ботаническое, милитарисъ и прочія тому подобныя." Этотъ указъ имѣлъ то значеніе, что переводы теперь предполагалось давать лицамъ, спеціально знакомымъ съ извѣстной наукой; между тѣмъ какъ прежде приходилось отдавать переводить лицамъ, незнакомымъ спеціально съ извѣстнымъ предметомъ, какъ напр. было при переводѣ книги о земледѣліи. Далѣе важно то, что Петръ самъ слѣдилъ за переводами и въ случаѣ неакуратности въ переводѣ онъ налагалъ наказанія и штрафы. Такъ заданъ былъ Ѳеофилакту Лопатинскому переводъ историческаго лексикана, но работа его подвигалась очень медленно и вяло; Петръ былъ очень не доволенъ этимъ. Мусинъ-Пушкинъ, бывшій тогда начальникомъ монастырскаго приказа, по повелѣнію царя такъ писалъ въ Москву къ Поликарпову: "писалъ я тебѣ многажды о переводѣ книгъ и чтобы говорилъ ты отцу Лопатинскому, дабы скорѣе переводилъ, а нынѣ великій государь приказалъ, ежели не переведутъ книгъ, лексикона и прочихъ, до того времени не давать жалованія, пока не переведутъ." Петръ иногда освобождалъ отъ исполненія государственной службы того человѣка, которому былъ заданъ переводъ извѣстной книги и смотрѣлъ, слѣдовательно, на эти переводы, какъ на исполненіе государственной службы. Петръ смотрѣлъ на переводы такъ: нѣтъ необходимости держаться подлинника,

но можно иногда выпускать то, что не существенно. Такъ при переводѣ книги "о земледѣліи" онъ велѣлъ многое изъ этой книги выпустить и переводить только то, что существенно и имѣетъ практическую цѣль. Но, съ другой стороны, допуская сокращеніе этихъ маловажныхъ мѣстъ, Петръ не допускалъ пропуска важныхъ. Извѣстно, какъ Петръ разсердился на Бужинскаго, когда тотъ, переводя въ 1714 г. книгу Пуффендорфа "Введеніе въ исторію Европейскихъ государствъ," выпустилъ одно мѣсто, гдѣ авторъ грубо и обидно отзывается о характерѣ русскаго народа. Вотъ это мѣсто: "о нравахъ и разумѣ народа россійскаго ничтоже вспоминати имѣемъ, еже бы съ великою ихъ славою сопряжено было, ниже бо россіяне тако суть устроены и политичны якоже прочіе народы Европейскіе. Въ письменахъ же толь искусны, яко въ писаніи и прочтеніи книгъ совершенство ученія полагаютъ. Паче же и сами священицы только суть грубы и всякаго ученія не причастны, яко токмо прочитавати едину и вторую божественнаго писанія главу, или толкованіе евангельское умѣютъ, больше же ничто не знаютъ. Зазорны же и невоздержательны суть, свирѣпы и кровежаждущіе суть человѣцы; въ вещѣхъ благополучныхъ безчинною и нестерпимою гордостью возносятся, въ противныхъ же вещѣхъ низложеннаго ума и сокрушеннаго. Обаче сами о себѣ высоко мнящіе, ниже высокоуміе ихъ всякимъ, хотя и великимъ почитаніемъ удоволитися можетъ. Къ прибылѣ и лихвѣ хитростно собираемой, никій же народъ паче удобенъ есть. Рабскій народъ рабски смиряется, и жестокостью власти воздерживатися въ повиновеніи любятъ, и якоже всѣ игры въ бояхъ и ранахъ у нихъ состоятся, тако бичевъ и плетей у нихъ и частное

употребленіе." Когда Бужинскій представилъ свой переводъ Петру, то онъ тотчасъ же началъ перелистывать книгу и искать чего то; онъ имѣнно искалъ этого мѣста, но не нашедши его, разсердился и велѣлъ Бужинскому непремѣнно дополнить свой переводъ. И дѣйствительно, переводъ "Введенія въ исторію" былъ напечатанъ два раза при Петрѣ безъ пропусковъ. Что касается слога, то нужно замѣтить, что старинные переводчики отличались стремленіемъ переводить буквально, оттого и переводы наши съ греческаго языка не отличаются особенной ясностью и мало понятны. Эта манера переводить держалась очень долго, даже Епифаній Славинецкій говорилъ, что нужно непремѣнно переводить какъ можно буквальнѣе и образовалъ даже цѣлую школу изъ своихъ послѣдователей. Еп. Сл. работалъ очень много, но его работы не представляютъ особенной цѣнности, вслѣдствіе буквальнаго перевода. Петръ понималъ это и давалъ постановленія о томъ, какъ слѣдуетъ переводить. Въ письмѣ къ Зотову онъ писалъ: "не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи держать въ переводѣ, а точію сего уразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть." Поликарпову, которому онъ велѣлъ переводить географію, Петръ велѣлъ переводить русскимъ языкомъ. "Того ради исправь хорошенько, не высокими словами словенскими, но простымъ русскимъ языкомъ. Со всѣмъ усердіемъ явися, и высокихъ словъ словенскихъ класть не полагаетъ, но посольскаго приказа употребя слова." Послѣднія слова страницы, но они прямо указываютъ на то, чтобы переводъ былъ сдѣланъ хорошимъ русскимъ языкомъ. Такимъ образомъ и здѣсь Петръ является новаторомъ и задолго до Карамзина вн-

сказалъ такое убѣжденіе о приближеніи литературнаго языка къ разговорному. Изъ всего этого видно, какое значеніе Петръ придавалъ этимъ переводамъ. Онъ самъ ищетъ переводчиковъ, выбираетъ книги для перевода, руководитъ этими переводами и награждаетъ лицъ, хорошо исполнившихъ свою работу.

Петръ былъ на тронѣ работникомъ и стремился только къ практической цѣли, практической пользѣ. Онъ начинаетъ съ заботъ объ улучшеніи военнаго и морского дѣла, что предсказывали ему самыя событія. Неудачи его въ войнахъ, конечно, заставляли его обращать вниманіе на улучшеніе военнаго и морского дѣла, поэтому самый богатый отдѣлъ переводовъ - спеціальныя книги по военному и морскому дѣлу. Съ другой стороны, Петръ былъ не только реформаторомъ военнаго дѣла, но и государственнаго; поэтому ему нужды были книги, которыя могли бы познакомить съ исторіей и наукой государственнаго устройства. Поэтому и въ этой области наукъ историческихъ и государственныхъ мы встрѣчаемся съ новыми книгами, которыя въ Европѣ считались лучшими. Къ такимъ книгамъ нужно отнести сочиненіе Пуффендорфа. Пуффендорфъ былъ знаменитымъ ученымъ и оставилъ много сочиненій историческихъ, публицистическихъ и юридическихъ. Изъ этихъ сочиненій переведены были у насъ: "Введеніе въ исторію Европ. госуд." |1714 г.| и "О должностяхъ человѣка и гражданина." Петръ придавалъ большое значеніе книгѣ Пуффендорфа "Введеніе въ исторію," зналъ ее очень хорошо и цитировалъ. Такъ, когда появилось разсужденіе о Шведской войнѣ Шафирова, то Петръ самъ поправилъ нѣкоторыя мѣста и присоединилъ нѣкоторыя цитаты изъ Пуф-

фендорфа. Эта же книга Пуфф. служила затѣмъ учебной книгой для царевича Алексѣя. Изъ этого всего можно видѣть, что сочиненія Пуффендорфа пользовались большою популярностью и цѣнились высоко.

Въ дополненіе о переводной литературѣ Петровской эпохи намъ еще осталось сказать то, что не одинъ только Петръ является въ это время возбудителемъ переводной дѣятельности, но были и другія лица. Такъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, будучи Кіевскимъ губернаторомъ задался цѣлью образовать у себя библіотеку; по его порученію кіевскіе ученые перевели множество историческихъ и политическихъ сочиненій. Эти переводы сохранились и до нашего времени; библіотека Голицына переходила по наслѣдству къ его родственникамъ, а потомъ къ графу Ф.Толстому, а у него куплена Императорской публичной библіотекой, гдѣ она хранится и теперь.Далѣе, на этомъ поприщѣ потрудились - граффъ Брюссъ, князь Дмитрій Кантемиръ, такъ что за это время образовался богатый отдѣлъ переводовъ, заслуживающихъ вниманія по своему значенію; подробный перечень ихъ можно найти у Пекарскаго въ его сочиненіи: "Наука и литература при Петрѣ В.," т. I. Бросая взглядъ на Петровскую эпоху, мы поразимся слѣд. явленіемъ: переведены лучшія въ то время политич. и математ. сочиненія, но замѣчается крайняя скудость въ области чисто литературныхъ произведеній. Въ это время переведены были рыцарскіе романы: "Исторія о принцѣ Альфонсѣ," "Исторія о принцѣ Адольфѣ," "Исторія о французскомъ графѣ Лафоріѣ" и "Апофегмата или краткихъ, витіеватыхъ и нравоучительныхъ рѣчей книга". Такимъ образомъ, мы видимъ, что русскіе въ Петровскую эпоху гораздо болѣе были знакомы съ

Европейскою наукою, чѣмъ съ литературой, что и объясняется стремленіемъ самого Петра пріобрѣсти знанія, нужныя для его времени; и въ оригинальной литературѣ повторилось то же, что и въ переводной: русскіе ученые выше русскихъ поэтовъ. Въ XУIII вѣкѣ мы можемъ указать на Ломоносова, какъ на такого ученаго, котораго смѣло можно поставить на ряду съ европейскими учеными, но не можемъ назвать ни одного имени, которое можно бы поставить на ряду съ западными поэтами. Усвоеніе европейской образованности шло различными путями, о которыхъ было сказано выше. Мы уже разсмотрѣли значеніе этихъ путей, какъ проводниковъ западной образованности; теперь намъ осталось разсмотрѣть путешествія русскихъ людей Петровской эпохи за границу и вліяніе ихъ..

Уже въ до-Петровское время, еще съ XУI в. русскіе путешествовали за границу и добровольно, и по распоряженію правительства; таже самое замѣчается и въ Петровскую эпоху, но результаты въ эту эпоху были значительнѣе, потому что во главѣ этихъ путешествій сталъ самъ царь. Петръ 2 раза путешествовалъ за границу, въ I697 и I7I7 гг. съ образовательной цѣлью, что можно подтвердить фактами; къ этому можно прибавить то, что онъ не только хотѣлъ познакомиться съ кораблестроеніемъ, но и вообще съ европейскимъ образованіемъ. Но кромѣ того, по волѣ Петра были отправляемы и другіе; такъ въ I697 г. было собрано нѣсколько молодыхъ стольниковъ и отправлено въ Европу для усвоенія кораблестроенія. Были и такіе, которые путешествовали за границу съ дипломатическими цѣлями, другіе ѣздили по собственному желанію съ различными цѣлями. Но для

насъ любопытно то, что нѣкоторые изъ этихъ путешественниковъ оставили слѣдъ въ литературѣ, т.е. оставили записки о своихъ путешествіяхъ. Изъ такихъ путешествій мы разсмотримъ путешествія Бориса Петровича Шереметьева, Петра Андреевича Толстаго, Андрея Артамоновича Матвѣева, Петра Львовича Нарышкина, Бориса Ивановича Куракина. Прежде сдѣлаемъ упоминаніе о характеристикѣ старинныхъ путешествій по Европѣ и оравнимъ съ ними путешествія Петровской эпохи: только при такого рода сравненіи можно судить, какъ появляется новое въ этихъ путешествіяхъ, и что это такое новое?

Отъ до-Петровской эпохи мы имѣемъ собственно только одно путешествіе по Европѣ - какого то суздальца на Флорентійскій соборъ въ 1438 г. Это путешествіе приписывали прежде суздальскому священнику Симеону, но при болѣе тщательномъ изученіи этого памятника оказывается, что это записки свѣтскаго человѣка. Кромѣ того, мы имѣемъ еще замѣтки Авраамія, епископа суздальскаго, о мистеріяхъ, которыя онъ видѣлъ на западѣ; далѣе мы имѣемъ статейные списки пословъ, т.е. ихъ дипломатическіе отчеты. Эти списки собственно не относятся къ области литературы, потому что мы въ нихъ находимъ извѣстія, какъ посолъ исполнилъ порученія; но наши послы въ своихъ отчетахъ иногда дѣлали замѣтки литературнаго характера о нравахъ жителей, о зданіяхъ и т.д. Если мы будемъ присматриваться къ путешествію суздальца и къ замѣткамъ нащихъ пословъ, то мы найдемъ въ нихъ цѣлый рядъ поверхностныхъ отрывочныхъ замѣтокъ. Весь матеріалъ этихъ замѣтокъ сводится къ описанію внѣшняго вида городовъ, построекъ, статуй, потому что это прежде

всего бросалось въ глаза путешественникамъ и вызывало замѣтки, правда поверхностныя и ограничивающіяся только внѣшностью; въ этихъ замѣткахъ напрасно стали бы искать объясненій археологическихъ, художественныхъ и т.д., потому что старинные путешественники не имѣли къ этому достаточной подготовки. Напр., въ статейномъ спискѣ Якова Мальянинова, ѣздившаго въ 1582 г. посломъ къ Григорію XIII и Рудольфу II, рядомъ съ официальнымъ отчетомъ находится рядъ замѣтокъ о видѣнномъ: "а городъ Рига каменный", или о Венеціи, что "она стоитъ не на морѣ, а на заливѣ морскомъ".

Ко второй группѣ замѣтокъ относятся замѣтки о святыняхъ церковныхъ обрядахъ, монастыряхъ. Эти замѣтки отличаются подробностью, потому что въ этой сферѣ наши путешественники были болѣе подготовлены; въ этихъ замѣткахъ для насъ любопытно отсутствіе религіозной нетерпимости, напр., у Суздальца и Авраамія епископа, который съ восторгомъ разсказываетъ о мистеріяхъ.

Къ третьей группѣ относятся замѣтки о жителяхъ, отчасти о нравахъ; эти замѣтки отличаются случайностью и очень рѣдки; наши путешественники ничего не говорятъ намъ о государственномъ устройствѣ той или другой страны, о ихъ бытѣ, что объясняется отсутствіемъ подготовки у путешественниковъ. Такъ нашъ посолъ въ Испаніи, проѣзжая по ней въ 1678 г., былъ пораженъ трезвостью жителей, и вотъ онъ дѣлаетъ замѣтку объ этой чертѣ. Лихачевъ,, бывшій посолъ во Флоренціи въ 1659 г., дѣлаетъ замѣтку о комедіяхъ. Описаніе внѣшнее и поверхностное, такъ что мы не знаемъ, былъ ли это балетъ, опера-ли, или просто фокусъ, какъ можно предположить на основаніи конца описанія.

Къ четвертой группѣ замѣтокъ относятся замѣтки о природѣ; но такихъ замѣтокъ въ старинныхъ русскихъ путешествіяхъ меньше всего. У Суздальца мы встрѣчаемъ замѣтку объ Альпахъ.

Что касается изложенія, то нельзя не обратить вниманія на отсутствіе лиризма. Въ путешествіяхъ по Европѣ мы не находимъ чувства, между тѣмъ какъ въ путешествіяхъ по святымъ мѣстамъ наблюдается чаще всего эта черта. Но отсутствіе лиризма замѣчается не у однихъ только русскихъ, но и вообще у всѣхъ старинныхъ путешественниковъ; проявленіе чувства въ описаніи путешествій начинается только со второй половины XVIII в. у Карамзина |въ русской литературѣ|. Въ нашемъ смыслѣ "путешествія" явленіе новое, старинныя же имѣли форму дневника.

I. Теперь перейдемъ къ путешествіямъ Петровской эпохи. Борисъ Петровичъ Шереметьевъ путешествовалъ черезъ Польшу, Австрію и Италію на островъ Мальту, съ цѣлью ознакомиться съ морскимъ дѣломъ, потому что рицари мальтійскаго ордена слыли тогда за отличныхъ моряковъ. Шереметьевъ велъ журналъ, гдѣ онъ записывалъ все то, что ему приходилось видѣть. Это путешествіе представляетъ довольно любопытное явленіе, потому что въ немъ можно наблюдать постепенный переходъ отъ старинныхъ путешествій къ новымъ. Отправляясь въ путешествіе, Шереметьевъ былъ уже пожилыхъ лѣтъ; юные же его года относятся къ допетровской эпохѣ. Путешествіе Шереметьева цѣликомъ переноситъ насъ въ допетровску эпоху: здѣсь замѣчается та же манера изложенія, которая встрѣчается въ путешествіяхъ допетровской эпохи. Здѣсь находимъ тѣ же отрывочныя и поверхностныя замѣтки о всемъ томъ, что бросалось въ глаза, не видно никакого глубокаго изу-

ченія. Такого рода внѣшнія замѣтки, безъ всякой оцѣнки, конечно, объясняются тѣмъ, что у автора не было нужнаго для этого образованія. Когда Шереметьевъ былъ въ Неаполѣ, то былъ приглашенъ въ іезуитскую коллегію на актъ; это свое посѣщеніе онъ и описалъ, но въ описаніи его мы не находимъ серьезныхъ замѣчаній: здѣсь не говорится ни о строѣ заведенія, ни о порядкахъ, ни о задачѣ, ни о программѣ; исключительное вниманіе обращено на внѣшность. Онъ говоритъ такъ: "Того же числа звали боярина іезуиты смотрѣть ихъ академію, въ которой учатъ письменнымъ всякимъ наукамъ и инымъ многимъ художествамъ. И бояринъ ѣздилъ и какъ пріѣхалъ и вошелъ въ академію, того же часа ректоръ оной академіи просилъ боярина сѣсть на особливо уготованномъ мѣстѣ для боярина, которое убрано было богато. По обѣ же стороны боярина въ особливыхъ мѣстахъ посадили братьевъ боярскихъ, и въ то время премножество было людей въ оной академіи, между которыми были знатныя особы и ихъ дѣти неаполитанскаго государства. А сидѣли они поседаль въ другомъ порядкѣ отъ боярина, по прошенію же боярскому они перешли и сидѣли въ томъ же порядкѣ по обѣ стороны боярина; потомъ вышелъ изъ другой палаты одного знатнаго боярина сынъ и, ставъ на высокомъ мѣстѣ, поздравлялъ боярина, говорилъ привѣтствія по латыни; потомъ казали, какъ бивалися прежніе богатыри копьями и саблями, убравъ 6 человѣкъ въ латы, потомъ многіе знатныхъ отцовъ дѣти билися на рапирахъ и выходили съ знаменемъ строемъ и строй указывали пѣхотный и знамя уклоняли. Потомъ поставивъ изъ дерева сдѣланную лошадь всякія волтижированія оказывали, садясь на ту лошадь и черезъ перескакивая, а на концѣ разные танцы и минуэты танцовали. Всему

этому учатъ особливые мастера, мірскіе люди, а не іезуиты; на дворѣ же ѣздили на лошадяхъ и показывали манежъ, ученіе конное, послѣ чего бояринъ простился со многими знатными господами, съ іезуитами и учителями, поѣхалъ до квартиры." Такого рода внѣшнимъ описаніемъ видѣннаго въ школѣ замѣтка Шереметьва и оканчивается. Весьма характерно его замѣчаніе о музеѣ во Флоренціи, гдѣ онъ на ряду съ живописью упоминаетъ о ружьяхъ и сѣдлахъ: "въ прочихъ палатахъ показывали премногое сокровище золота, серебра, каменьевъ дорогихъ, разныхъ шкатулъ съ каменьями, разныхъ живописныхъ картинъ, ружей и сѣделъ разныхъ государствъ; въ чемъ состояло великое богатство и чистота." И здѣсь описаніе тоже чисто внѣшнее, и не видно ни малѣйшаго пониманія художественныхъ произведеній. Далѣе въ старинныхъ путешествіяхъ, какъ напримѣръ у Суздальца, очень много мѣста посвящается описанію святынь, потому что эта сторона была болѣе знакома и болѣе интересовала нашихъ путешественниковъ. У Шереметьева находимъ то же самое. Говоря объ Италіи, онъ становится болѣе подробнымъ и описываетъ всѣ святыни, которыя онъ видѣлъ въ тамошнихъ церквахъ и монастыряхъ и здѣсь иногда у него пробивается его чувство. Такъ, онъ описываетъ, какъ папа подарилъ ему золотой крестъ съ частицею отъ древа креста честнаго Господня, и боярин, принявъ той предрагій и неоцѣненный животворящій крестъ Господень съ радостью сердцемъ и душею, во многомъ веселіи и слезахъ зѣло благодарствовалъ за толикую папина архипастырства милость." Это - единственное мѣсто, гдѣ нашъ путешественникъ говоритъ

о своемъ чувствѣ. У путествевниковъ до-Петровскаго времени встрѣчаются также иногда замѣтки о населеніи, но и въ этомъ ихъ описаніе касается только внѣшности. У Шереметьева мы тоже находимъ подобнаго рода замѣтки. Итакъ, присматриваясь къ путешествію Шереметьева, мы видимъ, что оно всецѣло примыкаетъ къ путешествіямъ до-Петровской эпохи; новизной, пожалуй, можно считать то, что въ его путешествіи сравнительно много замѣтокъ неоффиціальнаго характера и кромѣ того новизной является также и цѣль путешествія - познакомиться съ морскимъ дѣломъ въ Европѣ.

2. Путешествіе стольника Петра Андреевича Толстого |1697 - 1699 г.| замѣчательны тѣмъ, что онъ, имѣя болѣе 50 лѣтъ отъ роду и будучи женатъ, самъ вызвался ѣхать за границу для изученія морского дѣла, къ чему Петръ назначилъ молодыхъ людей. Нѣкоторые ученые говорятъ, что Толстой, отправляясь въ путешествіе, желалъ этимъ заслужить расположеніе Петра; дѣло въ томъ, что онъ въ молодости своей стоялъ на сторонѣ Софьи и, чтобы загладить свой поступокъ, онъ рѣшился отправиться за границу и тѣмъ угодить Петру. Толстой объѣхалъ Европу черезъ Польшу, Австрію, Италію и посѣтилъ также островъ Мальту. До насъ дошелъ отчетъ о его путешествіи, имѣющій характеръ дневника. Со стороны манеры изложенія путешествіе Толстого вполнѣ напоминаетъ намъ путешествія до-Петровской эпохи. У него такъ же,какъ и у всѣхъ русскихъ въ замѣткахъ того времени о Европѣ, первое мѣсто отведено то подробнымъ, то краткимъ описаніямъ внѣшности встрѣчавшихся на пути городовъ, селеній, монастырей, церквей, различныхъ построекъ, украшеній и т.д. Но въ его отчетѣ мы замѣчаемъ уже шагъ

впередъ; Толстой отличается большой наблюдательностью и болѣе интересуется всѣмъ видѣннымъ, чѣмъ интересовался Переметьевъ. Такъ, рядомъ съ замѣчаніями, напоминающими наши старинныя путешествія, у него встрѣчаются замѣчанія о жителяхъ видѣнныхъ имъ странъ, ихъ нравахъ и обычаяхъ, при чемъ онъ больше всего отличаетъ тѣ изъ нихъ, которыми иностранцы отличаются отъ его соотечественниковъ. Такъ въ Варшавѣ онъ записалъ: "по городу и мѣстности ѣздятъ сенаторы и жены ихъ и дочери, дѣвицы въ богатыхъ уборахъ и въ зазоръ себѣ того не ставятъ....Въ лавкахъ со всякими товарами сѣдятъ мѣщане, богатые люди сами и жены ихъ и дочери дѣвицы въ богатыхъ уборахъ и въ зазоръ себѣ того не ставятъ". Въ Варшавѣ именно онъ былъ пораженъ чрезвычайной роскошью, господствовавшей тамъ, а также его вниманіе обратило положеніе женщины въ Европѣ, именно въ Польшѣ, которое несогласно было съ положеніемъ женщины въ Руси. Объ этомъ же самомъ положеніи женщины онъ говоритъ при описаніи Венеціи; онъ представляетъ намъ очень подробную картину быта Венеціанъ: "Венеціане люди умные, политичные и ученыхъ людей зѣло много; однако-же нравы имѣютъ видомъ не ласковые, а къ пріѣзжимъ зѣло пріемные, между собою не любятъ веселиться и въ домы другъ къ другу на обѣды и на вечера не съѣзжаются, и народъ самый трезвый: никакого человѣка нигдѣ отнюдь пьянаго не увидишь. Народъ женскій въ Венеціи зѣло благообразенъ, и строенъ, и политиченъ, тонокъ и во всемъ изряденъ; а къ ручному дѣлу не очень охочъ, больше заживаютъ въ прохладахъ, всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ, яко ко грѣху тѣлес-

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЗЕРТЕЛЕВЪ Г. С.

ному зѣло слабы. Во время карнавала всѣ въ машкарахъ, мужчины и жены и дѣвицы и гуляютъ всѣ невозбранно, кто гдѣ хочетъ и никто никого не знаетъ. И такъ всегда въ Венеціи увеселяются и никогда не хотятъ быть безъ увеселенія, въ которыхъ своихъ веселостяхъ и грѣшатъ много. И когда сойдутся въ машкарадъ на площадь къ соборному костелу св. Марка, тогда многія дѣвицы берутъ за руки иноземцевъ пріѣзжихъ съ ними и забавляются безъ стыда. Также въ то время по многимъ мѣстамъ на площадяхъ бываетъ музыка и танцуютъ по итальянски, а танцы итальянскіе не зѣло стройны: станутъ одинъ противъ другого вокругъ, а за руки не берутъ другъ друга. Также многіе забавляются, травятъ меделянскими собаками великихъ быковъ и иныя всякія потѣхи чинятъ, и по морю ѣздятъ въ гондолахъ и баркахъ съ музыкой, и всегда веселятся и ни въ чемъ другъ друга не зазираютъ и ни отъ кого ни въ чемъ никакого страха никто не имѣетъ, всякій дѣлаетъ все, что кто хочетъ; та вольность въ Венеціи и всегда бываетъ. И живутъ венеціане всегда во всякомъ покоѣ, безъ страху и безъ обиды и безъ тягостныхъ податей." Очевидно, что Венеція произвела сильное впечатлѣніе на нашего путешественника, но онъ описываетъ жизнь венеціанцевъ со своей точки зрѣнія; по его описанію, Венеція - это царство вѣчной веселости. Вотъ здѣсь также предоставляется намъ примѣръ внѣшнихъ замѣтокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть шагъ и впередъ, потому что проявляется большая наблюдательность Толстого. Подобныя же замѣтки Толстой дѣлаетъ и о неаполитанцахъ: "мужчины, говоритъ онъ, ласковы и привѣтливы къ иностранцамъ, но женщины и дѣвицы имѣютъ нравы зазорные |т.е. стыдливые| и скрываются подобно обычаю

Московскому; всѣ знатные никогда пѣшкомъ не ходятъ, а ѣздятъ въ сопровожденіи множества пѣшихъ слугъ, какъ и въ Москвѣ." Далѣе, у Толстого встрѣчается также описаніе природы; такъ, напр. онъ описываетъ ущелья Альпійскихъ горъ. Тутъ онъ говоритъ о томъ страхѣ, который внушили ему эти ущелья и горы. Слѣд. здѣсь черта новая: авторъ говоритъ здѣсь о своихъ собственныхъ чувствахъ.

Итакъ, если сравнить путешествіе Шереметьева съ путешествіемъ Толстого, то все-таки видимъ, что Толстой ушелъ немного впередъ отъ своего предшественника; онъ описываетъ намъ подробнѣе нравы жителей, города, обладаетъ большей наблюдательностью и самъ, видимо, очень интересуется европейскимъ бытомъ и высказываетъ иногда и свои чувства.

3. Путешествіе графа Андрея Артамоновича Матвѣева.

Путешествія Шереметьева и Толстого близко примыкаютъ къ путешествіямъ предшествующей эпохи. Совершенно инымъ характеромъ отличается путешествіе Матвѣева |род. 1667 г., умеръ 1728 г.|, который выросъ при исключительныхъ условіяхъ. Правда, онъ родился въ древней Руси, но получилъ особое по тому времени воспитаніе. Отецъ его, Артамонъ Сергѣевичъ, на ряду съ Ртищевымъ и Морозовымъ, былъ однимъ изъ немногихъ людей царствованія Алексѣя Михайловича, открыто сочувствовавшихъ западной образованности. Любознательный отъ природы, онъ охотно вступалъ въ разговоры съ иностранцами объ ихъ обычаяхъ и жизни, и видѣлъ что многому бы слѣдовало у нихъ поучиться. Встрѣчая сочувствіе къ иноземному въ самомъ царѣ, Матвѣевъ не боялся и въ жизни своей слѣдовать иностраннымъ обычаямъ. Такъ онъ украсилъ комнаты въ своемъ домѣ на европейскій ладъ картинами, зеркалами, и пр. Сына училъ иностраннымъ

зыкамъ и словеснымъ наукамъ. Любимымъ развлеченіемъ Матвѣева было чтеніе книгъ. Онъ такие одинъ изъ первыхъ ослабилъ у насъ строгость затворничества женщинъ; именно, онъ устроилъ вечера, на которыхъ являлись открыто женщины. Здѣсь бывалъ и царь Алексѣй Михайловичъ и здѣсь же онъ познакомился и съ Натальей Нарышкиной, которая впослѣдствіи была царицей.

Матвѣевъ же принималъ горячее участіе въ образованіи перваго на Руси театра. Обратимся теперь къ сыну Артамона Сергѣевича. Андрей Артамоновичъ, имѣя такого образованнаго отца, получилъ блестящее по тому времени образованіе. Съ 1697 г. онъ въ продолженіе 16 лѣтъ былъ посломъ при разныхъ европейскихъ дворахъ. Въ 1705 г. ему поручено было отправиться въ Парижъ для заключенія торговаго договора съ Франціей. О своемъ путешествіи онъ такъ же, какъ Шереметьевъ и Толстой, оставилъ намъ отчетъ который носитъ названіе "Статейнаго списка" и по этому названію примыкаетъ къ древнимъ путешествіямъ. Описаніе путешествія Матвѣева, какъ и всѣ старинные статейные списки, начинается объясненіемъ причинъ поѣздки и извѣстіемъ о составѣ посольской свиты. Въ немъ дается много мѣста извѣстіямъ оффиціальнаго характера. Такъ, онъ разсказываетъ о встрѣчахъ и пріемахъ, оказанныхъ ему во время путешествія, о своихъ представленіяхъ ко двору. Но рядомъ съ этими оффиціальными извѣстіями у него встрѣчаются замѣтки и неоффиціальнаго характера. Такъ, онъ разсказываетъ о замѣчательныхъ церквахъ, монастырях и библіотекахъ, которыя ему удалось посѣтить въ разныхъ мѣстахъ. Путешествіе Матвѣева заключаетъ въ себѣ очень много новаго, сравнительно съ прежними путешествіями; такъ

мы находимъ одиѣ только внѣшнія замѣтки, здѣсь же часто встрѣчаются замѣтки о значеніи извѣстнаго памятника и его исторіи. Такъ, при описаніи библіотекъ, монастырей, онъ присоединяетъ замѣчанія историческія, археологическія и т.п. Встрѣчаемъ въ его отчетѣ описаніе нравовъ и обычаевъ которые обратили на себя его вниманіе, но эти замѣчанія отличаются уже болѣе глубокимъ изслѣдованіемъ. Онъ самъ, будучи образованнымъ человѣкомъ и знакомымъ къ тому же съ европейской жизнью, конечно, могъ уже написать свое путешествіе болѣе обстоятельно. Такъ, онъ въ своемъ спискѣ очень подробно говоритъ объ Антверпенѣ, о зданіяхъ, въ немъ находящихся, о населеніи, административномъ устройствѣ, описываетъ библіотеку, которую видѣлъ. "Въ городѣ Преблагословенныя Маріи Святыя Богородицы, говоритъ онъ при описаніи Антверпена, кляшторъ или монастырь великій; внутри весь различными мраморами архитектурами съ обѣихъ сторонъ по премногу украшенъ. На верху хоры съ балясами мраморными, которыя изъ Италіи изъ г. Геневы нарочно привезены туда. Письмо живописи все въ церквахъ подъ алтарями и на потолкахъ самая преславная древняго вѣку живописи, а особливо же хваленыхъ вѣку того Рубенса, Ванъ-Дейка." Вотъ здѣсь то встрѣчается уже новизна; Матвѣевъ вставляетъ здѣсь замѣтки о живописи и называетъ даже живописцевъ, чего въ прежнихъ путешествіяхъ мы не встрѣчаемъ. Далѣе идетъ описаніе библіотеки: "въ томъ кляштерѣ 40 особъ регулы или устава іезуицкаго, которые посла въ двѣ библіотеки водили: въ одну генеральную, въ 4 камерахъ, гдѣ находятся многія тысячи книгъ разныхъ языковъ, съ раздѣленіемъ - въ одной книгѣ восточныхъ и западныхъ св. отцовъ, въ другой историческихъ всѣхъ авто-

ровъ латинскихъ, въ 3 - богословія, 4-ой камерѣ всякихъ языковъ книги различныя, всѣ съ надписаніемъ ясными и съ нумерами на всякой изъ тѣхъ книгъ." Въ Гентѣ Матвѣевъ посѣщаетъ городскую ратушу, видитъ "на большомъ рынку, который называется новый торгъ" статую Карла У и сообщаетъ о немъ біографическія свѣдѣнія: "тотъ цесарь, говоритъ онъ, родился, по описанію достовѣрныхъ историковъ, въ семъ же городѣ и крещенъ въ кафедральной или соборной великой церкви въ 1500 г., февраля 25 дня. Онъ родился на приневомъ гофѣ въ малой самой камерѣ, которая доннѣ невредима стоитъ, украшенная изрядными рѣчьми всѣхъ въ его цесарскую жизнь славныхъ большихъ побѣдъ и дѣлъ." Особенное вниманіе Матвѣевъ обращаетъ на Парижъ. Онъ сообщаетъ объ этомъ городѣ очень много свѣдѣній. Приводитъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о Парижѣ, а затѣмъ подробно описываетъ бытъ тогдашняго общества. Онъ помѣстилъ въ своемъ отчетѣ цѣлую главу о шляхетствѣ, гдѣ онъ описываетъ пышность жизни парижскаго общества, говоритъ о пирахъ и приводитъ здѣсь замѣтку, что сжигается очень много восковыхъ свѣчей. Далѣе его поражаетъ также, что въ Парижѣ общество съѣзжается на вечера и здѣсь вообще не руководятся "мѣстомъ", а всѣ вмѣстѣ веселятся. Но самое главное вниманіе Матвѣевъ обращаетъ на образованіе дворянскихъ дѣтей во Франціи: "Всей Франціи высшихъ фамилій дѣти, говоритъ онъ, отъ самыхъ юностныхъ ногтей имѣютъ воспитаніе зѣло изрядное, поученіе въ разныхъ языкахъ и во всѣхъ свободныхъ наукахъ, особливо же въ математикѣ, географіи, геометріи, ариѳметикѣ, въ воинскихъ обученіяхъ и конской ѣздѣ; на это имѣютъ учрежденныя въ Парижѣ великія академіи, и потомъ въ тан-

цахъ, и пѣніи и разныхъ языкахъ. Особливо же женскій полъ высокородныхъ фамилій кардотвомъ голосовъ и игрою музыкъ на всѣхъ ручныхъ инструментахъ и открытостью любительныхъ и добронравныхъ поступокъ, особливо же съ иностранцами, превосходитъ всѣ европескіе народы." Характеристична при этомъ случаѣ замѣтка, что дѣти "никакой косности, ни ожесточенія отъ своихъ родителей, ни отъ учителей не имѣютъ, но отъ добраго и строгаго наказанія словеснаго паче нежели отъ побоевъ, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются и безъ всякой трудности внешеобъявленнымъ своимъ обучаются наукамъ." Здѣсь мы видимъ сужденія человѣка не поверхностнаго, но понимающаго то общество, среди котораго онъ находится. Графа Матвѣева изумляло также, что женщины во Франціи имѣютъ большое значеніе, ему нравилось обхожденіе ихъ съ мужчинами, предупредительность "со всякимъ сладкимъ и человѣколюбнымъ пріемствомъ."

4. Путешествіе Бориса Ивановича Куракина.

Изъ всѣхъ путешествій Петровскаго времени особенно посчастливилось этому путешествію; оно было издано нѣсколько разъ, такъ въ 1788 г. оно было напечатано подъ заглавіемъ "Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина россійскаго посольства въ 1697 - 98 гг." Потомъ, тѣ же замѣтки, но уже съ пропусками, помѣщены въ "Московскомъ Вѣстникѣ" Погодина за 1830 г. ч.6 и въ "Отечественныхъ Запискахъ" 1846 г. № 8. Недавно это путешествіе онова напечатано въ "Русской Старинѣ" 1879 г. за май мѣсяцъ. Это объясняется недоумѣніемъ: думали, что эти замѣтки составлены самимъ Петромъ. Такъ думали на основаніи того, что авторъ

его, выѣхавъ изъ Нарвы моремъ на Любекъ, достигъ Амстердама и находился тамъ именно въ то время, когда въ городѣ находилось русское посольство и самъ царь. Но это оказывается неоправедливымъ, такъ какъ Петръ Великій никогда не ѣздилъ въ Амстердамъ моремъ и не былъ въ Италіи. Думаютъ, что это путешествіе составилъ Куракинъ. По своему содержанію - это рядъ отрывочныхъ замѣтокъ относительно всего, что казалось автору диковиннымъ. Этотъ чертомъ путешествіе Куракина примыкаетъ къ старинным путешествіямъ. Но есть въ немъ и нѣчто новое: кругъ любознательности его шире въ сравненіи съ старинными путешествіями; любознательность, правда, наивная, разбрасывающаяся, но тѣмъ не менѣе замѣчательная. Подрядъ и совершенно одинаковымъ тономъ отмѣчены предметы, дѣйствительно заслуживающіе вниманія, а вслѣдъ затѣмъ и то, что вовсе не стоило вниманія. Рядомъ съ разсказомъ о видѣнныхъ памятникахъ искусства встрѣчаемъ у него разсказы и о фокусникахъ, о собраніи ученыхъ, о веселыхъ пріютахъ. Въ Роттердамѣ онъ былъ въ обществѣ, "гдѣ собираются дважды на недѣлю ученые люди и диспутируютъ промежду собою о разныхъ вещахъ богословскихъ и философскихъ". Во флоренціи видѣлъ лошадь, которая по его словамъ имѣла гриву II саженъ длины и которую онъ мѣрялъ самъ. Чтобы судить, какая путаница была въ его замѣчаніяхъ, представимъ перечень предметовъ, упоминаемыхъ имъ при описаніи одного только Амстердама, а именно: иллюминація, зажигательное стекло, еврейская школа, собраніе квакеровъ, зоологическій садъ, воспитательный домъ, гостинница, домъ умалишенныхъ, казнь преступниковъ, нумизматическій кабинетъ, обрѣзаніе у евреевъ,

хамелеонъ, морскіе маневры, бой быковъ, ресторанъ съ нашими служанками и т.п. Видно, что любознательность автора этого путешествія была велика; въ немъ виденъ человѣкъ новаго времени, но не получившій еще серьезнаго образованія. Однимъ словомъ, въ немъ сказывается черта переходнаго времени, путаница, если можно такъ сказать, стараго съ новымъ.

5. Путешествіе Ивана Львовича Нарышкина |1714-1717|.

Это путешествіе дошло до насъ безъ означенія имени автора. Догадываются, что оно принадлежитъ И.Л.Нарышкину, который вмѣстѣ съ своимъ братомъ Александромъ долго путешествовалъ по Европѣ. Онъ посѣтилъ Германію, Голландію, Францію и Италію. По формѣ своей его путешествіе скорѣе записная книжка. Въ ней мы встрѣчаемъ совершенно новое явленіе: вся книжка наполнена разсказами объ увеселеніяхъ, балахъ, визитахъ, театрахъ. Авторъ его - человѣкъ новаго покроя: это типъ молодого человѣка, который былъ осмѣянъ Кантемиромъ въ лицѣ Медора. Всѣ замѣтки его въ родѣ слѣдующихъ: "Въ Генуѣ 21-го февраля, пошли мы на балъ къ князю Doris и были тамъ до часа послѣ полуночи, гдѣ братекъ танцовалъ, а я не танцовалъ, затѣмъ, что братцу не угодно было. 22-го, во вторникъ, въ вечеру, въ 7 часовъ пошли мы съ Василіемъ Михайловичемъ на балъ, который сдѣлали нѣкоторые молодые люди и были тамъ до 12 часовъ, и пошли мы и всѣ, которые были на балѣ, ужинать, а послѣ ужина пошли мы на другой балъ, который дѣлали 40 дамъ и бывши тамъ съ часъ пошли опять на прежній балъ. Часовъ въ 5 послѣ полуночи всѣ разошлись, и мы также пошли - конецъ карнавалу.

Если обращать вниманіе на то, какими путями Россія

знакомилась съ Европой, то мы увидимъ, что Россія петровской эпохи тѣсно примыкаетъ къ древней Россіи, какъ со стороны путешествій, такъ и относительно переводовъ.

Теперь перейдемъ къ разбору памятниковъ петровской эпохи. Мы будемъ и тутъ также держаться прежняго порядка изложенія, т.е. сначала разсмотримъ памятники поэтическіе, а потомъ прозаическіе, хотя мы и могли бы отступить отъ установленнаго нами порядка, такъ какъ поэтическіе памятники этой эпохи очень незначительны, между тѣмъ какъ въ отдѣлѣ прозы мы находимъ замѣчательныя произведенія. Всѣ поэтическіе памятники петровской эпохи дѣлятся на 3 группы:

а| памятники школьной поэзіи,

б| русскія повѣсти и

в| драма на русскомъ языкѣ, въ связи съ появленіемъ постояннаго театра.

Говоря о памятникахъ школьной поэзіи, намъ необходимо остановиться сначала на опредѣленіи школьной поэзіи.

Подъ школьной поэзіей мы разумѣемъ стихотворенія, которыя были примѣненіемъ на дѣлѣ привычекъ и правилъ, преподававшихся въ школѣ. Припомнимъ, что за программа въ нашихъ старинныхъ школахъ. Въ числѣ предметовъ для преподаванія въ нихъ находилась также и піитика. Тогда думали, что можно искуственно сдѣлать, если не поэта, то по крайней мѣрѣ, стихотворца; и нужно замѣтить, что послѣдняго они и достигали, благодаря піитикѣ. Поэтому мы должны познакомиться съ теоріей школьной поэзіи.

До насъ дошло много учебниковъ XVII вѣка съ отрам-

ными заглавіями, какъ будто авторъ самимъ заглавіемъ хотѣлъ указать, что это - наука изящная. Такъ напр. одна піитика носила названіе „fons Castalii" другая „Hortus poetici" нѣкоторыя имѣютъ еще болѣе длинныя и замысловатыя заглавія. Знакомясь съ теоріей поэзіи, мы видимъ, что эта теорія и есть псевдоклассическая, составленная на основаніи образцовъ греческой и римской литературы. Ломоносовъ и Тредьяковскій составили теорію поэзіи, но если ближе присмотрѣться къ ихъ теоріи, то увидимъ, что она близко подходитъ къ теоріи древнихъ піитикъ. Въ этихъ послѣднихъ основаніемъ для теоріи поэзіи служитъ воззрѣніе Аристотеля: "поэзія есть подражаніе природѣ". Это положеніе понимали не въ смыслѣ реализма, но такъ, что поэтъ можетъ творить такъ же свои произведенія, какъ и природа: поэтъ вовсе не связанъ необходимостью держаться того, что наблюдается въ дѣйствительности, онъ, напротивъ, можетъ выбрать изъ наблюдаемаго только то, что сообразно съ цѣлями его. Такъ въ піитикѣ Феофана Прокоповича сказано: "поэтъ долженъ единственно стараться о томъ, чтобы въ извѣстныхъ и замѣчательныхъ личностяхъ указывать общія добродѣтели, или пороки, напр., что начальники благоразумно управляютъ государствомъ, начертываютъ законы, судятъ и проч.; эти добродѣтели суть общія п.ч. идутъ всякому начальнику; но есть и частныя, какъ напр., если начальникъ рисуетъ, играетъ на арфѣ - это не идетъ ему, какъ начальнику, это можетъ идти какъ частному лицу. Но поэтъ, пренебрегши тѣмъ, что противорѣчитъ авторитету начальника, наблюдаетъ въ извѣстномъ героѣ только начальническія дѣйствія, т.е. пишетъ не о томъ, что сдѣлано, а о томъ, что можетъ быть сдѣлано.

Если онъ желаетъ воспѣть храбраго полководца, то онъ не долженъ курьезно разсказывать о томъ, какимъ образомъ каждый храбрый полководецъ долженъ вести воины и этотъ типъ приписывать своему герою". Такое изображеніе героя обусловливается самой цѣлью поэзіи, которая была чисто нравоучительнаго характера. "Поэтъ, говорится въ піитикѣ, имѣетъ въ виду не передавать, подобно историку, памяти потомства дѣянія, но учитъ людей тому, какими они должны быть въ томъ или другомъ родѣ жизни и въ дѣяніяхъ героя, какъ бы въ зеркалѣ показывать примѣръ, выставляя и предлагая его другимъ."

Теперь мы обратимся къ изложенію и формѣ образцовъ школьной поэзіи.

Если мы обратимся къ изложенію, то увидимъ, что здѣсь было желаніе подражать древнимъ; на первый планъ выступала миѳологія, о научномъ пониманіи которой не было и рѣчи, а ее понимали какъ подспорье къ поэзіи, складъ красивыхъ фразъ, при чемъ давались правила, въ какихъ случаяхъ и какимъ миѳолог. сюжетомъ пользоваться.

Если мы отъ внутреннихъ началъ обратимся къ изложенію и формѣ, то здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе та важность, которая приписывалась миѳологіи. Миѳологія понималась какъ *subsidium poeseos*, какъ наборъ красивыхъ фразъ, и школьные піиты щедро употребляли миѳологію, что производитъ странное впечатлѣніе: въ стихотвореніяхъ съ христіанскимъ содержаніемъ встрѣчается Зевсъ, Венера и др. Затѣмъ, что касается стиха, то въ школьной поэзіи мы находимъ двойственность; такъ, нѣкоторые піиты выражаются такъ: надобно знать, что стихъ польскій не требуетъ другого метра, какъ латинскій.

Возникаетъ недоразумѣніе, какъ понимать выраженіе: "не можетъ требовать другихъ правилъ, какъ латинскій". Это объясняется тѣмъ, что старинные пііты обращали вниманіе не на краткость и долготу слоговъ, а на требованія поэтическаго повышенія и пониженія голоса. А если это допустить, то, конечно, можно составить русскіе стихи подобно латинскимъ. До насъ дошли дѣйствительно стихи латинскіе и русскіе, написанные однимъ и тѣмъ же размѣромъ. И теперь мы еще говоримъ, что Гнѣдичъ перевелъ на русскій языкъ Иліаду, якобы гекзаметромъ, но только якобы, п.ч. въ сущности стихи то тоническіе. Этимъ объясняется недоразумѣніе, господствующее въ нынѣшнихъ теоріяхъ словесности, тамъ еще находимъ указаніе на существованіе у насъ въ стихахъ короткихъ и долгихъ слоговъ, при чемъ говорится, что долгій тотъ, на которомъ стоитъ удареніе. Такимъ образомъ у насъ появляется тоническое стихосложеніе впервые подъ чужимъ именемъ. Тредьяковскій и Ломоносовъ, хотя и считаются установителями тоническаго стихосложенія, но въ сущности они ничего новаго не ввели, потому что у насъ и прежде писали тоническимъ размѣромъ, но только подъ названіемъ метрическаго. Далѣе въ школахъ, какъ мы сказали, господствовала двойственность: можно было съ одной стороны слѣдовать классическому метру, съ другой стороны позднѣе появляется размѣръ силлабическій. Этотъ размѣръ перешелъ изъ Польши и съ теченіемъ времени началъ преобладать въ нашей школьной поэзіи.

Перейдемъ теперь къ самимъ памятникамъ школьной поэзіи, дошедшимъ до насъ. Разсмотримъ эти произведенія въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала просмотримъ эпосъ, затѣмъ

драму и лирику. Относительно школьнаго эпоса нѣкоторые изслѣдователи говорятъ, что эта область была оставлена въ пренебреженіи. Дѣйствительно, эпическихъ произведеній школьной поэзіи до насъ дошло мало, но все-таки нельзя сказать, чтобы ихъ вовсе не было. Если мы развернемъ сборникъ южно-русскихъ историческихъ пѣсенъ Антоновича, то здѣсь найдемъ такія пѣсни, которыя несомнѣнно имѣютъ школьное происхожденіе, это именно нѣкоторыя историческія пѣсни. Затѣмъ найдена была одна пѣсня въ старинныхъ рукописяхъ, изображающая несчастную битву Хмѣльницкаго при Берестечкѣ; она носитъ заглавіе "Дума". Эта пѣсня предоставляетъ подражаніе народнымъ пѣснямъ, но она безъ сомнѣнія не народная, а составлена школьными стихотворцами, потому что въ ней встрѣчаются книжныя выраженія. Имена авторовъ этихъ пѣсенъ неизвестны. Что касается лирики, то это отдѣлъ самый обильный. Всѣ лирическія произведенія можно раздѣлить на двѣ группы. Въ первой - стихотворенія религіозно-нравственнаго содержанія |что понятно, такъ какъ школьные піиты получали образованіе подъ церковнымъ вліяніемъ|. Эти стихотворенія состоятъ въ подражаніи молитвамъ и переложеніи ихъ. Затѣмъ подражали также и переводили западныя духовныя стихотворенія, написанныя по латыни. Относительно этого отдѣла нужно замѣтить, что эти стихотворенія клались на ноты и назначались для пѣнія и носили названіе кантовъ. Нельзя не обратить вниманіе на то, что эти канты переходили въ народъ и находили широкое распространеніе и популярность. |Такъ у Безсонова, въ его сборникѣ духовныхъ стихотвореній, мы часто находимъ стихотворенія, записанныя со словъ народа|. Второй отдѣлъ лирическихъ произведеній состав-

ляютъ оды, привѣтственныя стихотворенія, представленныя разнымъ лицамъ и панегирическія произведенія. Старинные піиты различали оды привѣтственныя, праздничныя, родильныя, именинныя, застольныя и т.п. До насъ дошло много такихъ стихотвореній, написанныхъ на разные случаи въ жизни знатныхъ лицъ. Къ этому отдѣлу относятся такъ называемыя посвященія и стихи на книгахъ. Если взглянуть на старинныя книги, то едва ли можно найти книгу, въ которой не встрѣчались бы стихи посвятительные. Сюда же слѣдуетъ отнести стихи на гербъ,- это символическое толкованіе герба знатнаго лица. Нечего говорить о тѣхъ причинахъ, которыя заставляли нашихъ піитовъ "рокотать славу современникамъ"; причины эти - снискать расположеніе знатнаго лица. Эти стихотворенія чужды истиннаго чувства и представляютъ собой только наборъ трескучихъ фразъ. Третій отдѣлъ предоставляютъ школьныя драмы. Этотъ отдѣлъ произведеній охотно обрабатывался школьными піитами; подробнѣе о немъ мы скажемъ позже. Что касается именъ авторовъ школьной поэзіи, то до насъ дошли большею частью безымянныя произведенія, но мы имѣемъ также имена нѣкоторыхъ лицъ, занимавшихся поэзіей въ XVII ст. Назовемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: Кириллъ Транквилліонъ; онъ былъ сначала учителемъ въ школѣ Львовскаго братства, затѣмъ архимандритомъ въ Черниговѣ. Онъ оставилъ нѣсколько трудовъ богословскаго и учительскаго характера, напр, "Зерцало Богословія"; затѣмъ оставилъ еще сборникъ произведеній стихотворныхъ -"Перло драгоцѣнное". Намъ представляется нѣсколько страннымъ такое названіе его стихотвореній. Но это названіе разрѣшается самимъ авторомъ; онъ говоритъ, что назвалъ ее такъ потому, что люди опуска-

ются въ море, чтобы найти перло, такъ и онъ нырялъ въ книги, почерпая изъ нихъ мудрость. Онъ выражаетъ желаніе, чтобы его стихотворенія проникли въ народъ и прибавляетъ, что "лѣпше есть спѣвати духовныя пѣсни, чѣмъ свѣтскія, срамотныя, бѣсовскія." Онъ, конечно, какъ лицо духовное, не любитъ стиховъ свѣтскихъ; однако едва ли онъ достигъ своего желанія, такъ какъ его стихи плохи и предотавляютъ собой только воззванія къ Богу и святымъ; темы ихъ нравоучительныя.

Рядомъ съ нимъ надо поставить и другого писателя, Лазаря Барановича; онъ былъ ректоромъ Кіевской коллегіи, потомъ архіепископомъ Черниговскимъ. Онъ славился, какъ проповѣдникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ и стихи. Онъ послѣ себя оставилъ -"Плачъ на смерть Алексѣя Михайловича" и "Привѣтствія царю Ѳеодору Алексѣевичу."

Въ XVII в. кіевскіе ученые начинаютъ переселяться въ Москву, переносятъ сюда юго-западную образованность, основываютъ школы и находятъ себѣ много учениковъ. Такъ, что было сказано нами о кіевскихъ школахъ и поэзіи, то же самое намъ можно примѣнить и къ Москвѣ. Кіевскіе ученые, переселившіеся въ Москву, предавшись здѣсь педагогической дѣятельности и стихотворству, находятъ себѣ подражателей среди людей московскаго происхожденія. Въ числѣ лицъ, перешедшихъ изъ Кіева, нужно упомянуть Симеона Полоцкаго; это былъ человѣкъ, усвоившій себѣ всѣ особенности школьнаго образованія; былъ онъ замѣчательнымъ проповѣдникомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ питалъ большую страсть къ стихотворству, хотя и не отличался особенными поэтическими дарованіями. Онъ обладалъ нѣкоторой ловкостью въ составленіи стиховъ, но всѣ его стихи лишены всякаго чув-

ства. Отъ него дошли до насъ слѣдующія сочиненія въ стихахъ: I| Риѳмологіонъ, сборникъ стиховъ, 2| Вертоградъ многоцвѣтный |1678|, 3| Псалтирь, изложенная стихами, 4| Святцы въ стихахъ. Риѳмологіонъ - это сборникъ стиховъ написанныхъ С.П. по поводу торжественныхъ случаевъ; это стихи привѣтственные: такъ, есть стихи, написанные по поводу переселенія Алексѣя Михайловича въ Коломенскій дворецъ. Затѣмъ можно указать еще на стихотвореніе "О смерти царя Алексѣя Михайловича". Оно любопытно по своей судьбѣ; изложено въ діалогической формѣ. Въ началѣ помѣщается плачъ царя, затѣмъ слѣдуетъ длинный рядъ наставленій, обращенныхъ къ дѣтямъ и боярамъ. Современники не поняли, что это стихотвореніе имѣло риторическую основу, но думали, что въ немъ излагается дѣйствительный фактъ. Поэтому оно потомъ было пересказано прозой въ формѣ повѣствованія и нѣсколько разъ издавалось. Появленіе псалтири С.Полоцкаго, изложенной въ стихахъ, обусловливается потребностями времени. По свидѣтельству его во всѣхъ странахъ Малой, Бѣлой, Великой Руси, особенно въ Москвѣ, полюбили сладкое и согласное пѣніе польскаго стихотворнаго перевода псалмовъ, хотя мало понимали, или же вовсе не понимали содержанія, а только услаждались метромъ или мелодіей. Этотъ переводъ принадлежитъ Яну Кохановскому, польскому писателю XУI вѣка |1578 г.|. Чтобы дать русскимъ читателямъ, разумѣть смыслъ того, что поетоя Полоцкій и перевелъ псалтирь на церковно-славянскій языкъ силлабическими стихами. Далѣе Симеону Полоцкому принадлежитъ Мѣсяцесловъ въ стихахъ,

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

это краткія похвалы святымъ.

"Вертоградъ Многоцвѣтный" - это сборникъ небольшихъ нравоучительныхъ произведеній. Нужно замѣтить, что въ этотъ сборникъ вошли произведенія, заимствованныя изъ разныхъ источниковъ, какъ говоритъ и самъ Сим.Полоцкій. Такъ напр. "Мысль Злая" заимствована изъ басни "Отогрѣтая змѣя", произведеніе "Образъ" заимствовано изъ области историческихъ преданій, именно изъ преданій о французскомъ королѣ Франсуа I, который сдѣлался страстнымъ поклонникомъ итальянской цивилизаціи, познакомившись съ нею во время своего похода на Италію; произведеніе "Богоподобіе" заимствовано изъ рѣчей Демосѳена, "Магнитъ" - изъ сказаній о природѣ.

Кромѣ Симеона Полоцкаго нужно указать на Димитрія Ростовскаго, который стоялъ на поприщѣ литературной дѣятельности выше другихъ стихотворцевъ Ему принадлежатъ 8 духовныхъ стиховъ для пѣнія, пользовавшихся въ свое время громкою извѣстностью.

Еще намъ осталось сказать нѣсколько словъ о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ и Каріонѣ Истоминѣ.

Сильвестръ Медвѣдевъ извѣстенъ своимъ трудомъ "Описаніе книгъ, кто ихъ сложилъ" - этотъ трудъ заслужилъ ему имя отца русской библіографіи; онъ былъ и стихотворецъ; ему принадлежатъ "Привѣтствіе царю Ѳеодору Алекс." и "Плачъ" по поводу его смерти.

Корiонъ Истоминъ, монахъ Чудова монастыря, ученикъ Лихудовъ, бывшій корректоромъ Московскаго печатнаго двора.. Отъ него осталось не мало сочиненій богословскаго, богослужебнаго |пѣснопѣнія и молитвы| и педагогическаго характера. Въ послѣднемъ родѣ написанъ букварь, до-

вольно замысловатое произведеніе въ прозѣ и стихахъ, который предназначенъ былъ для обученія царевича Алексѣя Петровича. Другимъ педагогическимъ трудомъ Коріона была "Малая грамматика", тоже посвященная Алексѣю Петровичу; въ ней изложена орѳографія, научающая "естеству письменъ, ударенію гласа и препинанію словесъ" и изображены весьма затѣйливо киноварью всѣ буквы славянскаго алфавита.

Въ связи съ педагогическими трудами Коріона Истомина стоитъ стихотворное его произведеніе "Домострой" |1700|. Названіемъ своимъ онъ напоминаетъ извѣстный древне-русскій памятникъ, но сходство въ этомъ только и есть; содержаніе же его совершенно иное. Между тѣмъ, какъ "Домострой" Сильвестра имѣетъ цѣлью регулировать всю жизнь человѣка, общественную, частную и семейную, предлагаетъ наставленія хозяйственныя, о воспитаніи дѣтей и проч., Домострой Коріона имѣетъ въ виду только дать наставленія молодымъ людямъ, какъ держать себя въ обществѣ, соблюдать требованія приличія. Все сочиненіе раздѣляется на 14 пунктовъ | Изд. въ Лѣт.Зап.Арх.ком. т.III|; такое сочиненіе очень характерно для своего времени. Нужно замѣтить, что Домострой не былъ единственнымъ въ то время явленіемъ этого рода. Тогда же появляются и переводятся произведенія этого рода, напр. "Юности честное зерцало" , "Приклады, како пишутся комплименты разные". Видно, что съ Петровской эпохи является уже потребность въ этихъ наставленіяхъ. Это и понятно: съ петровской эпохи начинаетъ складываться новый образъ жизни, новыя вѣянія сказываются во всемъ, даже во внѣшнихъ манерахъ. Такимъ образомъ появленіе подобныхъ руководствъ объясняется потребностями времени. Кромѣ того |1682 г.| Коріонъ

Истоминъ написалъ еще стихотвореніе въ честь царевны Софьи, въ которомъ проситъ ее быть покровительницею наукъ и искуствъ.

Переходя къ Петровской эпохѣ, мы находимъ въ ней продолженіе того же, что началось въ предшествующую эпоху; замѣчается даже страсть къ стихотворству, какъ и прежде.

Изъ южно-русскихъ стихотворцевъ замѣчателенъ Стефанъ Яворскій, который за свои стихотворенія получилъ титулъ "*poeta laureatus*". Ему принадлежатъ слѣдующія стихотворенія: "Элегія на прщаніе съ библіотекой", "Эпитафія самому себѣ", "На измѣну Мазепы". Петровъ говоритъ, что нѣкоторыя изъ стихотвореній Стефана Яворскаго нравились даже и народу.

Также заслуживаетъ вниманія и Ѳеофанъ Прокоповичъ. О немъ, какъ о проповѣдникѣ рѣчь будетъ ниже, теперь же скажемъ о немъ, какъ о стихотворцѣ. Онъ написалъ много стихотвореній въ формѣ одъ, элегій, эпиграммъ и пѣсенъ. Изъ одъ Ѳ.П. извѣстны: "На побѣду надъ Шведами при Лѣсной" и "Петръ II"; изъ элегій: "Алексѣй Божій человѣкъ", въ которой онъ подражалъ Овидію |*Tristia*|; изъ эпиграммъ "Кантеміру", "На короля польскаго Лещинскаго"; изъ пѣсенъ "О суетный человѣче". Эта пѣсня была положена на ноты и распѣвалась въ школѣ на Аптекарскомъ островѣ |на рѣкѣ Карповкѣ|.

Упомянемъ также о Іоаннѣ Максимовичѣ |† 1715|. Онъ былъ архіепископомъ Черниговскимъ, а впослѣдствіи митрополитомъ Тобольскимъ. Это типичный представитель школьнаго стихотворства; не имѣя поэтическаго дарованія, онъ, тѣмъ не менѣе, очень любилъ писать стихи: плодомъ его стихотворной дѣятельности были цѣлыя книги стиховъ: а| Алфа-

вить собранный, риемами сложенный" |1705|, въ которомъ насчитывается до 6000 стиховъ, б| "Богородице Дѣво" |1707| рядъ размышленій и разсказовъ о Богородицѣ, составленныхъ на тему извѣстной молитвы "Богородице Дѣво"; здѣсь число стиховъ простирается до 24,000. Насколько былъ бездаренъ этотъ писатель, видно изъ того, что онъ подвергся насмѣшкамъ даже отъ своихъ современниковъ. Такъ, Дмитрій, митрополитъ Ростовскій, отзывался такъ объ одной его книгѣ: "книга стиховъ печатныхъ прислана мнѣ, Богъ далъ тѣмъ виршеписателямъ типографію, и охоту, и деньги, и свободное житіе; мало кому потребныя вещи на свѣтъ происходятъ". Подобнымъ же образомъ Кантемиръ замѣчаетъ въ одной изъ своихъ сатиръ:

"Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ не спѣлы,
Жестки, досадны ушамъ, и на тѣ походятъ,
Что по цѣлой азбукѣ святыхъ житія водятъ...."

Здѣсь ясный намекъ на "Алфавитъ" Максимовича.

Намъ еще остается сказать нѣсколько словъ о характерномъ южно-русскомъ стихотворцѣ Климентіѣ. Сочиненія его не изданы въ цѣломъ видѣ, но свѣдѣнія о немъ вмѣстѣ съ значительными выдержками находимъ въ статьѣ Кулиша "Климентій, украинскій стихотворецъ временъ Гетмана Мазепы" |"Основа" 1861. I кн. Русская Бесѣда 1859 г.| Климентій безспорно былъ писатель разсматриваемой нами эпохи; объ этомъ можно догадываться по тѣмъ указаніямъ на современныя событія, которыя иногда попадаются въ его стихотвореніяхъ, а также и потому, что о Варлаамѣ Яснискомъ |Кіев. митроп. 1690 - 1707 г.| онъ говоритъ, какъ о современникѣ. Климентій типъ странствующаго монаха, отчасти напоминающій собою Пушкинскаго Варлаама;

веселнй, не слишкомъ строгій моралистъ, любящій бродячую жизнь, онъ хорошо оправдалъ на себѣ извѣстную поговорку "*Cucullus non facit monachum*" и, если надѣлъ монашескую рясу, то, конечно, не изъ религіозныхъ побужденій, а скорѣе для большей свободы своихъ странствованій. Такой характеръ отразился и на его стихотвореніяхъ: одно стихотвореніе носитъ названіе "Похвала пьянству", а въ другомъ "о дѣвицахъ дѣтей рождающихъ" проводится мысль, что можно грѣшить, да только втихомолку. Впрочемъ иногда Клементій какъ бы вспоминаетъ о своемъ санѣ и пишетъ стихотворенія въ защиту духовенства; таковы его стихотворенія: "На хулящій духовный санъ |чинъ|", "О чинящихъ пакости монастырямъ". Проводя всю жизнь въ странствованіяхъ изъ одного города въ другой по Южной Россіи, Климентій, конечно, накопилъ большой запасъ наблюденій, которыя и давали содержаніе его стихотвореніямъ. Вотъ нѣкоторыя лучшія изъ нихъ: "Объ архіереяхъ," гдѣ онъ разсказываетъ о строгости этихъ лицъ къ бракамъ родственниковъ, если только они бѣдны, "О судьяхъ", "О рандаряхъ" |арендаторахъ|, "О старшинѣ" и т.п. Сильной сатиры здѣсь нѣтъ, но изображеніе тѣхъ или другихъ сторонъ общественной жизни, нравовъ не лишено юмора. Языкъ представляетъ странную смѣсь церковно-славянскихъ словъ съ южно-русскими и польскими и очень затрудняетъ пониманіе стихотвореній Климента.

Обращаясь къ Москвѣ въ Петровскую эпоху мы встрѣчаемся съ тою же страстію къ стихотворству. Такъ Ѳеоф. Прокоповичъ, переселившійся въ Москву, говоритъ о жителяхъ ея: "люди - ничего, но стихотворству преданы до тошноты." Въ Москвѣ преобладали стихотворенія изъ обла-

сти торжественной лирики. . Это объясняется тѣмъ, что въ эту эпоху политическая жизнь выдвигала на сцену такія событія, которыя производили сильное впечатлѣніе на современниковъ; такъ въ 1709 г. послѣ Полтавской побѣды ученые Московской Академіи написали стихотвореніе "Побѣдныя риѳмы и пѣсни"; далѣе въ 1721 г. на возвращеніе изъ персидскаго похода. Всѣ эти стихотворенія читались при торжественной обстановкѣ, а именно, съ Петровскаго времени были заведены уличныя празднества, устраивались арки, маскарады и т.п. Эти празднества были заимствованы съ Запада. Самъ Петръ благосклонно относился къ этимъ празднествамъ, во-первыхъ, потому, что самъ былъ охотникъ повеселиться, а во-вторыхъ, потому, что онъ зналъ, какое впечатлѣніе онѣ производятъ на воображеніе народа; этимъ онъ думалъ склонить народъ къ сочувствію къ реформамъ. Для характеристики этихъ празднествъ мы познакомимся съ празднествомъ, происходившимъ по поводу присоединенія Ингерманландіи |1705 г.|. Въ Москвѣ по этому случаю были выстроены ворота съ изображеніемъ и надписью: "Похищеніе Язономъ золотого руна",- эта картина, конечно, имѣла символическое значеніе: такъ подъ деревомъ, на которомъ висѣло руно, нужно подразумѣвать Швецію, подъ Язономъ - самого Петра, подъ убитымъ змѣемъ, который стерегъ руно,- Нарву.

Подобное же празднество происходило въ Москвѣ по случаю Полтавской побѣды |1709|. Въ Москвѣ были выстроены съ различными подписями и изображеніями; была устроена торжественная процессія, которая изъ Кремля направилась къ Академіи; когда стала приближаться эта процессія, воспитанники въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вѣнками на головахъ, съ

вѣтвями въ рукахъ и пѣніемъ стиховъ вышли на встрѣчу процессіи; когда къ нимъ приблизился царь, воспитанники сняли вѣнки и положили ихъ предъ нимъ. По этому поводу Іосифъ Туровойскій написалъ стихотвореніе: "Политиколѣпный апотеозисъ" 1709. Іосифъ Т. считался мастеромъ описаній; онъ въ своихъ описаніяхъ пользовался аллегоріями, что особенно тогда нравилось. Кромѣ "Плитиколѣпнаго апотеозиса" Іосифъ написалъ еще "Преславное торжество освободителя Ливоніи" |1703|.

Кромѣ школьной поэзіи мы имѣемъ отъ этой эпохи и стихотворенія частныхъ лицъ; такъ въ 1718 г. появились стихотворенія Михаила Валдайскаго пастушка и стихотвореніе Кременевскаго въ честь Меньшикова; на этихъ стихотвореніяхъ мы не будемъ останавливаться, потому что въ нихъ художественности и истиннаго воодушевленія нѣтъ, а господствуетъ риторика и напыщенность.

П О В Ѣ С Т И.

Особый отдѣлъ произведеній Петровской эпохи, правда немногочисленный, представляютъ повѣсти. Школьная поэзія богатая произведеніями лирическаго и драматическаго характера, была очень бѣдна эпосомъ, повѣствовательными произведеніями. Этотъ недостатокъ отчасти восполняется другимъ путемъ. Мы знаемъ, что начавшіе проникать въ нашу литературу съ XVII в. переводы рыцарскихъ романовъ вызвали появленіе самобытныхъ повѣстей, каковы, напримѣръ повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ, о Саввѣ Грудцынѣ. Тоже явленіе замѣчаемъ и въ Петровскую эпоху: рыцарскіе романы, хотя они и утратили на Западѣ свое значеніе, продолжали переводится у насъ и вызвали даже появленіе двухъ повѣстей са-

мостоятельныхъ съ тѣмъ же характеромъ: I| Гисторія о Рос сійскомъ матросѣ Василіи Каріотскомъ и о прекрасной королевѣ Флоренской земли Ираклiи" и 2| "Исторія о славномъ и храбромъ Александрѣ, кавалерѣ Россійскомъ."

Гисторія о Россійскомъ матросѣ Василіи....

Содержаніе этой повѣсти слѣдующее: у одного небогатого дворянина, Іоанна Каріотскаго былъ сынъ Василій. Отецъ, по бѣдности, долженъ былъ отдать своего сына въ службу, и тотъ былъ записанъ въ матросы. Молодой Василій начинаетъ свою службу въ Кронштадтѣ. Здѣсь онъ своею расторопностью и усердіемъ обратилъ на себя вниманіе и вмѣстѣ съ нѣсколькими другими молодыми людьми былъ отправленъ за границу для наукъ ариѳметическихъ и разныхъ языковъ. Сначала онъ въ Голландіи попадаетъ на службу къ одному купцу. Расторопностью и удачнымъ исполненіемъ порученій Василій скоро пріобрѣлъ довѣріе хозяина, который посылалъ его по дѣламъ даже въ Англію и Францію. Но какъ ни хорошо было его положеніе здѣсь, ему все хотѣлось вернуться на родину. Наконецъ, окончательно рѣшившись на это, онъ отказался отъ своей службы и, сѣвъ на корабль, отправился въ Россію. На пути застигла его буря, корабль былъ разбитъ и Василій съ трудомъ спасся на пустынный берегъ какого то острова. Онъ казался необитаемымъ; наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, Василію удалось найти человѣческое жилье: то была пещера, служившая притономъ для разбойниковъ. Разбойники приглашаютъ Василія вступить къ нимъ въ сообщество, и онъ соглашается, такъ какъ не представлялось никакого другого исхода изъ его положенія. Но, чтобы не принимать участія

въ грабежахъ, онъ объявилъ, что будетъ промышлять отдѣльно. Разбойники согласились; у Василія же была тутъ своя хитрость: у него осталось нѣсколько золотыхъ монетъ, зашитыхъ въ одеждѣ, благодаря чему они и не попали въ руки разбойниковъ. И вотъ, возвращаясь по вечерамъ изъ своихъ прогулокъ по окрестностямъ, онъ всякій разъ представлялъ товарищамъ по золотому, доставъ его раньше изъ пояса; эта постоянная удача скоро доставила нашему мнимому разбойнику уваженіе товарищей, они даже рѣшили избрать его своимъ атаманомъ. Новоизбранному атаману разбойники передали ключъ отъ одной двери съ наказомъ никогда не отворять ее. Но Василій не исполнилъ этого наказа: однажды во время отсутствія товарищей, онъ отперъ дверь и, войдя въ помѣщавшуюся за ней комнату, онъ нашелъ прекрасную дѣвушку. Красавица объявила ему, что она дочь Флорентинскаго короля и просила спасти ее. Василій рѣшился бѣжать съ ней. Долго не могъ онъ найти средства выбраться съ острова; наконецъ, одинъ рыбакъ согласился перевести его въ Цесарію, и вотъ черезъ нѣсколько времени молодые люди прибыли въ Вѣну. Въ Вѣнѣ Василій велъ очень роскошную жизнь, такъ что всѣхъ заставилъ говорить о себѣ. Цезарь, услышавъ о немъ, пожелалъ познакомиться съ нимъ и пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ. За столомъ разговорились и, когда Цезарь узналъ, что у Василія находится Ираклія, то объявилъ, что ея отецъ, съ которымъ онъ знакомъ, уже давно послалъ адмирала на поиски за своей дочерью и что за счастливое исполненіе порученія адмиралу обѣщана рука прекрасной Ираклія. Немного спустя послѣ этого самъ адмиралъ, безуспѣшно искавшій королевну, пріѣзжаетъ въ Вѣну. Здѣсь онъ узналъ, что Ираклія уже спасена другимъ и

рѣшился хитростью избавиться отъ своего счастливаго соперника. Пригласивъ молодыхъ людей къ себѣ на корабль, съ цѣлію отправленія во Флоренцію, онъ приказалъ схватить Василія и утопить. Но матросы сжалились надъ нимъ и отпустили его въ лодкѣ. Василій отправился во Флоренцію и успѣлъ прибыть туда раньше адмирала. Адмиралъ, считая Василія погибшимъ, по пріѣздѣ во Флоренцію, объявилъ себя спасителемъ Ираклія. Самъ онъ пригрозилъ Ираклію смертью если она откроетъ правду. Царь, согласно обѣщанію, отдалъ адмиралу руку своей дочери; уже назначенъ былъ день ихъ свадьбы. Дождавшись этого дня, Василій взялъ арфу и сѣлъ на пути брачнаго шествія. Когда шествіе поравнялось съ нимъ, онъ запѣлъ арію, въ которой намеками изложилъ свою судьбу. Царевна тотчасъ узнала его и съ радостью объявила отцу, кто ея дѣйствительный избавитель. Адмиралъ подвергся казни, а Василій женился на королевнѣ.

"Исторія о славномъ и храбромъ Александрѣ, кавалерѣ россійскомъ"

Эта повѣсть по содержанію сходна съ повѣстью о Василіи. Россійскій кавалеръ Александръ отправляется въ Европу для образованія. Впрочемъ объ его научныхъ занятіяхъ ничего далѣе не говорится и вся повѣсть наполнена разсказами о любовныхъ приключеніяхъ этого кавалера. Побывавъ въ Парижѣ, Александръ отправляется въ Лиль. Здѣсь онъ искусною игрою на флейтѣ успѣлъ заинтересовать свою сосѣдку, дочь пастора, Элеонору. Та посылаетъ свою служанку узнать, кто этотъ прелестный музыкантъ. Это возбудило желаніе Александра увидѣть свою сосѣдку. Увидѣвъ ее од-

нажды въ окнѣ онъ воспылалъ къ ней страстію и просилъ служанку содѣйствовать ему въ обиженіи съ Элеонорой. Онъ пишетъ ей любовное письмо, но Элеонора довольно сурово отвѣчаетъ ему на него, что повергло его въ уныніе. Но въ скоромъ времени, благодаря другу своему, устроившему вечеръ, онъ сошелся съ Элеонорой и молодые люди объяснились. Затѣмъ идетъ описаніе счасливой жизни влюбленной парочки. Но скоро Александру надоѣла Элеонора и онъ ступаетъ въ связь съ Доротеей, дочерью генерала. Тогда онъ уѣзжаетъ въ Парижъ. Здѣсь онъ встрѣтился съ своимъ соотечественникомъ, тоже молодымъ человѣкомъ, по имени Владиміромъ, между ними завязывается дружба. Александръ обращается къ Владиміру съ просьбой найти ему дѣвицу, съ которой онъ могъ бы "спознаться". Тогда Владиміръ познакомилъ Александра съ Тирой, дочерью Гофмаршала. Тира влюбилась въ него, что возбудило зависть и ревность противъ него во всей парижской молодежи. Вслѣдствіе этого Александръ рѣшился ѣхать вмѣстѣ съ Тирой и Владиміромъ на родину. На пути имъ встрѣчается множество приключеній, которыя заканчиваются смертью героя. А именно, Александръ хотѣлъ переѣхать черезъ Рѣку, но во время плаванія утонулъ. Тира въ отчаяніи умираетъ надъ тѣломъ любимаго человѣка. Въ то же время появляется Доротея, оставленная героемъ и ѣхавшая за нимъ въ Россію и также съ горя умираетъ. Такимъ образомъ Владиміру приходится хоронить вдругъ трехъ покойниковъ. На этомъ и оканчивается исторія.

Въ этихъ повѣстяхъ сказывается иноземное вліяніе. Онѣ появились подъ вліяніемъ рыцарскихъ романовъ, которые въ Россіи въ 17 и 18 вв. были очень распространены. Рыцарскіе романы отличались слѣдующими качествами: въ нихъ

особенно много мѣста отводится описанію приключеній героя, иногда даже фантастическихъ; далѣе очень много мѣста занимаютъ описанія встрѣчъ съ красавицами и любовныхъ приключеній. Въ нашихъ повѣстяхъ мы находимъ то же самое: повѣствуется о странствованіяхъ Василія, о его похожденіяхъ, о спасеніи имъ дивной красавицы царевны; далѣе о любви къ ней, чудное спасеніе отъ погибели въ волнахъ моря - все это напоминаетъ намъ пріемы рыцарскихъ романовъ. Но, говоря о рыцарскихъ романахъ, мы должны упомянуть, что предки наши очень любили эти произведенія и они получили широкое распространеніе на Руси; это объясняется тѣмъ, что вообще въ то время возникла потребность къ занимательности книгъ, но также и тѣмъ, что предки наши находили въ нихъ что-то знакомое, а именно, они напоминали имъ сказки, которыя перечитывались ими ранѣе. Дѣйствительно, въ этихъ повѣстяхъ мы находимъ также мотивы, напоминающіе сказки: такъ напр. здѣсь герой |Василій| убѣгаетъ съ острова, спасаетъ царевну; появляется коварный адмиралъ, чуть не утопившій его, все это можно найти въ нашихъ сказкахъ.

И такъ мы можемъ сказать, что самостоятельности въ этихъ повѣстяхъ очень мало: частію онѣ написаны подъ вліяніемъ рыцарскихъ романовъ, частію подъ вліяніемъ сказокъ. Но эти повѣсти интересны для насъ по ихъ историческому значенію. Кто герои этихъ повѣстей? это молодые люди, отправляющіеся за границу для полученія образованія. Въ Петровскій періодъ среди русскихъ проявился большой интересъ къ путешествіямъ молодыхъ людей за границу. Невольно возникалъ среди русскихъ людей вопросъ, куда ѣдутъ молодые люди, что они будутъ тамъ дѣлать;

особенный интересъ представляла жизнь русскихъ путешественниковъ за границей. Въ это время появляется типъ молодого человѣка, отправляющагося за границу, и онъ перешелъ также въ литературу. Но типъ этотъ выведенъ неудачно. Авторъ повѣсти очень мало знакомъ съ географіей Европы: такъ напр. онъ говоритъ, что Вѣна приморскій городъ. Далѣе, еще смутнѣе онъ представляетъ себѣ Европейскую жизнь, но въ повѣсти всетаки находимъ и правду, именно - указаніе на цѣль путешествія - полученіе образованія. Но авторъ, сказавъ въ началѣ повѣсти о таковой цѣли путешествія, ничего далѣе не говоритъ объ ученыхъ занятіяхъ героя, а преимущественно описываетъ его любовныя похожденія. Этого рода странность мы можемъ объяснить вкусами тогдашняго общества. Общество Петровскаго времени не особенно интересовалось учеными трудами, но питало особый интересъ къ описанію нравовъ и обычаевъ Зап.Европы. Если обратимся къ путешествіямъ, то мы найдемъ, что путешественники петровскаго времени именно на эту сторону жизни европейцевъ обращали особенное вниманіе. Такъ, напр., Толстой приводитъ очень подробную замѣтку о жизни Венеціанцевъ; Матвѣевъ, хотя касается и научныхъ и историческихъ свѣдѣній, однако обращаетъ вниманіе на нравы парижанъ, на ихъ образованіе, на положеніе женщины и т.д. Припомнимъ Куракина, который серьезнымъ тономъ разсказываетъ о пирушкахъ и увеселеніяхъ иностранцевъ. Слѣдовательно мы видимъ, что дѣйствительно нашихъ путешественниковъ интересовала жизнь западноевропейская. Особенно обращали они вниманіе на тѣ обычаи, которые отличались отъ обычаевъ Московскихъ; такъ Толстой описываетъ свободу женщинъ за границей, взаимныя отношенія мужчинъ и жен-

щинъ, вечера, въ которыхъ открыто являются женщины, и какъ за ними ухаживаютъ мужчины. Интересъ по отношенію къ положенію женщины находился въ связи съ реформой Петра. Петръ устраивалъ ассамблеи, гдѣ показывались открыто мужчины и женщины. Этого рода вечера должны были измѣнить взгляды русскихъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, лишь только женщины стали открыто появляться и вышли изъ своего тюремнаго заключенія, то понятія о приличіи и неприличіи должны были измѣниться. Въ это время начинаютъ ухаживать за женщинами, любовь внѣ брака, прежде считавшаяся неприличнымъ дѣломъ, теперь считается приличнымъ. Вообще петровская эпоха сбросила ту густую вуаль, которая у насъ въ старину была наброшена на отношенія мужчины и женщины. Подъ вліяніемъ перемѣны понятій и начинаютъ такъ сильно интересоваться отношеніями между мжчинами и женщинами. Русскихъ начало интересовать положеніе женщины на Западѣ, что и отразилось въ литературѣ, а именно въ повѣстяхъ петровскаго времени. Подъ этимъ же вліяніемъ начинаютъ появляться и любовныя стихотворенія; эти стихотворенія, хотя еще очень грубыя, были родоначальниками нашихъ нѣжныхъ романовъ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ.

Отъ этой эпохи мы имѣемъ два вида драмы: школьную драму и драмы, составлявшія репертуаръ нѣмецко-русскаго театра. Оба эти вида драмы находятся въ тѣсной связи съ предшествующимъ періодомъ - школьными драмами XVII в. и репертуаромъ нѣмецко-русскаго театра, основаннаго при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Бросимъ бѣглый взглядъ на исторію театра на Руси. Дра-

ма и театръ вообще имѣютъ начало отъ школьной драмы и нѣмецко-русскаго театра Алексѣя Михайловича. Но неужели до появленія школьной драмы и театра при Алексѣѣ Михайловичѣ не было зачаточныхъ явленій драмы? Бросая взглядъ на исторію драмы и театра въ Западной Европѣ, мы находимъ, что тамъ началомъ драмы были церковные обряды. На Руси, какъ и у другихъ народовъ, были зачаточныя явленія драмы, которыя, хотя и не развились органически, однако служили подготовкой для принятія драмы, развившейся подъ чуждымъ вліяніемъ, эти зачаточныя явленія имѣли то значеніе, что впослѣдствіи они вліяли на развитіе русской самостоятельной драмы.

Всѣ зачаточныя явленія можно раздѣлить на три группы: а| народныя пѣсни и игры, б| игры скомороховъ и в| церковные обряды..

Между народными пѣснями много пѣсенъ драматическаго характера |драма при этомъ понимается въ самомъ простомъ смыслѣ, именно, какъ изображеніе какого нибудь дѣйствія въ лицахъ, предполагающее, такимъ образомъ, раздѣленіе ролей и діалогическую форму|. Изъ пѣсенъ въ особенности богатыхъ драматическимъ элементомъ нужно прежде всего назвать пѣсни обрядовыя и хороводныя.

Изъ обрядовыхъ на первый планъ выступаютъ пѣсни святочныя. На святкахъ былъ обычай маскироваться, при чемъ замаскированные крестьяне исполняли нѣсколько короткихъ дѣйствій, напр. "вожакъ и медвѣдь" и др.; подобныеже обряды совершались и на маслянницѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ былъ обычай на маслянницѣ возить лодку съ ряженными людьми, которые исполняли различныя дѣйствія. На Западѣ тоже происходили маскарады на святкахъ и маслянницѣ, напр.

въ Германіи существовалъ обычай возить лодку съ ряженными людьми, которые продѣлывали различныя глупости, такъ что и лодка носила названіе Narrenschiff.

Изъ обрядовыхъ пѣсенъ нельзя пройти молчаніемъ пѣсенъ свадебныхъ, богатыхъ драматическимъ элементомъ: выбираются дружка, подружки, совершается покупка невѣсты, при чемъ покупщикомъ отъ лица жениха является дружка. Между дружкой и продавцомъ происходитъ діалогъ:

Дружка: "добрый молодецъ, скажи, чѣмъ ты торгуешь, куницами, аль лисицами, атласомъ, аль бархатомъ."

Продавецъ: "торгую я не куницами, не лисицами, не атласомъ, не бархатомъ, но дѣвичьей красотой."

Затѣмъ продавецъ предлагаетъ дружкѣ рядъ вопросовъ въ видѣ загадокъ и проч.

Свадебные обряды до такой степени похожи на увлекательное драматическое представленіе, что народъ вмѣсто забавъ любитъ представлять свадьбу. Во время святочныхъ сидѣній молодежь обоего пола нерѣдко переряживается; женщины и дѣвицы въ мужчинъ, мужчины въ женщинъ и разыгрываются свадьбы.

Въ хороводныхъ пѣсняхъ безъ сомнѣнія много драматическаго элемента; такъ, напр., раздѣленіе ролей, діалогическая форма и исполненіе различныхъ дѣйствій. Въ хороводныхъ пѣсняхъ рисуется какая-нибудь черта, или сцена, цѣликомъ взятая изъ жизни; напр., хороводная игра "томленіе молодой черницы". Игра состоитъ въ слѣдующемъ: монашенку, которую представляла одна изъ дѣвушекъ, на зарѣ будятъ къ заутренѣ, она отговаривается, что у нея голова болитъ, что то нездоровится, однимъ словомъ

Съ разрѣш. Директора Латышева.

Лит. Богданова Артелевъ П. 1.

Bayerische Staatsbibliothek München

она не хочетъ встать; но вотъ говорятъ, что ее зоветъ какой-то прекрасный юноша, она моментально вскакиваетъ и говоритъ: "теперь бы мнѣ поплясать, теперь бы мнѣ погулять." Или такая хороводная пѣсня, гдѣ изображается "строптивая жена"; мужъ ухаживаетъ за ней, привозитъ ей изъ города подарки, но это мало ему помогаетъ: жена и смотрѣть на него не хочетъ; наконецъ, по совѣту добрыхъ людей онъ покупаетъ шелковую плетку, тогда жена смирилась передъ нимъ и стала его любить.- Или рисуется положеніе старика, женившагося на молодой; наконецъ, всѣмъ извѣстныя хороводныя пѣсни "мы просо сѣяли", "плетень"- не что иное какъ |хороводныя| маленькія пьесски.

СКОМОРОХИ. О скоморохахъ идетъ упоминаніе отъ домонгольской эпохи до XУII в. Свѣдѣнія о нихъ мы находимъ у духовныхъ писателей, которые, впрочемъ, не описывали подробно ихъ игръ, а просто высказывали свое сужденіе и запрещали ихъ. Изъ этихъ скудныхъ свѣдѣній видно, что скоморохи были веселые люди, не имѣвшіе опредѣленнаго мѣстопребыванія, но ходившіе изъодного мѣста въ другое. Они очень нравились населенію, доказательствомъ чего служатъ: а| существованіе ихъ до XУII в. не смотря на запрещеніе духовныхъ властей, в| и то обстоятельство, что ихъ всюду приглашали на пиры, даже и богатые люди, хотя скоморохи были люди вороватые.

Скоморохи большими толпами ходили по улицамъ и тутъ же давали свои представленія; иногда, впрочемъ, ихъ приглашали на дворъ и даже въ комнату; изъ Стоглава мы видимъ, что они участвовали не только на свадьбахъ, но, страннѣе всего, и на поминкахъ. Въ древней Руси былъ обычай выходить на кладбища, гдѣ оплакивали умершихъ родст-

венниковъ, служили по нимъ панихиды, и въ заключеніе предавались буйному разгулу, въ которомъ видную роль играли и скоморохи.

Олеарій дополняетъ наши свѣдѣнія о скоморохахъ. Онъ говоритъ, что главное мѣсто въ репертуарѣ увеселеній скомороховъ занимали кромѣ пѣсенъ и игры на инструментахъ, разные фарсы грубаго и нескромнаго характера. Тотъ же Олеарій говоритъ, что нѣкоторые изъ скомороховъ имѣли при себѣ театръ маріонетокъ. Но какіе именно были фарсы скомороховъ, мы къ сожалѣнію, ни одного не знаемъ. Есть одна народная пѣсня "О гостѣ Терентьищѣ", въ которой описывается сварливая жена. Содержаніе ея слѣдующее: у одного купца была сварливая жена, которая постоянно его мучила. Разъ этотъ купецъ съ горя ушелъ изъ дома странствовать, на пути повстрѣчался съ скоморохами и разсказалъ имъ свое горе. Тогда скоморохи дали ему плеть и, посадивъ его въ мѣшокъ, въ которомъ они обыкновенно носили свои пожитки, отправились къ этому купцу на дворъ. Когда жена купца вышла къ нимъ, скоморохи разсказали ей, что ея мужъ умеръ на чужбинѣ. Она тотчасъ пригласила ихъ въ домъ и начала веселиться; во время веселья одинъ изъ скомороховъ запѣлъ, что пора бы мѣшку зашевелиться, намекая этимъ, чтобы купецъ вышелъ изъ мѣшка. Купецъ съ плетью выбрался изъ мѣшка и такъ проучилъ свою жену, что она съ этого времени перестала его мучить.- Вотъ на основаніи этой пѣсни дѣлаютъ предположеніе, что, вѣроятно, это былъ одинъ изъ фарсовъ скомороховъ. Но нужно замѣтить, что этотъ сюжетъ былъ неистощимымъ матеріаломъ для шутокъ на западѣ; можетъ быть, то же было и у насъ. Одно только несомнѣнно, что скоморохи были артистами своего рода.

ЦЕРКОВНЫЕ ОБРЯДЫ. Изъ церковныхъ обрядовъ, имѣющихъ драматическій характеръ, мы упомянемъ объ обрядѣ "Умовеніе ногъ", "Пещное дѣйствіе" и "Шествіе на осляти". Изъ всѣхъ этихъ обрядовъ - обрядъ "Умовеніе ногъ" совершается и донынѣ и состоитъ въ слѣжующемъ: среди Кафедральнаго собора ставятъ большой амвонъ, на которомъ ставятъ 12 сидѣній для священниковъ, изображающихъ апостоловъ, и посреди этихъ сидѣній ставится сидѣніе для архіерея, изображающаго Христа. Во время чтенія Евангелія Дьякономъ "о тайной вечери" архіерей совершаетъ дѣйствія, сообразныя съ словами Евангелія, снимаетъ съ себя ризы и дѣлаетъ омовеніе ногъ у священниковъ, и въ это время между архіереемъ и священникомъ, изображающимъ Петра, происходитъ діалогъ Евангельскими словами. Этотъ обрядъ есть живое представленіе въ лицахъ минувшаго событія.

„ПЕЩНОЕ ДѢЙСТВО" было маленькое дѣйствіе, которое исполнялось на заутрени въ послѣднее воскресенье предъ Рождествомъ. Еще въ субботу среди церкви ставилась пещь а во время дѣйствія подъ нее ставили жаровню съ ладономъ. Во время заутрени отроки и халдеи, притомъ первые съ зажженными свѣчами, предшествуютъ святителя. Отроки были одѣты въ стихари и вѣнцы, а халдеи въ "халдейское платье" въ красные костюмы, на головахъ у нихъ были остроконечныя шапки, съ бѣлыми длинными бородами, сдѣланными изъ льна. По окончаніи пролога, протопопъ и священники поютъ приличныя обстоятельствамъ священныя пѣсни. Въ это время руки отроковъ обвязывались полотенцемъ, и они подводились халдеями къ святительскому мѣсту. "Егда же дойдетъ первый халдей до церкви близъ пещи, и станутъ отроки и

халдеи, и указуютъ оба халдея отрокамъ на пещь пальмами, и глаголетъ первый халдей ко отрокомъ: "дѣти царевы,"другой же халдей поддваиваетъ тое же рѣчь: "царевы," и первый глаголетъ халдей: "видите ли сію пещь огнемъ горящу и вельми распаляему?" и паки второй глаголетъ:" а сія пещь уготовася вамъ на мученіе." И потомъ Ананія отвѣщаетъ:" видимъ мы пещь сію, но не ужасаемся ея; есть бо Богъ нашъ на небеси, ему же мы служимъ; Той силенъ изъяти насъ отъ пещи сія."И, по семъ Азарія глаголетъ:" и отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ." Тоже Мисаилъ отвѣщаетъ: "а сія пещь будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе..." По благословеніи святителемъ и врученіи каждому свѣчи, отроки становятся около пещи. и въ то время единъ халдей кличетъ: "товарищъ," другой же халдей отвѣщаетъ: "чего?" и первый халдей глаголетъ: "это дѣти царевы?" а другой халдей поддваиваетъ: "царевы." Первый же глаголетъ: "нашего царя повелѣніе не слушаютъ?" а другой отвѣщаетъ: "не слушаютъ." Первый же халдей говоритъ: "а златому тельцу не покланяются?" а другой халдей -"не покланяются." Первый халдей говоритъ: "и мы вскинемъ ихъ въ пещь." А другого отвѣтъ: "и начнемъ ихъ жечь." Послѣ того дѣтей вводятъ въ пещь и халдеи дѣлаютъ видъ, что разводятъ огонь подъ нею. Въ это время хоръ пѣвчихъ, протодіаконъ, отроки въ печи поютъ священныя пѣсни, и въ концѣ стиха: "яко духъ хладенъ и шумящъ, сходитъ ангелъ Господень въ пещь ко отрокамъ въ трубѣ велицѣ зѣло съ громомъ..."Халдеи, державшіе до того времени вниско свои пальмы, падали, а дьяконы опаляли ихъ при помощи свѣчъ и травы плауна. При этомъ случаѣ завязывается разговоръ между халдеями.

Первый говоритъ: "товарищъ," второй откликается: "чего?" Первый: "видишь ли?"-"Вижу." -"Было три, а стало четыре; а четвертый грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобися Сыну Божію."-"Какъ онъ прилетѣлъ и насъ побѣдилъ?"- Послѣ того продолжаются священныя пѣсни, халдеи выпускаютъ изъ пещи отроковъ, служба продолжается по уставу, съ тою разницею, что въ нѣкоторыхъ обрядахъ участвуютъ отроки и халдеи съ зажженными свѣчами. Лица, изображавшія халдеевъ, пользовались привиллегіей во время трехъ дней на Рождествѣ ходить въ халдейскомъ костюмѣ и продѣлывать различныя штуки.

ШЕСТВІЕ НА ОСЛЯТИ. Въ Вербное Воскресенье на Красную площадь, на Лобное мѣсто выходилъ патріархъ съ духовенствомъ въ сопровожденіи царя, бояръ и народа. Во время чтенія Евангелія, соборный протопопъ и ключарь, представлявшіе учениковъ, подходили къ патріарху, изображавшему Христа, который словами Евангельскаго текста

посылалъ ихъ за ослицей. Протопопъ и ключарь, принявшіе благословеніе, шли "по осля" къ уготованному мѣсту, "и пришедъ отрѣшаетъ ся;" при чемъ бояринъ патріаршій спросилъ: "что отрѣшаете осля?"- А они отвѣчаютъ: "Господь требуетъ."- И поведутъ ученики осля и приведутъ къ патріарху, къ Лобному мѣсту;" а патріаршіе слуги несутъ сукна и разстилаютъ ихъ по дорогѣ во время процессіи. Патріархъ садился "на осля", съ крестомъ и Евангеліемъ въ рукахъ, Государь велъ подъ уздцы его лошадь, и вся процессія направлялась въ Кремль. Предъ нимъ ѣхала нарядная верба, около которой стояли мальчики въ бѣлыхъ одеждахъ и пѣли стихиры. |Начало русскаго театра Лѣт. т. III, отд. II, стр. 13 и 19|. Къ этому же роду церковныхъ обрядовъ относится и "ДѢЙСТВО СТРАШНАГО СУДА

которое состояло въ томъ, что въ послѣднее воскресенье предъ великимъ постомъ на площадь выносилось изображеніе страшнаго суда и при пѣніи священныхъ пѣсенъ обмывалось.

На Западѣ такія дѣйствія назывались "МИСТЕРІЯМИ". Мистеріи первоначально были просты, не сложны; такъ, напр. мистерія "Воскресеніе Христа" состояла въ томъ, что во время утрени Свѣтлаго Воскресенія три клирика, изображавшіе мироносицъ, съ пѣніемъ тропарей шли къ изображенію гроба Христа, гдѣ стоялъ четвертый клирикъ, представлявшій ангела, и здѣсь, у гроба, они поперемѣнно пѣли священныя пѣсни. Изъ такихъ несложныхъ мистерій впослѣдствіи разрослись болѣе сложныя; сначала онѣ давались въ храмахъ, потомъ въ оградахъ, а наконецъ вышли на площади и улицы,- и вотъ изъ такихъ то мистерій и развилась драма; но у насъ "дѣйства" такъ и замерли въ первоначальномъ видѣ.

Д Р А М А XVII В.

Въ старинныхъ русскихъ школахъ былъ обычай устраивать домашніе спектакли; этотъ обычай былъ заимствованъ изъ тѣхъ школъ, по образцу которыхъ были устроены наши старинныя школы. Въ Кіевской Академіи было въ обычаѣ исполнять пьесы въ опредѣленное время или на Пасхѣ -"страсти Господни"- и на Рождествѣ и во время "рекреацій". Подъ именемъ рекреацій были извѣстны праздники, которые устраивало начальство для молодыхъ людей весной; утромъ ни съ того, ни съ сего объявляли, что ученья не будетъ, и вотъ вся молодежъ въ сопровожденіи наставниковъ отправлялась за городъ, и представляли различныя пьесы. Составителями пьесъ были преподаватели піитики. Эти школьныя драмы по

сюжету были духовнаго содержанія, по формѣ же представляли подражаніе классическимъ пьесамъ.

Школьная драма представляетъ собою не что иное, какъ примѣненіе правилъ, преподаваемыхъ старинной піитикой. Тамъ мы находимъ слѣдующее опредѣленіе драмы: "драма есть такая поэзія, въ которой другіе говорятъ, тогда какъ поэтъ молчитъ." На первый взглядъ такое опредѣленіе покажется забавнымъ, но оно напоминаетъ опредѣленіе позднѣйшихъ ученыхъ. Они именно говорили, что эпосъ есть поэзія, изображающая прошедшее, лирика - настоящее, а драма представляетъ собою смѣшеніе того и другого. Драма раздѣляется на трагедію, комедію и траги-комедію. Трагедія подражаетъ важнымъ дѣйствіямъ знаменитыхъ мужей, преимущественно несчастіямъ и бѣдствіямъ. Комедія для искорененія дурныхъ нравовъ изображаетъ дѣянія народовъ и выражаетъ ихъ рѣчью съ шутками и остротами. Преобладающимъ названіемъ драмъ было - комедія; комедія служила общимъ названіемъ для всей драматической поэзіи, какъ это, напр., видно изъ названія одной пьесы, по характеру своему всего менѣе похожей на комедію: "Комедія о страшномъ пришествіи Христа на землю.."

Затѣмъ, что касается подробностей строенія драмы, то школьная драма подражаетъ классическимъ пьесамъ: въ ней былъ прологъ, обыкновенно три дѣйствія и эпилогъ; а также нерѣдко вводились и хоры. Въ школьной драмѣ мы находимъ обиліе олицетвореній и миѳологическихъ именъ; это вносило путаницу и пестроту. Такъ, нерѣдко въ школьной драмѣ мы на ряду съ Христомъ встрѣчаемъ Марса, Венеру и др., что производитъ странное впечатлѣніе.- По содержанію своему школьная драма походила на старинныя духовныя мистеріи

въ ней мы находимъ также содержаніе, заимствованное изъ свящ, писанія. Однако въ старинныхъ драмахъ мы находимъ сцены, взятыя изъ жизни - это въ такъ называемыхъ "интерлюдіяхъ." Онѣ представляли собою небольшія сцены комическаго содержанія. Такимъ образомъ, по содержанію школьныя драмы походили на мистеріи, но по формѣ онѣ менѣе всего походили на нихъ; мистеріи представляли собою не что иное, какъ эпическій разсказъ въ лицахъ, тогда какъ школьная драма представляла подражаніе классическимъ драмамъ.

Съ XVII в. дошли до насъ 2 драмы - кіевскія: 1| Алексѣй человѣкъ Божій," полное же ея заглавіе такое: "діалогъ въ честь царя и великаго князя Алексѣя Михайловича. Представлена въ знаменіе вѣрнаго подданства чрезъ шляхетскую молодежь студентскую въ коллегіумѣ Кіево-Могилянскомъ на публичномъ діалогѣ |1674| 2| "Дѣйствія на страсти Христовы списанныя."

Первая драма представляетъ, по мнѣнію изслѣдователей, легкую передѣлку съ польскаго. Вторая же болѣе самостоятельна и представляется одной изъ характерныхъ драмъ. Въ началѣ прологъ. Здѣсь изображается счастливое существованіе людей въ золотой вѣкъ: люди живутъ въ полномъ довольствѣ и любви. Это блаженное состояніе людей поселяетъ зависть въ богинѣ Эринисъ. Она появляется среди людей и старается поселить между ними вражду и несогласіе и успѣваетъ въ этомъ. Подъ вліяніемъ этой вражды Каинъ убиваетъ Авеля и братья продаютъ Іосифа. Во второмъ дѣйствіи представляется торжество богини Эринисъ: пороки господствуютъ среди людей. Но вдругъ появляется Любовь на сценѣ; она печалится надъ положеніемъ людей и желаетъ

пожертвовать собою для ихъ счастья Въ III дѣйствіи описывается страданіе Любви. Эта драма посодержанію христіанская, п.ч. здѣсь изображается догматъ искупленія рода человѣческаго Христомъ, но по формѣ она напоминаетъ произведенія классическія. Здѣсь рядомъ съ Эринисъ мы встрѣчаемъ Каина и Авеля; вообще замѣчается смѣшеніе христіанскаго и классическаго міра.

Съ появленіемъ кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ и тамъ появляется драма, Такъ, Симеонъ Полоцкій, извѣстный своею страстью ко всякаго рода литературнымъ упражненіямъ, оставилъ намъ 2 драмы: I| "Комедія о Навуходоносорѣ и трехъ отрокахъ," и 2| "Комедія о блудномъ сынѣ".

Первая представляетъ собою слабое развитіе "Пещнаго дѣйства." Что это такъ, это видно изъ того, что у Полоцкаго оставлены даже цѣлыя выраженія, встрѣчающіяся въ "Пещномъ дѣйствіи". Далѣе удержаны церковныя пѣсни, только немного переложенныя. Новаго у него только поклоненіе статуѣ Навуходоносора, чего нѣтъ въ обрядѣ "Пещнаго дѣйства."

Болѣе самостоятельною является вторая драма: "Комедія о блудномъ сынѣ"" Она дѣлится на 6 дѣйствій: въ первомъ дѣйствіи на сценѣ появляется отецъ съ двумя сыновьями и многими слугами и благодаритъ Бога за всѣ Его къ нему милости; затѣмъ даетъ совѣты сыновьямъ и дѣлитъ все свое имѣніе между ними. Старшій сынъ благодаритъ отца и говоритъ, что онъ ни за что не покинетъ его, а останется съ нимъ. Младшій же проситъ у отца позволенія отправиться въ чужія страны, дабы поучиться тамъ полезному. Отецъ соглашается и онъ отправляется. Во второмъ дѣйствіи представляется веселая жизнь блудного сына на чужбинѣ. Но

скоро онъ растратилъ свое имущество. Въ третьемъ дѣйствіи представляется горестное положеніе блуднаго сына. Онъ встаетъ и хочетъ продолжать свою прежнюю разгульную жизнь но слуги уходятъ отъ него, говоря, что онъ уже много задолжалъ и что денегъ нѣтъ. Въ четвертомъ дѣйствіи блудный сынъ является свинопасомъ, отъ голода ѣстъ со свиньями; за то, что стадо разбѣжалось, его сѣкутъ плетьми. Въ пятомъ дѣйствіи онъ возвращается къ отцу и отецъ прощаетъ его и принимаетъ къ себѣ. Въ шестомъ дѣйствіи онъ, прощенный отцомъ, читаетъ нравоученіе о послушаніи. Въ эпилогѣ говорится, что цѣль представленія - показать младшимъ пользу повиновенія старшимъ и послѣднимъ необходимость снисхожденія и милости къ раскаявшимся. Эта пьеса типичная. Въ средніе вѣка притча о блудномъ сынѣ была любимымъ сюжетомъ для драмъ и за нее брались многіе писатели. Она пробралась также и въ эпическія произведенія, такъ, напр., сказка "Горе злосчастье" отчасти напоминаетъ намъ притчу о блудномъ сынѣ. Нельзя не обратить вниманія на выборъ пьесъ Симеономъ Полоцкимъ о трехъ отрокахъ и блудномъ сынѣ. Въ нихъ онъ выставляетъ молодое поколѣніе и затрогиваетъ вопросъ о воспитаніи. Изслѣдователи ставятъ эти пьесы Полоцкаго въ связь съ его педагогической дѣятельностью. Полоцкій былъ учителемъ въ Москвѣ и учителемъ дѣтей царя Алексѣя Михайловича. Онъ хотѣлъ въ своей пьесѣ "о блудномъ сынѣ" представить печальныя послѣдствія дурного воспитанія, а въ первой комедіи - "о трехъ отрокахъ" онъ представляетъ намъ образецъ хорошихъ юношей; обладающихъ твердостью въ убѣжденіяхъ не смотря на ихъ юныя года. Затѣмъ, намъ нужно еще упомянуть объ одномъ писателѣ, тоже выходцѣ изъ южной

Руси, а именно о Дмитріи Тупталѣ Ростовскомъ. Онъ, по сохранившимся извѣстіямъ, былъ большой охотникъ составлять драмы. Ему приписываютъ слѣд. драмы: "Св. Дмитрій", "Рождество Христово", "Воскресеніе" и пр. Его пьесы разыгрывались учениками Ростовской школы имъ основанной. До насъ дошла только одна его драма "Комедія на Рождество Христово." Въ самомъ заглавіи этой пьесы не встрѣчается имени Дмитрія Туптали, но изслѣдователи приписываютъ ее ему по догадкѣ. Что касается содержанія, то въ ней изображается поклоненіе волхвовъ и пастырей, разспросы Ирода и т.д. Здѣсь также рисуется исторія человѣчества, его грѣхопаденіе и искупленіе Христомъ.

Затѣмъ намъ нужно еще сказать о вертепѣ. Вертепъ - это театръ маріонетокъ, гдѣ изображались событія, касающіяся Рождества Христова. Онъ зашелъ къ намъ изъ Польши. По внѣшнему виду вертепъ представляетъ ящикъ, раздѣленный на три этажа. Въ верхнемъ изъ нихъ изображалось Рождество Христово, въ нижнемъ - событія, касающіяся Ирода, а третій предназначался для рукъ; сюда проведены были нитки, съ помощью которыхъ все приводилось въ движеніе. На Рождествѣ школьники ходили въ Малороссіи по домамъ и представляли. Если школьники были знакомы съ содержаніемъ драмы, то фигуры двигали, а за ящикомъ кто-нибудь, спрятавшись, говорилъ. Если же не находилось знающаго драмы, то мальчики просто пѣли пѣсни, приличныя празднику. Текстъ вертепной драмы напечатанъ въ книгѣ Маркевича, подъ заглавіемъ "Обычаи, повѣрья, кухня и напитки Малороссіянъ" и въ статьѣ, помѣщенной въ одной изъ книжекъ "Кіевской старины" за 1882 г.; тамъ приводится также и рисунокъ вертепа, сохранившагося въ

богатомъ дворянскомъ домѣ, но, должно быть, обыкновенный вертепъ былъ проще. Кромѣ того, въ вертепной драмѣ изображались отдѣльныя сцены изъ жизни, отрывочныя сцены, гдѣ выводились типы различныхъ народностей; такъ, напр., выводился полякъ, отличавшійся хвастовствомъ, цыганъ, еврей, москаль - солдатъ и, наконецъ, запорожецъ побивавшій всѣхъ на сценѣ.- Вертепы появились сначала на югѣ; отсюда они распространились и на сѣверъ вмѣстѣ съ архіереями малороссійскими, вышедшими изъ Кіева. Они отправлялись на сѣверъ въ сопровожденіи молодежи изъ южно-русскихъ и заводили тамъ свои обычаи и въ томъ числѣ перенесли вертепную драму. Такъ, напр., сохранилось извѣстіе, что въ началѣ XVIII в. въ Сибири уже извѣстенъ былъ вертепъ.

Далѣе, другимъ явленіемъ, стоящимъ въ связи съ развитіемъ у насъ театральнаго искусства, было учрежденіе нѣмецкаго театра въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Въ 1672 г. Алексѣй Михайловичъ отправилъ въ Курляндію полковника Фонъ-Штагенасъ порученіемъ подыскать людей, которые бы умѣли, "всякіи комедіи строить". Хотя Фонъ-Штагену удалось набрать довольно многочисленную труппу, удалось найти даже антрепренера, нѣкоего Фельпина, тѣмъ не менѣе дѣло предъ самымъ отъѣздомъ въ Россію разстроилось: страхи предъ варварской Россіей преодолѣли, и полковнику пришлось привезти въ Москву только 4 музыкантовъ. Говорятъ, что мотивами, послужившими къ такому предпріятію, послужили донесенія со стороны нашихъ пословъ, которые подробно описывали видѣнныя ими за границей пьесы, а съ другой стороны, на царя повліяли Кіевскіе ученые, особенно С.Полоцкій, близко стоявшій къ ца-

рю. Не смотря на неудачу полковника Фонъ-Штагена при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ была построена комедійная хоромина, въ селѣ Преображенскомъ, гдѣ была организована труппа, состоявшая изъ жителей нѣмецкой слободы. Организаторомъ ея явился пасторъ Грегори. Этотъ пасторъ получилъ образованіе за границей въ нѣмецкомъ университетѣ и былъ знакомъ съ театральными пьесами. Первоначально труппа состояла изъ 64 человѣкъ, составленная изъ разныхъ служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ. Но скоро было приказано прикомандировать къ нимъ еще 26 дѣтей мѣщанскихъ. Что касается языка, на которомъ давались представленія, то мы знаемъ, что представленія эти отчасти велись на нѣмецкомъ, отчасти на русскомъ языкѣ. Вотъ перечень пьесъ, которыя ставились въ то время на сценѣ: 1| Эсфирь, или Артаксерксово дѣйство, 2| Юдиѳь, 3| Товій, 4| Дѣйство объ Іосифѣ, 5| Объ Адамѣ и Евѣ, 6| Темиръ - Аксаково дѣйство или "Тамерланъ и Баязетъ" и др. Всѣ онѣ, какъ указываетъ Тихонравовъ, представляютъ собою подражаніе тѣмъ нѣмецкимъ пьесамъ, которыя въ Германіи въ XVII в. ходили подъ названіемъ "аглицкихъ комедій".

АНГЛІЙСКАЯ КОМЕДІЯ. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о такъ называемой англійской комедіи. Извѣстно, что еще въ XVI и началѣ XVII ст. особенно процвѣталъ англійскій театръ. Въ это время у англичанъ явился великій драматургъ Шекспиръ, который много способствовалъ славѣ англійскаго театра, благодаря этой славѣ англійскихъ актеровъ приглашали въ другіе театры. Въ первый разъ англійскіе артисты появились на голландской сценѣ, гдѣ въ это время выработался типъ шута Pieckelhering, который

и былъ заимствованъ англійскими артистами; изъ Голландіи они перешли въ Германію и давали представленія въ большихъ городахъ. Представленія эти сначала давались на англійскомъ языкѣ; но пьесы, дававшіяся пьесами, все еще продолжали носить названіе англійскихъ; такъ сохранились сборники отъ 1620 и 1724 гг. "англійскихъ комедій," написанныхъ по-нѣмецки.

Что такое англійскія комедіи? Какое ихъ содержаніе? Напрасно мы стали бы искать въ нихъ художественности и высокихъ идей; пьесы эти писались людьми неизвѣстными, которые обращали вниманіе лишь на грубые эффекты.

Но, не смотря на отсутствіе художественности, эти пьесы очень нравились современникамъ, что можно доказать широкою ихъ распространенностью по Голландіи, Германіи и Россіи. Эти пьесы нравились массамъ а| своимъ разнообразнымъ содержаніемъ, которое бралось и изъ библіи, и изъ рыцарскихъ романовъ, и б| нравилась массамъ и разработка пьесъ. Эти пьесы представляли смѣшеніе грубыхъ комическихъ и трагическихъ эффектовъ: обыкновенно въ концѣ пьесъ происходятъ казни и убійства, такъ что вся сцена покрывалась трупами; тутъ же на сценѣ появлялись шуты пикельгерити - и это смѣшеніе очень нравилось публикѣ. Въ антрактахъ происходило пѣніе и играли маленькія пьески |интермедіи|. Нравилось, наконецъ, и самое исполненіе этихъ пьесъ: трагическіе актеры завывали на сценѣ, колотили себя въ грудь и т.п., комическіе смѣшно кривлялись.

Наши старинныя пьесы прямо примыкаютъ къ этимъ англійскимъ пьесамъ; такъ, напр., въ пьесѣ "Тамерланъ и Баязетъ", въ концѣ происходитъ казнь шпіона; тутъ же

появляется Баязетъ въ желѣзной клѣткѣ и, чтобы показать свое сильное горе, такъ сильно бьется головой о клѣтку, что показывается даже мозгъ; тутъ же участвуютъ и шуты. Или, напр., въ "Юдиѳи и Олофернѣ" въ концѣ введены два солдата вавилонскіе, которые, впрочемъ, говорятъ про ротмистровъ и поручиковъ, называютъ другъ друга дворянами и насмѣхаются надъ евреями, что тѣ не ѣдятъ свинины, и отпускаютъ шутки, и клянутся греческими богами.

Сусикимъ. Ей, брате, вѣрую яко Зевсъ, Арисъ, Афродита и всѣ бози на небеси лучшаго житія не имутъ, яко мы здѣ ищу на земли.

Сомнасъ. Азъ желалъ быхъ, чтобъ таковое житіе и во вѣки пребыло; тогда Богомъ радъ, небомъ бы поступился; но опасаюся, что сіе житіе скоро воспріиметъ кончину; ибо аще едино токмо намъ по ушамъ займутъ, яко и слухъ и видѣніе устанетъ въ то время и вся радость минется. Или егда яко уже къ тому намѣряется, со всякими народы миръ учинится, тогда нужда будетъ по домамъ возвратиться, и паки хлѣбъ изрядно молотити, гдѣ никто же по семъ насъ больши не назоветъ милостивымъ господиномъ.

Сусакимъ. Не спасайся, брате. мы столько накрадемъ разбоемъ, и грабежемъ издобудемъ, что господами въ нашихъ земляхъ возможемъ быти; аще ли умремъ, тогда жи и вороны изъ насъ учрежденіе себѣ да изготовятъ.

Сомнасъ. Но что же убогимъ женамъ и дѣтямъ нашимъ сотворити?

Сусакимъ. О, иной тогда ихъ да пропитаетъ. Ходи, брате,

печальныя сіи думы да въ винной бочкѣ погребемъ, пойди со мною на завтракъ, азъ ти пару колбасъ ужарити велю.

Сомнасъ. Ха, ха, ха. Смѣюся тому: всегда опасался еси, что свиными жаренными и колбасами не удоволити-ся; нынѣ же что, когда еще годъ здѣ пребудеши, тогда всѣ кишки твои въ колбасы, ты же самъ въ свиное мясо премѣнишься.

Сусакимъ. Ни, брате, не хощу свиньею быти, инако бо возмоглъ бы окорокъ единъ отъ меня нашему воеводѣ на столъ достатись. Пойди, брате. да сегодня возвеселимся; Богъ вѣсть, сколько поживемъ, аще убо не въ небо достанемся, то однакожде мимо....|См. Д. Росс. Вивліоѳика ч. УІІІ, 220, 222|.

Вотъ такія то комическія сценки встрѣчаются даже въ репертуарѣ нѣмецко-русскаго придворнаго театра Алексѣя Михайловича.

Перейдемъ теперь къ Петровской эпохѣ.

Въ Петровскую эпоху продолжались тѣ же школьныя драмы Кіевской эпохи и пьесы нѣмецко-русскаго театра. Обычай давать пьесы въ школахъ существовалъ и теперь и утвердился также въ Московской Академіи.

Изъ кіевскихъ пьесъ извѣстны: "Мудрость предвѣчная", "Іосифъ Патріархъ" и трагикомедія Ѳеофана Прокоповича подъ заглавіемъ "Владиміръ словено-россійскихъ странъ князь и повелитель, отъ невѣрія тьмы въ свѣтъ евангельскій приведенный Духомъ Святымъ отъ Р.Хр. 988, нынѣ же въ православной академіи могилянской кіевской на позоръ россійскому

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

роду отъ благородныхъ россiйскихъ сыновъ, добрѣ здѣсь воспитуемыхъ, дѣйствiемъ, еже отъ пiитъ нарицается трагедокемедiя, лѣта Господня iюля 3 дня, показанiй." Пьеса состоитъ изъ пролога и 5 дѣйствiй, заканчивающихся хоромъ. Въ прологѣ авторъ указываетъ на побужденiя, заставившiя его написать эту пьесу - это а|обычай, б| приличный сюжетъ изъ русской исторiи для памяти потомству. Вотъ какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ: "служаще обычному уставу въ академiи нашей, отъ лѣтъ многихъ хранимому, се и мы, аще и послѣднѣйшiе, недозрѣлы плоды трудовъ нашыхъ на позоръ Вамъ производимъ, великоименитiе и благороднiе слушатели. А яко же ино что, токмо повѣсть о обращенiи ко Христу равноапостольнаго князя нашего Владимiра обычнымъ дѣйствiемъ представити умилихомъ; вина бяше, яко то и мѣсту сему прилично и свойственно слышателемъ мнится быти. Приличенъ дому есть образъ господина, свойственная память сномъ отшедшаго далече отца своего: се же и домъ Владимiровъ, се и Владимiрова чада крещенiемъ святымъ отъ него рожденная, что паче всѣхъ на тебѣ изящнѣе является, ясневельможный пане ктиторе и добродѣю нашъ, ему же и строенiе сего отечества Владимiрова по царю отъ Бога вручено есть, и Владимiровыми идяй равными ему побѣдами равно въ Россiи iкономiею лице его, якое отческое сынъ на небѣ показуетъ. Убо сего изобраніе прiйми отъ насъ, яко того же великiй наслѣдникъ, вмѣсто привѣтствiя; зри себѣ самого въ Владимiрѣ, зри въ позорѣ семъ, аки въ зерцалѣ, твою храбрость, твою славу, твой любви союзъ съ монаршимъ сердцемъ, твое истинное благолюбiе, твою искреннюю къ православной апостольской, еди-

ной каѳолической вѣры нашей ревность и усердіе."

Первое дѣйствіе. Предъ нами верховный жрецъ Жериволъ, затѣмъ показывается тѣнь убитаго Владиміромъ Ярополка; Жериволъ замѣтно струсилъ, тѣнь Ярополка подсмѣивается надъ нимъ, что онъ чародѣй, видѣвшій не разъ духовъ и умершихъ, перетрусилъ теперь. Жериволъ сознается, что онъ чувствуетъ страхъ, потому что не выпилъ изъ сосуда, присланнаго ему отъ царя тьмы. Затѣмъ Ярополкъ разсказываетъ длинный монологъ о своемъ несчастіи, а Владиміръ между тѣмъ въ почетѣ у всѣхъ и хочетъ перемѣнить вѣру; Жериволъ тогда клянется всѣми силами защищать свою вѣру:

"О бози, поѣзите. аще мои пѣсни
сильны суть и могутъ что, да проидутъ въ безвѣстны
Мѣста, въ дебри, въ пещеры, въ рѣки, въ бездны, въ гробы,
въ глубокія великой матери утробы.
Подвишу мертвыхъ, адскихъ, воздушныхъ и видныхъ
соберу духовъ, къ тому звѣрей многородныхъ;
Созову купно: пріидутъ звѣри страховидны,
гади, смоли, полозы, скорпія, ехидны.
Совлеку солнце з неба, помрачу свѣтила,
день и нощь претворю: явѣ будетъ моя сила."

Второе дѣйствіе. Куроядъ и Піаръ, два меньшихъ жреца, жалуются на свое житье-бытье, но жалобы ихъ прерываетъ приходъ Жеривола, который, появляясь на оценѣ, взываетъ о помощи къ духамъ:

"Аде. на помощь возстани,
спѣшно двини твои брани,
Двини силы, двини власти,
твоя имать честь упасти.
Вѣтре пернатій. воскорѣ

преносяй корабль по морѣ
Помощной помози намъ адской силѣ,
подаждь бо скорѣе крилѣ!
Летите, дуси, летите,
намъ на помощь не медлите,
Изострите гнѣво жало,
лѣто время намъ настало!"

Послѣ такого призыванія, бѣсы міра, хулы и тѣни обѣщаютъ Жериволу свое содѣйствіе.

Третье дѣйствіе. Передъ нами дворецъ Владиміра. Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ слушаютъ проповѣдника христіанскаго; молодыя души Бориса и Глѣба сильно потрясены этою проповѣдью, они обратились въ слухъ. Въ это время входитъ въ комнату Жериволъ и жалуется, что ни богамъ, ни жрецамъ ѣсть нечего отъ скудости жертвъ. Владиміръ предлагаетъ ему вступить въ споръ съ проповѣдникомъ христіанскимъ о вѣрѣ, но Жериволъ совершенно не можетъ защищаться, только бранится.

Четвертое дѣйствіе. Тогда Борисъ и Глѣбъ уговариваютъ Владиміра немедленно перемѣнить вѣру, но онъ, какъ человѣкъ пожилой и болѣе опытный, говоритъ, что нужно немного повременить. Затѣмъ описывается душевное состояніе Владиміра: въ немъ происходитъ сильная борьба между совѣстью съ одной стороны, съ другой-веселая жизнь манитъ къ себѣ; Владиміръ предоставляется разговаривающимъ съ Гордостью, Плотью, Хульными помыслами, - всѣ они противъ ученія Христа. Въ концѣ есть "Хоръ прелести":

"Возврати, Владиміре, возврати бѣгъ опѣшній,
Нечли постой и слыши плачъ мой неутѣшный!

Познай любезне,
Кто зоветъ слезне!
Кого любиши?
Камо бѣжиши?
Въ кіи идешь страны?
Откуда гнѣвъ на ны?
Плачъ тя не утолитъ,
Гласъ мой умолитъ!
Тако еси твердій,
Тако жестокосердій;
Любве ми едина,
Кая се измѣна?
Помяни, Владиміре, дни прежніе тіе,
когда тя объятіе имѣюще сіе.
Кое тогда пространство, кая радость бяше!
триста женъ лобзаніе сердце вмѣщаше,
Скоки и плясанія бяху непрестанно;
сластъ всякая течаше въ душу невозбранно,
Коихъ тогда сладостей не бывалъ сити
поминитъ - сладко естъ, что же дѣломъ творити?
Вспомни, когда ко сердца охладѣ,
быхъ съ тобою красномъ вертоградѣ?
Естество цвѣты являше различніи,
азъ представляхъ жены красноличніи.
Красно мѣсто отъ цвѣтовъ тѣхъ бяше,
но краснѣйше позориште наше:
Стидашеся повсюду цвѣтъ червленній,
живыхъ цвѣтовъ лицомъ побѣжденій.
Гдѣ дни тіе? зайдоша въ домъ подземній,
помрачи ихъ вечеръ темній...."

Но не смотря на всѣ эти прелести, Владимiръ всетаки рѣшается перемѣнить вѣру.

Пятое дѣйствiе. Куроядъ и Пiаръ опять жалуются на свое житье. Владимiръ далъ въ жертву богамъ Козла ужасно худого; потомъ появляется вѣстникъ и объявляетъ, что Владимiръ хочетъ крестится; но вотъ другой вѣстникъ, который объявляетъ, что Владимiръ уже крестился и приказалъ истреблять идоловъ. Пiаръ тогда, разсказывая о перемѣнѣ вѣры Владимiромъ, произноситъ:

.....Еще ты не вѣси
Злобы его горшiя, како его бѣси
на боговъ возъяриша, повелѣ повсюду
Крушити боги. Видѣхъ како удъ отъ уду
отторженъ волятеся; многимъ носы; носи
Урѣзанные видѣхъ. О, благiе бози,
болѣю за васъ зѣло. Чи не скорбь се, друже?
Ладо не можетъ уже плясати, ему же
сiе дѣло отъ боговъ всѣхъ есть порученно,
Но токмо локти движетъ всуе, недѣйственно.
Мошко же отнюдь кадилъ не возможетъ чути,
А Позвиздъ |о скорбь моя, о жало мои лютiй|
пребиту голень имать и хромлетъ стеняя;
Не слышу многайшая и крайняя злая,
что видѣхъ окаяннiй. Зря вещь неподобну,
Дѣти студнiи, кумиръ разсѣкши подробну,
во главу, каки въ сосудъ, изпраздняютъ стомахъ.

Трагедокомедiя заканчивается хоромъ, состоящимъ изъ апостола Андрея и ангеловъ. Изо всѣхъ доведшихъ до насъ трагедокомедiй, это самая лучшая:

I| Феофанъ Прокоповичъ очень удачно изобразилъ русскую жизнь въ трагедокомедiи, сюжетъ для которой онъ сознатель-

но выбралъ изъ русской исторіи - это уже одно можно поставить ему великой заслугой, потому что до сихъ поръ мы имѣемъ только школьныя драмы духовнаго содержанія и драмы нѣмецко-русскаго театра. Ѳеофанъ Прокоповичъ при составленіи своей трагедокомедіи пользовался "синопсисомъ" Иннокентія Гизеля и полскаго историка Стрыйковскаго.

II| Въ этой трагедокомедіи мы встрѣчаемъ попытку изобразить глубокую внутреннюю драму и характеры дѣйствующихъ лицъ. Дѣйствительно, сюжетъ этой трагедокомедіи имѣетъ много драматизма, именно столкновеніе христіанства и язычества. Эта тема глубоко интересовала Ѳеофана Прокоповича: это видно изъ того, что именно раньше онъ сказалъ проповѣдь на ту же тему. Отношенія къ проповѣди Бориса, Глѣба и Владиміра схвачены вѣрно.

III| Здѣсь появляются комическія лица. Это жрецы; уже въ ихъ названіи замѣчается комическая черта: "Жериволъ", "Куроядъ", "Піаръ" - эта черта поддерживается ихъ взглядами и дѣйствіями. Ѳеофанъ Прокоповичъ вѣрно схватилъ даже черты разлагающагося язычества: корыстолюбіе, невѣжество и трусость. У жрецовъ нѣтъ истинной вѣры, служатъ они только изъ корыстолюбія; да у нихъ, какъ невѣждъ, и не могло быть истинной вѣры. Относительно этихъ комическихъ типовъ нужно замѣтить, что они имѣютъ связь съ типами людей - современниковъ Прокоповича; подъ жрецами онъ вывелъ недостатки духовенства своего времени, мнимыхъ ученыхъ и т.д.

На остальныхъ дѣйствіяхъ мы не будемъ долго останавливаться, скажемъ о нихъ вкратцѣ. "Мудрость предвѣчная" очень напоминаетъ собою страсти. Въ этой комедіи дѣйст-

вуютъ: человѣческая натура, Милость Божеская, Непостоянная богиня счастья. Въ заключеніе хоръ: успокоенная Натура, взысканная милостями Избавителя, приноситъ благодареніе.

МОСКОВСКІЯ ПЬЕСЫ.

До насъ дошла въ цѣлости пьеса подъ заглавіемъ: "О Лазарѣ". Отъ остальныхъ же пьесъ дошелъ только одинъ конспектъ; но, судя по этому конспекту, мы можемъ сказать, что эти пьесы предоставляли странную смѣсь событій изъ библіи съ современными событіями.

Такъ, отъ 1702 г. дошла пьеса подъ заглавіемъ "Страшное изображеніе втораго пришествія Господня на землю" въ которой рядомъ съ Евангельской притчей изображаются польско-русскія дѣла. Въ первомъ дѣйствіи изображается засѣданіе польскаго сената, согласиться ли на союзъ съ Петромъ или нѣтъ; но вотъ являются на сцену Своеволіе и Гордыня, которыя и отклонили сенаторовъ отъ союза. Потомъ идетъ изображеніе подвиговъ Моисея. Въ послѣднемъ дѣйствіи изображается опять засѣданіе польскаго сената. Въ это засѣданіе явилось польское королевство и упрекало сенаторовъ за то, что они отказались отъ союза съ Петромъ. Потомъ показывается на оценѣ россійскій Маросъ, на котораго Фортуна и Побѣда возлагаютъ лавровый вѣнокъ, онѣ же богато украшаютъ столбъ, стоящій на оценѣ и изображающій Россію; въ заключеніе на столбъ спускается двуглавый россійскій орелъ.

Отъ 1704 года дошла пьеса "Ревность Православія", гдѣ изображаются подвиги Іисуса Навина и Петра. Особенно любопытенъ въ этой пьесѣ конецъ, въ которомъ на оценѣ

движется колесница, везомая Беллоной и Фортуной; на ней сидятъ Русская церковь, Іисусъ Навинъ, Марсъ и Мужество, причемъ Русская церковь говоритъ, что она ничего не боится, что она крѣпко утверждена на колесницѣ. Изъ этого конца мы видимъ, что пьеса отличается страннымъ смѣшеніемъ христіанск. понятій и языческихъ, пестротой и безвкусіемъ.

Отъ 1705 года дошла пьеса подъ заглавіемъ "Освобожденіе Ливоніи и Ингерманландіи," въ которой рядомъ съ подвигами Моисея изображаются подвиги Петра.

Въ дополненіе къ сказанному нами прежде о школьной драмѣ мы должны упомянуть, что по примѣру спектаклей, дававшихся въ Кіевской и Московской Академіяхъ, начали давать спектакли и въ военныхъ училищахъ, основанныхъ Петромъ. Объ этомъ мы имѣемъ свѣдѣнія у Берхгольца, который разсказываетъ, что онъ самъ присутствовалъ однажды на спектаклѣ, устроенномъ въ военномъ училищѣ. Онъ говоритъ, что играли пьесу "Александръ Македонскій" и притомъ были еще интерлюдіи.

Переходя затѣмъ къ театру Петровскаго времени, мы встрѣчаемся съ тѣми же самыми явленіями, которыя замѣчаемъ и въ предыдущую эпоху. Въ концѣ 17 в. въ Москву переселился комедіантъ Сплавскій, должно быть, полякъ по происхожденію; съ 1698-го года онъ жилъ въ Москвѣ. Въ 1701 г. Петръ даетъ ему порученіе отправиться за границу для вербованія театральной труппы. Въ Данцигѣ Сплавскій договорился съ нѣкіимъ Яганомъ Кунштомъ, чтобы этотъ набралъ актеровъ и пріѣхалъ съ ними въ Россію. Въ 1702 г. Кунштъ пріѣхалъ съ труппой въ Москву. По пріѣздѣ его тотчасъ же начали строить первый русскій публичный театръ въ Москвѣ на

Красной площади. Но вслѣдствіе того, что постройка этого театра затянулась надолго, то на первыхъ порахъ спектакли стали даваться въ домѣ Лефорта въ Нѣмецкой слободѣ. По устроеніи же театра спектакли давались тамъ. Первыми актерами были нѣмцы, приведенные Куншгомъ, но въ 1702 г. приказано было прикомандировать къ нимъ нѣсколько русскихъ подъячихъ и Куншгъ долженъ былъ "ихъ всякимъ комедіямъ учить съ добрымъ радѣніемъ и со всякимъ откровеніемъ". Предоставленія давались на русскомъ язикѣ. Но труппа Куншта давала предоставленія не долго,- только до 1703 г., потому что въ этомъ году Куншгъ скончался. Скоро, а именно въ 1704 г. является новый антрепренеръ - Артемій Фюрстъ. Пьесы, дававшіяся на сценѣ Московскаго театра, можно раздѣлить на двѣ группы. Къ первой группѣ принадлежатъ, такъ называемыя, пьесы на случай, а ко второй - пьесы, носившія у насъ заглавіе главныхъ дѣйствій. Что касается пьесъ первой группы, то нужно сказать, что онѣ не представляли ничего особеннаго, въ нихъ нѣтъ никакого достоинства, отличаются онѣ только пышностью своей обстановки. Есть упоминаніе, что Куншгъ въ 1703 г. по поводу взятія крѣп, Орѣшка написалъ пьесу и поставилъ ее на сцену; также въ 1705 г. дана была "Тріумфальная комедія" на нѣм, и русск. яз. по поводу возвращенія царя въ Москву. Нужно замѣтить, что Петръ придавалъ большое значеніе публичнымъ представленіямъ, маскарадамъ, тріумфальнымъ воротамъ, представленіямъ, имѣвшимъ отношеніе къ его времени; онъ полагалъ, что онѣ благотворно вліяютъ на умы его подданныхъ. Что касается пьесъ 2-ой группы, а именно главныхъ дѣйстъ, то онѣ представляютъ не что иное, какъ переводъ на русскій язикъ тѣхъ пьесъ, которыя были

въ Германіи, а эти послѣднія предоставляли передѣлки англійскихъ комедій. Существеннаго различія главныхъ дѣйствъ отъ англійскихъ комедій мы не встрѣчаемъ, но онѣ отличаются смѣшеніемъ трагическихъ и комическихъ аффектовъ, отличавшихся своею грубостью. Въ нихъ мы встрѣчаемъ того же шута Пиккельгеринга, котораго мы видѣли уже въ англ. комед., находимъ интерлюдіи; исполненіе аффектированное, надутое, такъ что всѣ существенныя качества англ. ком. сохранились въ главныхъ дѣйствіяхъ, но послѣднія обработаны уже болѣе лучшимъ образомъ. Въ Германіи въ 17 вѣкѣ на ряду съ англійскими комедіями существовали пьесы, дававшіяся на придворныхъ театрахъ, которыя отличались пышностью обстановки и торжественностью дѣйствія. Далѣе существовала еще школьная драма, достигшая своего развитія въ іезуитскихъ коллегіяхъ, гдѣ драматическія представленія носили названіе „Ludi Caesarii". Съ другой стороны начали развиваться театры у другихъ народовъ: у Испанцевъ, Итальянцевъ и др. И вотъ мало по малу другіе репертуары начинаютъ оказывать вліяніе на англійск. комедіи; актеры начинаютъ брать матеріалы изъ другихъ репертуаровъ, то перенимаютъ обстановку придворныхъ пьесъ, то берутъ сюжеты изъ французской драмы, изъ школьной и т.д. Подъ вліяніемъ ихъ и образовались главныя дѣйства. Пьесы, называемыя главными дѣйствами слагались сами актерами и сохранялись только въ конспектахъ, въ которихъ намѣчалося только ходъ дѣйствія. Назовемъ нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ: "Принцъ Пикель Гиринтъ или Моделетъ, самый свой тюрьмовой заключникъ". Содержаніе ея слѣдующее: Принцъ Фридрихъ убилъ князя изъ Салерно и, чтобы скрыть-

ся отъ мщенія родственниковъ убитаго, переодѣвается, оставивъ свое рыцарское вооруженіе и платье въ лѣсу. Сюда приходитъ шутъ Моделетъ и, найдя покинутое оружіе и одежду, надѣваетъ ихъ на себя. Между тѣмъ, посланные короля искать убійцу встрѣчаютъ шута въ рыцарскомъ одѣяніи, арестуютъ его какъ принца Фридриха и приводятъ къ королю. Сначала шутъ, когда его обвиняютъ въ убійствѣ и заставляютъ въ томъ признаться, увѣряетъ, что онъ не то лицо, которое слѣдовало арестовать; но потомъ, замѣтивъ, что съ нимъ, какъ съ принцемъ въ темницѣ обходятся очень почтительно, прекрасно кормятъ и пр., онъ перестаетъ отрицать, что онъ дѣйствительно принцъ. Вскорѣ однако братъ Фридриха является къ королю, чтобы заключить примиреніе и открываетъ, что Моделетъ шутъ, а истинный Фридрихъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые были приставлены стеречь ложнаго принца. Эта пьеса появилась сначала въ Испаніи, затѣмъ во Франціи, гдѣ авторомъ ея является Корнель-де-Лиль, а затѣмъ уже она съ нѣмецк. яз. переведена на русскій.

2. "Сципіо африканъ, вождь римскій и погубленіе Софонисьбы, королевы Нумидійскія". Содержаніе ея слѣдующее: городъ Цирта осаждается римскими войсками подъ начальствомъ Сципіона. Въ этомъ городѣ находились Сифаксъ и Софонисьба. По взятіи Цирты римлянами Сифаксъ и Софонисьба попадаютъ въ руки Массинисы, который былъ на сторонѣ римлянъ и находился въ отрядѣ Сципіона. Онъ предоставляетъ полную свободу Софонисьбѣ, а Сифакса хочетъ умертвить. Софонисьба, переодѣтая въ платье воина проникаетъ въ темницу къ мужу, переодѣвается, выпускаетъ

его изъ темницы, а сама остается вмѣсто мужа. Массиниса предлагаетъ Софонисьбѣ выйти за него замужъ, и та соглашается, потому что любила его прежде. Но Сципіонъ требуетъ, чтобы она была въ оковахъ и участвовала въ тріумфальномъ шествіи въ Римъ. Но она не согласна, принимаетъ ядъ и умираетъ. Сципіонъ провозглашаетъ Массинису Царемъ Нумидійскимъ.

3. "Честный измѣнникъ или Фридерихо фонъ Поплей и Алоизія супруга его". Здѣсь изображаются двое супруговъ Фридерико. Маркизъ имѣетъ успѣхъ и объясняется въ любви съ Алоизой. Но свидѣтелемъ этой сцены является старый камердинеръ, который самъ любилъ свою госпожу и въ ревности передаетъ все видѣнное господину. Фридерико, не желая имѣть свидѣтелей своего позора, убиваетъ вѣрнаго слугу. Маркизъ между тѣмъ уѣзжаетъ, но Фридерико старается всетаки отомстить ему за свое оскорбленіе, поэтому онъ снова приглашаетъ къ себѣ маркиза и на этотъ разъ убиваетъ его.

4. "Дафнисъ гоненіемъ любовнаго Аполлона въ древо лавровое превращася". Пьеса эта замѣчательна по сочетанію прозаическихъ рѣчей съ пѣніемъ.

Для характеристики приведенныхъ пьесъ предетавимъ нѣсколько отрывковъ. Изъ нихъ мы увидимъ, что онѣ написаны языкомъ не только плохимъ, но даже испорченнымъ, на основаніи чего можно предполагать, что эти пьесы вышли изъ подъ пера какого нибудь иностранца. Вотъ напр. разговоръ Масиниссы съ Софонисьбой въ темницѣ, когда онъ приходитъ умертвить Сифакса и вмѣсто него застаетъ его жену.

Софонисьба. О надо, великій князь, яже тебѣ въ ноги

пасть.

Масинисса. А какъ она отъ моихъ людей въ оковахъ заключена, азъ клянуся, при адской рѣкѣ Стиксѣ, что жупель о огнь имъ возмѣздіе за то будетъ.

Софонисьба. Нѣтъ, нѣтъ, не твои люди, но моя вѣрность меня здѣсь оковала.

Масинисса. Твоя вѣрность, говоришь ты? открой мнѣ прекрасная Софонисьба, какъ сюда пришла?

Софонисьба. Какая ли руда не растопилося съ огня горящія любве: вѣрность къ моему Сифаксу меня въ сію тюрьму привела, и я его, по перемѣненіи одежды нашей, изъ заключенія свободилъ.

Масинисса. А она велѣла себя отъ него въ желѣзахъ заключитися и т.д.

Здѣсь же въ этой пьесѣ находятся аріи въ коротенькихъ строчкахъ съ риемами, какъ напр.:

Любовь любовь приносили
жаръ и еиміамъ.
Престань ты прелщати
и вовсе блазнити;
ти бо мя
ничѣмъ утѣшаешь.
Любовь любовь приносили
жаръ и еиміамъ.

Или вотъ еще отрывокъ изъ комедіи "Жоделетъ". Жоделетъ разговариваетъ съ принцессою Лаурою.

Жоделетъ. Вы увидите сами, какими честными людьми я васъ поставлю; я хвалиться не хощу или вамъ брюхо словами исполнити. Обнадеживайте,

еслибъ мой казначей здѣсь былъ, то бъ я сейчасъ вамъ на кружку пива алтынъ подарилъ. Скажи, сахарная моя, нѣтъ ли на моемъ дворѣ добрыхъ людей, не тотъ ли учтивый и вѣрный посолъ.

Лаура. Никто лучше къ тому пристоинный, или вашему высочеству больше вѣрности показати могъ.

Фридерикъ. Милостивая государыня, всякому вѣдомо, сколь высоко Фридерикъ я добродѣтель постигаетъ и высочайшая его радость есть, ея ради, все злополучіе терпѣти и всякому есчастію предатися"....

Далѣе отъ Петровской эпохи сохранились въ цѣломъ видѣ переводы комедій Мольера, напр. "Докторъ принужденный", „Амфитріонъ" и др. Переводъ совершенно нелѣпый и часто совсѣмъ непонятный.

Теперь возникаетъ вопросъ, какъ приняты были эти пьесы и какое впечатлѣніе производили онѣ на зрителей?

Относительно этого мы не имѣемъ подробныхъ извѣстій, но имѣемъ только свѣдѣнія о томъ впечатлѣніи, которое онѣ производили на самаго Петра. Такъ, напр., Берхгольцъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ слѣдующее: "Императоръ приказалъ актерамъ сыграть пьесу изъ 3-хъ актовъ, безъ любовной интриги, не очень печальную, не очень серьезную, и не очень забавную." Конечно Петру, какъ болѣе умному и образованному и не могли нравиться эти приторныя любовныя сцены, передаваемыя дурнымъ языкомъ; еще болѣе не нравилось это смѣшеніе трагизма съ грубымъ комизмомъ. Онъ желалъ изображенія дѣйствительности на сценѣ безъ грубыхъ шутокъ и [illegible]гической завязки. Это же неудовольствіе его

объясняетъ намъ тотъ фактъ, что онъ старался въ концѣ своего царствованія замѣнить нѣмецко-русскую труппу чешскими актерами; онъ именно въ 1720 г. писалъ Ягужинскому, бывшему тогда въ Вѣнѣ, прося его: "нанять изъ Праги компанію комедіантовъ такихъ, которне умѣютъ говорить по славянски или по чешски." Но эти попытки Петра не увѣнчались успѣхомъ. Но если самому Петру не нравились эти пьесы, то другимъ вѣроятно онѣ были по сердцу, п.ч. даже въ самой царской семьѣ было нѣсколько женщинъ, которыя высоко поставили театральное дѣло, интересовались имъ, сами писали пьесы, и пьесы эти были ничуть не выше того сорта пьесъ, который мы только что разобрали. Во-первыхъ, царевна Наталья Алексѣевна была любительницей спектаклей. О ней сохранились извѣстія у Вебера, бывшаго брауншвейгскимъ посломъ въ Россіи; онъ оставилъ записки о Россіи, и въ нихъ говоритъ, что Наталья Алекоѣевна устроила у себя во дворцѣ театръ и любила сама писать пьесы. "Еще до отъѣзда царя въ чужіе края |1717 г.| великая княгиня Наталья заставляла играть драматическія пьесы, которыя смотрѣть воленъ былъ всякій. Великая княжна и сама сочиняла по-русски трагедіи и комедіи, заимствуя для нихъ сюжеты изъ Библіи или обыкновенныхъ вседневныхъ приключеній.", Сохранился списокъ пьесъ, дававшихся при дворѣ Натальи Алексѣевны. Послѣ ея смерти всѣ книги комедіантскія были отосланы въ петербургскую типографію и сложены въ амбаръ вмѣстѣ съ изданіями ея, которыя не могли помѣститься въ книжной лавкѣ. Амбаръ этотъ стоялъ на Петерб. сторонѣ, около крѣпости и его часто заливало водой во время наводненія, такъ что всѣ книги были испорчены. Потомъ ихъ вынули оттуда и разобрали. Осталось слѣд.: Дѣйствія о Георгіи и Плакидѣ; "Тетрадь письменная,

по которой дѣйствовано въ комедіи; "О страданіи святыхъ мученикъ Ксенофонта и Маріи - 7 тетрадей; "Крисанѳа и Даріи - 2 тетради", "Андріана и Наталіи - 3 тетради", Юліана- 3 тетради"; "Евстафія Планиды - 3 тетради"; "Искупленіе человѣчества отъ паденія его - 3 .. и т.д.. Всѣ эти пьесы духовнаго содержанія, изъ чего видно, что Наталія любила пьесы такого содержанія.

Занималась еще особенно театральными представленіями дочь Ивана Алексѣевича, Прасковья Ивановна, герцогиня Мекленбургская. Она жила въ Москвѣ съ матерью, отдѣльно отъ своего мужа. Мужъ ея былъ человѣкъ грубый и невозможный супругъ, такъ что она оставила его. Сохранились извѣстія у Берхгольца и Болевича, что Прасковья Ивановна завела при своемъ дворцѣ театръ. Берхгольцъ говоритъ слѣдующее въ одномъ мѣстѣ: "Послѣ обѣда, его высочество |герцогъ голштинскій, впослѣдствіи супругъ Анны Петровны| отправился къ герцогинѣ Мекленбургской. Посѣщеніе это доставило не мало радости герцогинѣ, и она не знала, какъ лучше принять гостя. Притомъ много говорила она въ оправданіе театра; впрочемъ называла это дѣтской забавой и не считала его достойнымъ присутствія его высочества. Во все время представленія герцогиня была больше за сценой, потому что она управляла предоставленіемъ сама и безъ нея все бы остановилось. Герцогиня удивительно веселаго нрава, самамного шутила и между прочимъ сама разсказывала его высочеству, что актеру, игравшему роль короля, дано было сегодня 200 ударовъ батогами за то, что онъ обнося

Русская Литература. Листъ 9-й.

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

по городу Афиши, вмѣстѣ съ тѣмъ выпрашивалъ себѣ деньги, что ставило герцогиню въ непріятное положеніе. Товарищъ актера и соучастникъ въ его продѣлкѣ былъ также наказанъ батогами и выгнанъ вонъ. Объ этомъ говорилъ мнѣ уже утромъ капитанъ Бергеръ, прося взять 30 копѣекъ назадъ, которыя далъ актеру графъ Бонде, хотя капитанъ имѣлъ на то именное повеленіе герцогини и уже возвратилъ подобныя деньги двумъ Остерманамъ, однако я тѣ деньги получить отказался, предоставивъ вѣжливо передать ихъ самому графу. Между тѣмъ показалось мнѣ удивительнымъ, что наказанный такъ недавно батогами игралъ опять вмѣстѣ на театрѣ съ княжною и благородными дѣвицами; одна изъ нихъ, игравшая роль генерала, дѣйствительно княжескаго рода, а роль супруги наказаннаго батогами короля дана была родной дочери маршала вдовствующей царицы. Комедія не продолжалась такъ долго какъ прежде, многое изъ нея было выпущено, вѣроятно, чтобы не утомить его высочество, и я пьесу нашелъ вообще лучше чѣмъ въ первый разъ. Впродолженіе пьесы шутилъ я съ лейтенантомъ Брюммеромъ, ему театръ не нравился, потому что онъ не такъ еще обжился здѣсь, какъ мы; въ особенности Брюммера сердило то, что занавѣсъ безпрерывно опускался и зрители оставались въ совершенныхъ потемкахъ; поэтому случаю онъ нѣсколько разъ повторилъ:

и мнѣ надо было много старанія, чтобы удержаться отъ смѣха. Въ прошлый четвергъ у меня стянули изъ кармана табакерку, а въ нынѣшній у Альфреда и капитана фонъ-Ильгена стянули носовые платки." Этимъ мы и закончимъ отдѣлъ поэтическихъ произведеній Петровской эпохи.

ПОЗАИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ.

Въ отдѣлѣ поэтичеокихъ произведеній этой эпохи мы не встрѣтили такихъ, которыя возбудили бы у насъ интересъ; напротивъ, прозаическія сочиненія возбуждаютъ большой интересъ, особенно въ области публицистики; эта эпоха была очень живая по своимъ реформамъ, войнамъ и другимъ политическимъ событіямъ; эти реформы и событія сосредоточивали вниманіе на вопросахъ политическихъ.

Публицистическія произведенія Петровской эпохи выразились въ разныхъ видахъ: а| газеты, б| церковныя проповѣди |нужно при этомъ замѣтить, что мы имѣемъ цѣлый рядъ проповѣдей, которыя по своему содержанію можно назвать политическими рѣчами, хотя они были сказаны съ церковной кафедры духовными лицами.|, в| книги по различнымъ вопросамъ; г| записки и прэкты; записки и прэкты представляютъ характерное явленіе русской жизни; они явились въ силу тѣхъ обстоятельствъ, что не все можно было печатать; поэтому отдѣльныя личности излагали свои вопросы по поводу какого нибудь вопроса и представляли ихъ на разсмотрѣніе лицамъ, стоящимъ на высокихъ ступеняхъ государственнаго правленія; такимъ образомъ, записки и прэкты являются пудлицистическими произведеніями, но только для извѣстнаго рода читателей.

ГАЗЕТЫ. Въ 1702 г. Петръ Великій издалъ указъ печатать "куранты" - то, что мы теперь называемъ газетами. Это обстоятельство любопытно въ томъ отношеніи, что оно ставитъ петровскую эпоху въ связь съ предшествующей. Еще въ XVII в. у насъ существовали рукописныя газеты - куранты, гдѣ были сдѣланы выписки изъ иностранныхъ га-

зетъ, изъ донесеній пословъ; эти куранты назначались для правительства; но они проникали въ общество, благодаря знакомству нѣкоторыхъ лицъ съ чиновниками приказовъ. Древнѣйшіе куранты относятся къ 1621 г., къ царствованію Михаила Ѳеодоровича. Петръ Великій задумалъ придать этимъ курантамъ характеръ публицистики. Въ посольскомъ приказѣ было назначено нѣсколько лицъ слѣдить за политикой; съ этой цѣлью сюда выписывались иностранныя газеты, или донесенія пословъ и другія различныя донесенія сотрудниковъ.

Въ 1703 г. приказъ Петра былъ исполненъ и 2-го Генваря появился первый номеръ "Вѣдомостей о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ". Сначала эти вѣдомости издавались въ Москвѣ до 1711 г., а потомъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Здѣсь мы не найдемъ публицистики въ нашемъ смыслѣ - это сборникъ фактическихъ извѣстій, безъ всякаго порядка, о военныхъ дѣлахъ, политическихъ событіяхъ и пр. Они выходили въ 8 долю листа въ различные промежутки времени, приблизительно дней черезъ 10, смотря по мѣрѣ накопленія статей. Петръ былъ самъ и редакторомъ и корректоромъ этихъ вѣдомостей. Сохранились газеты, прокорректированныя самимъ Петромъ; кромѣ того, онъ дѣлалъ отмѣтки на иностранныхъ газетахъ, что нужно было печатать. Сотрудникомъ Петра былъ Матвѣевъ, нашъ посолъ изъ Голландіи, который доставлялъ много матеріала для вѣдомостей. Другимъ сотрудникомъ его былъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ.

Для знакомства съ этими вѣдомостями приведемъ нѣсколько извѣстій, помѣщенныхъ въ нихъ.

"На Москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ и гаубицъ и мортировъ вылито 400..."

"Повелѣніемъ Его Величества московскія школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію и уже діалектику окончили..."

"Въ Математической штурманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добре науку пріемлютъ"...

"На Москвѣ Ноября съ 24 числа по 24 Декабря родилось мужеска и женска полу 386 человѣкъ"...

"Изъ Персиды пишутъ: индѣйскій царь послалъ въ дарахъ Великому Государю нашему слона и иныхъ вещей не мало. Изъ града Шемахи отпущенъ онъ въ Астрахань сухимъ путемъ

"Изъ Казани пишутъ: на рѣкѣ Сону нашли много нефти и мѣдной руды; изъ той руди мѣдь выплавили изрядну, отчего чаютъ не малую прибыль Московскому государству"...

"Изъ Сибири пишутъ: въ китайскомъ государствѣ іезуитовъ вельми не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертью казнены"...

"Изъ Олонца пишутъ: Города Олонца, попъ Иванъ Окуловъ, собравъ охотниковъ пѣшихъ съ тысячу человѣкъ, ходилъ за рубежъ въ свѣйскую границу и разбилъ свѣйскія ругозенскую, шипожскую, и Сумерскую, и керисурскую заставы ... конницѣ шведской убито 50 ч., пѣхоты 400 ч., ушло ихъ конницы 50, пѣхоты 100 ч., а изъ попова войска только ранено солдатъ два человѣка"...

"Изъ Львова пишутъ? Декабря въ 14 день, силы казацкія подъ полковникомъ Самусемъ ежедневно умножаются..."

"Отъ Архангельскаго города пишутъ: Сентября въ 20 день, что какъ Его Царское Величество свои въ различныхъ корабляхъ на Бѣлое море запроводилъ, оттолѣ долѣе пошелъ

и корабли паки къ Архангельскому городу прислалъ и обрѣтаются тамъ 15 тысячъ человѣкъ солдатъ, и на новой крѣпости, на Двинкѣ нареченной, ежеденно 600 человѣкъ работаютъ..."

Изъ этого примѣра видно, что эти вѣдомости были сборникомъ отрывочныхъ указаній того, что дѣлается внутри государства и за границей; мы видимъ, что въ этихъ вѣдомостяхъ большую роль играли донесенія начальниковъ областей.

Кромѣ вѣдомостей намъ остается упомянуть еще о такъ назыв. реляціяхъ и журналахъ. Во времена Петра печатались извѣстія о ходѣ военныхъ дѣлъ; статья, касающаяся отдѣльной битвы, называлась реляціей, а цѣлаго похода - журналомъ. Реляціи и журналы тоже передавали одни фактическія извѣстія, касающіяся военныхъ дѣлъ. Всѣ реляціи и журналы были собраны Абрамовнимъ, подъ заглавіемъ "Марсова книга".

ПРОПОВѢДЬ. Начиная говорить о церковной проповѣди Петровскаго времени, намъ придется почти повторить тѣ слова, которыя мы сказали о поэзіи этого времени. Проповѣдь этой эпохи по своему взгляду и манерѣ изложенія есть продолженіе проповѣдей XVII в. Это также школьная проповѣдь, т.е. практическое приложеніе условныхъ правилъ, пріобрѣтенныхъ въ школѣ. Школьная проповѣдь начинается у насъ по тѣмъ же побужденіямъ, какъ и школы, именно для борьбы съ католическимъ духовенствомъ. Русскіе люди, жившіе въ Ю.З.Руси, понимали, какое значеніе имѣло живое слово у католиковъ. Поэтому въ XVII вѣкѣ появляется даже особая должность проповѣдника, который долженъ былъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто и всюду произ-

носить проповѣди; къ числу такихъ лицъ принадлежалъ и Димитрій, митрополитъ Ростовскій, въ началѣ своей карьеры. На искусныхъ проповѣдниковъ стали обращать особое вниманіе. Кромѣ того, въ школѣ Петра Могилы придавали большое значеніе искусному сочиненію; впрочемъ, въ ней вообще пріучали воспитанниковъ ловко владѣть перомъ.

Благодаря тому усердію, съ которымъ преподаватели риторики обучали своихъ воспитанниковъ владѣть перомъ, въ XYII в. появился рядъ замѣчательныхъ проповѣдниковъ:

Іоанникій Галятовскій - воспитанникъ, а потомъ ректоръ Кіевской Академіи, написавшій "Ключъ Разумѣнія" въ двухъ частяхъ: I| Наука альбо способъ олаганія казаній"; 2|"Сборникъ Проповѣдей".

Антоній Радивиловскій - игуменъ Николаевскаго монастыря въ Кіевѣ, написавшій "Огородникъ |садъ| Маріи Богородицы" |1676| и "Вѣнецъ Христовъ" |1688|.

Лазарь Барановичъ - архіепископъ черниговскій, написавшій "Мечъ духовный" |1666| и "Трубы словесъ проповѣдныхъ". Въ предисловіи ко 2-му сборнику Лазарь Барановичъ самъ объясняетъ названія своихъ сборниковъ: "Какъ для воина, говоритъ онъ, прежде всего нуженъ мечъ, чтобы поражать враговъ, а потомъ трубы для возбужденія воинскаго жара, такъ и для христіанина православной вѣры нуженъ прежде всего мечъ духовный, а потомъ труба духовная".

Съ переселеніемъ ю.-русскихъ ученыхъ въ Москву и сюда стала проникать проповѣдь; изъ такихъ ю.-русскихъ проповѣдниковъ замѣчателенъ Симеонъ Полоцкій, оставившій два сборника проповѣдей: "Обѣдъ душевный" и "Вечеря душевная".

Теперь у насъ является вопросъ, какъ же можно было научиться писать проповѣди? Вѣдь проповѣдь, какъ мы понима-

емъ ее, есть изложеніе правилъ нравственности и истинъ христіанскихъ сообразно съ потребностями времени и среды.

Искусство краснорѣчія, конечно, не могло касаться истинъ христіанства и примѣненія ихъ къ потребностямъ времени и среды, и школа въ этомъ смыслѣ не могла научить писать проповѣди. Она могла научить только формѣ. И, дѣйствительно, все вниманіе тогда было сосредоточено на формѣ и старинные преподаватели краснорѣчія смотрѣли на проповѣдь какъ на риторическое сочиненіе; они старались пріучить воспитанника совладѣть со всякой темой; они учили, по какому пути должна идти мысль, и прибѣгали къ средневѣковымъ схемамъ: кто? когда? гдѣ? при какихъ обстоятельствахъ? и т.д., и, наконецъ, старались пріучать воспитанниковъ излагать свои мысли какъ можно занимательнѣе.

Какіе же рекомендовались пріемы для этого? Отвѣтомъ на поставленный вопросъ служитъ книга Іоанникія Галятовскаго. Онъ говоритъ: "Быть можетъ кто спроситъ: откуда заимствовать матеріалъ для сложенія проповѣди? читай библію, житія святыхъ, творенія отцовъ церкви, исторію и хроники, книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, древахъ, травахъ и камняхъ и вычитанное прилагай къ своей рѣчи".

Такимъ образомъ, предполагаются энциклопедическія знанія, но этотъ энциклопедизмъ былъ только кажущимся. Въ средніе вѣка существовалъ цѣлый рядъ сборниковъ, какъ руководство для проповѣдниковъ, которые представляли собою собраніе примѣровъ изъ природы, исторіи; такъ, мы знаемъ, были сборники "Римскія дѣянія" и "Великое зерцало", заключающіе въ себѣ рядъ анекдотовъ съ предварительными толкованіями для того, чтобы дать поводъ къ нравоученію. Затѣмъ "Lapidaria" сборникъ краткихъ извѣстій о камняхъ съ

указаніемъ ихъ таинственнаго значенія и свойствъ; каждому камню придавалось то или другое переносное значеніе |подобное суевѣріе сохранилось и по-нынѣ|. Далѣе „Bestiaria" съ указаніемъ свойствъ животныхъ.

2-я черта проповѣдей - стремленіе блеснуть изложеніемъ. Затѣмъ, допускались въ проповѣдяхъ шутки, которыя иногда доходили до крайностей. Кромѣ того, въ проповѣдяхъ этого времени часто попадаются свѣдѣнія не только историческія, но даже и миѳическія. Такъ Радивиловскій въ проповѣди: "на день Вознесенія" сравниваетъ Христа съ Персеемъ: какъ Персей убилъ Медузу, такъ и Христосъ побѣдилъ смерть и дьявола; тутъ же онъ упоминаетъ о Домокловомъ мечѣ, Камбизѣ и т.д.

Какъ пользовались наши старинные проповѣдники тѣми свѣдѣніями, которыя заключались въ сборникахъ, можно видѣть изъ слѣд. примѣровъ: Галятовскій въ своей проповѣди "на день Срѣтенія" спрашиваетъ, какимъ камнемъ можно назвать Христа? и говоритъ, что всѣми, и топазомъ, и магнитомъ, и изумрудомъ и т.д. и тутъ же даетъ правило, что изъ этихъ камней можно сдѣлать митру Николаю Чудотворцу. Въ другой проповѣди "на день Успенія Богородицы" толкуетъ текстъ: "Предста Царица одесную Тебѣ, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна и преиспещерена" |пс. %0|. Проповѣдникъ исчисляетъ нитки, изъ которыхъ соткана была риза, и указываетъ символическое значеніе каждой изъ нихъ. Нити слѣдующія: льняная - символъ терпѣнія, шерстяная - чистоты, шелковая - смиренія и золотая мудрости; и здѣсь онъ опять дѣлаетъ правило, что изъ этихъ нитокъ можно соткать одежду св. Антонію.

Наконецъ, проповѣдники того времени часто дѣлали предметомъ проповѣди толкованіе имени празднуемаго святого. Такъ толковали имя "Христоферъ" и дѣлали заключеніе, что онъ былъ достойнымъ носителемъ Христа, и т.д., особенно же обращали вниманіе на толкованіе имени при похвальныхъ словахъ.

Такъ вотъ какіе были искуственные пріемы у старинныхъ проповѣдниковъ для развитія мыслей.

Изъ проповѣдниковъ эпохи Петра Великаго намъ нужно указать на Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича. Пособіемъ при изученіи ихъ жизни и дѣятельности могутъ служить слѣдующія сочиненія:

1| Сочиненіе Самарина: "Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ", изд. въ I-й разъ въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія, а потомъ вышедшее въ У томахъ его сочиненій.

2|. Статья Терновскаго объ Яворскомъ, напечатанная въ трудахъ Кіевской Духовной Академіи за 1864 г., а потомъ въ переработанномъ видѣ "Древняя и новая Россія" за 1879г.

3|. Соч. Морозова "Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель".

4|. Соч. Славутинскаго: "Русская проповѣдь въ началѣ XVIII вѣка," помѣщенное въ трудахъ Кіевской Духовной Академіи за 1879 г.

СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ.

Стефанъ Яворскій былъ родомъ изъ южной Россіи; онъ родился въ 1658 г. въ мѣстечкѣ Яворовѣ, откуда онъ и получилъ свою фамилію. Воспитывался онъ сначала въ Кіевской Академіи, а потомъ въ католическихъ школахъ въ Познани, Вильнѣ и Львовѣ. Но такъ какъ въ этихъ школахъ воспитывались только католики, то ему пришлось принять католи-

личество. По окончаніи образованія Яворскій вернулся въ Кіевъ, принесъ покаяніе и опять принялъ православіе. Въ это время образованныхъ людей, отличавшихся краснорѣчіемъ, приглашали на Руси въ проповѣдники. Такимъ проповѣдникомъ былъ и Стефанъ Яворскій вначалѣ, а послѣ нѣкоторое время онъ преподавалъ въ Академіи сначала риторику, затѣмъ философію и, наконецъ, богословіе. Богословскіе предметы считались тогда самыми высшими предметами, а потому преподаваніе ихъ поручалось людямъ уже опытнымъ, прослужившимъ нѣкоторое время. Въ то же время онъ былъ и префектомъ Академіи. До насъ дошелъ его учебникъ риторики: "Рука риторическая". Въ 1697 г. Стефанъ Яворскій покинулъ учебную дѣятельность и получилъ мѣсто игумена Николаевскаго монастыря въ Кіевѣ. Съ этого же времени и начинается его возвышеніе. Въ званіи настоятеля монастыря Яворскій ѣздилъ въ Москву, гдѣ въ присутствіи Петра говорилъ проповѣдь на похоронахъ боярина Шеина. Проповѣдь эта понравилась Петру, и онъ обратилъ вниманіе на проповѣдника. Послѣ этого Стефанъ Яврроскій сталъ уже быстро возвышатьсоя. Въ 1700 г. онъ былъ назначенъ епископомъ Рязанскимъ, въ 1701 г. протекторомъ Академіи, а въ 1702 г.- мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола послѣ смерти патріарха Адріана. Съ учрежденіемъ же Св. Синода, онъ былъ назначенъ его президентомъ. Но, не смотря на такіе быстрые успѣхи по службѣ, Яворскій все же былъ недоволенъ своимъ положеніемъ и старался выйти изъ него. Онъ два раза хотѣлъ возвратиться въ Кіевъ, но не получалъ на это разрѣшенія; такъ онъ просился туда въ 1707 г., послѣ смерти Кіевскаго Митрополита. Въ 1710 г. онъ отправился бъ Рязань и возвратился

оттуда нехотя. Скончался Яворскій въ 1722 г.

Обозрѣвая жизнь Стефана Яворскаго, мы замѣчаемъ въ ней двойственность. Съ одной стороны мы присутствуемъ при возрастающемъ почетѣ; видимъ, какъ онъ быстро подвигается впередъ, достигаетъ высшихъ ступеней церковной іерархіи; съ другой - замѣчаемъ то окрытое и затаенное, то прибивающееся наружу недовольство. Чѣмъ же объяснить это? Причину его нужно искать въ томъ,, что Стефанъ Яворскій былъ изъ числа людей, которые во многомъ не сходились съ преобразователемъ. Такъ, во-первыхъ, не нравились ему мѣры Петра, касавшіяся ограниченія церковной власти; воспитываясь въ католическихъ школахъ, онъ вынесъ оттуда самое высокое понятіе о церковной власти. Онъ привыкъ смотрѣть на нее, какъ на начало не только самостоятельное, но и нерушимое - и вотъ въ противоположность его собственнымъ воззрѣніямъ, онъ встрѣчаетъ явное притязаніе на ограниченіе этой власти. Такъ, въ 1700 г. умираетъ патріархъ, и Петръ не назначаетъ ему преемника, вскорѣ уничтожаетъ и самое званіе патіарха въ Россіи. Черезъ годъ |1701| новая мѣра такого же рода: возстановляется монастырскій приказъ, свѣтское учрежденіе, которое распоряжалось монастырскимъ имуществомъ и сильно ограничивало власть духовенства,- опять недовольство Ст. Яворскаго. Вторымъ пунктомъ, въ которомъ сталкивались убѣжденія Яворскаго съ дѣятельностью Петра, было отношеніе послѣдняго къ протестантизму и религіозному вольномыслію.

Въ 1713 г. была открыта ересь врача Дмитрія Тверитинова и цирюльника Ѳомы Иванова, которою осуждались посты, поминовеніе умершихъ, поклоненія мощамъ, отвер-

гались иконы и вся обрядовая сторона православной церкви. При слѣдствіи нашли связь этой ереси съ ученіемъ прстестантовъ, и Ст. Яворскій хотѣлъ принять строгія мѣры противъ еретиковъ. Въ 1714 г. былъ созванъ соборъ который осудилъ Тверитинова и его единомышленниковъ; но это осужденіе встрѣтило протестъ въ Петербургѣ, и противъ еретиковъ приняты были мягкія мѣры. Немного спустя новый фактъ терпимости къ протестантству; Новгородскимъ архіепископомъ былъ назначенъ Ѳеофанъ П., извѣстный своими протестантскими воззрѣніями. Вся партія старыхъ епископовъ со Стефаномъ во главѣ высказала протестъ противъ избранія Ѳеофана, но не достигла цѣли, и Яворскій вмѣстѣ съ другими потерпѣлъ неудачу. Наконецъ, въ-третьихъ, явно обнаруживалось недовольство Ст. Яворскаго - правда, безсильное и здѣсь - по поводу нѣкоторыхъ случаевъ изъ частной жизни Петра, какъ напр. разговоръ съ Лопухиной, женитьба на Екатеринѣ и дѣло царевича Алексѣя. Таковы пункты, въ которыхъ встрѣтились эти два человѣка, и которые дали поводъ къ ропоту и неудовольствію со стороны Стефана.

Обратимся теперь къ Стефану Яворскому, какъ къ писателю. Стефанъ Яворскій не даромъ учился въ западныхъ школахъ. Онъ вернулся оттуда со всѣми привычками и пріемами человѣка, проведшаго эти школы, и проникнутаго католическими воззрѣніями. Такъ, особенностью западныхъ школъ была любовь къ піитическимъ и риторическимъ упражненіямъ, которымъ придавали тамъ особенное значеніе. Эту же черту мы встрѣчаемъ и въ Яворскомъ. Онъ явился въ Кіевъ, увѣнчанный титуломъ "*poeta laureatus*", и постоянно относился съ любовью къ стихотворству, охот-

но прибѣгая къ мѣрной рѣчи при всякомъ случаѣ. Такъ въ 1684 г.и 1689 г., по возвращеніи въ Кіевъ, онъ написалъ |прозою и отихами| два панегирика Варлааму, Митрополиту Кіевскому. Въ 1711 г., когда основана была Саровская пустинь, Ст. Яворскій написалъ грамоту и наставленіе инокамъ, конецъ котораго онъ изложилъ стихами. Около того же времени онъ написалъ завѣщаніе въ стихахъ покровительствуемому имъ Длаговѣщенскому монастырю въ Нѣжинѣ, которому Стефанъ завѣщалъ свою библіотеку. Кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько стихотворныхъ переложеній церковныхъ молитвъ. Нѣкоторыя изъ стихотвореній Яворскаго перешли даже въ народъ.

Вторая черта западношкольной образованности - любовь къ реторикѣ, тоже нашла въ Стефанѣ сторонника; она выразилась въ составленномъ имъ учебникѣ риторики, озаглавленномъ: "Рука риторическая, пятью частьми, или пятью персты укрѣпленная". Но особенно эта любовь къ реторикѣ обнаружилась въ его проповѣдяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, присматриваясь къ проповѣдямъ Яворскаго, мы видимъ въ нихъ лучшіе образцы школьнаго проповѣдничества того времени со всѣми особенностями школьнаго вкуса, который встрѣчаемъ у Галятовскаго, Барановича и Полоцкаго.

Припомнимъ, какой характеръ имѣла вся система сложенія проповѣдей у образцовыхъ проповѣдниковъ западныхъ школъ. Проповѣди ихъ не могли удовлетворять слушателей, помимо оцѣнки со стороны теоріи; да въ школахъ и не учили тому, каково должно быть содержаніе проповѣдей. Все ограничивалось тѣмъ, чтобы предоставить образецъ учености, блеснуть цитатами и умѣньемъ приладить любой матеріалъ

къ любому случаю; а чтобы придать интересъ и замаскировать эту внутреннюю сухость и безсодержательность - развлекать слушателей анектодтами и каламбурами.

Все это повторяется у Ст.Яворскаго, котораго можно назвать предотавителемъ того же типа проповѣдниковъ во всѣхъ отношеніяхъ. Его проповѣди переполнены цитатами, не только изъ духовныхъ христіанскихъ писателей, но даже изъ языческихъ: Гомера, Діогена, Лаэрція, Цицерона, Аристотеля, Демосѳена, Ливія, Овидія и др. Изъ болѣе новыхъ писателей въ его проповѣдяхъ упоминаются: Барониі, Дрексеній, Беллярминъ и др. Иногда Стефанъ Яворскій вноситъ свѣдѣнія изъ области естествознанія, конечно съ тѣмъ уровнемъ, на какомъ стояло оно для рўсскихъ людей того времени, получившихъ свѣдѣнія изъ старыхъ книгъ о природѣ. Такъ, въ одной изъ проповѣдей онъ разсуждаетъ о головной болн. Онъ ставитъ вопросъ: "отчего подвергаются ей только люди, а не ощущаютъ ея животныя?" Причиною этого, по объясненію Стефана служитъ строеніе тѣла у тѣхъ и другихъ. Головная боль возникаетъ у людей, вслѣдствіе паровъ, которые, поднявшись, по своему свойству, изъ желудка, сосредоточиваются въ головѣ; между тѣмъ какъ у животныхъ голова находится въ уровень съ туловищемъ и пары распространяются по всему тѣлу. Въ другой проповѣди онъ разсуждаетъ о цвѣтѣ волосъ, русомъ, черномъ и сѣдомъ и объясняетъ ихъ значеніе. Въ третьей касается астрономіи и дѣлаетъ выходки противъ Коперника и его системы, отзывается о немъ свысока, говоритъ, что система его представилась ему во снѣ. "Смѣются съ него богослови" заключаетъ онъ свое разъясненіе астрономическое.

ретьей чертой школьнаго проповѣдничества было стремле-

ніе къ изысканнымъ и замысловатымъ сравненіямъ, уподобленіямъ и фигурности рѣчи. Особенно часто практиковалась "аллегорія", къ которой сводили проповѣдь. Припомнимъ извѣстное слово Галятовскаго "на Успѣніе Богородицы", состоящее въ толкованіи слова "риза". То же самое очень часто встрѣчается и у Ст.Яворскаго. Такъ, въ проповѣди на недѣлю 2-ю по Св.Дусѣ на текстъ: "Я сдѣлаю васъ ловцами людей"", подробно развито сравненіе людей съ рыбами цѣлымъ рядомъ сопоставленій въ такомъ родѣ: "люди получаютъ возрожденіе въ водахъ во время крещенія - рыбы водятся въ водахъ; рыбы плаваютъ въ волнахъ рѣкъ и морей, люди обуреваются волнами житейскаго моря; рыба рыбу съѣдаетъ, такъ и въ человѣческомъ обществѣ есть острозубыя щуки, которыя меньшихъ щукъ бѣдныхъ съѣдаютъ и пожираютъ; рыбы ловятъ удочкой и сѣтями, такъ и людямъ разставляетъ сѣти "исконный врагъ рода человѣческаго"; рыбы начинаютъ гнить съ головы -"многажды отъ главы отъ начальника растлѣніе происходитъ во градѣхъ, въ судахъ въ приказахъ, въ ратушахъ, въ синклитахъ царскихъ;" рыбы управляются хвостомъ,- въ нравственной жизни человѣкомъ должны руководить "воспоминанія о послѣднихъ", т.е. о смерти и т.д. Далѣе слово въ недѣлю 23 представляетъ форму рецепта, причемъ аллегорически подъ видомъ травъ даются разныя наставленія.

На ряду съ сравненіями и аллегоріей Стефанъ пользуется искусственными противоположеніями и разрѣшеніемъ кажущихся недоразумѣній. Такъ, въ одной изъ проповѣдей,разсуждая о любви къ отечеству и военномъ дѣлѣ, онъ ставитъ вопросъ: говорятъ, что воины, отправляясь на войну, умираютъ изъ любви къ отечеству. Какъ же согласить это съ

понятіемъ любви, какъ чувства, влекущаго къ предмету ея. Подобный же примѣръ представляетъ библейскій разсказъ о смерти Авессалома. Здѣсь Яворскій подробно разбираетъ, почему именно онъ зацѣпился волосами и почему повисъ на дубѣ, а не на другомъ какомъ-нибудь деревѣ.

Наконецъ, также встрѣчаемъ у Ст.Яворскаго игру словъ, каламбуры и шутки. Такъ, въ проповѣди на новый 1704 г. онъ дѣлаетъ добрыя предсказанія для Россіи на томъ основаніи, что четвертый годъ изображается славянской буквой Д |добро|. Къ такому же пріему прибѣгаетъ онъ и на слѣдующій 1705 г. "Нынѣ же начинаемъ годъ сей съ Рождества Христова 1705-й. А что о немъ пророковати станемъ? Пятый сей годъ литерою Ѕ |есть| пишется. Слава Богу, доброе и то число, доброе знаменіе. Вопроситъ ли кто въ сей годъ о нѣбѣ, и литера являетъ: есть; вопроситъ кто о благорастворенiи воздуховъ и умноженiи плодовъ земныхъ - есть; вопроситъ кто о здравiи и всякомъ благополучiи - "есть".- По поводу взятія крѣпости Орѣшка Яворскій говоритъ: Орѣшекъ претвердный добрые то зубы были, которые сокрушили тотъ твердый орѣшекъ. Бываетъ часто такъ твердый орѣхъ, яко нужда есть на сокрушеніе его каменя". |намекъ на имя Петра|. Въ другомъ мѣстѣ находимъ такой каламбуръ: "Петръ не такъ скипетръ, аки мечъ воинскій возлюби." А вотъ и образцы стремленія къ занимательности, для которой онъ прибѣгалъ къ тѣмъ же шуткамъ, которыя были въ числѣ обычныхъ пріемовъ у всѣхъ западныхъ проповѣдниковъ. Въ словѣ: "о значеніи благодати Христа" онъ сравниваетъ 5 ранъ Христа съ 5-ю дырами въ мѣшкѣ, изъ котораго сыплются червонцы. Въ другой проповѣди приведя слова Спасителя: "поминайте жену Лотову", онъ спрашиваетъ, "какъ же ю, спасителю

ЛИТ. БОГДАНОВА ЗРТЕЛЕВЪ П. 1.

мой, поминати? панихиду ли за нее пѣти, или въ эктеніяхъ поминати? не вѣдаемъ, какъ ей имя. Поминайте жену Лотову а почему же не Сарру, не Ревекку, не Эсфирь, не Юдифь? Въ 3-ей проповѣди, въ которой онъ объясняетъ притчу о 3 званныхъ, отказавшихся отъ пира, изъ которыхъ послѣдній отказался по случаю женитьбы, встрѣчаемся со слѣдующею выходкой: "первый и другой отрицаются, но политичнѣе и если бы ихъ прилежнѣе звали, они можетъ быть и пошли бы. А третій безъ всякой политики, грубо: жену пояхъ и сего ради не могу прійти. О неучтивая грубость! грубый мужикъ, варваръ, могдавъ неоскребанный! Жену пояхъ, не могу прійти! и съ женою ступай!"

Теперь перейдемъ къ содержанію проповѣдей Стефана. Мы сказали, что въ жизни его замѣчается двойственность. Эту же двойственность мы замѣчаемъ и въ проповѣдяхъ. Именно, съ одной стороны, онъ является панегиристомъ Петра,- съ другой, критически относится къ дѣятельности великаго преобразователя. Въ самомъ дѣлѣ многія дѣйствія Петра не могли не заслуживать одобренія и сочувствія Стефана, напр. сближеніе Россіи съ Европой, трудолюбіе Петра, его умъ, военныя дѣла, устройство флота. Но отмѣна патріаршества и учрежденіе Синода, благоволѣніе Петра къ протестантамъ, отношенія Петра къ первой женѣ и сыну возбуждали неудовольствіе Стефана.

Разсмотримъ сначала такія проповѣди, въ которыхъ Стефанъ является панегиристомъ Петра.

Такъ, въ 1708 г. онъ произнесъ проповѣдь подъ заглавіемъ: "Три сѣни Христу Богу нашему Петромъ построенныя", въ которой онъ указываетъ на пользу для Россіи флота: "Между людьми политичными велія бываетъ укориз-

на, досада и безчестіе, егда кому рекутъ: что ты, братъ, гдѣ ты бывалъ, что ты когда видалъ? въ запечку воспитался еси, только тебѣ свѣта, что въ окнѣ, не вѣдалъ еси ни поля, ни моря; прямою еси черепахою, которая изъ костяного своего жилища никогда же не исходитъ, въ немъ родится, въ немъ и умираетъ. А хотя бы никто того не говорилъ, сама истина являетъ, что веліе есть несовершенство такого человѣка, который есть опредѣленнымъ и аки привязаннымъ и прикованнымъ къ одному мѣсту. Неволя то есть равно египетская, егда кому предѣлъ положенъ, его же нѣкоти можно преходити. Богъ нашъ всемогущій между инѣми своими безчисленными величіями и сіе величіе имѣетъ, что есть неопредѣленный, вездѣ сый и вся исполняяй. Тѣмъ же и тотъ человѣкъ, который есть неопредѣленный, къ одному мѣсту не привязанный, образъ Божій по истинѣ на себѣ носитъ и подобнымъ стается самому Богу; а который человѣкъ къ одному мѣсту только привязанный, единымъ мѣстомъ есть опредѣленный, о коликое имать разстояніе отъ Бога!" и т.д.

"Чтожъ речемъ слышателіе о нашей Россіи? Есть, слава Богу, за что хвалити нашу Россію, ущедрилъ ю Богъ различнми талантами....въ томъ только доселѣ имѣла веліе несовершенство, что пребываніе опредѣленна. Предѣлъ бяше неудобь проходимый, нельзя было выглянути за государство и видѣть, что ся дѣетъ на свѣтѣ: вѣстей такожде никакихъ ни откуда Россіяне не имѣаху, поведеній, нравовъ, обычаевъ въ другихъ государствахъ политичныхъ отнюдь не знаяху, тѣмже и поношенія и укоризны и досады многія отъ прочихъ государствъ терпяху, аки дѣтища нѣкіи и отроки невѣжливые, которымъ развѣ то вѣдомо, что въ дому дѣется. Нынѣ же радуйся и веселися, Россіе, егда благоизволи Богъ

ключемъ Петровымъ отверзти тебѣ врата на видѣніе свѣта. Радуйся и веселися, егда стяжала еси новаго Ноя, который флотомъ морскимъ средостеніе, заключающее тя и свободу тебѣ отъемлюще преславно разори и на свободу тя отведе, и отъятъ отъ тебя поношеніе и укоризну. Дай Богъ только миръ, сама узриши, Россіе, коликое отъ корабельнаго флота угодіе! Флотомъ морскимъ мощно звѣдати, что на всѣтѣ дѣется, мощно узрѣти различныя государства, ихъ поведеніе, политику, красоту городовъ, различіе нравовъ въ модѣхъ различныхъ и премногія иныя прежде невиданныя диковинки. Сей одинъ градъ |ПБургъ| всѣ убылѣ, въ нынѣшнемъ военномъ времени бываемыя кораблями и пристанью своею можетъ наверстати. А что твои караванн въ Китайское царство? бездѣлица то ерть: весь караванъ насилу съ единымъ кораблемъ сравнитися можетъ. Да уже ненадобѣ лошадей ни кормити, ни терятн, не телѣгъ ломати, ни слугъ много имѣти."

Здѣсь можно видѣть ту манеру искусственнаго развитія мысли, какъ и вообще въ другихъ школьныхъ проповѣдяхъ.

30-го мая 1709 г. въ день рожденія П.В. Стефанъ сказалъ проповѣдь, въ которой онъ ясно рисуетъ намъ характеръ Петра: "смотри только, каково его прилежаніе о наученіи воинскаго чина: самъ сущи монарха, аки единъ отъ солдатъ всѣ воинскія и наименьшія степени переходитъ, даючи образъ прочимъ, да послѣдуютъ стопамъ его. Смотри, какъ мудрое и промысленное попеченіе о собраніи денегъ, безъ нихъ же воинству быти нѣсть мощно. Смотри на корабли, фліоты, галіери, которые его промысломъ, благоразуміемъ и рукодѣліемъ построены, яко Ноевъ корабль....Смотри прилежно на его рукодѣліе и чимъ упражняется, монарха сый,

но яко единъ отъ работникъ; дѣла корабельныя, дѣла пушкарскія и прочія военныя рукодѣльствія сами по рукамъ его царскимъ мозолм свидѣтельствуютъ". Или есть еще выдержка изъ проповѣди въ день Петра и Павла 1700 г."Удивляемся не только мы видящи, но и вся вселенная, слышащи толикому толикаго лица преклонству, толикому смиренію и снисходительству: съ ними ястъ, піетъ, спитъ, сѣдитъ, любовнѣ бесѣдуетъ съ ними, аки единъ отъ сосѣдъ и друговъ нашихъ, премирно сожительствуетъ и, забывъ, себя быти царя и монарха, его же подсолнечная трепещетъ, всякому есть приступенъ, жилища наши посѣщаетъ, обѣдомъ, вечерію и охотою нашею не гнушается. Съ нами, аки отецъ съ годами житіе свое проводитъ."

Далѣе въ одной изъ своихъ проповѣдей Ст.Яворскій говоритъ объ искусномъ построеніи Петербурга, въ этой проповѣди замѣчается также искусственное развитіе мысли; онъ доказываетъ вообще превосходство долинъ надъ горами, приводя много примѣровъ изъ Библіи и изъ исторіи.

Болѣе для насъ имѣетъ значенія дѣятельность Стефана, какъ критика дѣлъ Петра. Критическое отношеніе къ дѣламъ Петра могло освободить Стефана отъ того обаянія, которое они производили на современниковъ и давало возможность ему иногда вѣрно взглянуть на современныя явленія.

Прежде всего Яворскій выступилъ порицателемъ закона "о фискалахъ". 1711 г. 5-го Марта сенатъ получилъ слѣдующій именной царскій указъ: "Выбрать оберъ-фискала, человѣка умнаго и добраго |изъ какого чина ни есть|; дѣла же его сіи суть: долженъ онъ надъ всѣми дѣлами тайно подсматривать и провѣдывать про неправый судъ; такожъ въ сборѣ казны и прочаго и кто неправду учинитъ, то дол-

женъ фискалъ позвать его предъ сенатъ ,какой высокой степени ни есть| и тамъ его уличать; и буде уличитъ его, то половина штрафа въ казну, а другая ему фискалу; буде же и не уличитъ, отнюдь фискалу въ вину не ставить, ниже досадовать подъ жестокимъ наказаніемъ и разрреніемъ всего имѣнія".

Это учрежденіе вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что много творилось неправды на Руси. Но его нельзя назвать удачнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто же были эти фискалы, которымъ дана была столь страшная власть? Это были тѣ же приказные люди, воспитывавшіеся на тѣхъ же началахъ, съ тѣми же убѣжденіями, какъ и сами чиновники, надъ которыми они должны были смотрѣть - слѣдовательно и они могли допускать различныя злоупотребленія, пользуясь безнаказанностью за неправые доносы. И дѣйствительно, мы видимъ, что послѣ открытія должности фискаловъ, Петръ наказалъ оберъ-фискала Нестерова за злоупотребленія. Власть фискала распространялась и на лицъ духовныхъ; поэтому Стефанъ Яворскій, какъ человѣкъ безпристрастный, видѣвшій неудовлетворительность этой мѣры, разразился въ 1712 г. 17 Марта, въ день ангела Алексѣя Петровича знаменитою рѣчью противъ этого учрежденія. Въ этой проповѣди, носившей заглавіе "О храненіи заповѣдей Господнихъ", Яворскій доказываетъ, что Петръ этой мѣрой и многими другими дѣйствіями нарушалъ |будто бы| "законъ Господень", велѣдствіе чего происходитъ много бѣдъ для Россіи: "Того ради не удивляйтеся, что многомятежная Россія доселѣ наша въ кровныхъ буряхъ волнуется; не удивляйтеся, что по толикѣхъ смятеніяхъ доселѣ не имамы вожделѣннаго мира. Миръ есть сокровище неоцѣненное; но тіи только симъ со-

кровищемъ богатятся, которые любятъ Господень законъ; а кто законъ Божій разоряетъ, отъ того миръ далече отстоитъ. Гдѣ правда, тамъ и миръ. Море, свирѣпое море - человѣче законопреступный. почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? берегъ есть законъ Божій, берегъ есть, во еже не не прелюбы сотвори, не вожделѣти жены ближняго, не оставляти жены своея; берегъ есть, во еже хранити благочестіе, посты, а наипаче четыредесятницу; берегъ есть почитати иконы. Христосъ гласитъ въ Евангеліи: аще кто церкви преслушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь". Въ концѣ этой проповѣди ст.Яворскій съ любовью останавливается на царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ и проводитъ параллель между нимъ и Алексѣемъ, Божіимъ человѣкомъ; такъ проповѣдникъ обращается съ слѣдующею молитвою къ св. Алексѣю: "О угодниче Божій! не забуди и тезоименника твоего и особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдователя. Ты еси оставилъ домъ свой, онъ такожде по чужимъ домамъ скитается; ты удалился еси родителей, онъ такожде; ты лишенъ рабовъ, слугъ, подданныхъ, друговъ, сродниковъ, знаемыхъ, онъ такожде; ты человѣкъ Божій, онъ такожде истинный родъ Христовъ. Молимъ убо, Святче Божій, покрый своего тезоименника, нашу едину надежду, покрой его въ кровѣ крылъ твоихъ.... Дай намъ видѣти его вскорѣ, всякимъ благополучіемъ изобилующа, и его же нынѣ тѣшимся воспоминовеніемъ, дай возрадоватися и превожделѣннымъ присутствіемъ."

Любопытно въ этой пропозѣди выраженіе: "нашу едину надежду". Изъ этого видно, что Стефанъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ Алексѣю Петровичу и возлагаетъ на него большія надежды. Эта проповѣдь произвела сильное

впечатлѣніе и на слушателей; сенаторы напугались тѣхъ послѣдствій, которыя она могла имѣть относительно проповѣдника, они немедленно донесли Петру объ этой проповѣди. Но, сверхъ всякихъ ожиданій, Петръ сдѣлалъ только нѣсколько внушеній Стефану. Эта проповѣдь была читана самимъ Петромъ, который въ томъ мѣстѣ, гдѣ обличается человѣкъ, бросившій свою жену, на полѣ сдѣлалъ замѣтку: "перво одному, потомъ съ свидѣтели".

Интересна также проповѣдь Стефана, сказанная въ 1706 г. на новый годъ, въ которой онъ рисуетъ положеніе сословій въ государствѣ. Эта проповѣдь носитъ заглавіе: "Колесница торжественная или путь сугубый". Подъ колесницей нужно разумѣть государство, подъ колесами - сословія. Упомянувъ о трехъ колесахъ, проповѣдникъ съ слѣд. словами обращается къ четвертому колесу: "Четвертое и послѣднее есть чинъ людей простонародныхъ. Скрыпливое колесо то, никогда же тихо не умѣетъ ходити: всегда скрыпитъ; всегда ропщетъ; наложишь какое тяжало, то и начнетъ скрыпати. Слушай же мое скрыпливое колесо то! Иныя три колеса бремя носятъ, а ты едино хощеши жить безъ бремени? Иныя колеса въ непрестанномъ движеніи пребываютъ, а ты хощеши почивати? Иныя на чужую пользу работаютъ, а ты хощеши на свою? Для чего такъ великое на тебѣ тяжало мнится быти дань даяти? но большее тяжало кровь изливати, душу полагати, еже творятъ воины. Хощеши свободно быти отъ дани? а гдѣжъ есть царство и подданство безъ дани? кая война безъ податей бываетъ?....Правда то есть, нѣтъ чего хвалити, аще и бремя также изоду на колесо, что бѣдное не только скрыпитъ, но и ломится. Како бо колесу бѣдному не скрыпѣти, аще будетъ обременено тяжаломъ, не удобь носимымъ?

Тамо, колесо, иди, аможе влечетъ тебя животное, не опирайся, не скрыпи, жестоко ти есть противу рожну прати; противитися, либо бунтовати сохрани Боже."

Далѣе въ проповѣди "Пиръ Валтасара" Яворскій пользуется библейскимъ разсказомъ о кощунствѣ Валтасара, употребившаго священные сосуды для своего пира, чтобы сдѣлать намекъ на отношенія Петра къ церковной власти. Самый стиль въ критическихъ проповѣдяхъ Стефана гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ; онъ ничего не имѣетъ общаго съ тяжелымъ и условнымъ стилемъ въ панегирическихъ проповѣдяхъ.

ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ.

родившійся въ 1681 г. въ Кіевѣ былъ лучшимъ панегиристомъ Петра. Онъ былъ сынъ небогатаго кіевокаго купца; такіе люди рѣдко когда давали образованіе своимъ дѣтямъ, что вѣроятно случилось бы и съ Ѳеофаномъ Пр., если бы дядя его, тоже Ѳ.Покоповичъ, бывшій ректоромъ Кіевской Академіи, не взялъ своего племянника въ Академію. По окончаніи курса въ Академіи онъ поѣхалъ въ Римъ, гдѣ поступилъ въ Іезуитскую коллегію св.Аѳанасія, куда стекались молодые люди изъ Сербіи, Греціи, Рима и т.д. Папа устроилъ эту коллегію съ цѣлью пріобрѣсти себѣ преданныхъ людей въ православныхъ странахъ, чтобы съ помощью ихъ распространить власть свою надъ всѣмъ міромъ. Ѳеофанъ обнаружилъ здѣсь свои громадныя дарованія и, благодаря своей сильной жаждѣ знанія, успѣлъ пріобрѣсти громадную начитанность. Въ 1702 г. Прокоповичъ вернулся изъ за границы и съ этого года до 1716 г дѣятельность его была посвящена Академіи Кіевской. Онъ, по возвращеніи изъ за границы, занималъ каѳедру поэзіи, потомъ риторики, позже философіи, даже богословія, и наконецъ, съ

1711-1716 былъ ректоромъ Академіи, а въ 1716 г. былъ вызванъ въ Петербургъ. Отъ каждой изъ этихъ дѣятельностей онъ оставилъ памятники своихъ трудовъ. Такъ отъ времени преподаванія піитики осталась трагедо-комедія "Владиміръ" и учебникъ піитики, отъ преподаванія риторики - учебникъ риторики, отъ богословія - курсъ богословія и т.д.

Началомъ сближенія Прокоповича съ Петромъ можно считать 1706 г., когда, при пріѣздѣ Петра въ Кіевъ, Ѳ. привѣтствовалъ его словомъ, очень понравившимся царю. Въ 1709 г. Петръ снова посѣтилъ Кіевъ и Ѳеофанъ снова сказалъ ему поздравительное слово по случаю Полтавской побѣды. Понимая хорошо тогдашнее положеніе дѣлъ и значеніе Меньшикова, Ѳ. Прокоповичъ и ему сказалъ слово. Что эти проповѣди не прошли даромъ для автора, видно изъ того, что скоро потомъ онъ получилъ приглашеніе сопутствовать Петру въ Прутскомъ походѣ |1711 г.|.

Петръ, вызвавъ Ѳ. Прокоповича въ Петербургъ, нашелъ, что онъ болѣе всего поможетъ ему въ устройствѣ церковнаго управленія, а потому, приблизивъ его къ себѣ, сталъ хлопотать для Прокоповича объ епископскомъ санѣ. Въ 1700 г. умеръ патріархъ Адріанъ и Петръ рѣшился иначе устроить церковное управленіе, но не зналъ, какъ это сдѣлать, а Стефанъ Яворскій не хотѣлъ ему въ этомъ помочь. Поэтому Петръ былъ очень доволенъ, найдя въ лицѣ Прокоповича достойнаго себѣ помощника. Въ 1718 г. открылась вакансія на епископа Псковскаго, и Петръ рѣшилъ дать эту каѳедру Прокоповичу. Но это вызвало нѣкоторое затрудненіе. Представители высшей власти духовной считали Ѳ. Прокоповича вольнодумцемъ и представили Петру протестъ, гдѣ были высказаны подозрѣнія относительно чистоты вѣры Прокоповича. Но Ѳ. Прокоповичъ написалъ Символъ Вѣры и былъ рукоположенъ въ епископи.

Важную услугу оказалъ Ѳ. Петру составленіемъ Духовнаго регламента, гдѣ излагались начала новаго церковнаго управленія. На основаніи этого регламента въ 1721 г. былъ открытъ синодъ, въ которомъ Стефанъ Яворскій получилъ мѣсто президента, а Ѳ.Прокоповичъ - вице-президента. Дѣятельность его какъ проповѣдника и духовнаго дѣятеля продолжалась и въ царствованіе Анны Іоанновны до 1736 г.

Ѳеофанъ Прокоповичъ принадлежитъ къ числу выдающихся и самихъ образованныхъ дѣятелей своего времени. Въ Петербургѣ онъ былъ главнымъ центромъ, вокругъ котораго группировались всѣ ученые люди, наши первые академики, поэты и т.д. Онъ покровительствовалъ начинающимъ талантамъ: Кантемиру, Татищеву и др. Онъ собралъ себѣ громадную библіотеку, больше даже царской, что было одною изъ главныхъ причинъ, привлекавшихъ къ нему ученыхъ людей; къ этому нужно прибавить откритый, веселый его характеръ, его гостепріимство, его роскошную жизнь, которую онъ проводилъ на своей дачѣ, на Карповкѣ, на Петербургской сторонѣ. Относительно роскоши и веселой жизни Прокоповича до насъ дошелъ анекдотъ очень интересный. Петру донесли, будто бы Стефанъ Яворскій преданъ употребленію спиртныхъ напитковъ и что этой страсти онъ предается ночью наединѣ. Петръ В. внезапно ночью является къ Стефану Яворскому и застаетъ его за чтеніемъ огромныхъ фоліантовъ, тутъ же стояло много всякаго рода бутылокъ, наполненныхъ фруктовыми водами, которыя святитель очень любилъ. Отсюда Петръ отправился къ Ѳ.Прокоповичу, у котораго въ это время шелъ пиръ горой; но Ѳеофанъ не смутился, онъ вышелъ къ царю съ пѣніемъ: "се женихъ грядетъ въ полунощи и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща." Петръ разсмѣялся и присоединился къ пирующимъ.

До насъ дошли нѣкоторыя сужденія иностранцевъ о Ѳ.Прокоповичѣ, гдѣ они восхваляютъ его въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ. Такъ напр. академикъ Байеръ, бывшій одно время учителемъ въ школѣ Прокоповича, посвятилъ ему свой трудъ: „Museum Sinicum" 1730 и въ посвященіи своемъ пишетъ слѣдующее: "Я часто смотрѣлъ на Васъ, говоритъ Байеръ, какъ на нѣкоего Климента, или Кирилла, или Евсевія, когда вы опровергали басни древнихъ народовъ или нелѣпѣйшія мнѣнія философовъ; вы какъ будто вводили меня въ своихъ бесѣдахъ въ Римъ, или въ какой нибудь другой городъ Италіи, славный священными или историческими памятниками; а когда Вы припоминали событія всѣхъ вѣковъ, то мнѣ казалось, что я внимаю образованнѣйшему человѣку какъ въ словесныхъ наукахъ, такъ и въ высшихъ искусствахъ. Съ какимъ удовольствіемъ слушалъ я Васъ, когда вы описывали мнѣ памятники древняго времени, видѣнные вами въ Римѣ и прочей Италіи, говорили о состояніи просвѣщенія, о вашихъ путешествіяхъ и занятіяхъ науками. какое разнообразіе и обиліе. какая память, какая сила мысли и наблюдательности, какое изящество латинской и итальянской рѣчи, какая, наконецъ, живость и пріятность во всемъ".

Далѣе, датскій путешественникъ фонъ-Гавенъ, бывшій въ Петербургѣ лѣтомъ 1736 г., стало быть за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Ѳ.Прокоповича, имѣлъ случай съ нимъ познакомиться и въ описаніи своего путешествія сообщилъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о новгородскомъ архіепископѣ: Этотъ превосходный человѣкъ, говоритъ онъ, по знаніямъ своимъ не имѣетъ себѣ почти никого равнаго, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, богословія и философіи, онъ имѣетъ глубокія свѣдѣнія въ математикѣ и нео-

писанную охоту къ этой наукѣ. Онъ знаетъ разные европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говоритъ, хотя въ Россіи не хочетъ употреблять никакого кромѣ русскаго, и только въ крайнемъ случаѣ объясняется на латинскомъ, въ которомъ не уступитъ любому академику. Онъ особенно вѣжливъ и услужливъ со всѣми иностранными литераторами и вообще иноземцами. Со смертью его должно прекратиться множество въ высшей степени полезныхъ дѣлъ". Вотъ въ какихъ изысканныхъ фразахъ характеризуютъ Ѳ.П. иностранцы. Но не смотря на всѣ вышеприведенныя хорошія качества его характера, Ѳ.П. отличался мстительностью, злобой и склонностью къ интригѣ. Онъ былъ очень ловкій человѣкъ и умѣлъ обдѣлывать свои дѣла. Онъ умѣлъ снискать послѣ смерти Петра расположеніе Екатерины. Такъ разсказываютъ, что Ѳ.П. оказалъ ей личную услугу. По смерти Петра, который, какъ извѣстно, не назначилъ себѣ преемника, возникъ вопросъ, кому быть преемникомъ его: одни стояли за Екатерину, другіе за царевича Алексѣя. Тогда Ѳ.Прокоповичъ сказалъ, что онъ слышалъ отъ Петра, какъ тотъ однажды выразилъ желаніе, чтобы послѣ его смерти на престолъ вступила Екатерина. Дѣйствительно-ли Ѳеофанъ это слышалъ отъ Петра остается неизвѣстнымъ; но слова его были сказаны во время и такъ кстати, что Екатерина была избрана на престолъ. Еще большую услугу онъ оказалъ Аннѣ Іоанновнѣ. Существуетъ разсказъ, что когда Анна Іоанновна пріѣхала въ Петербургъ, то онъ подарилъ ей часы, за доской которыхъ находилась бумага, въ которой излагались средства для того, чтобы избавиться отъ верховниковъ. Поэтому можетъ быть царствованіе Анны Іоанновны было временемъ самаго высокаго значенія Ѳ. Прокоповича. Пользуясь такимъ значеніемъ, онъ рѣшилъ раз-

дѣлаться со своими многочисленными врагами и поднялъ громадное дѣло, производившееся въ тайной канцеляріи. Поводомъ къ нему былъ пасквиль, написанный на Ѳеофана. Послѣдній постарался придать этому дѣлу характеръ политическій; было привлечено множество людей, которые не раздѣляли мнѣній Ѳеофана. Многіе пострадали и въ томъ числѣ Ѳеофилактъ Лопатинскій. Весь этотъ процессъ является темной стороной дѣятельности Ѳеофана Прокоповича.

Теперь обратимся къ литературной дѣятельности Ѳеофана Прокоповича. Здѣсь нельзя не сказать объ его направленіи, которое рѣзко разнилось отъ того, которое господствовало у духовныхъ ученыхъ. Мы сказали, что Стефанъ Яворскій былъ представителемъ католической школы. Онъ вышелъ изъ нея ревностнымъ поклонникомъ всѣхъ тѣхъ пріемовъ изложенія и мыслей, которыя составляютъ характеристическую черту католическихъ школъ. Далѣе, онъ былъ проникнутъ сознаніемъ о высокомъ значеніи духовенства. Между тѣмъ какъ Прокоповичъ, хотя и вышелъ изъ той же католической школы, однако вынесъ одно только отвращеніе къ католичеству и всему католическому образованію и духовенству. Когда онъ былъ учителемъ піитики въ Кіевской Академіи, то онъ написалъ комедію "Владиміръ". Находятъ, что въ лицѣ жрецовъ онъ здѣсь изобразилъ темныя стороны католическаго и отчасти русскаго духовенства. Если мы обратимся къ другимъ его произведеніямъ, то въ нихъ найдемъ то же самое порицаніе католичества и его образованности. Такъ, напр., отъ Ѳеофана Прокоповича остался учебникъ піитики. При ознакомленіи съ нимъ оказывается, что онъ въ этомъ учебникѣ подвергаетъ рѣзкой критикѣ тѣ методы преподаванія, которые были выработаны прежде и господствовали въ катол.

школахъ. Въ его піитикѣ мы находимъ рядъ нападокъ. Такъ, онъ нападаетъ на господствовавшее тогда смѣшеніе образовъ христіанскихъ съ языческими и находитъ такое смѣшеніе безвкуснымъ и лишеннымъ художества, рекомендуя олицетворять добродѣтели христіанскаго Бога, такъ, напр., премудрость, милосердіе и пр. Далѣе онъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ предложенныя для изученія и подражанія литературные образцы, справедливо указывая въ нихъ отсутствіе всякой торжественности, и совѣтуетъ вмѣсто нихъ изучать Гомера, Виргилія, Торквато Тассо и др. Далѣе онъ нападаетъ на способъ сочиненія стиховъ, замысловатыхъ по своей формѣ; Цѣлый отдѣлъ въ старинныхъ піитикахъ посвящался изученію подобныхъ стихотвореній. Стихи писались въ самыхъ разнообразныхъ формахъ - раковидные, въ видѣ бокала, топора, креста и т.п. Θеофанъ смѣется надъ подобными пустяками и выбрасываетъ ихъ изъ своей піитики. Еще въ большей степени критическое отношеніе къ старымъ пріемамъ и теоріямъ обнаружилъ Θ.Прокоповичъ въ другомъ своемъ учебникѣ - риторикѣ. Въ ней дано значительное мѣсто разсмотрѣнію образцовъ церковнаго краснорѣчія. Θ.Пр. удачно подмѣтилъ ихъ слабую сторону, курьезный слогъ проповѣдниковъ, подъ которымъ онъ подразумѣваетъ искусственное развитіе мысли, аллегоріи, толкованіи имени, и искусственные вопросы: "весьма ложное обуяло насъ мнѣніе, ибо мы нелѣпѣйшимъ образомъ думаемъ, что если не пойдемъ въ польскія школы, т.е. въ фабрики непорченнаго краснорѣчія, то будто бы не можемъ изучить ораторскаго краснорѣчія." Для того, чтобы наглядно показать всѣ недостатки этого "испорченнаго краснорѣчія," онъ подробно разбираетъ произведенія одного изъ самыхъ видныхъ проповѣдниковъ поль-

скихъ того времени - іезуита Томаса Млодзяновскаго. "Когда я вижу, говоритъ онъ, что многіе чрезвычайно одобряютъ и выхваляютъ этого проповѣдника, а молодые студенты краснорѣчія только его и выставляютъ образцомъ подражанія, то считаю долгомъ изложить то, что я объ немъ думаю; меня не смущаетъ то, что весьма многимъ не понравятся мои мысли; лишь бы высказать правду. Впрочемъ я твердо убѣжденъ, что мое мнѣніе одобритъ всякій, сколько нибудь знакомый съ ораторской наукой. Самый обыкновенный недугъ нашего времени есть тотъ, который мы называемъ "курьезнымъ слогомъ," п.ч. въ числѣ другихъ средствъ для пріобрѣтенія ученой знаменитости, ученые хвастуны усвоили себѣ манеру выражаться какъ можно удивительнѣе и необыкновеннѣе. Потому они и выдумываютъ курьезныя, но совершенно вялыя и смѣшныя умствованія и спрашиваютъ, почему въ имени Пресвятой Дѣвы или Іисуса находится Пять буквъ, почему что-нибудь сдѣлано такъ, а не иначе? Задержавъ бѣдныхъ слушателей нѣсколько времени безсмысленной проволочкой, ораторы, наконецъ, выпрямляются, приходятъ въ восторгъ, одушевляются и, поддерживаемые вниманіемъ невѣжественной толпы, съ натянутою важностью и отвислыми щеками начинаютъ изрѣкать свое въ высшей степени нелѣпое прорицаніе. Ибо что можетъ быть нелѣпѣе, напр., такого оборота: одинъ проповѣдникъ, произнося похвалы Богородицѣ, спросилъ слушателей, какъ имъ кажется, почему во время всемірнаго потопа, когда всѣ бѣдныя животныя погибали, однѣ рыбы избѣжали этой гибели? Вотъ о чемъ онъ недоумѣваетъ? и лягушки, если бы нужно было, готовы были бы отвѣтить. Но проповѣдникъ, какъ мужъ мудрый, не считаетъ для себя приличнымъ разсуждать такъ просто. Онъ отвѣчаетъ, что это

случилось потому что рыбы заключаются въ имени Богороди-
цы, ибо Марія созвучно съ словомъ *mare* во множ. числѣ.
Остроуміе, не лучше глупости рыбъ!" Подвергая, такимъ об-
разомъ, порицанію старинныя руководства проповѣднаго сло-
ва, Ѳ.Пр. совѣтуетъ обращаться къ изученію Новаго Завѣта
и твореній св. отцовъ церкви и стараться быть болѣе есте-
ственнымъ въ своихъ проповѣдяхъ и излагать проще. Эти
взгляды на проповѣдь Ф.Пр. не разъ высказывалъ въ Духов-
номъ регламентѣ и въ статьѣ "Вещи и дѣла, въ которыхъ ду-
ховный учитель народу христіанскому проповѣдывать дол-
женъ." Въ Духовномъ регламентѣ Ѳеофанъ требуетъ отъ про-
повѣдника основательнаго знакомства съ Св. Писаніемъ,
указываетъ на то, что каждому священнику нужно имѣть тво-
ренія Іоанна Златоуста и отъ него учиться говорить пропо-
вѣди, а "казнодѣйниковъ легкомысленныхъ, каковы наипаче
польскіе бываютъ" не читать. Здѣсь же онъ характеризуетъ
самый способъ произнесенія проповѣдей, указывая такія
черты, которыя явно относились къ Ст.Яворскому, который,
говорятъ, отличался особою манерностью при произнесеніи
своихъ проповѣдей. "Безумно творятъ проповѣдники, которые
брови своя поднимаютъ и движеніе раменъ являютъ гордое
и въ словѣ нѣчто такое приговариваютъ, отъ чего можно по-
нять, что ти сами себѣ удивляются. Но благоразумный учи-
тель, елико можно словомъ и всего тѣла дѣйствіемъ, тако-
ва себя показывать, что онъ ниже помышляетъ о своемъ ост-
роуміи или краснорѣчіи." Далѣе Ѳеофанъ даетъ наставленія,
какъ слѣдуетъ произносить проповѣди, намѣкая на школьныхъ
проповѣдниковъ: "не надо проповѣднику шататься вельми,
будто въ суднѣ веслами гребетъ; не надо руками спляскивать

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

Русская Литература. Листъ II.

ГИТ БОГДАНОВА ЗЕЛЕНЕВЪ П. 1

въ боки упиратися, подскакивать, смѣяться, да не надобно и рыдать." Таковы воззрѣнія Ѳеофана на проповѣдь.

Далѣе перейдемъ къ его учебнику Богословія, въ которомъ ясно выразилось все направленіе Ѳеофана. Здѣсь, въ этомъ учебникѣ онъ тоже является проповѣдникомъ новыхъ воззрѣній и мыслей. Въ немъ замѣтно преимущественно вліяніе протестантскихъ воззрѣній. Такъ, напр., протестанты признаютъ только два таинства - причащеніе и крещеніе. Ѳеофанъ конечно не вполнѣ примыкаетъ къ этому ученію протестантовъ, но только отчасти; онъ дѣлитъ таинства на главныя и второстепенныя и въ числѣ первостепенныхъ полагаетъ таинства крещенія и причащенія. Въ своемъ учебникѣ богословія онъ также сильно нападаетъ на католическихъ богослововъ и всегда старается выставить ихъ въ смѣшномъ видѣ. Таковыя воззрѣнія Ѳеофана не могли конечно нравится партіи старыхъ священниковъ и епископовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Ст.Яворскій. Вслѣдствіи этого эта партія и старалась оттѣснить Ѳеофана и не допустить его занять мѣсто епископа Псковскаго, а затѣмъ архіепископа Новгородскаго.

Ѳеофанъ Пр. не только осуждалъ частныя стороны проповѣднаго слова, установившагося въ XУII в., но онъ съумѣлъ также понять основныя причины, заключавшіяся въ отсутствіи прочныхъ реальныхъ знаній нашихъ проповѣдниковъ. Дѣйствит., въ Академіи, какъ Московской, такъ и Кіевской не давались прочныя знанія; правда, тамъ изучали языки, писали сочиненія, затѣмъ изучали піитику, риторику, но только обращали вниманіе на то, чтобы умѣть писать хорошо прозою и стихами. Но образованія въ нашемъ смыслѣ слова тамъ не было, не преподавалась тамъ ни исторія, ни гео-

графія, ни математика, но давались какіе то урывки изъ естественной исторіи, географіи и т.д. насколько они нужны были для проповѣдей, такъ что можно сказать, что преподаваніе въ Академіи носило характеръ формальный. Ѳеофанъ именно ловко подмѣтилъ эту сторону. Въ Духовномъ регламентѣ онъ помѣщаетъ цѣлую главу, гдѣ онъ бросаетъ взглядъ на образованіе Европы. Онъ говоритъ, что только въ XУ в. со времени возрожденія искусствъ и наукъ началась настоящая наука, но не всѣ школы приняли эту настоящую науку, но что старая все еще господствуетъ въ нѣкоторыхъ школахъ, и высказываетъ пожеланіе, чтобы новое знаніе распространилось. Затѣмъ Прокоповичъ является сторонникомъ свободной критической мысли и противникомъ папскаго авторитета; это особенно сильно выразилось въ стихотвореніи, написанномъ Пр. по поводу суда надъ Галилеемъ; оно написано на лат. языкѣ; вотъ переводъ этого стихотворенія: зачѣмъ о нечестивый папа, мучишь ты ревностнаго служителя природы? о жестокій тиранъ! чѣмъ заслужилъ этотъ старецъ такое гоненіе? Папа, ты сумашествуешь! вѣдь онъ не трогаетъ твоихъ міровъ и не вторгается съ злымъ умысломъ въ твои священные предѣлы, гдѣ пламенный Стиксъ очищаетъ души усопшихъ и гдѣ находятся боги и богини твоего изобрѣтенія. Его |Галилея| земля - истинная, твоя - ложная; его звѣзды создалъ Богъ, а твои обманъ. "Но, говоритъ папа, нашъ домъ повелѣваетъ заботиться, чтобы одинаковыя названія |при противоп. значеніи не произвели соблазна въ простомъ народѣ." О варварская тупость, глубочайшіе подонки слѣпого міра! тебѣ ли судить о свѣтлыхъ мысляхъ Галилея? Тебѣ ли обвинять въ преступленіяхъ проницательность ума, зоркаго, какъ рысь? Должно

быть дрянной кротъ видитъ лучше рыси!" |Морозовъ стр.157|. Ст.Яворскій сталъ бы на сторону папы: онъ воспитанникъ католической школы, проникнутый ея воззрѣніями; а Ѳ.Пр. становится на сторону ученаго, обладающаго знаніями реальными, естественными. Здѣсь онъ становится на новую почву, осмѣиваетъ схоластику и цѣнитъ успѣхи реальныхъ знаній.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній о дѣятельности Ѳеофана Прокоповича перейдемъ къ его проповѣдямъ.

Мы уже указывали, что Ѳ.Пр.подвергалъ осмѣянію способы и пріемы проповѣдниковъ, бравшихъ манеру изложенія у юго-западныхъ проповѣдниковъ, выходцевъ изъ польской школы; но спрашивается, соблюдалъ ли на дѣлѣ онъ свою теорію о проповѣдномъ словѣ? Нельзя сказать, чтобы Ѳеофанъ вполнѣ освободился отъ тѣхъ пріемовъ проповѣднаго слова, противъ которыхъ онъ вооружался; но все-таки его проповѣди отличаются большей простотой и въ нихъ больше естественности. По своей формѣ онѣ отличаются отъ существовавшихъ до него образцовъ, въ нихъ нѣтъ того курьезнаго слога, который встрѣчается въ старыхъ проповѣдяхъ и нѣтъ такой напыщенности. Но у Ѳеофана встрѣчаются тѣ особенности, которыхъ онъ совѣтовалъ избѣгать проповѣдникамъ, а именно, нерѣдко онъ переполняетъ свою проповѣдь цитатами изъ разныхъ писателей, не прочь иногда также посмѣшить своихъ слушателей. Такъ, онъ разсказываетъ преданіе о Тимонѣ мизантропѣ, который предлагалъ Аѳинянамъ свой садъ, чтобы они повѣсились на деревьяхъ его и т.д. Далѣе, у него встрѣчается въ выраженіяхъ тривіальность и брань; такъ, напр., въ его проповѣди послѣ Полтавской битвы, сказанной въ присутствіи Петра въ Кіевѣ, онъ позволяетъ

себѣ слишкомъ ужъ грубо выражаться о Мазепѣ. Вотъ его слова: "Пси не угрызаютъ господій своихъ, звѣри свирѣпые питателей своихъ не вредятъ; лютѣйшій же всѣхъ звѣрей рабъ пожела угрызти руку, его же на толь высокое достоинство вознесенъ и на томъ крѣпцѣ держимъ бяше.... лжетъ бо, сыномъ себя россійскимъ нарицая, врагъ сый и ляхолюбецъ." Такимъ образомъ, сказать, что Ѳ.Прок. цѣликомъ освободился отъ курьезнаго слога, противъ котораго онъ ратовалъ, нельзя.

Проповѣди Ѳеофана можно раздѣлить на двѣ группы, во I| на проповѣди съ содержаніемъ чисто христіанскимъ, во 2| проповѣди, имѣющія содержаніемъ обсужденіе текущихъ дѣлъ и событій. Первыя особеннаго интереса для литературы не представляютъ, потому мы не будемъ ихъ разбирать, а перейдемъ прямо къ проповѣдямъ 2-ой группы.

Отъ Ѳеофана остался цѣлый рядъ проповѣдей; всѣ онѣ вмѣстѣ составляютъ 3 т., но изъ нихъ особенно интересны для насъ тѣ, которыя были сказаны имъ въ промежутокъ 1716 - 1725 г., когда онъ былъ ближайшимъ помощникомъ Петра В. Изъ проповѣдей, относящихся къ этому времени, мы упомянемъ его "слово похвальное на рожденіе Петра Петровича, сказанное въ 1716 г. Петръ, какъ извѣстно, не долюбливалъ Алексѣя Петровича своего сына отъ Лопухиной, и не желалъ, чтобы къ нему впослѣдствіи перешелъ престолъ, а потому рожденію Петра Петровича, сына Екатерины I, современники придавали большое значеніе. Это слово Ѳеофана предоставляетъ скорѣе политическій трактатъ объ особенностяхъ и преимуществахъ монархической передъ другими формами правленія. Оно по содержанію распадается на двѣ части: I| важность событія съ

общей точки зрѣнія, т.е. важность рожденія сына у монарха и 2| важность рожденія сына у Петра; въ I части доказывается "коликое счастіе есть отъ царскаго чадородія государствамъ чина монархическаго, или точнѣе: "како благополучнѣйшій есть чинъ окипетра наслѣдуемаго отъ прочіихъ правленія чиновъ; вторая посвящена разсужденію о томъ "коликое благополучіе монархіи, егда не коего-либо царя, но царя по сердцу Божію, царя храбраго, премудраго, бодраго и всякими государственными талантами украшеннаго получаетъ отъ Бога наслѣдіе."

Преимущество наслѣдственной монархіи предъ прочими формами правленія Прокоповичъ доказываетъ примѣрами изъ исторіи. Онъ начинаетъ съ Ассиріи, Вавилона и вообще всѣхъ древнихъ государствъ, потомъ переходитъ къ Ганзейскому союзу, Венеціи, Генуѣ, Риму, Швейцаріи и Польшѣ; проповѣдникъ видитъ, что всѣ древнія государства были монархіями. Римъ изъ монархіи сталъ республикой, но потомъ опять перешелъ въ монархію; Венецію же и Геную онъ считаетъ скорѣе городами съ областью и говоритъ, что въ такихъ небольшихъ государствахъ возможенъ и республиканскій образъ правленія; Швейцарія же и Ганзейскій союзъ, хотя и республики, но находятся однако подъ покровительствомъ Германской имперіи, а что касается Польши, то, по его мнѣнію, она больше всего доказываетъ преимущество монархіи: "вѣмы, говоритъ онъ, яко крѣпкое было оное государство въ строго монархическомъ, не вельми же еще давно златыя оныя узы на себѣ растерзала, и не мое есть разсуждати, не отъ начали широты нынѣшней начало оскудѣвати и утѣсняемо быти." Говоря о преимуществахъ монархіи наслѣд-

ственной, проповѣдникъ указываетъ: 1| на болѣе обезпеченный въ такомъ государствѣ выборъ лицъ, подготовленныхъ къ дѣлу правленія и 2| на большую заботливость монарха о своемъ государствѣ, какъ имѣющемъ перейти къ его сыну, - съ своей стороны сынъ больше старается подготовить себя къ дѣламъ правленія, хорошо зная, что ему придется наслѣдовать отцу.

Во второй части Ѳ.Пр. выступаетъ, какъ панегиристъ Петра В. Онъ разбираетъ какъ внутреннюю его дѣятельность, такъ и внѣшнія дѣла |путь гражданскій" и "путь военный"| и въ этихъ областяхъ, онъ говоритъ, можно видѣть только одни радости для Россіи. "Что бо была Россія прежде такъ недолго времени", спрашиваетъ онъ, "и что есть нынѣ? Посмотримъ ли на зданія? на мѣсто грубыхъ хижинъ наступили палаты свѣтлыя, на мѣсто худого хврастія - дивныя вертограды. Посмотримъ ли на градскія крѣпости? имѣемъ таковыя вещію, каковыхъ о фигурѣ на хартіяхъ прежде не видѣли. Воззримъ на сѣдалища правительская? новый сенаторовъ и губернаторовъ самъ, въ совѣтахъ высокій, въ правосудіи неумытный, желательный добродѣтелемъ, страшный злодѣяніямъ. Отверземъ статіи и книги судейскія? колико лишнихъ оставлено, колико здравыхъ и нуждѣйшихъ прибыло вновь? Уже и свободная ученія полагаетъ себѣ основанія, идѣже и надежды не имѣяху, уже ариѳметическія, геометрическія и прочія философскія искусства, уже книги политическія, уже обаей архитектуры хитрости умножаются. Что же речемъ о флотѣ воинскомъ?... едино главнѣйшее изречемъ - на таковый сей трудный, новый, пре славный заводъ не довольно было никое же имѣніе, ни лѣ-

сы дубровные, ни труды дѣлателей. Потребное было оружеяснымъ симъ ковчегамъ, симъ крылатымъ и бѣгъ пространный любящимъ палатамъ, потребно, глаголю, было мѣсто и поле, теченію ихъ подобающее, инако бо все суетное было. Здѣсь же кто не видитъ, что державѣ россійской подобало простати за предѣлы земные и на широкія моря пронести область свою? Купилъ намъ тое самодержецъ нашъ не серебромъ кучеческимъ, но Марсовымъ желѣзомъ. Показа, аки перстомъ, самая правда на брегиИнгріи и Кореліи, хищеніемъ льва свейскаго давно отъятыя...Словомъ рещи: аще бы ничто же было прочее, единъ флотъ былъ бы доволенъ къ безсмертной славѣ Его Царскаго Величества." Потомъ Ѳ. Пр. переходитъ къ П.Бургу, и здѣсь находитъ поводъ къ радости: "А ты новый новоцарствующій граде Петровъ - обращается онъ къ ПВ.- не высокая ли слава еси фундатора твоего? идеже ни помыслъ кому былъ жительства человѣческаго, достойное вскорѣ устроися мѣсто престолу царскому. Кто бы отъ странныхъ здѣсь пришедъ, а о самой истинѣ не увѣдавъ, кто бы, глаголю, узрѣвъ таковое града величество и велелѣпіе, не помыслилъ, яко сіе отъ двухъ или трехъ сотъ лѣтъ уже зиждется? Сіе есть тщательствомъ монарха нашего испразднися оная древняя пословица сарматская: не разомъ Краковъ будовано...И что много глаголати о сихъ? Августъ, онъ римскій императоръ, яко превеликую о себѣ похвалу, умирая, проглагола: кирпичный, рече, Римъ обрѣтохъ, а мраморный оставляи." Нашему же пресвѣтлѣйшему монарху тщета была бы, а не похвала сіе прогласити; исповѣсти бо воистину подобаетъ, древяниную онъ обрѣте Россію, а сотвори златую: тако оную и внѣшнимъ и внутреннимъ видомъ украси, зданіи, крѣпостьми, правилами и правительми, и различныхъ ученій

полезныхъ добротой." Такъ смотрѣлъ Ѳ.Пр. на внутреннюю дѣятельность Петра.

Упомянувъ о заслугахъ Петра на этомъ поприщѣ, онъ переходитъ затѣмъ къ внѣшней дѣятельности, къ войнамъ и побѣдамъ. И что же онъ находитъ самаго дорогого въ побѣдахъ? Это то, что Россія пріобрѣла себѣ уваженіе со стороны другихъ народовъ. "Въ коемъ мнѣніи, говоритъ Ѳ.Пр. въ коей цѣнѣ бѣхомъ мы прежде у иноземныхъ народовъ? бѣхомъ у политическихъ мниміи варвары у гордыхъ и величавыхъ - презрѣніи, у мудрящихся - невѣжи, у хищныхъ - желательная ловля, у всѣхъ нерадими, отъ всѣхъ поругами... нынѣ же, которыи насъ гнушалисъ, яко грубыхъ, ищутъ усердно братства нашего, которыи безчестили - славятъ, которыи грозили - боятся и трепещутъ, которыи презирали - служити намъ не стыдятся; многіи въ Европѣ коронованныи главы не точію въ союзъ съ монархомъ нашимъ идутъ доброхотно, но и десная Его Величеству давати не имѣютъ за безчестіе."

Къ 1717 г. относится "Слово въ недѣлю осьмуюнадесять." |недѣли по церковному счету идутъ отъ Троицына дня|- на тему о важности путешествій. Въ этомъ году Петръ Великій вернулся изъ-за границы; нѣкоторые недоумѣвали относительно этого путешествія, и Прокоповичъ старается объяснить пользу путешествій вообще, для монарха и для военачальника въ особенности; такъ какъ этимъ путемъ пріобрѣтается опытность во всѣхъ дѣлахъ и накопляются знанія. Онъ говоритъ: "Не всуе бо славный оный стихотворецъ еллинскій Омиръ, въ началѣ книгъ своихъ, Одиссеи нарицаемыхъ, хотя кратко похвалити Улисса вождя греческаго, о

которомъ повѣсть долгую поетъ, нарицаетъ его мужа многихъ людей обычаи, грады видѣвшаго. Перегринація или странствованіе давно объясняетъ разумъ ко правительству и есть лучшая и живая честныя политики школа... Тутъ благоразумный человѣкъ видитъ многоизмѣнныя фортуны игранія и учится кротости, видитъ вины благополучій и учится правилу, видитъ вины злоключеній и учится бодрости и оберегательству, зритъ же въ чуждыхъ народахъ, аки въ зерцалѣ, своя собственныя и своего народа и исправленія и недостатки; сами бо себѣ самѣхъ же насъ не вѣмъ, какъ то неясно познаемъ; и такъ, аки пчела, оставляя вредная, избираетъ что лучшее видитъ быти и къ своему и къ народному исправленію.. Особенно же дѣломъ военнымъ, изрѣщи трудно, какъ обучаетъ странствованіе."

Въ 1718 г. Ѳ.Прокоповичъ произнесъ "Слово въ недѣлю цвѣтную о власти и чести царской, яко отъ самаго Бога въ мірѣ учинена есть, и како почитати царей, и онымъ повиноваться людіе долженствуютъ; кто же суть и коликій имѣютъ грѣхъ противлющійся имъ". Эта проповѣдь была произнесена въ день Вербнаго Воскресенія. Говоря о встрѣчѣ Христа Іудеями, Прокоповичъ, такъ сказать, привязывается къ этому поводу, чтобы высказать свое мнѣніе о томъ, какъ нужно почитать царя: "Не видимъ ли здѣ, кое почитаніе цареви? не позываетъ ли насъ сіе, да не умолчимъ, како долженствуютъ подданныи оцѣняти верховную власть, и коликое долженству сему противство въ нынѣшнемъ у насъ открыся времени?" Изъ послѣднихъ словъ видно, что поводомъ для этой проповѣди послужило мнѣніе "монархамаховъ", которые утверждали, что не всѣ подчинены монарху, какъ напр. духовенство и монашество. Прокоповичъ рѣзко обличаетъ такое

мнѣніе: "Се тернъ, говоритъ онъ, или паче рещи жало; но жало се змiино есть, панежскiй се духъ, но не вѣмъ, какъ то досягающiйся и касающiйся насъ; священство бо иное дѣло, иный чинъ есть въ народѣ, а не иное государство". Въ этой же проповѣди Прокоповичъ возстаетъ противъ мнѣнiя папы: "себе и клиръ свой отъ властей державныхъ изымающiй и мечтающiй данную себѣ власть даровати и отымати скипетри царскiе". Вопросъ объ отношенiи свѣтской власти къ духовной былъ однимъ изъ практическихъ вопросовъ, въ которомъ Ст.Яворскiй расходился съ Петромъ. Яворскiй и другiе духовные лица имѣли высокое понятiе о духовной власти, но Петръ Великiй по политическимъ соображенiямъ и практическимъ вiдядамъ не могъ согласиться съ ихъ мнѣнiемъ и нашелъ себѣ ревностнаго помощника въ лицѣ Ѳ.Прокоповича.

Въ этой проповѣди Ѳ.Пр. обращаетъ на себя вниманiе одна характерная черта, именно желанiе предоставить въ смѣшномъ видѣ приверженцевъ старины, какъ больныхъ меланхолiей и лицемѣровъ: "Суть нѣцыи, говоритъ Прокоповичъ, |и далъ бы Богъ, дабы не были многiи| или тайнымъ бѣсомъ льстимiи, которыи, которыи таковаго нѣкоего въ мысли своей имѣютъ урода, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно, и правильно, и не богопротивно; напримѣръ: лучше любятъ день ненастливый, нежели ведро, лучше радуются вѣдомостьми скорбными, нежели добрыми; самого счастья не любятъ, и не вѣмъ, какъ-то о себѣ самихъ думаютъ, а о прочiихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведенiи, то конечно не святъ; хотѣли бы всѣмъ человѣкомъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ, и развѣ въ такомъ состоянiи любили бы ихъ. Таковыхъ еллини древнiи

нарицали мизанароπи, сіе есть человѣконенавидцы."

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о Тимонѣ и затѣмъ вопросъ: "Не обрѣтатся ли и нынѣ таковыи? Аще и не въ таковой мѣрѣ, обаче суть тако злобніи и понурни". Въ этой проповѣди Ѳ.Пр. очень вѣрно подмѣтилъ черту нашего древняго быта словами: "все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно и правильно, и не богопротивно". Древняя Русь развивалась подъ вліяніемъ аскетическаго идеала: всѣ радости всякое веселье признавались грѣхомъ. Это обстоятельство вносило въ русскую жизнь много лицемѣрія. Когда же русскіе знакомились съ иностранцами, они обращали вниманіе на бытъ этихъ народовъ и представляли ихъ обычаи, увеселенія и т.д. сплошнымъ грѣхомъ. Эту то вотъ черту русскихъ людей и выводитъ Ѳ.Прокоповичъ. Вообще же вся эта проповѣдь представляетъ собою полемическое сочиненіе противъ приверженцевъ старины.

Къ тому же 1718 г. относится слово Ѳ.Прокоповича "На день св.Александра Невскаго" - на тему "самый лучшій христіанинъ тотъ, который исполняетъ свой ближайшій долгъ". или, какъ говоритъ Прокоповичъ словами Апостола "Кійждо въ званіи, въ немъ же призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ" |I Кор.УII,20|. "Царь ли еси? - говоритъ проповѣдникъ, царствуй убо, наблюдая, да въ народѣ будетъ безпечаліе, а во властехъ правосудіе, и како отъ непріятелей цѣло сохранити отечество. Сенаторъ ли еси? весь въ томъ пребывай, како полезные совѣты и судъ не мздопріимный, не на лицанзрящій, правильный же и прямый произносити. Воинъ ли еси? не обязуйся куплями, не обиди своихъ, во всѣхъ воинскихъ уставахъ обучайся. Пастырь ли духовный

еси? смотри, чесого требуетъ отъ тебе пастирей начальникъ Христосъ. Испраздняй суевѣріе, отметай бабія басни, корми словомъ Божіимъ овцы врученныя, и оберегай отъ волковъ, кожами овчими одѣянныхъ" и т.д. Въ примѣръ приводится св.Александръ Невскій: "Како разсуждалъ должность званія своего, и не титлу только государственную, но и тяжесть государственныхъ дѣлъ со усердіемъ носити тщался...О аще бы вси тако мудрствовали и по мудрствованію сему дѣлали. Коль благополучное было бы отечество. И въ этой проповѣди Ѳ.Прокоповичъ выступаетъ обличителемъ людей, которые слишкомъ привязаны къ исполненію обрядовъ, упуская изъ виду прямыя обязанности; здѣсь онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ порицаетъ ханжество и лицемѣріе: "И каковое неистовство въ сердца многихъ вселилося/ аки бы другій желаетъ, какъ спастися, а что по званію своему долженъ, о томъ ниже помышляя, но и многажды еще званію своему противное творя, ищетъ пути спасеннаго у сыновъ погибельныхъ и вопрошаетъ, какъ спастися у лицемѣровъ, мнимыхъ святцевъ, и развѣ для того безгрѣшныхъ, яко о грѣхахъ своихъ не помышляютъ: что же они? видѣнія сказуютъ, аки бы шпіонами къ Богу ходили, притворныя повѣсти, то есть бабія басни баютъ, заповѣди бездѣльныя, храненія суевѣрныя кладутъ и такъ безстудно лгутъ, яко стыдно бо воистинну и просто человѣкомъ, не точію честнымъ нарещися тому, кто бы такъ безумнымъ разскащикамъ вѣрилъ; но обаче вѣруютъ, увы окаянство."

Къ 1720 г. относится проповѣдь Прокоповича "Слово похвальное о флотѣ россійскомъ и о побѣдѣ, галерами россійскими надъ кораблями шведскими іуліа 27-го дня полученной". Въ этомъ словѣ доказывается важность морскихъ

сношеній: "Охуждаютъ |нѣкоторые| навигацію, да плодовъ ея не отметаютъ...Понеже невозможно было людемъ имѣти коммуникацію земнымъ путемъ отъ конца до конецъ міра сего, того ради великій Промыслъ Божій проліялъ промежъ селенія человѣческая водное естество, взаимному всѣхъ странъ сообществу послужить могущее. А отъ сего видимъ, какая и коликая флота морскаго нужда" и т.д. Польза при оборонѣ государства и нападеніи: "Видишь, о Россія, пользу флота своего; не только бо готова и сильна тебѣ отъ нападеній непріятельскихъ оборона, которой бы не имѣла еси, не имущи флота, но и наступательная на онаго сила велика, и викторіи не трудни."

Къ 1721 г. относится рѣчь Ф.Прокоповича при открытіи Св.Синода. Въ 1700 г., по смерти патріарха Адріана, Петръ Великій назначилъ блюстителемъ патріаршаго престола Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго, задумавъ замѣнить патріаршую власть. Главнымъ помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ Ф.Прокоповичъ, по мысли котораго въ 1721 г. былъ открытъ Св.Синодъ вмѣсто патріаршества, и вотъ при открытіи Ѳеофанъ сказалъ рѣчь на текстъ: "Избрахъ Васъ, и положихъ, да вы идете и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудетъ". Мы ждали бы въ этой рѣчи мого намековъ на привязанность къ старинѣ его противниковъ, но Прокоповичъ поступаетъ съ тактомъ, онъ говоритъ объ обязанностяхъ этаго новаго правительственнаго учрежденія, о цѣли его, рисуетъ учрежденіе полезнымъ и даже необходимымъ для потребностей русской жизни.

Къ 1722 г. относится проповѣдь Ф.Пр. "На заключеніе Ништадтскаго мира". Въ этой проповѣди онъ говоритъ, что война хотя и была трудна и потребовала много жертвъ,

но и важна и полезна для Россіи; потомъ въ концѣ проповѣди онъ переходитъ къ миру. "Миръ, говоритъ онъ, "вызываетъ радость", но въ какомъ случаѣ, спрашиваетъ онъ, миръ можетъ быть истиннымъ и прочнымъ благомъ?" Рѣшая этотъ вопросъ, Прокоповичъ единственный разъ критически относится къ современному положенію общества. "Плодъ мира отъ внутрь, говоритъ проповѣдникъ, есть умаленіе народнихъ тяжестей, что будетъ расхищеніе государственнихъ интересовъ; плодъ мира есть своей всякому чести и имѣнія цѣлость, щитомъ правды сохраняема; что будетъ если не будетъ въ судѣхъ тлетворния страсти и злодѣйственнихъ взятковъ; плодъ мира есть общее и собственное всѣхъ изобиліе, что будетъ, если переведется многое множество тунеядцевъ, искоренятся татьбы и разбои, и искусство экономическое заведется; плодъ мира есть всякихъ честнихъ ученій стяжаніе, что будетъ, если, отложа всякое о насъ мнѣніе, гнушатися начнемъ грубости и невѣжества и дѣтямъ нашимъ лучшаго во всемъ |ревнуя прочімъ честнымъ народамъ| исправленія возжелаемъ."

Въ 1724 г. Петръ Великій короновалъ Екатерину I. По этому поводу Ѳ.Пр. произнесъ слово, которое можетъ служить образцомъ самаго беззастѣнчиваго панегиризма. Въ этой проповѣди Ѳеофанъ сравниваетъ Екатерину съ Семирамидой и вообще со всѣми знаменитыми женщинами и отдаетъ ей предпочтеніе предъ всѣми женщинами, когда либо носившими корону, какъ самой достойной, потому что въ ея душѣ великой всѣ добродѣтели "во всесладкую армонію согласуются". Онъ восхваляетъ Петра за то, что онъ, коронуя такую женщину, коронуетъ добродѣтель, себя и Россію.

Къ 1725 г. относится проповѣдь "На день смерти Петра Великаго". По содержанію эта проповѣдь не особенно значительна; въ ней онъ сравниваетъ Петра съ Моисеемъ, Самсономъ и другими историческими лицами. Начинается она такъ: "Что се есть? до чего мы дожили, о Россіяне. что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ. Не мечтаніе ли сіе? не сонное ли намъ привидѣніе? ахъ какъ истинная печаль! ахъ, какъ извѣстное наше заключеніе! Виновникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію и воздвигшій въ толикую силу и славу, или паче, рождшій и воспитавшій, прямый сый отечества своего отецъ... противно желанію и чаянію скончалъ жизнь... Се оный твой, Россія, Соломонъ се твой, о Церкве Россійская, и Давидъ и Константинъ". Въ концѣ проповѣдникъ утѣшаетъ себя, что хотя Петра и не стало, но духъ его живетъ съ нами въ его дѣяніяхъ, живетъ въ достойной его преемницѣ, Екатеринѣ.

Черезъ полгода Ѳеофанъ сказалъ другое слово "на похвалу Петра Великаго"; въ немъ проповѣдникъ рисуетъ передъ нами дѣянія Петра и его личный характеръ. Ѳеофанъ лучше, чѣмъ кто либо другой, зналъ Петра и по натурѣ и по убѣжденіямъ, а потому это слово рисуетъ образъ Петра лучше, чѣмъ какія либо другія извѣстія о Петрѣ, и исторически вполнѣ вѣрнымъ. Проповѣдь эта раздѣляется на двѣ части. "Посмотримъ, говоритъ Прокоповичъ, на двойственную должность и дѣло - первое, яко просто царя, второе, яко царя христіанскаго и каковъ и коликъ въ обоихъ сихъ Петръ показался".

Въ первой части онъ восхваляетъ Петра за всѣ его подвиги какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ, за

его заботы о просвѣщеніи и т.д. и мало ли тщаніемъ сдѣлалъ? Что не видимъ цвѣтущее, а прежде сего намъ и невѣдомое, не все ли то его заводы? Если на самое малѣйшее нѣчто, честное же и нужное посмотримъ, на чиннѣйшее, глаголю, одѣяніе и въ дружествѣ обхожденіе, на трапезы и пированія, и прочія благопріятныя обычаи - то исповѣмы ли, что и сего Петръ насъ научилъ? И чѣмъ мы прежде хвалился, того нынѣ стидимся. Что же рещи о ариѳметикѣ, геометріи и прочихъ математическихъ искусствахъ, которымъ нынѣ дѣти россійстіи съ охотою учатся, съ радостью навыкаютъ, и полученная показуютъ съ похвалою? тая прежде были ли? не вѣдаю, во всѣмъ государствѣ былъ ли хоть одинъ цірклик, а прочаго орудія имень не слыхано; а если бы гдѣ нѣкое явилося ариѳметическое или геометрическое дѣйствіе, то тогда волшебствомъ нарицано... Но тако по единому дѣла Петрови исчисляя, никогда конца не дойдемъ: лучше все двѣма силами оглавити, которнхъ себѣ отъ государей своихъ всякій народъ требуетъ. Сіе же суть: народная польза и безпечаліе.

Во второй части - въ характеристикѣ Петра, какъ государя христіанскаго, Ѳ.Прокоповичъ вмѣстѣ съ дѣлами Петра оправдываетъ и восхваляетъ свои собственныя, порицая сторонниковъ старины.

Ѳ.Прокоповичъ и Ст.Яворскій не стоятъ одиноко въ своей проповѣдничѐской дѣятельности, но какъ первый, такъ и послѣдній имѣли своихъ послѣдователей. Изъ число послѣдователей Ѳ. Прокоповича назовемъ Гавріила Бужинскаго и Симеона Кохановскаго.

Русская Литер. Листъ 12-й.

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

ГАВРІИЛЪ БУЖИНСКІЙ.

Гавріилъ Бужинскій, какъ всѣ наши выдающіеся проповѣдники начала XVIII в., былъ южнорусскаго происхожденія и получилъ образованіе въ Кіевской Академіи. Въ 1706 г. онъ перебрался въ Москву и занималъ въ тамошней Академіи разныя должности: учителя, префекта и, наконецъ, ректора. Въ 1718 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и ему было поручено завѣдывать духовенствомъ морского вѣдомства, причемъ онъ получилъ странный титулъ "оберъ-іеромонаха флота". Въ 1721 г. онъ былъ назначенъ архимандритомъ, а затѣмъ въ 1726 г. епископомъ Рязанскимъ.

Г.Бужинскій пользовался въ свое время большою извѣстностью, какъ проповѣдникъ; его проповѣди представляли большой интересъ не для современниковъ только, но и для позднѣйшаго времени. Это видно между прочимъ изъ того, что его проповѣди выдержали нѣсколько изданій и отдѣльно и въ сборникахъ. Такъ онѣ были изданы въ 1722 г., въ 1768 г. Миллеромъ, въ 1784 г. Новиковымъ. Намъ незачѣмъ долго останавливаться на его проповѣдяхъ: въ нихъ мало новаго, повторяется то же, что мы встрѣчаемъ въ проповѣдяхъ Ѳ.Прокоповича; стиль Бужинскаго отличается простотой, но у него нѣтъ той остроты, которой обладалъ Ѳ.Прокоповичъ. По содержанію проповѣди Бужинскаго отличаются тоже панегиристическимъ характеромъ по отношенію къ Петру и его дѣяніямъ, и въ этомъ онъ превосходитъ даже Ѳ.Пр. Примѣромъ могутъ служить его двѣ рѣчи, сказанныя къ прославленію Петербурга. Г.Бужинскому поручено было завѣдывать типографіей при Синодѣ. Въ это время Бужинскій приготовилъ и издалъ видъ Петербурга, который онъ преподнесъ

Петру и произнесъ рѣчь, переполненную восхваленіями Петербурга и Петра. Въ этой рѣчи онъ опровергаетъ всѣ тѣ неудовольствія народа, которыя возникли по поводу постройки новой столицы. Какъ извѣстно, постройка Петербурга возбуждала ропотъ какъ въ рабочемъ классѣ, такъ и въ классѣ зажиточныхъ бояръ. По приказанію Петра собиралась масса рабочихъ; эти рабочіе, находясь въ болотистой мѣстности Петербурга и терпя недостатокъ провіанта, гибли въ большомъ количествѣ, что возбуждало ропотъ. Бужинскій въ оправданіе этого говоритъ въ своей проповѣди, что въ сущности все равно, всѣмъ намъ придется умереть, однимъ своею смертью, другимъ на войнѣ и т.д., но лучше, говоритъ онъ, подумать и потосковать "о грѣхѣ, смерть раждающемъ". Далѣе знатные люди тоже были недовольны, потому что они жили въ Москвѣ, имѣли свои усадьбы, дома, устроенные со всѣми удобствами, теперь же, съ основаніемъ Петербурга, имъ приходилось перебираться въ новую столицу и покинуть свое насиженное гнѣздышко. Въ прежнее время бояре строили себѣ дома со службами, гдѣ жила масса рабочихъ, приготовлявшихъ все, что нужно было господамъ; изъ сосѣднихъ деревень привозились въ изобиліи съѣстные припасы; вообще домъ боярина въ Москвѣ представлялъ усадьбу. Теперь же, перебравшись въ Петербургъ, имъ приходилось терпѣть много нуждъ: въ новооснованной столицѣ была страшная дороговизна, недостатокъ провіанта, причемъ имъ нужно было строить дома и тратить большія деньги; все это, конечно, возбуждало ропотъ неудовольствія. Бужинскій отвѣчаетъ также и на это возраженіе знатныхъ людей, говоря, что всѣ города, при началѣ своего развитія претерпѣваютъ бѣдствія и нужду, но что впослѣдствіи ихъ трудами воспользуются

потомки. Далѣе, шведская война, названная великою по своей продолжительности, вызвала также ропотъ вслѣдствіе того, что требовала много жертвъ и истощила страну, говорили также, что эта ~~страна~~ война противорѣчитъ христіанскому братолюбію. Гавріилъ Бужинскій въ своей проповѣди на счетъ этой войны доказываетъ ее основательность и пользу.

СИМЕОНЪ КОХАНОВСКІЙ.

Что касается другого послѣдователя Ѳеофана Прокоповича Симеона Кохановскаго, то свѣдѣнія о немъ очень скудны. Знаемъ только, что онъ въ 1721 г. жилъ въ Петербургѣ и былъ дружекъ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Но въ 1722 г. разсорился съ нимъ и уѣхалъ въ Кіевъ. Судя по оставшейся отъ Кохановскаго проповѣди, можно сказать, что въ его проповѣдяхъ отражалась одна сторона Ѳеофановскаго направленія, именно полемика противъ старины, которая у него доходитъ до излишне грубой сатиры надъ суевѣріемъ и невѣжествомъ русскаго народа. Онъ дѣлаетъ слишкомъ рѣзкія обличенія, которыя кажутся странными въ устахъ человѣка, говорящаго съ церковной каѳедры. Изъ его проповѣдей извѣстна теперь одна, произнесенная въ Ревелѣ въ 1720 г. въ день Благовѣщенія. Въ ней онъ осуждаетъ ханжество, лицемѣріе, наружное благочестіе, а также расколъ и суевѣріе; "откуда бо бываетъ, говоритъ онъ, что многіи отъ насъ съ цѣлыми домами, женами, дѣтьми, оставивше честное гражданское сожительство и общеніе Церкви святой, бѣгутъ изъ городовъ въ пустыни, и тамо скотское и звѣрское житіе проводятъ? А другіе, покинувъ честную жену и чады, а иные, оставивъ правед-

ную службу государеву бѣгутъ въ темные лѣса и разбойникамъ сообщаются? А которые, будто лучшіе, бѣгутъ отъ службы государевой въ монастыри и монашествомъ покрываются?... Мнятъ бо бѣдные и неученые человѣцы, что въ пустынѣ или въ монастырѣ ради самаго точію монастыря большее и скорѣйшее спасеніе пріимутъ, нежели въ мірѣ въ честномъ супружествѣ и гражданскомъ сожительствѣ. И того ради прельщенные прелестью нѣкихъ погибельныхъ человѣковъ, раскольническихъ или паче еретическихъ учителей, мнятъ, что женитьба скверна и что съ женою невозможно спастися. А другіе... ищутъ себѣ отдышки и прохлады въ скитахъ и монастыряхъ, будто [они мнятъ], что большіе труды въ монастыряхъ, нежели въ солдатствѣ, или на иной службѣ государевой; а сама совѣсть ихъ противное говоритъ; и будто большее и скорѣйшее спасеніе въ черномъ, нежели въ бѣломъ, или зеленомъ, или красномъ платьѣ; мнятъ, что ближайшее къ спасенію раздранное и гнусное рубище, нежели честная чистая или свѣтская риза. Думаютъ окаянніи, что веревки и желѣзныя цѣпи, которыми многіе лицемѣры и ханжи обмотуютъ себя и прельщаютъ простыя и незлобивыя сердца, думаютъ, глаголю, пріятнійшія суть Богу, паче свѣтлой кавалеріи, которая часто много жесточайшая и много тягчайшая бываетъ, паче власяныхъ веревокъ. А наипаче, егда пріидетъ стати ко непріятелю въ глаза, кровь и душу свою за вѣру, за отечество и за государя своего изліяти. Мнятъ простые и никогда не слышавшіе Евангельскаго благовѣстія, что извѣстнѣйшее спасеніе въ черной камилавкѣ или въ клобукѣ, нежели въ паврикѣ, въ солдатской шляпѣ, или въ простой мужицкой шапкѣ. А того бѣдные не знаютъ, а другіе знать не хощутъ

что Богъ не зритъ такъ на клобукъ, какъ на парикъ или на простую шляпу, такъ на разодранное и гнусное рубище, какъ на чистую и честную ризу; на прочіе внѣшніе строи и манеры, но зритъ на дѣла и помышленія человѣческія. Воззримъ уже и на другую злобу, которая тако въ народѣ нашемъ умножилась. Имя злобѣ той - забобоны, сирѣчь суевѣріе, или злочестіе, отъ котораго удобь рождается безбожіе. Напримѣръ, избрали себѣ мужики въ году 12 пятницъ и крѣпко утвердили и закрѣпили симъ глаголомъ: аще кто до тѣхъ пятницъ постится, молится и молебенъ имъ наимуетъ , то по различію пятницъ различныя отъ нихъ дарованія пріемлютъ. Что же, егда еще пойдемъ до окаянной мужицкой или до бабской паче богословіи, сирѣчь до буесловія, или смѣхотворныхъ вопросовъ: которую икону почитати, а которую не почитати? какой крестъ на церковь ставити - осьмиконечный или четыреконечный? которыми персты знаменье на себѣ положити? дважды или трижды аллилуія глаголати? бабьими баснями и мужицкими забобонами весь міръ наполнился: уже бо нынѣ не точію священницы и прочіи книжные люди, но и грамотные мужики и бездѣльныя деревенскія бабы всю тую дьявольскую богословію наизусть умѣютъ, которая пятница святѣйшая и которая сильнѣйшая. А молитву Господню "Отче нашъ" развѣ сотый или тысячный мужикъ умѣетъ.На сколько просфорахъ обѣдню служити, всѣ о томъ ссорятся, а что есть причастіе тѣла и крови Христова, того и не поминай....Сказки бездѣльныя, скверныя бабьи пѣсни и продолженныя срамотныя пѣсни и малыя дѣти наизусть умѣютъ, а десять заповѣдей Божіихъ и старые мужики того не знаютъ." Вотъ въ какихъ рѣзкихъ чертахъ представляетъ Кохановскій лицемѣ-

pie, ханжество и суевѣрія.

Изъ сторонниковъ Ст.Яворскаго назовемъ Ѳеофилакта Лопатинскаго и Маркелла Радишевскаго.

Ѳеофилактъ Лопатинскій.

Ѳеофилактъ Лопатинскій былъ южно-русскаго происхождения. Образованіе получилъ онъ въ Кіевской Академіи. Въ 1704 г. онъ переселился въ Москву и занималъ разныя должности въ Московской Академіи; былъ учителемъ, префектомъ и, наконецъ, ректоромъ. Затѣмъ, онъ былъ назначенъ архимандритомъ Чудова монастыря и членомъ Синода и наконецъ въ 1723 г. былъ посвященъ въ санъ епископа Тверского. Лопатинскій рѣзко выдѣлялся изъ ряда всѣхъ духовныхъ лицъ по своему основательному образованію: онъ дѣйствительно, былъ ученый, зналъ основательно греческій языкъ, что въ то время было рѣдкостью. Вслѣдствіе его знанія греческаго языка ему вмѣстѣ съ Софроніемъ Лихудомъ, Анастасіемъ Кондонди, Федоромъ Поликарповымъ, поручено было Петромъ заняться пересмотромъ текста Библіи. Этотъ текстъ дошелъ и до насъ; первый разъ исправленная этими лицами Библія была напечатана при Елизаветѣ, и оттого она получила названіе Елизаветинской Библіи. Что касается направленія Ѳ. Лопатинскаго, то проповѣди его примыкаютъ всецѣло къ проповѣдямъ Ст.Яворскаго. Направленію Ѳ. Прокоповича онъ не сочувствовалъ; онъ былъ человѣкъ искренній и открытый и не задумался выступить противъ Ѳ.Пр. Первое столкновеніе произошло изъ-за книги, написанной Ѳ. Прокоповичемъ: "Распря Павла и Петра объ игѣ неудобоносимомъ;" въ этой книгѣ Ѳеофанъ подъ вліяніемъ протестантскихъ идей доказываетъ, что каждый человѣкъ, сколько

бы ни желалъ совершить добрыхъ дѣлъ, все-таки грѣшенъ и оправдывается только вѣрой во Христа. Эта мысль Прокоповича показалась Ѳ.Лоп. не православной, и онъ написалъ сочиненіе "Иго Господие благо", въ которомъ возражаетъ Ѳ.Прокоповичу и говоритъ, что для спасенія нужны добрыя дѣла и вѣра. Второй разъ Лопатинскій вступилъ въ полемику съ Прокоповичемъ при назначеніи послѣдняго епископомъ псковскимъ; въ числѣ лицъ недовольныхъ назначеніемъ Ѳ.Прокоповича епископомъ былъ и Лопатинскій, написавшій даже протестъ. Этимъ можно объяснить, почему Ѳ.Пр. преслѣдовалъ впослѣдствіи такъ Ѳ.Лопатинскаго въ царствованіе Анны Іоановны. Въ 1732 г. Лопатинскаго потребовали въ тайную канцелярію, и сняли съ него допросъ; но затѣмъ освободили, потомъ снова призывали, и такую неспокойную жизнь между судомъ и слѣдствіемъ Ѳ.Лопатинскій провелъ до 1736 г., а послѣ этого онъ былъ заточенъ въ Выборгскую крѣпость. Въ 1740 г. несчастный узникъ былъ выпущенъ изъ заточенія, и ему возвращенъ былъ санъ архіепископа; весь Синодъ собрался и облекъ его въ архіерейскія ризы; но Ѳ.Лопатинскій былъ уже дряхлый старикъ и вскорѣ послѣ того скончался.

Что касается его проповѣднической дѣятельности, то онъ пользовался большою извѣстностью и его проповѣди издавались. Особенно замѣчательна его проповѣдь о войнѣ и мирѣ, сказанная на новый 1722 годъ, она считается лучшей.

Чтобы лучше выяснить разницу направленій Ст.Яворскаго и Ѳ.Лопатинскаго съ одной стороны и Ѳ.Прокоповича съ другой, укажемъ одинъ фактъ, въ которомъ рѣзко выразилась эта разница. Это - полемика, возникшая по поводу книги Яворскаго "Камень вѣры". Эта книга была написана противъ про-

тестанскихъ воззрѣній, которыя усвоялись русскими людьми |Тверитиновъ|. Книга эта не могла быть издана при Петрѣ и Екатеринѣ по причинѣ крайне рѣзкаго тона ея. Когда же воцарился Петръ II, то наступила реакція противъ всего иноземнаго, и тогда старая партія епископовъ подняла голову и Ѳ.Лопатинскій издалъ трудъ Яворскаго. Эта книга вызвала сильное полемическое движеніе въ Зап.Европѣ.Такъ въ 1729 г. въ Лейпцигѣ въ Майскомъ выпускѣ *Acta Eruditorum.* появилась замѣтка, въ рѣзкости выраженій немногимъ уступающая самому "Камню вѣры". Здѣсь говорится, что авторъ этой книги не постыдился клеветать открыто, лгать нагло и обольщать неразумный народъ нелѣпыми баснями; что онъ насказалъ столько побасенокъ о видѣніяхъ, объ одержимыхъ духами, о чудесахъ, происшедшихъ отъ креста, иконъ, мощей, что въ умныхъ людяхъ возбуждаетъ смѣхъ, а въ неразумныхъ людяхъ удивленіе"... Затѣмъ говорится, что вся книга пропитана католическимъ духомъ и большей частью сдѣланы заимствованія у Беллярминова и др. римскихъ полемистовъ; затѣмъ сообщается извѣстіе о томъ, что скоро должна выйти книга знаменитаго ученаго Буддея, заключающая въ себѣ обстоятельное опроверженіе "Камня вѣры". Ожидаемое сочиненіе Буддея не замедлило явиться, и въ октябрѣ того же года въ тѣхъ же актахъ была помѣщена небольшая рецензія на него. Это была "Апологія лютеранской церкви противъ клеветъ и наветовъ Ст.Яворскаго", изложенная въ формѣ письма къ другу, живущему въ Москвѣ. Здѣсь подъ другомъ, живущимъ въ Москвѣ, нужно подразумѣвать Ѳ.Прокоповича. Ѳ.Прокоповичъ былъ еще раньше въ сношеніяхъ съ Буддеемъ; когда Петръ былъ въ Парижѣ, въ Сарбон-

нской Академіи, то академики предлагали проэктъ о соединеніи церквей; но Петръ тогда отклонился отъ прямого отвѣта и сказалъ, что пришлетъ потомъ свое мнѣніе. Затѣмъ по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ поручилъ Ѳеофану написать отвѣтъ. Отвѣтъ этотъ отрицательный и былъ посланъ въ академію Сорбонскую. По поводу этой записки Ѳеофанъ завелъ сношенія съ Буддеемъ и спрашивалъ его мнѣнія о соединеніи церквей и высказывалъ свое. Въ отвѣтъ Прокоповичу Буддей и издалъ свою книгу "о непримиримости церквей римской съ русской". Итакъ, изъ этого можно заключить, что подъ именемъ друга и скрывается Прокоповичъ. Говорятъ, что сочиненіе Буддея написано подъ вліяніема Прокоповича, даже говорятъ, что ее написалъ самъ Прокоповичъ, а Буддей только псевдонимъ, но это отрицается учеными. Далѣе, въ 1730г. издана была брошюра тюбингенскимъ богословомъ Іоанномъ Теодоромъ Яблонскимъ, направленная противъ Ст.Яворскаго, подъ заглавіемъ "Духъ Ст.Яворскаго" [Genius St. Javorscii]. изложенная въ разговорной формѣ между Северомъ и Модестиномъ. Здѣсь проводится любопытная мысль. Еще въ первомъ сочиненіи Буддея проводилась мысль, что напрасно русское духовенство нападаетъ на протестантовъ и говорится, что католицизмъ опаснѣе, такъ и въ сочиненіи Яблонскаго; слѣд. изъ области духовной нѣмецкій богословъ переходитъ на практическую почву. Чѣмъ же была важна книга Ст.Яворского, что она подняла такъ нѣмцевъ? Имъ выгоднѣе было, чтобы въ Россіи восторжествовала партія Ѳ.Прокоповича, а не Яворскаго, представителя католицизма.

Далѣе, въ 1731 г. Хр.Маке напечаталъ въ Гельмштадтѣ диссертацію въ опроверженіе "Камня вѣры" о наказаніи ере-

тиковъ (*De poenis haereticorum cum Stephano Javorsco disputatio*). Въ этомъ трудѣ въ сущности повторяются тѣ же обвиненія, которыя приводились въ предшествующихъ сочиненіяхъ Буддея и Яблонскаго.

Также и въ Россіи наконецъ начинаютъ появляться брошюры противъ Ст.Яворскаго; такъ, напр., была издана книга "Молотокъ на камень вѣры", имѣвшая своею цѣлью опорочить личность Яворскаго, доказать, что онъ былъ не греческаго, но римскаго закона и сущій іезуитъ, всѣми силами старавшійся распространять въ Россіи католичество. Наконецъ явились защитники Яворскаго среди католическаго духовенства. Такъ, доминиканскій монахъ Бернардъ Рибейра, жившій въ Москвѣ, въ свитѣ испанскаго посланника, герцога де-Лиріа, и успѣвшій познакомиться съ представителями русскаго духовенства, съ Ст.Яворскимъ и Ѳ.Лопатинскимъ, нашелъ нужнымъ вступиться за Яворскаго и написалъ отвѣтъ на критику Буддея и восхваляетъ русское духовенство, особенно Ст.Яворскаго и Ѳ.Лопатинскаго. Это столь великое участіе католическаго монаха можно объяснить также практической цѣлью. Католическое духовенство давно уже старалось о распространеніи католичества въ Россіи; въ то время даже кн. Долгорукая обратилась въ католичество, что дало имъ поводъ надѣяться на благопріятное исполненіе своихъ завѣтныхъ мечтаній.

Кромѣ проповѣдей особый видъ публицистики Петровскаго времени представляютъ трактаты по поводу того или другого политическаго вопроса. Эти трактаты появлялись по иниціативѣ самого Петра. Такъ въ 1717 г. появилось "Разсужденіе, какія законныя причины Его Величество Петръ I, царь и повелитель всероссійскій и пр. и пр.

къ начатію войны противъ короля Карла УII Шведскаго 1700 г. имѣлъ". Это разсужденіе написано по поводу шведской брошюрки, появившейся раньше этого, въ которой доказывалось: I| что Петръ началъ войну, не имѣя на то достаточныхъ причинъ, 2| что Петръ намѣренно затягивалъ войну, 3| что войско русское допускало грабежъ и различнаго рода жестокости. Шафировъ же въ своемъ сочиніи доказываетъ противоположное. Петръ Великій придавалъ важное значеніе книгѣ Шафирова, онъ самъ просмотрѣлъ и исправила ее. Теперь у насъ возникаетъ вопросъ, почему Петръ обратилъ вниманіе на эту шведскую брошюрку и почему онъ считалъ необходимымъ отвѣтить на нее трактатомъ на русскомъ яз. На эти вопросм можно отвѣтить слѣдующее: появленіе шведской брошюрки было только внѣшнимъ толчкомъ для появленія трактата Шафирова. Петръ еще раньше хотѣлъ издать подобный трактатъ, въ которомъ онъ могъ бы отвѣтить на тѣ неудовольствія, которыя раздавались среди русскаго народа на продолжительность и обременительность Сѣверной войны.

Теперь перейдемъ къ публицистическимъ трудамъ Феофана Прокоповича. Во главѣ такихъ трудовъ его нужно поставить "Духовный регламентъ", напечатанный въ 1721 г., спустя мѣсяцъ по открытіи св. Синода. "Духовный регламентъ" есть памятникъ собственно юридическій, но представляетъ собою нѣкоторыя странности, именно - это не только сборникъ постановленій, но и разсужденіе о преимуществахъ новаго закона. Этой-то стороной и входитъ онъ въ исторію литературы, именно въ отдѣлъ публицистики. Основная мысль Прокоповича была - подчиненіе духовной власти свѣтской; въ этомъ то пунктѣ и расходились

сторонники старины съ Петромъ. Но эту мысль Петра защищаетъ Ѳ.Прокоповичъ въ началѣ "Духовнаго регламента". Онъ доказываетъ преимущество коллегіальнаго управленія предъ единоличнымъ; изъ доказательствъ Прокоповича особенно важно доказательство, основанное на политическихъ соображеніяхъ: "велико и сіе, читаемъ мы въ Регламентѣ, что отъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковне происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, како разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но великою высочайшаго пастыря чести и славою удивляемый, помышляетъ, что таковый правитель есть то второй государь самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство. И самъ собою народъ тако умствовати обыкъ. Что же, егда еще и письменные властолюбивыхъ духовныхъ разговори приложатся и сухому хворостію огнь подложатъ? Тако простые сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на веховнаго пастыря въ коемъ либо дѣлѣ смотрятъ. Икогда услышится между оными нѣкая распря, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ и за него поборотвовати и бунтоватися дерзаютъ и льстятъ себѣ окаянные, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ, и руки своея не оскверняютъ, но освящаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремилися. Такому же въ народѣ мнѣнію вельми ради и не простые, но коварные человѣцы; тіи бо, на государя своего враждуются, егда увидятъ ссору государя съ пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобѣ своей и подъ видомъ церковной ревности не сумнятся подносить

руки на Христа Господня; а къ томужъ беззаконію яко къ дѣлу Божію, подвизаютъ простой народъ. Что жъ, когда еще и самъ пастырь, таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спатъ не похощетъ? Изрещи трудно, коликое отсюда бѣдствіе бываетъ! И не помысли то: далъ бы Богъ, чтобы о семъ домышлятися токмо можно было; но самою вещію не единожды во многихъ государствахъ сіе показалося." Изъ этой страницы ясенъ взглядъ на новое учрежденіе; онъ говоритъ, что теперь не можетъ быть мятежей, потому что патріаршество замѣнено коллегіей. Вообще чрезъ весь Регламентъ проходитъ мысль объ ограниченіи духовной власти и приведеніе ея въ желанныя границы. В "Духовномъ Регламентѣ" Ѳеофанъ борется съ невѣжествомъ суевѣрія и невѣжествомъ, скрывающимся подъ видомъ знанія. Въ то время существовалла масса суевѣрныхъ обычаевъ, какъ напр. молитва надъ шапкою, заключающаяся въ слѣд: крестьянину нужно съѣздить изъ деревни въ городъ, священнику за молитвой, но за домашними хлопотами у него нѣтъ времени, и вотъ онъ проситъ своего сосѣда, отправляющагося по дѣламъ въ городъ, зайти къ священнику и взять на его имя молитву. Сосѣдъ, устроивъ свои дѣла, заходитъ къ священнику за молитвой и тотъ читаетъ ее ему надъ шапкой; по окончаніи молитвы сосѣдъ закрываетъ шапку и тахимъ образомъ какъ бы въ шапкѣ привозитъ сосѣду молитву. У Ѳ.Прокоповича мы читаемъ: "проповѣднику надлежитъ внушать своимъ слушателямъ, чтобы они хранилися отъ всего того, что Божіей чести противно есть, гдѣ находятся слѣдующая: 1| праздники проводить въ пьянствѣ и въ прочихъ безчиніяхъ; 2| всуе призывати имя Господне, то есть, присягати на лжу, или на прямое дѣло, да легкое и маловажное 3| боготворити иконы; 4| различіе дѣлати дней и др. вре-

менъ, безумнѣ вѣруя, будно одно изъ днихъ счастливое, а другое вредное; 5| туда же надлежатъ призыванія бѣсовъ, бабьи шептанія, заговоры, письмамъ вѣроятія и прочая богомерзкая и христіанскому имени студная суевѣрія; 6| |противъ псевдознаекъ| произносити чудеса ложная, видѣнія, сни вымышляти".

Отъ Ф.Прокоповича осталось нѣсколько трататовъ, изъ нихъ мы упомянемъ трактатъ "О возношеніи имени патріаршаго". До Петра на Руси былъ обычай во время литургіи поминать восточныхъ патріарховъ, теперь же возникъ споръ, нужно ли поминать ихъ или нѣтъ. Ф.Прокоповичъ и многіе другіе были на сторонѣ послѣдняго мнѣнія, но противъ нихъ возсталъ Ст. Яворскій, который написалъ противъ нихъ "аналогію или вопроса-отвѣти" о значеніи патріарховъ, но это сочиненіе не было напечатано, его даже запретили и сдѣлали автору внушеніе; такъ писалъ Синодъ по этому поводу: "а къ нему, митрополиту послать указъ, дабы онъ такихъ, яко зѣло вредныхъ и возмутительныхъ вопросо-отвѣтовъ отнюдь никому не сообщалъ и въ объявленіе не употреблялъ, опасаясь не безтруднаго предъ его царскимъ величествомъ отвѣта".

Далѣе упомянемъ трактатъ "Розыскъ историческій, коихъ ради винъ и въ яковомъ разумѣ были и нарицалися императори римскіе, какъ языческіе, такъ и христіанскіе, понтифексами или архіереями иноверного закона, а въ законѣ христіанстѣмъ христіанстіи государи могутъ ли нарещися епископи и архіереи, и въ какомъ разумѣ." Въ этомъ трактатѣ проводится мысль объ отношеніи духовной власти къ свѣтской. Тутъ Ф. Прокоповичъ доказываетъ на основаіи Овидія, Цицерона, Тацита, Плинія, Тита Ливія, Плутарха и др., что римскіе императори приняли внешнюю духовную власть съ тою цѣлью, чтобы

ихъ власти нельзя противопоставить какой либо другой власти; самъ онъ говоритъ: "Римскій императоръ носитъ званіе понтифекса четырехъ ради винъ: I| что ни отъ кого не былъ судимъ въ дѣлахъ управленія своего; 2| что понтифексъ великій одинъ только былъ, не имѣя другаго себѣ равнаго; 3| что могъ и долженъ былъ наблюдать на начинанія, какъ сенатская такъ и всенародная, не суть ли противна благочестію; и 4| что былъ въ томъ чину непремѣнно до скончанія живота своего; сіи прерогативы или преимущества вельми нужныя и полезныя были къ самовластительству императорскому... Того ради первые римскіе кесари, желая вельми свободную монархію возъимѣти, а насиліемъ того |понтифекса| получать не дерзая, изряднымъ умысломъ присовокупили себѣ санъ потифекса великаго." Съ этою же цѣлью и христіанскіе императоры носилы санъ понтифекса, по мнѣнію Прокоповича, они и теперь могутъ называться епископами даже епископовъ "государь - надсмотритель совершенный, т.е. имущій силу и повелѣнія, и крайняго суда и наказанія надъ всѣми себѣ подданными чинами и властьми какъ мірскими, такъ и духовными."

Къ 1722 г. относится трактатъ Прокоповича "Правда воли монаршей", написанная по слѣд. поводу: въ 1721 г. Петръ издалъ указъ, измѣняющій порядокъ престолонаслѣдія. Петръ не хотѣлъ видѣть на престолѣ сына Алексѣя Петровича - Петра, который былъ тогда единственнымъ наслѣдникомъ законнымъ. Петръ издалъ манифестъ, въ которомъ онъ объявлялъ, что царь можетъ назначить наслѣдника всякаго, кого онъ ни пожелаетъ. По этому то поводу Ѳ.Прокоповичъ и написалъ "Правду воли монаршей". Этотъ трактатъ распадается на двѣ части: въ первой части онъ защищаетъ этотъ указъ на осно-

ваніи гражданскаго закона: какъ отецъ въ правѣ лишить сына наслѣдства и передать его кому захочетъ, слѣд. наслѣдство есть подарокъ, а не обязанность; что примѣнимо отцу, то примѣнимо и государю. Во второй части онъ защищаетъ указъ на основаніи государственнаго права "философіи политической". Въ XVII в. у западныхъ мыслителей развилась теорія общественнаго договора, по которой начало всякаго человѣческаго общества возводится къ общественному договору; такого же мнѣнія держится и Ѳ.Прокоповичъ, по его словамъ, всякое правительство "имѣетъ начало отъ перваго въ семъ или иномъ народѣ согласія, всегда и вездѣ по волѣ своей, премудро дѣйствующу смотрѣнію Божію. Сіе же глаголемъ о честномъ и правильномъ началѣ монархіи". Теперь является вопросъ, какимъ же путемъ при установившемся правительствѣ можно узнать первоначальный договоръ. Прокоповичъ такъ рѣшаетъ этотъ вопросъ: гдѣ какой образъ правленія сохранился, таковъ былъ и первоначальный договоръ. Установивъ такой принципъ, Ѳ. доказываетъ, что народъ, отказавшись разъ отъ власти въ пользу правительства, назначеннаго имъ же самимъ, обязанъ безпрекословно исполнять всѣ законы этого правительства. Однимъ словомъ весь этотъ трактатъ представляетъ своеобразный выводъ изъ теоріи общественнаго договора.

Въ связи съ этими трактатами Ѳ.Прокоповича стоятъ два его сочиненія, написанныя въ разговорной, общедоступной формѣ на тему "Польза наукъ".

Первое сочиненіе представляетъ разговоръ "гектона сирѣчь древодѣля съ купцомъ". Оно посвящено вопросу о значеніи храма. Купецъ на улицѣ останавливаетъ гектона, идущаго покупать доски на гробъ умершему, задерживаетъ и на-

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

чинаетъ распрашивать его о братѣ и о томъ, кто строилъ эту церковь, около которой они стояли; по поводу церкви заходитъ рѣчь о томъ, для чего она построена; тектонъ говоритъ, что въ ней живетъ Богъ, и разговоръ переходитъ къ вопросу о вездѣсущіи Божіемъ. Тектонъ говоритъ, оплакалъ я отъ мудрыхъ людей духовнаго чина, которые въ Польшѣ учились, а можетъ быть также и родились, да у меня квартеров стояли и разговаривали о семъ, что Богъ не въ одинъ часъ, или не вдругъ вездѣ есть". Купецъ опровергаетъ это мнѣніе и доказываетъ противное. Удивленний его знаніями, тектонъ спрашиваетъ: "когда ти, господине мой, и отъ кого учился писаніямъ, переживая лѣта въ купечествѣ? Егда былъ въ нѣмецкихъ городахъ, отвѣчаетъ купецъ, и тамъ, болѣзни ради приключившіяся, полтора года неисходно пребывая, вмѣсто отрадя книги божественныя, то есть Библію читалъ, имѣлъ же таковаго врача, который кромѣ тѣлесныхъ болѣзней и духовные недуги, паче же рещи недоумѣнія исцѣлевати можаше, въ писаніи божественномъ зѣло искусенъ, и книги отъ себе - не аки отъ себе, но отъ писаній священныхъ, такожде и отъ свидѣтельствъ отецъ святыхъ сочиненныя,- издавалъ съ похвалою отъ своего общества ученыхъ людей." На замѣчанія тектона, что и нѣмцы еретики, купецъ возражаетъ, что они не еретики, а только иновѣрцы, объясняетъ, въ чемъ протестантское ученіе отличается отъ православнаго, и указываетъ, что настоящіе еретики именно тѣ, которые учился въ Польшѣ."

Второй разговоръ, написанный Ѳ. Прокоповичемъ, озаглавленъ такъ "Разговоръ гражданина съ селянином да пѣвцомъ, или дьячкомъ церковнымъ." Поводомъ къ этому

разговору послужило слѣд. обстоятельство: горожанинъ встрѣтилъ дьячка и крестьянина, идущихъ въ кабакъ написать прошеніе. Крестьянинъ обидѣлся, что священникъ потребовалъ отъ него знанія молитвъ, когда онъ былъ приглашенъ купцомъ. Гражданинъ находитъ, что священникъ правъ. Разговоръ затѣмъ переходитъ къ пользѣ и важности образованія. Селянинъ находитъ лишнимъ образованіе и знаніе молитвъ: "отцы де наши не умѣли письма, но хлѣбъ довольный ѣли и хлѣбъ тогда лучше родилъ Богъ, нежели нынѣ, когда письменниковъ и латынниковъ умножилось....За единую бездѣльную вещь, что "Отче нашъ" по ихъ грамотному чтенію читать не умѣю и не хощу, напали на меня и чуть не пожерли латынники." Гражданинъ рядомъ вопросовъ доводитъ селянина до сознанія, что онъ нарушилъ всѣ заповѣди, но по невѣжеству не знаетъ этого; отсюда онъ выводитъ заключеніе: "даже для того, чтобы быть добрымъ христіаниномъ, необходимо нѣкоторое образованіе. Этотъ разговоръ гражданина съ крестьяниномъ составляетъ первую часть всего разговора, въ которой Ѳ. Пр. показаетъ наивное невѣжество въ лицѣ крестьянина.

Во второй части Прокоповичъ возстаетъ противъ псевдоученыхъ, которые осмѣиваются въ разговорѣ дьячка и гражданина. Дьячекъ обращается къ гражданину: "аще свободно сказать истину - и латынники не всѣ письменіи." Гражданинъ отвѣчаетъ: "Письменіи, почитай, вси суть, но не вси, сказуй, разумніи; иніи бо токмо читать или писать знаютъ и тѣмъ уже величаются; аще же и разглагольствовать по латыни умѣютъ, уже зѣло себе мудрыхъ быти мечтаютъ, презирая гордо прочіихъ всѣхъ, не учившихся письма латинскаго."

Дьячекъ. И таковіи убо латынники изъ числа невѣждъ суть?

Гражданинъ. Во истину, и горшіи отъ невѣждъ имѣются.

Потомъ идетъ поцраздѣленіе невѣждъ на высокомѣрныхъ, многорѣчивыхъ или хитроупорныхъ, злобныхъ и завистливыхъ. Высокомѣрные невѣжды это тѣ, которые, лучше бы было, аще бы не училися, понеже мнѣнія ради высокаго о своемъ латинскомъ ученіи, все, что имъ на умъ привержется, право ли, худо ли, и противное писанію пріемлютъ, аки за самое извѣстнѣйшее и православнѣйшее, не отступая мнѣнія своего....стоятъ ревниво, аки бы по благочестію, но |на самомъ дѣлѣ| за пріобыклое мнѣніе свое, кое ввязло въ мозгъ ихъ; николи же истины познати не могутъ, но угождая себѣ, всегда оной противляются, заупрямившись въ своей лжѣ, мнимой ими истинѣ.

Многорѣчивые это тѣ, которые, егда кто отъ правоумствующихъ обличаетъ ихъ суевѣріе, или неправое исповѣданіе, ничто же сильное и къ разумѣнію истины близкое глаголютъ въ отвѣтъ, но, отходя далече отъ вещи, о ней же есть бесѣда краснословесіемъ мнѣніе свое утверждаютъ истину же самую всячески закрываютъ и слышащихъ въ другую сторону отъ нея отводятъ, умышленно пріискуя къ тому витійственныя къ прельщенію на свое мнѣніе незлобныхъ сердецъ угодныя рѣчи и доводы, аще и весьма не важные, однако благіе и слуху токмо пріятные. Изъ того, что вдается имъ тотъ способъ разговора торжествуютъ. И сіи суть хитроупорніи невѣжды."

Злобные и завистливые это тѣ, которые, "завидуя на другихъ, себѣ въ чести равныхъ, а наипаче на меньшихъ хотя достоинствомъ или возрастомъ, однако правоумныхъ и силу писанія лучше вѣдущихъ и за то самое ненавидя ихъ, когда что доброе сказываютъ или проповѣдуютъ исти-

ну слова Божія, отвращаются отъ нихъ и отъ Божіею сло-
веси, не хотя ни слушати, ни разумѣти глаголемаго отъ
устъ ихъ, аще и потребно быти къ наставленію своему по
совѣсту имутъ, и затѣмъ въ невѣдѣніи волею остаются...
егда кого не любятъ, паче же и ненавидятъ, преслѣдуя
его, то онаго и проповѣдію и разговоромъ гнушаются, и
какъ сами ученія или рѣчи его благоразумніи не слушаютъ
и слушати не хощутъ, такъ и иныхъ отъ слушанія отводятъ,
по злобѣ своей, имѣющейся къ персонѣ того, кто проповѣ-
дуетъ".

Изъ сочиненій Ѳ.Прокоповича, назначенныхъ для попу-
лярнаго чтенія, извѣстни: "Первое ученіе отрокомъ" и
"христовы о блаженствахъ проповѣди толкованіе".

Первое ученіе отрокомъ, написанное въ 1720 г. пред-
ставляетъ собою небольшую книгу, заключающую въ себѣ
азбуку, вмѣстѣ съ краткимъ объясненіемъ заповѣдей, бла-
женствъ, молитвы "Отче нашъ" и Символа вѣры. Эта книжка
при Петрѣ была введена во всеобщее употребленіе при
обученіи не только духовныхъ, но и мірянъ. Въ 1723 г.
указомъ было предписано читать эту книгу въ церквахъ въ
великій постъ вмѣсто книгъ Ефрема Сирина и соборника и др
Священники, діаконы, причетники, по предписанію Синода,
должны были имѣть у себя этотъ букварь и "прилежно по
сему заповѣди Божія съ толкованіемъ и прочее въ твердую
память принимать. |Пекарскій т.II, стр.549|. Въ этой
книгѣ, представляющей ничто иное какъ азбуку и краткій
катехизисъ, мы не ожидали бы найти литературный матеріалъ
На самомъ же дѣлѣ мы его находимъ. Ѳ.Прокоповичъ и здѣсь
не удержался отъ обычныхъ сатирическихъ выходокъ противъ

невѣжества, ложной учености, ханжества. Съ этими выходками Прокоповича мы отчасти встрѣчаемся въ предисловіи, гдѣ онъ разсуждаетъ о пользѣ ученія. Но особенно любопытно здѣсь толкованіе заповѣдей, которое распадается на двѣ части: въ I-й авторъ имѣетъ цѣлью показать истинный смыслъ заповѣди, а во второй, какія существовали ложныя толкованія. Такъ, напр., говоря о второй заповѣди, онъ нападаетъ на невѣрное почитаніе иконъ: "идолослуженіе есть, говоритъ онъ, когда кто честь Божію воздаетъ образу или подобію коей-либо вещиидоли т.е. образишки; о христіанскихъ же иконахъ что разумѣть подобаетъ? Лгутъ на Бога оніи прокляті лестцы, которыи иконамъ святымъ или мощамъ, или мѣсту нѣкоему претворяютъ чудеса и откровенія |Морозовъ стр.28|.

Второй трудъ составляетъ токованіе евангельскихъ блаженствъ подъ заглавіемъ "Христовы о блаженствахъ проповѣди толкованіе" |1722|. Въ этой книгѣ мы опять встрѣчаемся съ сатирическими выходками Ѳ.Прокоповича. Такъ, въ статьѣ "о кроткихъ" находимъ характеристику лицемѣровъ, увлекающихъ народъ своей мнимой святостью: суть и таковіи, которыхъ опасный человѣкъ не трудно признаетъ; сіи же наипаче потому, что или преизлишне смиряются, или дѣствія нѣкая природѣ своей показуютъ. Голову, напр., на едино плечо преклоняютъ, голосъ утончеваютъ, оскабляются безвременно, воздыхаютъ часто и безъ причины и пр. Далъ бы Богъ, дабы умудрился иногда простой народъ, и хотя бы отъ сихъ удобопознаваемыхъ лестцовъ оберегалъ себя. Зѣло вредни спасенію суть вышеупомянутіи искусніи лестцы, ко и сіи простая сердца уловляютъ". |Морозовъ стр.287|.

Въ исполненіе къ сказанному мы должны присоединить, что оба эти труда написаны были по мысли и по порученію Петра. Въ памятной книжкѣ Петра мы читаемъ: "написать книгу о ханжахъ и изъявить блаженства |кротость Давидову и пр.|, что не такъ, какъ они думаютъ, и приплесть къ требникамъ, а въ предисловіи явить это дѣльцомъ ростовскаго съ товарищи... также, что не противились мученики въ овѣтскихъ дѣлахъ". Петръ даже самъ написалъ нѣчто подобное; въ его бумагахъ найдена записка съ толкованіемъ заповѣдей, на одной сторонѣ написаны заповѣди, а на другой указано, какіе грѣхи противны имъ. Указавъ всѣ грѣхи противъ заповѣдей, онъ задается вопросомъ, отчего въ числѣ грѣховъ мы не находимъ грѣха ханжества? Оттого, отвѣчаетъ онъ самъ, что ханжа грѣшитъ противъ всѣхъ 10 заповѣдей: противъ 2-й потому, что ихъ первое дѣло сказивать видѣнія, повелѣнія отъ Бога и чудеса всѣ вымышленныя". Противъ 3-й заповѣди тѣмъ, что "лгутъ на Бога". Противъ 4-й, требующей молитвы, грѣшатъ тѣмъ, что молитва ихъ "въ лживыхъ чудесахъ и фарисейскихъ мѣстахъ и атеистовской совѣстью преисполнена". Противъ 5-й тѣмъ, что не почитаютъ пастырей церкви "иже суть вторые по натуральныхъ отцы отъ Бога опредѣлены, но стараются ихъ обмануть, а вяще тщатся бѣдство имъ приключить, подчиненныхъ пастырей оболчаніемъ у вышнихъ, и вышнихъ всѣяніемъ въ народъ хульныхъ про нихъ словъ, подвизая ихъ къ бунту". Противъ шестой: "который на свѣтѣ разбойникъ только можетъ людей погубить, какъ заводчикъ бунта, и все то чинятъ образомъ святыни, подъ видомъ агнца, прикрытые его кожей" Противъ Седьмой: "какъ бы могъ мужъ незнакомаго чело-

вѣка къ женѣ допустить и особливо добраго, хорошаго, а ханжу еще и подъ руку принявъ, отведетъ для благословенія и пророчества, и, провожая назадъ, руки выцѣлуетъ и наклоняетося, считая за великую себѣ добродѣтель |что такого адскаго сына въ свояки себѣ принялъ. Соловьевъ т.XУIII стр.205|.

Въ концѣ толкованія Петръ хочетъ показать, что каждый грѣшникъ виновенъ въ одномъ грѣхѣ, а ханжа во всѣхъ грѣхахъ, которые прикрываютсѧ ханжествомъ. У Петра, нужно замѣтить, не было навыка да и времени не доставало обрабатывать свои мысли, и онъ поручалъ это дѣло Прокоповичу.

ПРОЭКТЫ ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

Особый родъ публицистической дѣятельности петровской эпохи представляютъ проэкты. Они вызваны были особыми условіями тогдашней русской жизни; далеко не все, что занимало умы тогдашняго общества, могло появиться въ печати; даже нѣкоторыя извѣстныя намъ сочиненія, какъ напр. "Камень вѣры" Яворскаго, не могли появиться въ свѣтъ, какъ неподходящія къ направленію Петра. Но общественная мысль искала себѣ того или другого выхода, и вотъ отсюда намъ становитося понятнымъ возникновеніе особаго рода публицистики тайной: проэктовъ и записокъ, предназначенныхъ не для общаго чтенія, а для опредѣленныхъ лицъ, начиная съ самого Петра и другихъ видныхъ дѣятелей того времени. Эпоха Петра, очень богатая событіями внутренней и внѣшней жизни, не могла не возбуждать интереса къ политическимъ вопросамъ; мы знаемъ, что тогда замѣтно было въ обществѣ какое то броженіе умовъ, яснѣе опредѣлившееся въ событіяхъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Анны Іоан-

новны. А такъ какъ открыто высказывать свои мнѣнія по тѣмъ или другимъ политическимъ вопросамъ было не всегда удобно, поэтому и явилось много писателей проэктовъ. Первое мѣсто среди этихъ писателей прэктовъ безъ сомнѣнія занимаетъ Посошковъ.

ПОСОШКОВЪ.

Свѣдѣнія объ его жизни вообще необширны. Иванъ Тихоновичъ Посошковъ родился въ 1670 г. а умеръ въ 1726 г. По происхожденію онъ былъ крестьяниномъ Покровскаго села, какъ онъ самъ себя называетъ. Ученые полагаютъ, что это село находится вблизи Москвы. По занятіямъ же онъ былъ торговый человѣкъ. Благодаря торговлѣ онъ нажилъ значительное состояніе: имѣлъ домъ въ Петербургѣ, винокуренный заводъ, земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занимался и подрядами на казну. Хотя Посошковъ по образованію своему былъ самоучка, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ, и не получилъ никакого школьнаго образованія, однако его сочиненія обнаруживаютъ большую начитанность; съ другой стороны объ его здравомъ умѣ свидѣтельствуетъ фактъ перехода отъ раскола въ православіе, совершившійся уже въ зрѣлыхъ годахъ его жизни. Умеръ Посошковъ въ 1726 г. въ Петропавловской крѣпости, куда былъ заточенъ за какую то вину. Иные полагаютъ, что тутъ имѣли значеніе какія нибудь неисправности въ исполненіи казенныхъ подрядовъ; по мнѣнію же другихъ причиною заключенія была книга "о скудости и богатствѣ". Точная же причина неизвѣстна. Сочиненія Посошкова слѣдующія:

1. Книга о скудости и богатствѣ.
2. Проэктъ о ратномъ поведеніи |поднесенъ боярину Головину|
3. Завѣщаніе отеческое сыну.
4. Доношеніе митрополиту Стефану Яворскому о школахъ.

5. Зерцало, сирѣчь изъявленіе очевидное и извѣстное на суемудрія раскольнича.

6. Доношеніе митрополиту Стефану Яворскому о духовныхъ дѣлахъ.

7. Донесеніе тому же лицу о заведеніи метрическихъ книгъ при церквахъ.

Самое важное изъ поименованныхъ первое. Проэкты Посошкова представляютъ очень любопытное, характеристическое явленіе для своего времени: въ нихъ выразился основной характеръ переходной эпохи - сосуществованія стараго съ новымъ. Съ одной стороны эти сочиненія цѣликомъ переносятъ насъ въ древнюю Русь: авторъ является намъ, какъ начетчикъ самоучка, а не школьнаго образованія, онъ самъ говоритъ о себѣ: "азъ весьма лицирень и ученію школьному неискусенъ и како по надлежащему достоитъ писати, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самый простецъ есмь. Кромѣ того, какъ мы выше упомянули, онъ въ молодости принадлежалъ къ расколу и только впослѣдствіи перешелъ въ православіе. Вслѣдствіе этого онъ счелъ необходимымъ написать: "Зерцало на суемудрія раскольнича," направленное противъ раскольниковъ. Это сочиненіе наполнено цитатами изъ разныхъ старыхъ книгъ. Какъ извѣстно, раскольники обыкновенно опирались на авторитетныя мѣста изъ старыхъ книгъ, такъ поступалъ противъ нихъ и Посошковъ. Это сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ огромную начитанность не только въ раскольничьей, но и вообще во всей древне-русской литературѣ. Но рядомъ съ этой стариной въ сочиненіяхъ Посошкова выступаетъ рѣзко и характерная черта новаго времени - это проявляющійся интересъ къ государственнымъ вопросамъ. Петровская эпоха, въ которую произошло столько перемѣнъ въ русской жизни, произошло столько событій, будила умы массы и невольно сосредоточи-

вала всѣ интересы на государственныхъ вопросахъ. Появляется много писателей глубоко задумывающихся надъ событіями Петровской эпохи; это было явленіе не поверхностное, но оно носило серьезный характеръ. Посошковъ является типичнымъ представителемъ такого рода писателей. Плодомъ усиленнаго занятія государственными вопросами было его сочиненіе "О скудости и богатствѣ." Разсужденія автора этой книги тѣмъ дороже для насъ, что онъ былъ человѣкъ опыта. Другіе образованные дѣятели этой эпохи, каковы Яворскій, Прокоповичъ и др. были люди книжные, теоретики, мало знакомые съ условіями русской жизни. Не то представляетъ собою нашъ авторъ: онъ самъ происходитъ изъ среды народа, исколесилъ всю Россію вдоль и поперекъ, близко присмотрѣлся къ условіямъ народнаго быта, а потому въ его разсужденіяхъ слышится голосъ коренногорусскаго человѣка и притомъ опытнаго. Книгу "о скудости и богатствѣ" Посошковъ писалъ три года тайно, имѣя въ виду подать ее Петру. Остановимся на ней. Она предоставляетъ разностороннюю картину тогдашняго состоянія Россіи. Прежде всего въ введеніи онъ разбираетъ вопросъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ государственнымъ богатствомъ и бѣдностью. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ авторъ даетъ такое вѣрное сужденіе объ экономическомъ богатствѣ и бѣдности государства, подъ которымъ не задумался бы подписаться любой изъ современныхъ ученыхъ экономистовъ. Онъ говоритъ: "но то царственное богатство, еже въ царской коронѣ лежащія казны много, ниже ни царственное богатство, еже синклитъ царскаго величества въ златотканыхъ одеждахъ ходитъ, но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми досновыми своими внутренними

богатствами, а не внѣшними одеждами и позументальнымъ украшеніемъ; ибо украшеніемъ одеждъ не мы богатимся, но тѣ государства, отъ коихъ тѣ украшенія привозятъ къ намъ, а насъ въ имѣніи тѣми украшеніями остончеваютъ." Далѣе онъ задается вопросомъ, при какихъ условіяхъ можетъ быть обезпечено накопленіе народнаго богатства? и рѣшаетъ, что тогда возможно народное благосостояніе, когда въ Россіи будетъ царствовать правда, будетъ стройная государственная жизнь, будетъ отсутствовать произволъ, подавленный прочными и справедливыми законами. Здѣсь мы видимъ какую глубокую мысль высказываетъ Посошковъ о связи политическихъ и экономическихъ вопросовъ. Эта мысль, приведенная имъ въ введеніи и указываетъ на основную точку зрѣнія; это приводитъ его къ новымъ вопросамъ, какъ установить эту правду у насъ и какія обстоятельства препятствуютъ ея развитію? Послѣ этихъ подготовительныхъ вопросовъ онъ переходитъ къ разсмотрѣнію различныхъ сторонъ нашей жизни и указываетъ средства для устройства личнаго порядка. Все сочиненіе "о скудости и богатствѣ", дѣлится на 9 главъ. Изъ нихъ болѣе интересны 3,4,7,и 8, мы и разсмотримъ сначала ихъ.

Третья глава о правосудіи едва ли не самая важная и интересная по своему содержанію во всей книгѣ. Прежде всего онъ говоритъ о томъ, что неправда у насъ на Руси пустила глубокіе корни, что во всѣхъ странахъ христіанскихъ и даже у басурманъ есть суда праведный, а у насъ его нѣтъ.. Этотъ давній порокъ поддерживается 2-мя обстоятельствами: недостаткомъ судопроизводства и отсутствіемъ общаго уложенія. Первый недостатокъ еще въ давнюю пору характеристично названъ "волокитой": дѣла велись медленно, по нѣсколько лѣтъ, часто переносились изъ одного учрежденія въ дру-

гое. Противъ этого недостатка Посошковъ предлагаетъ быстроту и порядокъ рѣшенія дѣлъ: судья долженъ каждый день осматривать колодниковъ и рѣшать дѣла въ порядкѣ ихъ поступленія; исполненіемъ приговоровъ также не слѣдуетъ медлить. Особенно рѣзко говоритъ Посошковъ о преступникахъ противъ религіи: "а буде кои люди явятся богохульцы, иже тѣло Христово и животворящую его кровь въ скверну вмѣняютъ и ругающеся мерзостью запустѣнія наричаютъ, то таковому не надлежитъ живу быти ни сутокъ, но изъ застѣнка вышедъ, вершить его; потому что таковыхъ самъ Богъ еще при Моисеѣ велѣлъ предавать смерти." Изложеніе этой главы очень растянуто: авторъ иногда вдается въ такія подробности, которыя, повидимому, и ему самому мало извѣстны. Такъ онъ говоритъ о порядкѣ судопроизводства, предлагаетъ даже образцы рѣчей, какія должно судьямъ произносить во время суда.

Вторая причина плохого состоянія правосудія на Руси указывается авторомъ въ отсутствіи общаго уложенія. Правда существовало Уложеніе царя Алексѣя Михайловича для руководства въ судахъ, но съ теченіемъ времени накопилась цѣлая масса новыхъ постановленій, издаваемыхъ по разнымъ случаямъ, не свѣренныхъ одно съ другимъ, часто противорѣчивыхъ между собою. Конечно это производило большую путаницу въ судопроизводствѣ, давая возможность судьямъ по своему усмотрѣнію обращаться къ тѣмъ или другимъ законамъ, смотря по выгодѣ для себя, что порождало множество злоупотребленій. Въ виду всего этого П. и указываетъ на крайнюю необходимость составленія общаго уложенія законовъ. По его мнѣнію сначала нужно составить сводъ законовъ, куда должно войти уложеніе Ал.Михайловича

и другіе законодательные памятники, какъ, напр., указы, судебныя рѣшенія и т.п. Въ этотъ же сводъ должны быть внесены и изъ законовъ нѣмецкихъ и турецкихъ нѣкоторыя статьи, которыя пригодны намъ. Затѣмъ этотъ сводъ долженъ быть одобренъ и разсмотрѣнъ народнымъ собраніемъ изъ предстаавителей всѣхъ классовъ. Особенно любопытнымъ представляется сознаніе необходимости оцѣнки свода народнымъ собраніемъ. "И написавъ тыи новосочиненные пункты всѣмъ народомъ свидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, не подъ принужденіемъ, дабы въ этомъ изложеніи, какъ въ высокороднымъ, такъ и низкороднымъ и какъ богатымъ, такъ и бѣднымъ и какъ высокочинцамъ, такъ и низкочинцамъ, и самымъ земледѣльцамъ обиды бы и утѣсненія отъ недознанія коегождо ихъ бытья въ томъ новоисправленномъ изложеніи не было."

Четвертая глава о купечествѣ разсматриваетъ положеніе этого сословія. Купечество находилось въ состояніи неустройства, приниженія; ему не придавали въ государствѣ никакого значенія, интересы его не были обезпечены. Бояре, которымъ былъ ввѣренъ надзоръ за купечествомъ, по выраженію Посошкова, ставили его "ни въ яичную скорлупу". Затѣмъ Посошковъ разбираетъ важность торговли и купечества для государства. "Безъ купечества, говоритъ онъ, никаковое, не токмо великое, но и малое царство стоять не можетъ. Купечество и воинству товарищъ: воинство воюетъ и купечество помогаетъ и всякія потребности имъ уготовляетъ." Что же Посошковъ рекомендуетъ для поднятія купечества? Онъ не пришелъ къ мысли о свободной торговлѣ; поэтому недостатки торговаго устройства, по его мнѣнію заключаются въ слѣдующемъ: во-первыхъ, въ подрывѣ купе-

честву отъ другихъ сословій. Посошковъ, повидимому, стоитъ за строгую сословность: "самъ Господь, говоритъ онъ, рекъ, глаголя: Единъ рабъ не можетъ двумъ господамъ служити, тако и воину, и иного чину человѣку всякому свой чинъ прямо вести, а въ другой предѣлъ не вступати; аще бо кому къ купечеству примкнутися, то въ военномъ дѣлѣ солдатъ не будетъ. Самъ же Спаситель нашъ рекъ, глаголя: яко идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ." Какъ понять эти слова П.? Понимать ли ихъ какъ мнѣніе приверженца кастоваго устройства, или какъ-нибудь иначе? чтобы дать правильный отвѣтъ на эти вопросы, нужно вспомнить, что тогда право торговли предоставлено было не однимъ только купцамъ, а также и лицамъ всѣхъ другихъ сословій, съ тою только разницею, что купцы платили всевозможныя пошлины, а другія сословія нѣтъ. Посошковъ и рекомендуетъ всѣхъ занимающихся торговлей подвести подъ одну мѣрку.

Во-вторыхъ, для поднятія купечества и торговли П. предлагаетъ учредить надзоръ въ средѣ купечества въ видѣ выборныхъ сотскихъ, десятскихъ, къ которымъ можно было бы обращаться съ жалобой на всякую несправедливость и обманъ въ торговыхъ дѣлахъ.

Третій недостатокъ, по мнѣнію П., заключается въ подрывѣ со стороны иноземцевъ, которые умѣютъ повышать цѣну своимъ товарамъ и понизить стоимость продуктовъ русскаго производства. Въ этомъ пунктѣ П. отчасти неправъ, онъ не понимаетъ пониженія курса на русскіе товары, которое являлось слѣдствіемъ продолжительной войны; отчасти и правъ, такъ какъ иностранцы, дѣйствуя сообща, умѣли извлекать выгоды изъ неумѣлости русскихъ купцовъ.

Средствомъ для борьбы съ иностранными купцами онъ предлагаетъ стачку. При помощи ея, по мнѣнію П., можно за-

ставить иноземцевъ не поднимать цѣнъ на свои товары и не понижать цѣнъ русскихъ. При открытіи навигаціи объявить иностранцамъ цѣну на товаръ, не уступая ни одной копейки съ этой цѣны; "и буде иноземцы восхотятъ нашихъ купцовъ принудить къ своему умыслу, еже бы нашихъ русскихъ товаровъ цѣною не возвысить,а своихъ не снизить, оставя товаръ, поѣдутъ за море безъ нашихъ товаровъ, то и свои они товары, съ коими пріѣхали, повезли бы всѣ съ собой назадъ; а въ анбары съ кораблей не сторговавшись отнюдь класть имъ не попускать, хотя за анбары они вдвое или втрое деньги давать станутъ, или гдѣ въ домѣ похотятъ сложить, отнюдь того не попускать имъ; но когда нашихъ товаровъ не брать, то и своихъ товаровъ оставлять имъ не для чего: какъ привозили, такъ пусть и назадъ повезутъ." Но такъ какъ для нѣкоторыхъ мелкихъ русскихъ торговцевъ подобная стачка была бы невыгодна и принесла бы большіе убытки, то въ этомъ случаѣ слѣдуетъ придти на помощь казнѣ или богатымъ людямъ и скупать нераспроданные товары. Въ слѣдующій годъ, если купцы иностранные не согласятся продавать товары по назначенной цѣнѣ, то и имъ нужно объявить на русскіе товары прежнюю цѣну съ придачей % за годъ. Здѣсь въ самомъ дѣлѣ кроется справедливая мысль.

Есть еще одна характерная черта въ проэктѣ улучшенія положенія купеческаго сословія. Купечество должно быть раздѣлено на три статьи |разряда| по достатку, и сообразно съ этимъ должно отличаться и по одеждѣ, при чемъ П. подробно описываетъ особенности костюма каждаго разряда. Въ этомъ, между прочимъ, сказывается особенность нашего писателя, характеризующая Московскую Русь - придавать большое значеніе внѣшности, подводить все подъ извѣстныя стро-

строго опредѣленныя внѣшнія формы.

Седьмая глава особенно важная по многимъ важнымъ замѣчаніямъ автора, посвящена обозрѣнію положенія крестьянъ. Крестьянское житье, говоритъ П., скудно отъ трехъ причинъ: I| отъ невѣжества и неумѣнья обходиться съ хозяйствомъ самихъ крестьянъ, 2| отъ насилія помѣщиковъ, 3| неразсмотрѣнія правительства. Крестьяне часто обнаруживаютъ свое неумѣнье вести хозяйство, что обнаруживается а| въ ихъ неумѣньи строиться; деревни ихъ, построенныя безъ всякаго плана и густо, сильно терпятъ во время пожара; б| въ уничтоженіи лѣсовъ; в| въ хищномъ захватѣ мѣстъ и г| въ хищной рыбной ловлѣ.

Для борьбы съ этимъ зломъ Посошковъ рекомендуетъ, чтобы правительство выдавало планы на постройку и вообще наблюдало бы за крестьянами; но самое главное - онъ рекомендуетъ распространеніе образованія, потому что не малое зло просходитъ для крестьянъ отъ безграмотности. "Паки не мала пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у насъ нѣтъ. Аще въ коей деревнѣ дворовъ двадцать и тридцать, а грамотнаго человѣка у нихъ ни единаго нѣтъ, и какой къ нимъ ни пріѣдетъ, съ какимъ указомъ или безъ указу, да скажетъ, что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ, и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки, потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, не разумѣютъ. И того ради многіе и безъ указу пріѣхавъ, паскости имъ чинятъ великія, а они оспорить не могутъ; а и въ поборѣхъ много съ нихъ излишнихъ денегъ емлютъ, и отъ того даровой пріемлютъ себѣ убытокъ". Какъ практическій

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

человѣкъ, онъ указываетъ на практическое примѣненіе образованія. Онъ рекомендуетъ введеніе обязательнаго первоначальнаго обученія: "не худо бы, говоритъ онъ, такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безграмотнаго человѣка и положить имъ |крестьянамъ| крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ и положить имъ срокъ года на три или на четыре. А буде въ четыре года дѣтей своихъ не научатъ, также кои ребята и впредь подростутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ страхованіе".

Вторая причина, какъ выше было сказано, способствующая бѣдственному положенію крестьянъ - насиліе помѣщиковъ. "А сіе зрится не весьма право, еже помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена, неудобь носимыя, ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ ни одного дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сѣнокосную пору всю и теряютъ у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку, или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ лишняго побору, и тѣмъ излишествомъ въ нищету пригоняютъ; и который крестьянинъ станетъ мало по сытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ безпорядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатится не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обрости, но стриги его, яко овцу, до гола. И тако говоря, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и коры не оставляютъ. Отъ таковыя нужды домы свои оставляютъ и бѣгутъ въ понизовыя мѣста, иные жъ и въ украинныя, а иные и въ зарубѣжныя, тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ".

Въ такихъ же рѣзкихъ чертахъ, напоминающихъ произведенія позднѣйшихъ сатириковъ, Посошковъ нападаетъ на помѣщиковъ. Для устраненія этого зла Посошковъ рекомендуетъ вмѣшательство правительства, въ видѣ установленія нормы, чего требовать должны отъ крестьянъ помѣщики относительно оброкаи барщины. Здѣсь любопытно одно выраженіе Посошкова: "крестьянамъ помѣщики, говоритъ онъ, не вѣковые владѣльцы, того ради они и не весьма ихъ берегутъ, а прямой ихъ владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно". Изъ этого видно, что П. смотритъ на крестьянскія отношенія, какъ на государственное устройство, учрежденіе, которое по волѣ того же государства можетъ быть отмѣнено; слѣд. унашихъ крестьянъ уже издавна жила мысль объ ихъ освобожденіи. Эту мысль П. высказываетъ и въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія.

Нельзя не признать справедливымъ взглядъ П. на крестьянство. Если мы обратимся къ первому періоду сложенія Московскаго государства, то увидимъ, что этому государству, находящемуся въ постоянной борьбѣ съ сосѣдними княжествами, инородцами и, наконецъ, съ татарами, необходимъ былъ классъ служилыхъ людей, на которыхъ лежала бы обязанность только нести тяжести ратнаго дѣла. Изъ этого то класса служилыхъ людей и образовалось наше дворянство. Правительство, не имѣя средствъ деньгами обезпечивать это сословіе, давало имъ за службу земли и крестьянъ, которые, находясь подъ защитою этого сословія, должны были вносить свою лепту на государственныя потребности и вмѣстѣ съ тѣмъ давать средства къ жизни служилому сословію. Поэтому и справедливъ взглядъ на крестьянство, какъ на учрежденіе государственное, къ которому прибѣгло

государство, находясь въ однихъ условіяхъ, которыя соотвѣтствовали требованіямъ того времени. Правительство, сообразно съ обстоятельствами, раздавало землю дворянамъ, закрѣпило за ними крестьянъ, но то же самое правительство при другихъ обстоятельствахъ, когда учрежденія давно минувшаго времени становились не только безполезными, но даже и вредными для благосостоянія его гражданъ, вправѣ и отмѣнить ихъ.

Третья причина плохого экономическаго состоянія крестьянъ - неразсмотрѣніе правительства, слѣдствіемъ чего является тяжесть и неравномѣрность распредѣленія податей. Указывая на недостатки въ этомъ отношеніи, Посошковъ иронизируетъ: "Я не вѣмъ, чего господа дворяне смотрятъ: крестьянами владѣютъ, а что именовать крестьянина, не-знаютъ и почему числить дворъ крестьянскій, ничего того не разумѣютъ, но токмо ворота, да городьбу числятъ, а иные дымъ избный считаютъ. И яко димъ на воздухѣ исчезаетъ, тако и исчисленіе ихъ въ ничтожность обращается". Такимъ образомъ въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ Посошковъ идетъ далеко впереди своего времени. Вопросъ о налогѣ и въ наше время остается неразрѣшеннымъ на правтикѣ.

Восьмая глава о земляхъ дворянскихъ. Дробность и чрезполосность дворянскихъ земель предстаавляется Посошкову неудовлетворительнымъ. Благодаря дробности своихъ земель дворяне и сами часто не знали предѣловъ своихъ земель. Отсюда выходили вѣчныя ссоры, тяжбы, наѣзды, похожіе на усобные побоища; дворянинъ собиралъ свою дворню, крестьянъ и опустошалъ поля своего противника и вмѣстѣ съ тѣмъ труды земледѣльца, съ своей стороны и противникъ дѣлалъ тоже самое. Противъ этого зла Посошковъ рекомендуетъ гене-

ральное межеваніе и на болѣе плотную группировку земель. На это же указывалъ и самъ Петръ и Брюссъ.

Объ остальныхъ главахъ скажемъ вкратцѣ.

Первая глава посвящена разсмотрѣнію состоянія духовенства того времени. Это состояніе представляется автору очень неудовлетворительнымъ по 2-мъ главнымъ образомъ причинамъ: I| вслѣдствіе крайняго невѣжества и 2| крайней бѣдности духовнаго сословія, которыя находятся въ связи между собою. "Нынѣ, говоритъ онъ, истинно таковыхъ пресвитеровъ много, что не то, чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что то есть реченіе вѣра". Не менѣе рѣзко выражается Посошковъ о бѣдности духовенства, которая заставляетъ иногда священниковъ дѣлаться простыми пахарями. "О семъ я неизвѣстенъ, какъ дѣется въ прочихъ земляхъ, чѣмъ питаются сельскіе попы, а о семъ весьма извѣстенъ, что у насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою, и ничѣмъ они отъ пахотныхъ мужиковъ не отмѣнны; мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу; а церковь святая и паства духовная остаются въ сторонѣ. И въ праздничный день, гдѣ было идти въ церковь и славословіе Божіе, а попъ съ мужиками пойдетъ овины сушить, и гдѣ было обѣдню служить, а попъ съ причетниками хлѣбъ молотитъ, а въ таковыхъ суетахъ живуще, не токмо стадо Христово пасти, но и себя не упасти."

Для обезпеченія духовенства Посошковъ рекомендуетъ ввести десятинный налогъ въ пользу духовенства: вмѣсто пашни давать имъ - дворянамъ и крестьянамъ, кои у нихъ въ приходѣ, отъ своего приплоду десятую долю." Противъ же невѣжества духовенства авторъ рекомендуетъ школы, на необходимость устройства которыхъ онъ указываетъ съ особенной

настойчивостью.

Вторая глава посвящена разсмотрѣнію состоянія военнаго сословія. Здѣсь указнвются два главнихъ недостатка: I| бѣдность солдатъ, 2| самоуправство офицеровъ. Бѣдность солдатъ, зависящая отъ недостаточнаго казеннаго содержанія, увеличилась тѣмъ, что изъ тѣхъ же жалованныхъ денегъ дѣлали вычетъ на обмундировку, такъ что бѣднымъ солдатамъ часто приходилось голодать. "Есть слухъ, говоритъ Посошковъ, что инымъ солдатамъ и по I0 алтынъ казеннаго жалованья не приходитъ на мѣсяцъ, а о таковой ихъ скудости, чаю, доносятъ, будто бы сыты и всѣмъ довольны". Затѣмъ онъ говоритъ о самоубійствѣ одного солдата, побужденнаго къ этому своимъ тягостнымъ положеніемъ. "И отъ такого порядка и безкормицы, говоритъ онъ, служба вельми не спора, потому что голодный и за солому запинается, а не то, что ему непріятеля гнать и черезъ колоди и ручьи скакать: голодный человѣкъ подобенъ осиновому листу и отъ мелкаго вѣтра шатается, у подобнаго и работа худа, а не токмо что служба". Для уничтоженія этого недостатка авторъ рекомендуетъ увеличить жалованье солдатамъ. Второй недостатокъ военнаго сословія Посошковъ указываетъ въ самоуправствѣ офицеровъ. Причины этого недостатка слѣдующія: Извѣстны нѣкоторыя попытки Петра привить Руси западныя понятія права; такъ Петръ хотѣлъ завести, такъ называемые, суды равныхъ, т.е. чтобы солдаты судились выборными изъ солдат, офицеры - офицерами. Но этотъ опытъ суда равныхъ совершенно не удался у насъ; наоборотъ, онъ призвелъ еще большую распущенность въ арміи: офицеры проявляли открытое самоуправство надъ солдатами; въ случаѣ же

жалобъ они подлежали суду равныхъ, т.е. своихъ же товарищей офицеровъ, а тамъ, какъ замѣчаетъ Посошковъ, воронъ ворону глаза не выклюетъ. Дѣла рѣдко рѣшались не въ пользу самоуправныхъ товарищей. Въ виду всего этого Посошковъ рѣшительно высказывается за отмѣну суда равныхъ и за введеніе въ арміи общихъ судовъ. "И ради общежительства любовнаго, аще великій намъ монархъ повелитъ судъ устроити одинъ, каковъ земледѣльцу, таковъ и купеческому человѣку, убогому и богатому, таковъ и солдату, такожь и офицеру, ничѣмъ же отмѣненъ и полковнику и генералу. То по таковому уставу не то, что офицеровъ солдатамъ не обижать, но и земледѣльцевъ обидѣть не будутъ. Сей же судъ, мнѣ мнится, не весьма правъ, еже простолюдину объ обидѣ своей на солдата у солдата же милости просить, а на офицера - у офицера жъ. Старая пословица есть: еже воронъ ворону глаза не выклюетъ. Сіе бо есть явно дѣло, что солдатъ на солдата никогда не почнетъ, а офицеръ и давно не промѣняетъ своего брата и на солдата, а не то что на простолюдина; всегда бо свой своему поневолѣ другъ, и нельзя имъ другъ другу не норовить, потому нынѣ тотъ виненъ, а иной день будетъ и онъ виненъ. И потому не можно имъ суда праваго на своего брата изнести."

Въ концѣ второй главы помѣщено особое разсужденіе о неудовлетворительности стрѣльбы русскихъ войскъ; авторъ предлагаетъ образовать особыя стрѣлковыя роты и для отличія ихъ отъ другихъ войскъ дать имъ особую одежду краснаго цвѣта.

Пятая глава "о художествѣ", т.е. о ремесленникахъ. Низкій уровень производства русскаго Посошковъ объясняетъ недоученостью мастеровъ. За границей ученики должны про-

быть извѣстный, опредѣленный строго срокъ у мастера; у насъ же ученики, поучившись нѣкоторое время, уходятъ отъ мастеровъ недоучками и принимаются сами за ремесло. Въ этой главѣ обращаетъ на себя вниманіе то мѣсто, гдѣ Посошковъ говоритъ о вымышленикахъ, или изобрѣтателяхъ. За границей, говоритъ онъ, изобрѣтатели встрѣчаютъ себѣ поддержку и со стороны правительства, выдающаго имъ гарантію и пособія, и со стороны общества, относящагося къ нимъ съ особеннымъ уваженіемъ. Поэтому и у насъ не худо бы поощрять всячески изобрѣтателей.

Шестая глава "о разбойныхъ дѣлахъ". Для уничтоженія этого зла П. совѣтуетъ устроить внутреннюю полицію изъ среды крестьянъ.

Въ девятой главѣ "о царскомъ интересѣ" разсматриваются различные отдѣлы государственнаго дохода: соляной налогъ, питейный сборъ и т.п.

Главный интересъ въ этой книгѣ сосредоточивается въ III, IУ и УII гл., гдѣ П. говоритъ о крупныхъ явленіяхъ и хорошо ему знакомыхъ. Знакомясь съ содержаніемъ книги Посошкова, мы знакомимся съ ходомъ мыслей русскаго самоучки ХУIII ст. Книга Посошкова необходима для объясненія чисто литературныхъ явленій ХУIII ст. Мы видимъ, что сатирики, Кантемиръ и позднѣйшіе, цѣликомъ примыкаютъ къ этому безхитростному крестьянину.

Въ чисто историческомъ значеніи эта книга безцѣнна, потому что въ нашей исторической литературѣ замѣчается удивительная скудость свѣдѣній о внутреннемъ состояніи страны. Посошковъ же рисуетъ картину внутренняго состоянія Россіи въ эпоху реформы, но такъ какъ эпоха Петра Великаго тѣсно связана съ предшествующими эпохами, то по

этой книгѣ мы до извѣстной степени можемъ ознакомится съ внутреннимъ состояніемъ Россіи.

Лучшія стороны этого сочиненія - знаніе дѣла и наблюдательность автора; а съ другой стороны - своеобразная сила выраженія, самый слогъ, съ чисто народнимъ характеромъ, проникнутый своеобразнымъ юморомъ. Но затѣмъ не пройдемъ мимо и слабнхъ сторонъ: крайнее стремленіе къ подробностямъ, къ мелочамъ, какъ начетчика, какъ человѣка, не получившаго систематическаго образованія. Такъ, напр., въ его книгѣ очень часты и очень подробны замѣтки объ одеждѣ, о томъ, какова должна быть одежда, что встрѣчается, напр. тамъ, гдѣ онъ говоритъ о духовенствѣ: въ случаѣ недостатка средствъ священникъ можетъ и не носить платья изъ нѣмецкаго сукна, а изъ простой сермяги бѣлаго цвѣта, выкрашенной въ извѣстную краску; или во 2-й гл., гдѣ говорится между прочимъ о стрѣльбѣ, о стрѣлкахъ, дѣлается также замѣтка, что "таковымъ воинамъ надлежитъ красный костюмъ, п.ч. они огненные люди." Говоря о купцахъ авторъ дѣлаетъ замѣтку, какъ должны они одѣваться, чтобы отличаться не только отъ остальныхъ сословій, но и между собой,- каждая степень купечества должна носить и извѣстное платье; при этомъ указывается качество сукна, пуговицъ, говорится о томъ, какая должна быть одежда лѣтомъ и какая зимой и т.п. Затѣмъ, кромѣ разсужденій объ одеждѣ, подобныя же разсужденія у него о товарахъ въ главѣ о купцахъ же, гдѣ какъ мы видѣли, онъ не особенно доброжелательно смотритъ на иностранныхъ купцовъ, и подробно говоритъ о томъ, какіе товары слѣдуетъ привозить и какіе не слѣдуетъ. Посошковъ рекомендуетъ запретить ввозъ въ Россію нѣкоторыхъ товаровъ, безъ которыхъ можно обой-

тись или которые съ удобствомъ могутъ быть добываемы на родинѣ, какъ напр., вина, табакъ, нѣкоторые галантерейные товары и т.д. По его мнѣнію вино совсѣмъ не слѣдуетъ ввозить, только Государь и знатныя лица могутъ покупать иностранныя вина, а прочіе должны довольствоваться напитками домашняго производства. Табакъ, по мнѣнію Посошкова, также не слѣдуетъ ввозить, такъ какъ онъ можетъ быть разводимъ на югѣ Россіи; равнымъ образомъ и нѣкоторые галантерейные товары, безъ которыхъ русскому человѣку легко обойтись. Такое стремленіе къ подробностямъ заставляетъ его говорить о такихъ вещахъ, въ которыхъ онъ самъ мало былъ свѣдущъ. Въ главѣ о духовенствѣ напр. онъ подробно говоритъ о школахъ, ихъ организаціи, рисуетъ подробную картину занятій до обѣда и послѣ обѣда, говоритъ о книгахъ, нужныхъ для школъ, прагматическихъ богословскихъ, поучительныхъ, обличительныхъ и книгахъ историческихъ |бытейныхъ|, о диспутахъ и о свидѣтельствахъ объ окончаніи курса; или также въ главѣ "о правосудіи" рисуетъ программу судопроизводства, выдумываетъ рѣчи для судей, и проч.

Другая сторона - крайняя исключительность религіозныхъ воззрѣній. Въ главѣ о правосудіи Посошковъ особенно рѣзко говоритъ о преступникахъ противъ религіи, о богохульникахъ и о необходимости быстраго суда надъ ними. Любопытно, что эта крайняя суровость поражала уже и современнаго читателя, на что указываютъ замѣтки, находимыя на поляхъ сочиненія.

Посошковъ написалъ еще нѣсколько проэктовъ, но въ нихъ повторяются тѣ же особенности, которыя раскрыты въ книгѣ "о скудости и богатствѣ".

Теперь перейдемъ къ завѣщанію Посошкова къ сыну. Прежде намъ нужно сказать нѣсколько словъ вообще о такого рода памятникахъ. Когда мы рабирали "Завѣщаніе Владиміра Мономаха къ дѣтямъ" и "Домострой" попа Сильвестра, то мы ужъ сказали, что такого рода памятники характеризуютъ эпохи переходныя. Въ самомъ дѣлѣ, когда жизнь идетъ по разъ установленному порядку, то появленіе такого рода памятниковъ не представляется нужнымъ; но когда старыя понятія уступаютъ мѣсто новымъ, еще прочно не установившимся, когда трудно приспособиться къ новымъ требованіямъ общественной жизни, то появляются завѣщанія къ дѣтямъ, какъ имъ лучше устроится при новыхъ условіяхъ.Такого рода завѣщанія служатъ только литературной формой, которой пользуются передовые люди, чтобы высказать откровеннѣе свои мысли; этою формою воспользовался и Мономахъ и Сильвестръ и Посошковъ, и Татищевъ и др. Что завѣщанія характеризуютъ эпохи переходныя, то это видно изъ того, что "Домострой" появился тогда, когда къ намъ стали проникать западныя понятія и произвели, такъ сказать, ломку въ понятіяхъ нашихъ предковъ; точно также и въ Петровскую эпоху совершилась ломка не только понятій государственныхъ но даже и бытовыхъ, и эта эпоха естественно должна была вызвать эти завѣщанія, что мы въ самомъ дѣлѣ и видимъ. Эпоха Петровская богата завѣщаніями; такъ мы имѣемъ завѣщаніе Посошкова, Татищева и третьяго неизвѣстнаго лица, носящее заглавіе: "Завѣщаніе дворянина къ сыну, отправляющемуся за границу для науки."

Отеческое завѣщаніе Посошкова къ сыну состоитъ изъ вступленія и 6 главъ. Въ вступленіи Посошковъ наставляетъ сы-

на оставаться строго вѣрнымъ отечественнымъ религіознымъ убѣжденіямъ, что казалось Посошкову дѣломъ первой важности: "И сего ради буди неподвиженъ, но стой яко мраморный столбъ, на недвижимомъ камнѣ утвержденный, не склоняйся ни на ошую сторону, ниже на мнимое десно, понеже отъ мнимы десности многое множество древле, отъ истиннаго благочестія христіанскаго совратилося, въ вѣчную погибель снидоша: якоже аріане, несторіане, мессаліане и прочіе еретицы, отъ мнимыя своея правости, въ ереси вподоша и вѣчне погибоша." Подъ ошуею стороною разумѣется увлеченіе протестантскими идеями; "мнимое десно"- это расколъ, въ которомъ Посошковъ при своемъ умѣ не могъ не замѣтить другого рода крайностей. При этомъ Посошковъ замѣчаетъ, что между русскими есть люди увлекающіеся чужими религіозными воззрѣніями. "Нынѣ бо мнози изъ русскаго народа, научившеся отъ иноземцевъ, отъ правыя своея древнія вѣры въ лютерское зловѣріе начинаютъ склонятися и отъ всесквернаго Мартина Лютера уставленные слабые, и роскошные, и весьма развращенные законы начинаютъ приимати. Свои же древніе отъ самого Бога и отъ учениковъ Его, и отъ ихъ преемниковъ святыхъ отецъ, и въ чудесехъ отъ Бога прославленныхъ: установленные законы и седмію вселенскими соборами утвержденные, и мученическими кровми запечатлѣнные отмещутъ."

Затѣмъ, послѣ вступленія Посошковъ даетъ другія наставленія, которыя идутъ въ порядкѣ слѣдованія человѣческихъ возрастовъ; причемъ въ первыхъ двухъ главахъ излагаются наставленія о воспитаніи и семейной жизни, въ послѣднихъ трехъ - даются наставленія относительно службы. Говоря о воспитаніи, Посошковъ между прочимъ указываетъ на не-

обходимость изучать иностранные языки: греческій, латинскій, польскій, а также и славянскій. Если кто не можетъ выучиться двумъ первымъ, то, по крайней мѣрѣ, польскому слѣдуетъ выучиться, потому что на этомъ языкѣ написано много полезныхъ книгъ: "Въ началѣ отрочества, сыне мой, паче всѣхъ наукъ прилежи книжному ученію, не только словенскому одному, но и греческому или латинскому: или хотя польскому, понеже и на немъ много таковыхъ книгъ, кои у насъ на словенскомъ языкѣ не обрѣтаются, а и къ наукѣ польскій языкъ иныхъ языковъ поемнѣе." Очевидно, что здѣсь на него оказало вліяніе знакомство съ людьми, прошедшими южно-русскія школы; напр. Ст.Яворскій. Нравственныя требованія Посошкова очень высоки. Онъ требуетъ строгой чистоты нравовъ, но, какъ всегда, не умѣетъ сохранить мѣру, вдается въ большія подробности относительно сношеній съ женщинами: "и аще кая жена или дѣвица, прижавъ тя, поцѣлуетъ, то ты бѣги отъ нея, яко отъ ядовитаго змія, дабы не прельстила тебя на блудъ. И егда и случитъ ти ся ними цѣловатися, то ты самымъ легкимъ цѣлованіемъ съ ними цѣлуйся."

Нравственныя воззрѣнія Посошкова отличаются возвышенностью и строгостью; онъ говоритъ, что нужно воспитывать въ себѣ любовь и благоволеніе ко всему живому и гуманное обращеніе съ послѣднимъ: "Такъ, сыне мой, опасно живи, дабы ты не токмо человѣкомъ, но и скотомъ, милъ бы ты былъ, и всякое дѣло къ себѣ первѣе приложи: и помысли о немъ, угодно ли оно будетъ тебѣ, аще кто тако сотворитъ, яко ты кому хощеши сотворити, и аще тебѣ оно угодно: то и инѣмъ твори безъ сумнѣнія, и аще же оно тебѣ самому не угодно явится, то такового дѣла людемъ отнюдь

творити не замышляй: О семъ Самъ Господь Богъ заповѣдалъ намъ, дабы мы чего себѣ не хощемъ, того бы и инѣмъ не творили." Но этимъ онъ не ограничивается и говоритъ, что даже въ томъ случаѣ, если ѣдешь на лошади и видишь растянувшагося на серединѣ дороги пса, то нужно объѣхать его, чтобы не безпокоить его; также если увидишь курицу, роющуюся въ пескѣ, то объѣзжай ее, а не безпокой. Вотъ какую чистую любовь ко всему живущему проповѣдуетъ Посошковъ въ своемъ завѣщаніи; эти его наставленія отражаютъ лучшую сторону того аскетическаго идеала, который господствовалъ у насъ въ XVIII в. Этотъ идеалъ имѣлъ и хорошую сторону и худую. Первую именно сторону составляетъ любовь и уваженіе ко всему живущему на свѣтѣ; далѣе, всѣ удовольствія земныя по этому идеалу считались недостойными человѣка и грѣховными, но такъ какъ не всѣ могутъ уклоняться отъ міра и его радостей, то это порождало лицемѣріе и фарисейство, что и составляетъ его слабую сторону. Еще Петръ Великій и Ѳ.Прокоповичъ обращали на это вниманіе; Ѳ.Пр. нерѣдко въ своихъ проповѣдяхъ нападаетъ на подобнаго рода людей. Посошковъ вообще представляетъ собою типъ древне-русскаго человѣка со всѣми его воззрѣніями, и если кто-нибудь захотѣлъ бы познакомиться съ стремленіями и нравственными взглядами древней Руси, то лучше всего обратиться къ сочиненіямъ Посошкова. Но вмѣстѣ съ этими возвышенными его нравственными и религіозными воззрѣніями мы встрѣчаемъ у Посошкова и много странныхъ такъ, напр., онъ обращаетъ много вниманія на обрядовую сторону и придаетъ ей большое значеніе. Такъ, онъ говоритъ о томъ, какой поклонъ нужно дѣлать предъ образомъ Божіей Матери, Іисуса Христа, мучениковъ и т.д. Не одинаковый

поклонъ полагается дѣлать иконѣ Іисуса Христа, святымъ и пр. Читая теперь эти строки, невозможно удержаться отъ улыбки, но самъ Посошковъ придавалъ этимъ обрядамъ большое значеніе. Но не смотря на эти странныя воззрѣнія Посошкова, мы должны воздать ему должное уваженіе за его высоко-нравственные идеалы.

Что касается наставленій о семьѣ, жизни семейной и воспитаніи дѣтей, то Посошковъ, какъ представитель старины, рекомендуетъ строгость и суровость въ дѣлѣ воспитанія: "Надобно дѣтей учить не оплошно, и держати ихъ въ великой грозѣ, чтобы предъ Богомъ трепетенъ былъ, другое, чтобы и васъ боялся, такъ ведите, чтобы и взгляду вашего боялись." Онъ говоритъ, что не слѣдуетъ потворствовать дѣтямъ, что это только содѣйствуетъ нравственной порчѣ ихъ. Въ наставленіи, какъ слѣдуетъ обращаться съ женой, Посошковъ дѣлаетъ шагъ впередъ сравнительно съ воззрѣніями Домостроя. Онъ считаетъ жену совершенно полноправною наравнѣ съ мужемъ, говоря, что жена дана въ помощницы мужу и поэтому послѣдній долженъ всегда во всѣхъ дѣлахъ совѣтоваться съ женою: "а безъ совѣта, наипаче безъ женняго отнюдь ничего не твори, понеже она отъ самого Бога дана тебѣ, не ради порабощанія или токмо послуженія, но ради самыя помощи и пріялъ ты ее отъ св. церкви, за благословеніемъ пресвитерскимъ." Но высказавъ такой свѣтлый взглядъ, Посошковъ далѣе впадаетъ въ крайность, говоря, что слѣдуетъ совѣтоваться съ женой даже и въ томъ случаѣ, когда она, будучи не особенно умна, не можетъ дать хорошаго совѣта. Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ тою же обрядностью, которая у Посошкова постоянно играетъ большую роль. "И сего ради аще у кого случится жена

и маломысленна: обаче ради повиновенія словесемъ Божіимъ, подобаетъ съ нею совѣтовати: и аще она отъ недостатку своего ума и не дастъ совѣта здраваго, но Богъ, видя того человѣка сниженіе и Божію глаголу повиновеніе, откроетъ ему самому еже и самъ узритъ, яко открылось." Далѣе, въ послѣдующихъ главахъ Посошковъ разсматриваетъ дѣятельность человѣка въ разныхъ общественныхъ условіяхъ, а именно, въ положеніи раба, земледѣльца, ремесленника, купца, солдата, крестьянина и даже нищаго.

Теперь перейдемъ къ лицамъ писавшимъ проэкты. Изъ нихъ мы прежде всего остановимся на Михаилѣ Петровичѣ Абрамовѣ.

АБРАМОВЪ 1681 - 1752 г.

М.П.Абрамовъ родился въ 1681 г. О первоначальномъ образованіи его мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но можемъ думать, что онъ былъ гораздо образованнѣе Посошкова, хотя послѣдній своими свѣтлыми мыслями, знаніемъ Руси, опытностью стоитъ выше Абрамова. Еще въ ранней молодости, въ 1698 г., Абрамовъ былъ назначенъ секретаремъ при посольствѣ Матвѣева въ Голландію. По возвращеніи оттуда въ 1702 году, онъ занималъ должность дьяка въ оружейной палатѣ, а 1712 г. Петръ поручилъ ему устройство и завѣдываніе типографіей. Эту должность Абрамовъ исполнялъ съ небольшими перерывами до 1727 г. причемъ дѣятельность его при типографіи не ограничивалась только административною частью, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и редакторомъ, и издателемъ, и самъ принималъ участіе въ литературныхъ трудахъ. Затѣмъ въ 1730 г. Абрамова постигла та же участь, какъ и Ѳ. Лопатинскаго и другихъ противниковъ Ѳеофана Прокоповича. Онъ былъ втянутъ въ дѣло о пасквиляхъ на Прокоповича, въ кото-

рое было замѣшано много лицъ, онъ былъ сосланъ сначала въ Иверскій монастырь, а потомъ въ 1738 г. въ Охотскъ, откуда возвратился не раньше новаго царствованія. По смерти Анны Іоанновны дѣло было пересмотрено, и въ 1740 г. ему позволено было жить въ его деревнѣ. Въ царствованіе Елизаветы Петровны Абрамова постигло новое бѣдствіе. Онъ предоставилъ проэктъ, въ которомъ, говоря о Петрѣ Великомъ, высказалънамекомъ ту мысль, что послѣдняя болѣзнь Петра, отъ которой онъ умеръ, началась вскорѣ послѣ изданія Духовнаго Регламента, и есть, слѣд. Божіе наказаніе за отмѣну патріаршества. За это онъ былъ заключенъ въ тюрьму; рѣшили было послать его въ монастырь, но оставили въ заключеніи, гдѣ онъ и умеръ въ 1752 г.

Абрамовъ по повелѣнію Петра занималъ видный постъ директора типографіи; нужно замѣтить, что должность директора типографіи въ то время соединялось съ редакторствомъ тѣхъ книгъ, которыя выходили изъ типографіи. Въ виду этого на такой постъ назначали обыкновенно людей болѣе или менѣе образованныхъ. Назначеніе на постъ директора типографіи Абрамова показываетъ намъ, насколько Петръ цѣнилъ знанія и дарованія послѣдняго. Дѣйствительно, во время завѣдыванія типографіей Абрамовъ выпустилъ въ свѣтъ очень много новыхъ и полѣзныхъ книгъ. Но это происходило въ его молодости, но во второй періодъ его жизни въ немъ случился переворотъ. Въ молодости Абрамовъ былъ сторонникомъ новизны, велъ веселую, распутную жизнь, но потомъ онъ вдругъ преображается и становится сторонникомъ старины и въ старости онъ является уже ханжей. О

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

ЛИТ БОГДАНОВА ЗРТЕЛЕВО П. 1.

направленіи его въ молодости свидѣтельствуетъ изданная имъ книга Гюйгенса "Космотеросъ,книга небесныхъ умозрѣній". Эта книга представляетъ собою популярную космографію и интересна въ томъ отношеніи, что въ ней въ первый разъ излагается система Коперника и разбирается вопросъ, волновавшій въ XVIII в. умы всѣхъ просвѣщенныхъ людей - а именно вопросъ о томъ, есть ли обитатели на прочихъ планетахъ, и этотъ вопросъ рѣшается положительно. Во вторую половину своей жизни, когда въ его воззрѣніяхъ произошелъ переворотъ, онъ, прежде раздѣлявшій воззрѣнія Гюйгенса, съ ужасомъ и отвращеніемъ говоритъ объ этой книгѣ: "Изъ Гюйгенсовой и Фонтенелевой печатныхъ книжичищъ, говоритъ Абрамовъ, сатанинское коварство ясно суть видимо. Въ нихъ же о сотвореніи міра аще напечатано: мірозрѣніе и мнѣніе о небесно-земныхъ глобусахъ и украшеніяхъ ихъ, которыхъ множественное число быти описуетъ, называя странними древнихъ языческихъ лживыхъ боговъ именами. Землю же съ Коперникомъ около солнца обращающуюся и звѣздъ многія тожькими же солнцы быти и особыя многія луны во многихъ глобусахъ быти утверждаютъ. И на оныхъ небесныхъ свѣтилахъ и во всѣхъ множественныхъ описанныхъ отъ оныхъ глобусахъ таковымъ же землямъ, якоже и наши, быти научаютъ, и обитателей на всѣхъ тѣхъ земляхъ, якоже и на нашей землѣ быти утверждаютъ; и поля, и луга, и пажити, и лѣса, и горы, и гады, и всякое земледѣліе и рукодѣліе, и дѣтородные уды, и рожденіе, и все прочее, яже и на нашей землѣ, тамо быти доводятъ.... И прочіе басенные атеистическіе доводы; мнѣнія, доказанныя явно въ иныхъ книжищахъ разсѣваютъ, и самихъ ихъ [т.е. авторовъ] въ почтенныхъ достоинствахъ и во властехъ быти попускаютъ.

прилично здѣсь заградить ихъ нечестивыя уста ...

Абрамовъ былъ страстнымъ любителемъ составленія разнаго рода проэктовъ; онъ подавалъ ихъ Петру, Екатеринѣ, Аннѣ Іоанновнѣ и т.д., вообще всѣмъ монархамъ, бывшимъ при его жизни. Случившійся переворотъ въ воззрѣніяхъ Абрамова ясно указываетъ намъ на то, какимъ характеромъ отличались его проэкты. Въ нихъ онъ является ревностнымъ сторонникомъ старины и высказываетъ задушевныя мысли старой партіи, а именно о возстановленіи патріаршества: въ проэктѣ, напечатанномъ въ 1730 г., онъ говоритъ: "Наипаче же для самаго сущаго и глубочайшаго Вашего Величества передъ Спасителемъ Богомъ смиренія потребно быть въ Россіи паки святѣйшему патріарху, самому благоговѣйному мужу, не отъ польскихъ и малороссійскихъ людей, съ которымъ за оное крайнее Вашего Величества смиреніе, безъ сомнѣнія, всѣ дѣла во имя Христово исправите въ наилучшее." Въ другомъ проэктѣ онъ высказывается съ еще большею откровенностью: "всеусердно тайно доношу, аще да благоволите разсудить: видится весьма прилично и зѣло нужно надобно избрать единаго духовника, мужа въ православной вѣрѣ, надеждѣ и любви по всему разуму св. соборныя каѳолическія церкви живуща.... учинить его во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ полномочнымъ патріархомъ, который, по данному ему отъ Христа власти и силѣ, долженъ смѣло, право и истинно содержать и управлять св. церковь и собирать къ себѣ повсегодно помѣстный соборъ." Далѣе Абрамовъ высказываетъ свое недовольство нѣкоторыми мѣрами Петра Великаго, хотя онъ и высказывается относительно этого осторожно. Такъ, онъ говоритъ, что Петръ сдѣлалъ много полезнаго и только оставилъ безъ вниманія духовный и монашескій чинъ, можетъ

быть по недостатку времени. Недоволенъ онъ тѣми мѣрами, которыя были приняты Петромъ относительно монастырей, именно поступленіе въ монашество было затруднено, ограничено число лицъ, дозволено поступать въ монахи только престарѣлымъ людямъ, такъ что монастыри обратились въ богадѣльни. "Всему свѣту извѣстно есть, пишетъ онъ Елизаветѣ, како блаженныя и вѣчно достойныя памяти благочестивѣйшій нашъ Государь Императоръ Петръ Великій, отецъ отечества началъ и съ благочестивѣйшею великою нашею Государынею Императрицею Екатериною Алексѣевною - купно обое любезные Вашего Императорскаго Величества родители - въ общую всенародную пользу и всякихъ благихъ душеспасительныхъ дѣлѣхъ всепредѣлные имѣли свои монаршескіе труды и подвиги. Между которыми Ихъ Величества трудами во исправленіе воинскаго и гражданскаго чина благоволилъ Господь помощь Свою Ихъ Величествамъ подать и многая дѣла благая въ общую, всенародную пользу благополучно исправить, а духовнаго чина и духовныхъ дѣлъ исправленіе праведными и непостижимыми своими судьбами до державы Вашего Императорскаго Величества благоволилъ оставить".

Въ слѣдующихъ словахъ онъ требуетъ свободнаго поступленія въ монашество: "И егда въ которомъ приходѣ, кто изъ дворовыхъ всякаго званія жителей объявитъ священнику желаніе свое къ постриженію, или ради Христа кто пожелаетъ странствовать или милостынею питаться, или кто куда ради работъ и рукодѣлія проситься будетъ - и таковыхъ въ постриженіе и на странствованіе желающихъ обучать и наставлять по разуму закона Божія и заповѣдей Господнихъ и церковныхъ на путь истинный три мѣсяца и потомъ отпускать въ таковой Богомъ благословенный, спасающій, Божественный

путь, со всякою, благодаря Бога, радостію безъ задержанія... Посему же, и блаженнѣйшій монашеской путь спасенія весьма сталъ быть затрудненъ и между всѣми огорченъ, отчего можетъ, по обычаю лютеранскому и кальвинскому, мало-по-малу и корень перевестися святаго душеспасительнаго монашества."

Изъ этихъ отрывковъ намъ очень ясно обрисовывается личность Абрамова; онъ является крайнимъ сторонникомъ старины. Если сравнить Абрамова съ Посошковымъ, то мы увидимъ между ними значительную разницу. Хотя у Посошкова мы и встрѣчаемъ иногда сочувствіе старинѣ, но оно не отличается такою крайностью и во вторыхъ оно возграждается тѣми свѣтлыми знаніями, которыми обладалъ Посошковъ, и яснымъ пониманіемъ нуждъ Россіи, чего мы не находимъ у Абрамова. Если обратиться къ его проэктамъ по государственнымъ вопросамъ, то здѣсь мы встрѣтимся со многими очень странными и даже неопредѣленными воззрѣніями. Такъ, напр., онъ предлагаетъ установить како- то надзоръ духовенства за частной жизнью людей. Мысль его недостаточно ясна. По его словамъ нужно составить перепись и на каждую сотню дворовъ выбрать директора для наблюденія за правильностью уплаты податей и за нравственностью: "Мнится быти добро, говоритъ онъ, повелѣть во всемъ государствѣ всякаго чина жителямъ избирать между собою мужей смышленныхъ ежегодно и изъ нихъ опредѣлять жребіемъ директоровъ и прочихъ ихъ помощниковъ въ каждой дворовъ тьоячѣ. Которымъ въ своихъ дворѣхъ всякаго чину и полулюдемъ имѣть переписныя книги, и по тѣмъ книгамъ о положенныхъ оборахъ и о всякомъ человѣческомъ нравоученіи и о бѣдныхъ людѣхъ правильномъ призрѣ-

ніи имѣть попеченіе." Эти директора должны находиться подъ надзоромъ духовенства.

Другой его проэктъ представленный Петру, въ которомъ онъ разсматриваетъ нужды Россіи, также страдаетъ тѣми же недостатками. По его словамъ, нужно побольше чеканить мѣдной монеты, тогда благосостояніе Россіи увеличится.

Сравнивать Посошкова съ Абрамовымъ странно; первый - человѣкъ сильнаго ума и практическихъ свѣдѣній, второй смотритъ съ извѣстной точки зрѣнія и крайній приверженецъ старины.

Проэкты свои Абрамовъ подавалъ Петру I, Екатеринѣ, Аннѣ Іоанновнѣ и Елизаветѣ, и потому разсматривая произведенія Абрамова, мы, повидимому, далеко забрались за предѣлы эпохи Петра Великаго; но Абрамовъ былъ вполнѣ представителемъ этой эпохи, какъ по своему образованію и воззрѣніямъ, такъ и потому, что главная дѣятельность его относится къ царствованію Петра Великаго.

Что касается источниковъ, по которымъ можно изучить произведенія Абрамова, то нужно сказать, что цѣликомъ его проэкты не изданы, но разбросаны въ разныхъ сочиненіяхъ ученыхъ. Такъ, напр., свѣдѣнія объ Абрамовѣ можно найти: 1| въ соч. Пекарскаго "Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.", 2| въ энциклопедическомъ словарѣ, гдѣ помѣщена небольшая статья того же Пекарскаго "Абрамовъ", 3| въ сочиненіи Чистовича "Ѳ.Прокоповичъ и его время", 4| въ Отеч.Зап. за 1856 г. № 3 помѣщена статья Купріянова подъ заглавіемъ: "Два неизвѣстные проэкта Посошкова", но, какъ потомъ оказалось, они принадлежатъ не Посошкову, а Абрамову.

Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ другимъ писателямъ,

которые выросли и получили образованіе подъ вліяніемъ школъ новыхъ, насажденныхъ въ Россіи Петромъ Великимъ. Къ такимъ писателямъ принадлежитъ прежде всего Василій Никитичъ Татищевъ. Мы увидимъ, что его дѣятельность началась при Петрѣ Великомъ, но по своему образованію и убѣжденіямъ - это человѣкъ новаго направленія.

ТАТИЩЕВЪ. 1686-1750.

Татищевъ родился въ 1686 г. Отецъ его былъ небогатый помѣщикъ, имѣвшій землю въ Псковской губерніи. О молодости Татищева нѣтъ почти никакихъ извѣстій. Такъ, неизвѣстно доподлинно, гдѣ онъ получилъ образованіе. Предполагаютъ, что онъ воспитывался у Брюсса, который тогда былъ завѣдующимъ артиллерійскою инженерною школою; это предположеніе основывается на томъ, что впослѣдствіи Брюссъ покровительствовалъ Татищеву и что Татищевъ имѣлъ свѣдѣнія о горномъ дѣлѣ. Хотя Татищевъ и получилъ спеціальное образованіе, но поступилъ въ военную службу по обычаю того времени. Онъ участвовалъ въ осадѣ Нарвы, въ Полтавскомъ сраженіи, въ Прутскомъ походѣ. Затѣмъ въ 1720 г. Татищевъ обращается къ тѣмъ занятіямъ, которыя были его спеціальностью, а именно занятіямъ по инженерной части. Въ 1720 г. Петръ В. отправилъ Татищева на Уралъ для управленія казенными заводами и устройства новыхъ, гдѣ онъ пробылъ три года. Здѣсь ему пришлось бороться со множествомъ препятствій: много мѣшала ему неизвѣстность края, недружелюбныя отношенія инородцевъ, изъ которыхъ многіе были не усмирены; мѣшало и противодѣйствіе частныхъ заводчиковъ, интересы которыхъ страдали отъ казенныхъ заводовъ. Въ 1722 г. онъ отправился въ Петербургъ и

снова былъ посланъ по повелѣнію Петра въ Швецію для знакомства съ горнымъ дѣломъ. Въ 1730 г. Татищевъ получилъ мѣсто начальника монетной конторы; затѣмъ въ 1734 г. онъ снова былъ отправленъ въ Сибирь для устройства горныхъ заводовъ и пробылъ тамъ до 1737 г. Но здѣсь ему ничего не удалось сдѣлать, потому что онъ столкнулся съ интересами Бирона, который хотѣлъ прибрать къ своимъ рукамъ эти заводы. Татищевъ былъ отставленъ. Въ 1740 г. онъ былъ назначенъ завѣдывать Оренбургской экспедиціей, имѣвшей въ виду устройство башкирскихъ земель и наконецъ, въ 1742 г. назначенъ астраханскимъ губернаторомъ.

Изъ приведеннаго нами сухого перечня біографическихъ фактовъ, мы видимъ, что онъ большую часть своей жизни провелъ на дальнемъ Востокѣ. Но, не смотря на это, интересъ его къ знаніямъ и образованію не покидалъ его, не смотря на неблагопріятныя условія. Первоначальное образованіе Татищевъ дополнилъ во время путешествія по Германіи въ 1713-1714 г. Нельзя съ точностью сказать, отправился ли онъ туда по порученію Петра или по своей собственной волѣ; скорѣе послѣднее, оффиціальныхъ данныхъ о посылкѣ его за границу нѣтъ. Второй разъ, въ 1717 г., Татищевъ по порученію Петра ѣздилъ въ Данцигъ для переговоровъ объ уступкѣ картины Страшнаго Суда, написанной по преданію Меѳодіемъ. Но картину эту не уступали; да Татищевъ особенно и не настаивалъ на этомъ, п.ч. онъ убѣдился, что эта картина написана не Меѳодіемъ. Далѣе, въ 1724 г., онъ отправился въ Швецію, и Петръ далъ ему порученіе, во первыхъ, ознакомиться съ горнымъ дѣломъ и развѣдать о мѣстахъ, куда можно было бы посылать русскихъ молодыхъ людей для изученія горнаго дѣла, и

во вторыхъ, разузнать о настроеніи кружковъ шведскаго общества по поводу избранія новаго короля. Татищевъ выполнилъ данное ему порученіе и кромѣ того пользовался этимъ пребываніемъ за границей для пополненія своихъ знаній.

Въ Стокгольмѣ въ то время была коллегія древностей, учрежденная въ 1666 г. для собиранія и изученія матеріаловъ скандинавской исторіи. Татищевъ познакомился съ учеными и узналъ о существованіи важныхъ матеріаловъ для русской исторіи, представилъ правительству планъ выборки изъ скандинавскихъ источниковъ всего, что касается до русскихъ древностей. Но это было сдѣлано только впослѣдствіи. Благодаря своему первоначальному образованію, путешествіямъ за границу и личнымъ трудамъ, Татищевъ былъ однимъ изъ образованныхъ людей своего времени, что подтверждается извѣстіями иностранцевъ, англійскихъ и немѣцкихъ писателей, которые о немъ отзываются очень хорошо. Эта образованность Татищева была лучшей и свѣтлой стороной его; но была и темная сторона.

Татищевъ не разъ отдавался подъ судъ за взятки; такъ онъ былъ отданъ подъ судъ послѣ управленія горными заводами, затѣмъ, послѣ Оренбургской экспедиціи. Татищевъ объяснялъ это обвиненіе его во взяточничествѣ навѣтами враговъ, но можно предположить, что Татищевъ не чуждъ былъ этого грѣха, потому что у него былъ своеобразный взглядъ на взятки. Онъ говорилъ, что есть посулы грѣшные и безгрѣшные: судья неправъ, если онъ береть взятку за неправое рѣшеніе; но если онъ рѣшаетъ дѣло справедливо, то его нельзя обвинять во взяточничествѣ, такъ какъ это его плата за его лишній трудъ, на который онъ употребилъ досугъ своего времени.

Всѣ произведенія Татищева можно раздѣлить на 2 отдѣла: къ первому относятся научныя, историческія и географическія, а ко второму - публицистическія. Изъ произведеній I-го отдѣла самое крупное и важное его "Исторія Россійская", черезъ 30 лѣтъ собранная и напечатанная. Она обнимаетъ событія до конца XУI ст., до Ѳеодора Іоанновича. Исторія Татищева по нѣкоторымъ причинамъ была издана при жизни автора, она появилась въ печати въ царствованіе Екатерины II, благодаря стараніямъ академика Миллера, и то только 4 тома: I-й томъ - I768 г., II - I773 г., III - I7774 г., IУ - I784 г.; У-й же томъ, обнимающій событія съ царствованія Іоанна IУ Грознаго до Ѳеодора Ивановича, появился въ печати только въ наше столѣтіе въ "Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ" I847-I848 г.

Исторія Татищева раздѣляется на двѣ части: на вступленіе и собственно исторію.

Вступленіе, занимающее два тома, посвящено первоначальнымъ свѣдѣніямъ по исторіи вообще; здѣсь онъ говоритъ о предметѣ исторіи, о задачахъ исторіи, излагаетъ тѣ требованія, которымъ долженъ удовлетворять историкъ и, наконецъ, распространяется о пользѣ исторіи; здѣсь же онъ дѣлаетъ замѣчанія о русской исторіи и между прочимъ упоминаетъ о неизвѣстной теперь лѣтописи Іоакимовской; говоритъ о древней географіи и этнографіи, сообщаетъ свѣдѣнія о славянскихъ племенахъ, о варягахъ, хозарахъ и пр. народахъ, а также о хронологіи, о древностяхъ, о древней церковной іерархіи, правительствѣ и пр.

Собственно исторія Татищева, состоящая изъ всѣхъ остальныхъ томовъ, представляетъ собою не исторію въ строгомъ -

смыслѣ, а лѣтописный сводъ. Татищевъ обыкновенно разыскивалъ всѣ историческія свѣдѣнія, какія были ему доступны и дѣлалъ изъ нихъ общій сводъ. Самъ онъ говоритъ, что онъ не задавался цѣлью изложить событія въ связи, а только привести въ порядокъ историческіе матеріалы, освѣтивъ ихъ исторической критикой. Поэтому справедливо называютъ исторію Татищева - Татищевскимъ лѣтописнымъ сводомъ. Въ литературномъ отношеніи исторія его не представляетъ большого интереса, зато она важна въ научномъ историческомъ отношеніи. Его извѣстія о Россіи могутъ быть провѣрены первоначальными источниками, но между ними встрѣчаются и такія извѣстія, которыя не могутъ быть провѣрены на основаніи источниковъ, которые дошли до насъ. На этомъ основаніи Карамзинъ презрительно относится къ такимъ извѣстіямъ Татищева и высказываетъ мнѣніе, будто бы Татищевъ въ своей исторіи часто многое прибавляетъ отъ себя. Мнѣнія Карамзина держались и послѣдующіе историки, которые подозрѣвали, что Т. могъ прибавлять извѣстія, выдуманныя имъ самимъ. Но такой взглядъ на историческую дѣятельность Т. едвали можетъ считаться справедливымъ. Въ настоящее время взглядъ на исторію Т. иной, чѣмъ у Карамзина, а именно: мы не можемъ провѣрить нѣкоторыхъ извѣстій Т. только потому, что тѣ первоначальные источники, которыми пользовался Т. не дошли до нашего времени; поэтому мы не имѣемъ никакого права заподозривать Татищева, что онъ что нибудь прибавляетъ отъ себя. Въ литературномъ отношеніи важны только вступленіе къ исторіи Татищева и примѣчанія, сдѣланныя имъ къ каждому тому; но изъ этихъ примѣчаній сохранились только примѣчанія къ первымъ томамъ. Эти примѣчанія представляютъ собою ничто иное, какъ ученыя за-

мѣтки, гдѣ указываются источники, которыми пользовался авторъ, критика этихъ источниковъ и разъясненія топографическихъ и этнографическихъ указаній; но рядомъ съ этими учеными замѣтками у Татищева въ его примѣчаніяхъ есть нѣчто и другое, а именно соображенія автора о цѣнности того или другого историческаго факта. Татищевъ сопоставляетъ факты старины съ фактами новой исторіи и на основаніи этого онъ заключаетъ объ ихъ цѣнности. Вотъ эта то сторона примѣчаній и важна для исторіи литературы, такъ какъ она свидѣтельствуетъ о соображеніяхъ тогдашняго человѣка съ его философскими и религіозными воззрѣніями. Въ примѣчаніяхъ Татищева особенно обращаетъ на себя вниманіе его выходки противъ духовенства и противъ его притязаній. Татищевъ всегда стоитъ на сторонѣ свѣтскаго правительства: такъ, разбирая древній русскій памятникъ "Церковный уставъ Владиміра", очень трудный для изученія, такъ какъ онъ дошелъ до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ съ многими исправленіями и дополненіями, Татищевъ находитъ въ этомъ уставѣ пунктъ "объ установленіи десятины въ пользу духовенству" и отзывается объ этой мѣрѣ, какъ объ неудачной, даже сомнѣвается чтобы этотъ пунктъ принадлежалъ Владиміру и говоритъ, что это подлогъ духовенства. Далѣе, подъ 1123 г. лѣтописи Татищевъ нашелъ извѣстіе объ еретикѣ Дмитріѣ безъ упоминанія объ его ереси. По этому поводу Татищевъ задается вопросомъ, почему иногда встрѣчаются извѣстія объ еретикахъ, а вовсе не упоминается объ ихъ ереси; потому, овѣчаетъ онъ, что духовныя лица часто выставляли еретиками такихъ лицъ, которыя нападали на духовенство, а вовсе не еретиковъ: "причина удержанія та-

ковыхъ извѣстій, есть не меньше властолюбіе церковнослужителей, что они, когда отъ кого въ ихъ противу писанія святого для власти и сребролюбія учиненнаго закономъ правильно обличаемы бываютъ, то немогущіе терпѣть злобно осуждаютъ и губятъ, а, боясь народа, чтобы ихъ злость и безумство предъ всѣми не обличались, истину тая, о лжи оныхъ обвинителей сплетня объявляютъ, какъ то видимъ древніе идолослужители на безпорочныхъ первенствующей церкви христіанъ, такоже папы римскіе на церковь восточную клеветали."

Разбирая "степенную книгу" и Никоновскую лѣтопись, относящуюся къ концу XУI в., Татищевъ замѣчаетъ въ нихъ отступленіе отъ духа древнихъ лѣтописей, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится объ отношеніяхъ князя къ митрополиту; въ древнихъ памятникахъ всегда встрѣчается такое выраженіе: "и повелѣ князь митрополиту", а въ этихъ памятникахъ уже встрѣчается такое выраженіе: "и моли князь митрополита". Татищевъ утверждаетъ, что Никоновская лѣтопись написана подъ наблюденіемъ самого Никона: "видится особливо Никонъ, самъ перечерня, велѣлъ переписать, понеже всѣ тѣ обстоятельства, что къ уничтоженію власти духовной въ другихъ находятся, въ немъ выкинуты, или перемѣщены и новымъ порядкомъ написаны". Но Татищевъ не совсѣмъ справедливъ къ Никону. Никоновская лѣтопись, по изслѣдованію ученыхъ, составлена до Никона изъ римскихъ списковъ: одинъ изъ такихъ списковъ находится у патріарха Никона, почему этотъ лѣтописный сводъ и извѣстенъ подъ именемъ Никоновской лѣтописи.

Рядомъ съ нападками на властолюбіе и богатство духо-

венства у Татищева встрѣчаются и нападки на суевѣрія. Такъ разбирая въ лѣтописи извѣстія о волхвахъ, онъ говоритъ, что неудивительно, если тогда волхвы пользовались уваженіемъ, они бы и теперь могли имѣть у себя поклонниковъ: "сіе недивно, что тогда |при Несторѣ| народъ, не имѣющій довольнаго ума и просвѣщенія такимъ безумнымъ баснямъ, или паче суще вракамъ вѣрилъ; но удивительно видимъ нынѣ, сколько есть суевѣрныхъ, которые безумныхъ ханжей или пустосвятовъ разсказы и враки паче св. писанія и ученія мудрыхъ людей почитаютъ; яко то именующіеся старовѣры, или паче сказать, пустовѣры, христовщина, какой то былъ безумный и мерзкій законъ, славный пустосвятъ и плутъ Андреюшка и другіе, не говорю о подлыхъ, но знатныхъ женъ и мужей суевѣрныхъ, сколько въ безуміи привели и къ своему богомерзкому сообществу пріобщили".

Всѣ эти выходки Татищева объясняются борьбой тѣхъ направленій, которыя появились въ началѣ XVIII в., представителями которыхъ были Стефанъ Яворскій - приверженецъ старины и Ѳеофанъ Прокоповичъ - сторонникъ новаго направленія. Татищевъ, видимо, держитъ сторону Ѳ.Прокоповича; для доказательства этого достаточно вспомнить "Духовный Регламентъ" Прокоповича, гдѣ онъ проводитъ тѣже мысли о подчиненіи духовной власти свѣтской и борется съ невѣжествомъ и суевѣріемъ, какъ и Татищевъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Одни и тѣ же воззрѣнія подсказывались одинаковымъ состояніемъ общества, борьбой партій и одинаковыми западными вліяніями. Но при большомъ сходствѣ между Прокоповичемъ и Татищевымъ есть и разница: Татищевъ высказывается гораздо рѣзче, чѣмъ

Прокоповичъ, что объясняется тѣмъ, что послѣдній говорилъ съ церковной каѳедры и потому самому долженъ былъ быть одержанньѣе въ выраженіяхъ.

Сохранилось извѣстіе о Татищевѣ у одного нѣмца Лерха, путешественника по Персіи; Татищевъ, по словамъ Лерха, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, относительно религіи у него были особые взгляды - именно онъ былъ раціоналистомъ, раздѣлявшимъ мнѣнія Гоббеса.

Татищевъ подсмѣивается надъ нѣкоторыми выраженіями католиковъ, сопоставляя ихъ чистилище съ вѣрованіями буддистовъ и сравниваетъ папу съ Далай-Ламой.

Говоря о вѣрованіяхъ древнихъ славянъ, онъ задается вопросомъ, вѣрили ли язычники въ загробную жизнь; на этотъ вопросъ онъ приводитъ два мнѣнія: по одному изъ нихъ у язычниковъ были такія же предстаавленія, какъ и у христіанъ, по другому же совершенно напротивъ; Татищевъ выбираетъ среднее изъ этихъ мнѣній: по его мнѣнію язычники имѣли нѣкоторое представленіе о единомъ Богѣ и загробной жизни: "другіе вѣрили душу быть часть божества, изъ которыхъ благочестно жившіе паки къ оному возвращаются, а порочное житье препроводившіе въ нѣкое прискорбное мѣсто отлучались. Восточный идолъ Далай-Лама, мню болѣе для вымана отъ народа денегъ, нежели для обученія къ благочестивому житію, къ безсмертности души вымыслилъ чистительный огонь, которому и западный папа, яко въ прочихъ вымыслахъ, такъ и въ семъ послѣдовалъ." Этими то вотъ выходками противъ духовенства объясняется, почему исторія Татищева не была напечатана въ его время. Татищевъ и самъ говоритъ, что его заподозривали въ вольнодумствѣ.

Желая напечатать свой трудъ, препятствіемъ чему, какъ мы выше сказали, были нѣкоторыя выходки противъ духовенства въ его примѣчаніяхъ, Татищевъ отослалъ свою исторію къ Амвросію, архіепископу Новгородскому, чтобы тотъ исправилъ слишкомъ рѣзкія выраженія, препятствующія печати. Но исторію все-таки не напечатали. Тогда Татищевъ вступилъ въ сношенія съ англійскими учеными, желая напечатать свой трудъ на англійскомъ языкѣ, но и эта его попытка не удалась, и его исторіи суждено было выйти въ свѣтъ, какъ выше сказано, только въ царствованіе Екатерины II.

Въ примѣчаніяхъ Татищева также замѣчательна одна сторона, которая знакомитъ насъ съ его политическими воззрѣніями. Татищевъ въ этой области является сторонникомъ какъ и Прокоповичъ, теоріи общественнаго договора, о которой мы уже сказали, когда говорили о Ѳ.Прокоповичѣ. Такъ, начало человѣческихъ обществъ Т. возводитъ къ семейному союзу и отношеніямъ господъ къ рабамъ. Первоначально люди жили отдѣльными семьями, потомъ додумываются до соединенія ихъ, и так. обр. является уже общественная организація. Далѣе требуется раздѣленіе труда, вслѣдствіе чего возникаютъ группы по занятіямъ, сословіямъ; съ теченіемъ времени власть получило одно сословіе, имѣющее на своей сторонѣ силу, т.е. военное сословіе, так. обр. изъ демократіи возникаетъ аристократія. Послѣ этого члены аристократическихъ родовъ вступаютъ въ борьбу между собою, причиняя вредъ цѣлому обществу, для устраненія котораго оно вручаетъ власть одному лицу, и вотъ является монархія. Предоставивъ свой взглядъ на развитіе человѣческихъ обществъ, Татищевъ говоритъ о формахъ

правленія: "невозможно сказать, которое бы правительство было лучше |монархія, аристократія, демократія|и всякому сообществу полезнѣйшее; но нужно взирать на состояніе и обстоятельства каждаго общества, яко на положеніе земель, пространство области и состояніе народа." Принимая во вниманіе все вышесказанное, Татищевъ говоритъ, что демократія полезна для государства, имѣющаго незначительную территорію; аристократія для государствъ большихъ, но съ хорошо укрѣпленными границами; монархія для государствъ большихъ, границы которыхъ не защищены какъ физически, такъ и искусственно. Что касается въ частности Россіи, то въ ней самое полезнѣйшее, по мнѣнію Татищева, правленіе должно быть монархическое; ту же мысль проводитъ онъ и въ прозктѣ, поданномъ на имя верховнаго совѣта 1730 г. Изъ всего только что сказаннаго намъ ясно, что Т. въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ согласенъ съ Ѳ.Прокоповичемъ, который, какъ мы уже видѣли, былъ также сторонникомъ теоріи общественнаго договора и доказывалъ въ словѣ "на рожденіе Петра Петровича" преимущества монархіи вообще передъ всѣми формами правленія, и для Россіи въ частности.

Замѣчательно также мнѣніе Т. о наслѣдственности, по которому онъ находитъ для государства невозможнымъ дѣленіе на волости, такъ какъ это государственная собственность: "о наслѣдіи по родителямъ, говоритъ онъ, и дѣленіи имѣній по закону естественному слѣд. правила утверждаются: государство же есть имѣніе нераздѣльное, хотя и состоитъ изъ разныхъ малыхъ частей, но, равно какъ тѣло

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1

человѣка, безъ вреда раздѣлено быть не можетъ, какъ насъ Господь учитъ, еже царство раздѣлившееся стоять не можетъ". Итакъ, изъ всего сказаннаго нами о Татищевѣ видно, что онъ былъ раціоналистъ въ области религіи и монархистъ въ области политической.

Кромѣ своей исторіи Татищевъ предоставилъ къ изданію "Русскую Правду" и Судебникъ царя Іоанна IУ-го, которые онъ снабдилъ тоже примѣчаніями, благодаря которымъ эти два памятника и не были изданы тогда, а появились въ печати въ царствованіе Екатерины II-й, благодаря старанiмъ того же Миллера. Примѣчанія къ Русской Правдѣ и Судебнику находятся теперь въ I-мъ томѣ продолженія Россійской Вивліоѳики. Нѣкоторыя изъ нихъ очень любопытны; напр., въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о пенѣ за искалѣченіе и гдѣ Т. высказываетъ свой правильный взглядъ на то, почему пеня за обрубленный палецъ была меньше, чѣмъ за выдернутую бороду, какъ извѣстный знакъ достоинства. Объясненіе посуловъ точно также интересно; посулы по Т. бываютъ разнаго качества: I| если даютъ посулы за то, чтобы его въ неправдѣ оправдать, то сіе есть лихоимство противъ закона Божія, и какъ дающій, такъ и емлющій равному наказанію повинны; 2| посулъ есть безгрѣшный, когда судящійся, видя соперника коварнаго ябедника,проситъ о своемъ охраненіи, или кто, не хотя долго за дѣломъ волочиться, имѣетъ другую не меньшую нужду и проситъ о скоромъ рѣшеніи. И хотя судья въ своихъ обстоятельствахъ по закону долженъ, однакоже для своей пользы можетъ большее прилежаніе оказать, напр., въ домѣ судья имѣетъ отъ дѣлъ свободу, но когда хочетъ, можетъ, оставя свой домовой распорядокъ, умалить своего покоя, или веселія, или за-

бавъ и употребить то время къ разсмотрѣнію дѣлъ просящихъ его, то уже взятое за трудъ и честь не лихоимство, а мзда должная."

Далѣе, разсматривая въ Судебникѣ постановленія объ Юрьевѣ днѣ, Т. находитъ, что вольность крестьянъ и холопей, хотя во всѣхъ государствахъ европейскихъ узаконенное и многую пользу въ государствахъ заключаетъ...но она съ нашею формою правленія монаршаго не согласуется." Въ этомъ пунктѣ Т. разногласенъ съ Посошковымъ, который, какъ мы видѣли выше, разбирая сельмую главу его книги "о скудости и богатствѣ", смотрѣлъ на положеніе крестьянъ съ другой точки зрѣнія.

Въ дополненіе къ ученымъ трудамъ Татищева, укажемъ еще на одно его сочиненіе, чтобы вполнѣ опредѣлить объемъ его ученой дѣятельности, это его книга "Лексиконъ Россійскій, историческій, географическій, политическій и гражданскій." Въ этомъ лексиконѣ въ алфавитномъ порядкѣ были собраны и объяснены слова, взятыя изъ государственнаго административнаго и общественнаго быта Россіи, имена и названія историческія, географическія, этнографическія, изъ области археологіи и художества. Но, къ сожалѣнію, списокъ собранныхъ имъ словъ былъ далеко не полонъ, объясненія не всегда подробны, самый лексиконъ прерванъ на буквѣ К, вслѣдствіе скудости свѣдѣній, которую сознавалъ Т. и высказалъ въ представленномъ въ Академію наукъ проэктѣ или предложеніи о составленіи исторіи и географіи Россійской. Онъ предлагалъ для разрѣшенія 198 вопросовъ и просилъ, чтобы эти вопросы были разосланы по всей Россіи и чтобы болѣе свѣдущіе жители дали отвѣты на нихъ, а именно о рѣкахъ, озерахъ, мѣстностяхъ, горахъ и т.д.. Академія разослала проэктъ

ко всѣмъ областнымъ правителямъ и канцеляріямъ съ приказаніемъ собирать и доставлять истор. и географ. матеріалы; но результатъ былъ неудаченъ, отвѣты были представлены крайне неудовлетворительные. Эта неудовлетворительность свѣденій объясняется тѣмъ, что было мало людей свѣдущихъ, которые могли бы доставлять свѣдѣнія; еще болѣе способствовалъ неуспѣшности выполненія этой задачи господствовавшій въ то время страхъ передъ бумажнымъ производствомъ, старались отмалчиваться на всѣ задаваемые вопросы, боясь чего нибудь недобраго. Это крайнее недовѣріе ко всякаго рода научнымъ изысканіямъ и вопросамъ ярко выступило еще въ 1830 г., когда назначена была археографическая комиссія для изслѣдованія нѣкоторыхъ рукописей и памятниковъ древности, хранившихся въ разныхъ монастыряхъ и городахъ. Жители изъ страха передъ людьми посланными отъ правительства уничтожали много важныхъ памятниковъ и документовъ. Но если бы на всѣ тѣ вопросы, которые предложилъ Т., были присланы отвѣты, то мы имѣли бы великолѣпныя свѣдѣнія о географіи Россіи. Но, какъ мы видѣли, этому благому предпріятію не суждено было осуществиться.

Второй отдѣлъ произведеній Татищева состоитъ изъ публицистическихъ произведеній. Къ нимъ относятся:

1. Напомненіе на присланное росписаніе высокихъ и нижнихъ государственныхъ и земскихъ правительствъ.

2. Духовное завѣщаніе сыну.

3. Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ.

Первый трудъ уже своимъ заглавіемъ указываетъ на причину своего появленія. Онъ былъ вызванъ какимъ то проэктомъ, вышедшимъ въ царствованіе Анны Іоанновны о земскихъ

губернскихъ учрежденіяхъ. Татищевъ недоволенъ этимъ проэктомъ и говоритъ, что онъ составленъ безъ всякаго пониманія нуждъ Россіи и политической мудрости. Въ виду своего несогласія съ воззрѣніями, высказанными въ этомъ проэктѣ, Татищевъ счелъ необходимымъ изложить свой взглядъ на строй государственной жизни въ Россіи. Этотъ его трудъ, по замѣчанію одного нашего ученаго, представляетъ собою конспектъ государственнаго права. Это сочиненіе Татищева очень сходно съ книгою Посошкова "о скудости и богатствѣ", но между этими двумя трудами есть также и значительная разница, на сторонѣ Т. преимущество образованія, а у Посошкова мы находимъ болѣе ясное пониманіе нуждъ Россіи. Въ сочиненіи Т. сначала разсматриваются основанія государства, начало его, затѣмъ виды дѣятельности его, государственныя отношенія. Татищевъ говоритъ 1| объ отношеніи государства къ церкви и религіи, 2| о школахъ, 3| о правосудіи, 4| о народномъ благосостояніи и 5| объ областномъ самоуправленіи и сословіяхъ.

Что касается перваго пункта объ отношеніи государства къ церкви и религіи, то о немъ, по Татищеву, нечего много говорить: обыкновенно въ государствѣ беретъ верхъ одна религія, остальныя же также должны быть терпимы.

Болѣе подробно разсуждаетъ Татищевъ о школахъ. Здѣсь онъ выступаетъ ревностнымъ защитникомъ образованія и высказываетъ мысль, что распространеніе образованія составляетъ священную обязанность государства: "наученіи отъ младенчества разуму есть главная государству польза; весьма нужно высокому правительству о томъ прилежать, понеже чрезъ обученіе разуму и премудрости всякъ себѣ

и отечеству, или всему обществу пользы пріобрѣтать, а вредное отвращать и о всемъ правильно разсуждать способность возмѣть". Этими замѣчаніями онъ неуодовольствуется и бросаетъ взглядъ на прошедшее и говоритъ, что мысль о важности образованія понималась у насъ издавна, правительство принимало мѣры къ распространенію образованія, заводило школы и т.п. Но съ нашествіемъ татаръ силы государства истощились, власть государей умалилась, а возвысилась власть духовныхъ, которые ради своихъ интересовъ держали народъ въ невѣжествѣ и суевѣріи. Но съ воцареніемъ Петра Россія снова озарилась свѣтомъ образованія: "его императорское величество Петръ Великій, яко государь премудрый возобновилъ начало математическихъ наукъ и языковъ европейскихъ училища основалъ".

Что касается "правосудія" то этотъ пунктъ Татищевъ признаетъ важною государственною заботою; приводитъ тексты изъ Библіи, въ которыхъ говорится о важности суда, пускается въ объясненіе царскаго имени, говоритъ, что "царь" значитъ судья, по греч. βασιλεύς, что слѣд. на немъ лежитъ главная обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы у насъ господствовала въ судахъ правда, и чтобы были болѣе лучшіе законы. Татищевъ говоритъ, что главнымъ недостаткомъ нашего судопроизводства служитъ отсутствіе хорошихъ законовъ и общаго уложенія. Посошковъ, какъ мы видѣли, тоже говорилъ о томъ, что нужно составить общій сводъ законовъ, но у Татищева мы не встрѣчаемъ тѣхъ широкихъ воззрѣній на этотъ предметъ, которыя видимъ у Посошкова.

Что касается "народнаго благосостоянія", то объ этомъ Т. говоритъ только въ нѣсколькихъ словахъ. Посошковъ,

какъ видѣли мы, болѣе подробно разбираетъ этотъ вопросъ, болѣе интересуется и высказываетъ не мало хорошихъ мыслей; такъ напр. онъ находитъ неразрывную связь между государственными и экономическими интересами и въ этомъ превосходитъ Татищева, который вообще придавалъ мало значенія этому вопросу, потому что происходилъ изъ высшаго сословія. Въ особенности онъ недоволенъ центральнымъ и областнымъ правленіемъ; онъ говоритъ, что часто случается, что люди высшіе по чину являются подчиненными низшему.

Послѣдній вопросъ, который разбираетъ Т., это - "сословія". Въ этомъ пунктѣ онъ расходится съ Посошковымъ. П. является ярымъ защитникомъ разныхъ сословій, и говоритъ, что ни одно сословіе не надо ставить выше другого, что сословія - виды разнаго рода дѣятельности, что они всѣ оказываютъ пользу государству только съ разныхъ сторонъ и что поэтому они должны быть всѣ равны. Но Т., какъ горячій приверженецъ дворянства, недоволенъ тѣмъ, что послѣднее не выдвинуто и имѣетъ мало значенія. У насъ по его мнѣнію, есть дѣленіе на чины, отъ этого дѣленія на чины слѣдуетъ отличать различія по сословіямъ: "сія разность чиновъ есть временная, но другая есть пребывающая и наслѣдственная, яко шляхетство, гражданство и подлость, а индѣ четвертое счисляютъ - духовенство. У насъ въ уложеніи шляхетство отъ прочихъ отмѣнено, токмо недостаточно и неясно." Татищевъ недоволенъ положеніемъ дворянства, п.ч. оно забыто; онъ выступаетъ здѣсь выразителемъ того недовольства, которое тогда господствовало среди шляхетства. Дворяне были недовольны тѣмъ, что Петръ возвышалъ людей незнатныхъ, когда видѣлъ, что

они оказывают пользу государству и обнаруживают способности; конечно дворянство при этом должно было отойти на задній планъ, съ установленіемъ табели о рангахъ, когда родовитость теряла свое значеніе, а давалось преимущество личнымъ заслугамъ и способностямъ. Эта мѣра, поднявшая на ноги дворянство, въ сущности была вполнѣ раціональна, потому что мѣстничество, господствовавшее ранѣе, принесло много вреда Россіи. Петръ этой мѣрой нисколько не имѣлъ въ виду унизить дворянство, напротивъ того, онъ какъ бы желалъ поощрить ихъ трудиться на пользу общую и государства. Изученіе Посошкова рядомъ съ Татищевымъ служитъ лучшимъ средствомъ для ознакомленія съ состояніемъ Русскаго общества и вообще Россіи въ петровскую эпоху.

Въ "Разговорѣ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ" Татищевъ разсматриваетъ вопросъ объ образованіи вообще и въ частности въ Россіи и отвѣчаетъ на вопросы какъ? гдѣ? и чему? слѣдуетъ учить дѣтей. Сочиненіе это цѣликомъ не издано, извлеченія же изъ него помѣщены въ статьѣ Бестужева. Въ этомъ трудѣ мы находимъ 2 части: полемическую или отрицательную и положительную.

Полемическая часть заключается въ опроверженіи мнѣній тѣхъ лицъ, которыя были противъ образованія. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ тѣми нападками на невѣжество и суевѣріе народа и полемическими выходками противъ духовенства, которыя мы уже видѣли у Ф. Прокоповича. Во-первыхъ, Т. возражаетъ тѣмъ людямъ, которые говорили, что наука пользы не приноситъ, что въ прежнія времена, когда ихъ не было, было гораздо лучше. Т. говоритъ, что такое мнѣніе есть заблужденіе, объясняемое неизбѣжной

логической ошибкой ума: люди обыкновенно время, относящееся къ ихъ молодости, считаютъ лучшимъ поэтому и происходятъ такія воззрѣнія. Далѣе, говорили, что науки плодятъ ереси. Возраженія противъ этого пункта мы уже встрѣчали у Ѳ.Прокоповича. Татищевъ говоритъ, что это мнѣніе невѣждъ или злоковарныхъ нѣкоторыхъ церковнослужителей, которымъ приноситъ пользу невѣжество народа, потому что тогда у нихъ бываетъ больше дохода, и говоритъ, что наоборотъ, невѣжество порождаетъ ересь. Въ третьихъ, говорили, что науки вредны, потому что возбуждаютъ неудовольствія въ народѣ и ведутъ къ смутамъ. Т. говоритъ, что напротивъ невѣжественная масса легче поддается на всякія подускиванія. Онъ указываетъ на Турцію и говоритъ, что тамъ были очень частыя возмущенія, но ихъ никакъ нельзя объяснить излишнимъ образованіемъ, напротивъ, тамъ царитъ невѣжество. Наконецъ, и въ Россіи бунты поднимаются не образованными людьми, но невѣжественными, въ доказательство чего указываетъ на Болотникова, на бунтъ стрѣльцовъ и т.п. Что касается его личныхъ воззрѣній на науку и ученіе, то онѣ выражаются пословицей: "вѣкъ живи, вѣкъ учись". Учиться необходимо во всѣ возрасты: въ младенчествѣ человѣкъ знакомится съ языками, въ юности съ науками большаго разумѣнія, въ мужествѣ съ совѣтомъ и опытомъ и, наконецъ, въ старости занимается чтеніемъ историческихъ книгъ и полезными разговорами. Сообразно съ этими степенями образованія отдѣльной личности Т. дѣлитъ и умственное развитіе всего человѣчества на 4 періода: I| до изобрѣтенія письменности, 2| до введенія христіанства, 3| до изобрѣтенія книгопечатанія, 4| до нашего времени. Первому періоду соотвѣтствуетъ младенчество человѣка, второму юност

и т.д. Конечно, это его дѣленіе несообразно, потому что у него время съ изобрѣтенія книгопечатанія до нашего времени считается старостью.

Но довольно интересно дѣленіе наукъ у Т. по степени ихъ важности и пользы. Такъ онъ дѣлитъ ихъ на нужныя, полезныя, щегольскія и увеселительныя, любопытныя и вредительныя. Къ нужнымъ наукамъ онъ причисляетъ: рѣченіе врачество, право церковное и гражданское, логику и богословіе. Къ наукамъ полезнымъ принадлежатъ грамматика, краснорѣчіе, древніе языки, математика, исторія, географія, ботаника, физика, химія и иностранные языки; къ щегольскимъ - стихотворство, музыка, живопись, танцы; къ любопытнымъ - физіогномика, алхимія, хиромантія и т.д.; къ вредительнымъ - гаданіе и волшебство. Далѣе Т. разбираетъ всѣ существующія училища въ Россіи и смотритъ на науку съ точки зрѣнія шляхтича, какая наука полезна дворянину и какая нѣтъ. Разсматривая училища онъ находитъ во всѣхъ нихъ недостатки и совершенно недоволенъ ихъ состояніемъ. Онъ прежде всего останавливается на Академіи наукъ и на существующей при ней гимназіи и говоритъ, что она неудобна, такъ какъ не имѣетъ постояннаго характера и часто закрывается. Затѣмъ переходитъ къ школамъ духовнымъ; онъ находитъ, что въ нихъ господствуетъ отсталость и что онѣ не подходятъ къ современному образованію; въ нихъ совершенно почти не проходится грамматика, исторія и географія, латинскій языкъ изучается крайне плохо, логика же у нихъ схоластическая. Далѣе онъ переходитъ къ школамъ военнымъ, но и эти его не удовлетворяютъ, потому что тамъ обращаютъ больше вниманія на занятія ружейными пріемами, а наука находится въ пренебреженіи. Так. обр. онъ перебираетъ всѣ школы и не находитъ ни одной

хорошей и говоритъ, что остается домашнее только воспитаніе но и это также трудно, потому что нельзя достать хорошихъ учителей, и при томъ такого рода образованіе обходится очень дорого. Что же дѣлать? какъ выйти изъ затрудненій? Онъ рекомендуетъ открыть школы на болѣе лучшихъ основаніяхъ и для содержанія этихъ школъ пользоваться монастырскими доходами. Путешествія за границу молодыхъ людей до образованія такихъ школъ, Т. считаетъ единственнымъ исходомъ, но и это сопряжено съ трудностями.

Завѣщаніе Т. относится къ той группѣ завѣщаній, которая появилась въ петровскую эпоху. Относится сюда тоже одна книжка, переведенная съ нѣмецкаго въ серединѣ 18 в., носящая заглавіе "Юности честное зерцало", которая содержитъ въ себѣ рядъ наставленій, какъ нужно вести себя молодому человѣку въ обществѣ, какъ нужно обращаться со своими родителями и т.д. Такъ мы читаемъ въ зерцалѣ: "когда родитель или кто другіе ихъ |дѣтей| спросятъ, то должны они къ нимъ отозваться и отвѣщать тотчасъ, какъ голосъ послышатъ. И потомъ сказать "что изволите, государь батюшка" или "государыня матушка", или "что мнѣ прикажете, государь", а не такъ: "что, чего, што, какъ ты говоришь, чего хочешь? И не дерзостно отвѣчать: "да, такъ" и ниже вдругъ на отказъ молвить "нѣтъ", но сказать: "такъ, мой государь; слышу государь; учиню такъ, какъ вы, государь, приказали". А не смѣхомъ дѣлать, якобы ихъ презирая и не слушая ихъ повелѣнія и оловъ, но исправно примѣчать все, что имъ говорено бываетъ, а многажды назадъ не бѣгать и прежняго паки вдругорядь не спрашивать".

Или далѣе мы читаемъ въ той же книгѣ, какъ нужно держать себя молодому человѣку въ обществѣ, или какъ тамъ

сказано "како младый отрокъ долженъ поступать, когда оный въ бесѣдѣ съ другими сидитъ": "когда прилучится тебѣ за столомъ съ другими сидѣть, то содержи себя въ порядкѣ по сему правилу: впервыхъ обрѣжь себѣ нѣти, да не явятся оные бархатомъ обшиты. Умой руки и сяди благочинно, сиди прямо и не хватай первый первый въ блюдо, не жри, какъ свинія, и не дуй въ ушное |уха|, чтобы вездѣ брызгало, не сопи, егда яси. Первый не пій, будь воздержанъ и бѣгай пьянства; пій и яждь, сколько тебѣ потребно; въ блюдѣ будь послѣдній. Когда что тебѣ предложатъ, то возьми часть изъ того, прочее отдай другому и возблагодари ему. Руки твои да не лежатъ долго на тарелкѣ, ногами вездѣ не мотай; когда тебѣ пить, не утирай губъ рукою, но полотенцемъ, и не пей, пока еще пищи не проглатилъ. Не облизывай перстовъ и не грызи ногтей, но обрѣжь ножемъ. Зубовъ ножемъ не чисти, но зубочисткой, и одной рукой прикрой ротъ, когда зубы чистишь хлѣба, приложа къ грудямъ, не рѣжь, яждь, что передъ тобой лежитъ, а индѣ не хватай. Ежели предъ кого положить хощешь, не примай перстами, какъ нѣкоторые народы нынѣ обыкли; надъ ѣствой не чавкай, аки свинья и головы не чеши; не проглотя куска, не говори, ибо такъ дѣлаютъ крестьяне. Часто чихать, сморкать и кашлять не пригоже. Когда яси яйцо, отрѣжь напредь хлѣба и смотри при томъ, чтобы не вытекло и яждь скоро. Яичной скорлупы не разбивайи и пока яси яйцо, не пій, между тѣмъ не замарай скатерти и не облизывай перстовъ, около своей тарелки не дѣлай забора изъ костей, корокъ хлѣба и проч. Когда престанеши ясти, возблагодари Бога, умой руки и лицо и выполощи ротъ".

На нашъ взглядъ такого рода книжка не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, и въ настоящее время такія книжки составля-

ѣтъ достояніе лубочной литературы, какъ напр. "Хорошій тонъ" и др. Но въ 18 в. этой книжкѣ придавали серьезное значеніе. Татищевъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, рекомендуетъ эту книгу въ завѣщаніи своему сыну сейчасъ же послѣ Библіи, сочиненій Іоанна Златоуста и Ѳ.Прокоповича. Теперь является вопросъ, почему современники придавали этой книжкѣ такое значеніе; а потому, что она отвѣчала на вновь зародившіяся условія жизни. Мы имѣемъ и самостоятельное произведеніе Каріона Истомина "Домострой", написанное въ 1700 г. въ стихахъ, состоящее изъ 14 строфъ, очень похожее на "Юности честное зерцало", но по времени болѣе раннее. Въ "Домостроѣ" главнымъ образомъ даются наставленія, какъ нужно держать себя, при чемъ конецъ каждой строфы содержитъ угрозу за неисполненіе даваемыхъ наставленій.

"Духовное Завѣщаніе" Татищева было издано въ 1775 г. отдѣльно, а затѣмъ помѣщено въ "Отечеств.Запискахъ" 50-хъ годовъ. Написано оно въ 1740 г. и обращено къ единственному сыну Татищева - Евграфу, уже взрослому и находящемуся на службѣ человѣку. Очевидно, что Татищевъ воспользовался только литературной формой, чтобы высказать свои мысли, свои воззрѣнія. Написано оно въ очень тяжелое для Т. время, когда онъ находился подъ судомъ: "человѣкъ, говоритъ онъ, въ младости и благополучіи мало о законѣ Божіемъ и о спасеніи души прилежитъ, но видимъ паче помыслами плотскими. Егдаже человѣкъ приблизится или къ старости или скорби, болѣзни, бѣды, напасти и другія горести усмирятъ плоть его, тогда освобождается духъ отъ порабощенія, ометется умъ его и приметъ власть надъ волей; тогда познаетъ прилежать о пріобрѣтеніи истиннаго добра.

И какъ уже я нахожуся въ крайней слабости и безъ надежды долго жизнь мою соблюсти, такъ предаю твое наученіе болѣе на твою прилежность; а сверхъ того и сіе краткое завѣщаніе оставляю". Напасть заставила его призадуматься надъ жизнью и такое настроеніе вызвало духовное завѣщаніе сыну. Наставленія въ "Духовномъ Завѣщаніи" Т. идутъ сообразно съ возрастами человѣка. Сначала Т. даетъ наставленія о I| воспитаніи дѣтей, 2| наставленія въ семейной жизни 3| въ службѣ и 4| въ хозяйствѣ. Намъ не нужно упускать изъ виду того обстоятельства, что Т. говоря о воспитаніи, имѣетъ въ виду молодого шляхтича, а потому всѣ науки и всѣ роды службы онъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія дворянъ.

Во главѣ воспитанія Т. ставитъ изученіе религіи: "меня, говоритъ онъ, обвиняли въ вольнодумствѣ за то, что я позволялъ себѣ выходки противъ притязаній духовенства, но я никогда не сомнѣвался въ истинахъ вѣры". Изъ духовныхъ книгъ онъ рекомендуетъ читать "Письмо святое", т.е. Библію и Катехизисъ, и къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоустаго главнѣе мѣсто имѣютъ, Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Аѳанасія Великаго и Ѳеофилакта Болгарскаго; также печатныя въ нынѣшнія времена истолкованія десяти заповѣдей и блаженствъ |сочиненіе Ѳ. Прокоповича "Букварь словенскій съ толкованіемъ заповѣдей, Символа вѣры, молитвы "Отче нашъ" и блаженствъ евангельскихъ I724 г. а малая букварь или "Юности чесное зерцало" за лучшее нравоученіе служитъ могутъ; и всѣ безъ изъятія читать и силу ихъ познать полезно." Далѣе Татищевъ совѣтуетъ читать богословскія сочиненія и другихъ вѣроисповѣданій: "потомъ, когда довольно въ законѣ своемъ научишься, нужно тебѣ и несогласныя съ нашей восточной церковью книги лютерскія,

кальвинскія и папистскія читать для того, что мы съ ними всегдашнее обхожденіе имѣя, часто въ разговоры до вѣры принадлежащія входимъ; и если ты подлинно ихъ основаній и толковъ не знаешь, то легко обмануться и соблазнить ся можешь, а особливо отъ папистовъ, яко весьма въ томъ коварныхъ ихъ духовныхъ остерегаться"...Но этимъ, по мнѣнію Т., воспитаніе не должно оканчиваться - нужно еще усвоить свѣтскія науки: "весьма нужно тебѣ поучаться и въ свѣтскихъ наукахъ, въ которыхъ нужнѣйшее - право и складно писать, затѣмъ ариѳметика, геометрія, артилле-рія и фортификація и прочія части математики." Изученіе этихъ наукъ Т. рекомендуетъ потому, что всѣ дворяне смолоду должны были служить въ военной службѣ, а Татищевъ, какъ мы выше сказали, говоря о воспитаніи, имѣлъ постоянно въ виду молодого шляхтича. Кромѣ выше названныхъ наукъ Т. рекомендуетъ еще изученіе исторіи и географіи, причемъ указываетъ на свои труды, какъ на пособія при изученіи этихъ наукъ. Далѣе онъ говоритъ: "необходимо нужно есть знать законы гражданскіе и воинскіе своего отечества: и для того конечно въ младости надобно тебѣ Уложенье и артикулы воинскіе, сухопутные и морскіе, не однова, а нѣкогда и печатные указы прочитать, дабы, какъ скоро къ какому дѣлу опредѣлиться, могъ силу надлежащихъ къ тому законовъ разумѣть; наипаче же объ ономъ, по причинѣ собственныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ, съ искусными людьми разговаривать, и порядкамъ, яко же и толкованію законовъ, не меньше же и коварства ябедническія познавать, а не дѣлать, но учиться должно, что тебѣ къ немалому счастію послужитъ."

Изъ языковъ Т. рекомендуетъ изученіе нѣмецкаго языка,

какъ необходимаго при частныхъ сношеніяхъ съ Германіей; этотъ взглядъ на нѣм. яз. Татищева понятенъ: онъ самъ долго пробылъ въ Германіи, командированный въ нее Петромъ въ 1712 г., причемъ основательно изучилъ литературу на нѣм. яз.; кромѣ нѣм. яз. Т. считаетъ не лишнимъ и знаніе французскаго языка. Что касается древнихъ языковъ, то Т. рекомендуетъ ихъ такому шляхтичу, который желаетъ посвятить себя наукѣ. Вотъ вкратцѣ тотъ курсъ наукъ, который, по мнѣнію Татищева, долженъ пройти шляхтичъ.

Далѣе излагаются правила для руководства въ семейной жизни. Первый шагъ въ семейной жизни составляетъ женитьба. Противоположно Посошкову, который "во избѣжаніе грѣха" совѣтуетъ жениться раньше, Татищевъ не одобряетъ ранней женитьбы; самое лучшее, по его мнѣнію, время для брака есть 30 лѣтній возрастъ. При ранней женитьбѣ дворянинъ долженъ часто отлучаться отъ семьи по дѣламъ службы, долженъ оставлять одинокую, молодую жену и тѣмъ подвергать ее разнымъ искушеніямъ, такъ какъ чувства молодыхъ людей бываютъ по большей части непостоянны. При выборѣ жены не слѣдуетъ особенно увлекаться ни красотой, ни богатствомъ, ни знатностью: "что до персоны супруги касается, то главныя обстоятельства лѣпота лица, возрастъ и веселость въ компаніи, которыя женамъ большую похвалу приносятъ, и тѣмъ иные молодые прельщаются. Но, какъ извѣстно, что въ красивѣйшемъ яблокѣ наиболѣе черви, а при лѣпотѣ женщинъ продерзости находятся, для того оное бываетъ не безопасно: противно же тому безобразныя хотя нѣкогда достаточна ума бываютъ, и иногократно въ супружествѣ любовь твердо съ удовольствіемъ супруга хранятъ, однакожъ равно, какъ старѣе себѣ жену взять, весьма не безопасно; ибо если хотя мало любовь на-

рушится, вскорѣ мысль и склонность къ младшей и лѣпѣйшей явится, и чрезъ то брачное обстоятельство разрушается, а затѣмъ все состояніе въ безпорядокъ и домъ въ безпутство и раззорѣніе приходитъ". Бракъ между равными по состоянію и происхожденію лучше всего, говоритъ Татищевъ, и потомъ прибавляетъ: "Имѣй и то въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница и во всемъ другомъ должна быть нелицемѣрной". Так.обр. Т. совѣтуетъ смотрѣть на жену, какъ на равную себѣ; не слѣдуетъ у нея быть, какъ называется, подъ башмакомъ. Такія отношенія ведутъ непремѣнно къ растройству семейнаго счастья: "особливо высокомѣрныя, а лучше сказать - глупыя жены, безразсудно того желаютъ, иногда своею безумною гордостью, подлыми пересмѣшками, пустымъ болтаніемъ, дурацкой ревностью, безвинно честныхъ людей много вредятъ и поносятъ; а сами всегда такія пустоши и негодницы больше всѣхъ въ томъ обращаются...больше онѣ подобны сонным или въ горячкѣ больнымъ, которые говорятъ, а о чемъ - послѣ и сами не знаютъ, а за то иногда такую бѣду или несчастье мужу своему наносятъ, что онъ, невинно получа себѣ отъ женином глупости новыхъ и неизвѣстныхъ злодѣевъ, принужденъ бываетъ страдать и несчастье терпѣть". Подобную жену всегда окружаютъ ханжи, бродяги и т.п. люди, которыхъ нужно бояться какъ огня: "ибо отъ нихъ всегда покошеніе, ссоры съ друзьями и несогласіе между супружествомъ, однимъ словомъ сказать, кромѣ вреда ничего добраго не бываетъ." Наставленіе относительно ханжей объясняется неудачей въ семейной жизни Татищева; его жена сбѣжала отъ него съ однимъ проходимцемъ монахомъ, поэтому Т. еще съ большимъ рвеніемъ нападаетъ на ханжей.

Русская Литер. Листъ 17-й.

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

ЛИТ БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ И. Г.

Еще есть одно характерное замѣчаніе въ завѣщаніи Татищева, навѣянное личными впечатлѣніями - это именно нападеніе на торжественность и обрядность. Татищевъ говоритъ: "не дѣлай свадебной церемоніи, чтобы не дѣлать изъ себя живой картины, какъ мыши кота погребаютъ".

Далѣе идутъ наставленія Т. относительно службы. Онъ дѣлитъ службу на 4 рода: а| духовную, б| придворную, в| военную и г| гражданскую. Что касается теперь духовной службы, то Т. про нее ничего не говоритъ на томъ основаніи, что дворяне не идутъ на нее.

Второго рода служба - придворная, говоритъ онъ, въ ходу: многіе поступаютъ на эту службу; но отъ нея онъ отклоняетъ сына: "понеже тутъ лицемѣрство, коварство, лесть, зависть и неповинность, едва ли не все мѣсто добродѣтели происходитъ".

Так. обр. остается два рода службы: военная и гражданская По мнѣнію Т. шляхтичъ въ военной службѣ долженъ прослужить отъ 18-25 лѣтъ, а въ гражданской отъ 25-50 лѣтъ, а остальное время жизни онъ долженъ посвятить хозяйству. Какъ на военной, такъ и на гражданской службѣ Т. прежде всего рекомендуетъ повиновеніе начальству, а потомъ даетъ два интересныхъ наставленія; первое - не отказываться ни отъ какого назначенія, но и не навязываться: "Главное же повиновеніе собственно въ этомъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся, и ни на что не назвйся самъ, если хочешь быть въ благополучіи". Во вторыхъ, Т. рекомендуетъ своему сыну остерегаться всякихъ сужденій о политикѣ: "Съ хвалящими вольность другихъ государств и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуйся: понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ, о чемъ

тебѣ исторіи государства нашего ясные примѣры показать могутъ, какъ-то нѣкоторые и предъ немногими лѣты безумно начинали; а паче всего таиность государя прилежно храни и никому не открывай".

Наконецъ, послѣдній отдѣлъ посвященъ наставленіямъ о хозяйствѣ, которому всякій долженъ посвящать все время послѣ гражданской службы, т.е. 50 лѣтъ. Здѣсь рисуется идеалъ современнаго помѣщика. Каждый помѣщикъ долженъ быть требователенъ и строгъ по отношенію къ крестьянамъ: жизнь этихъ послѣднихъ должна быть наполнена постояннымъ, неослабнымъ трудомъ. "И необходимо во время работы съ крестьянами старостѣ и прикащику съ великой строгостью и прилежностью обращаться надлежитъ, пока и хлѣбъ весь съ поля убранъ будетъ" Но и самъ помѣщикъ не избавленъ отъ нѣкоторыхъ обязанностей: будучи требователенъ къ крестьянамъ, онъ въ то же время долженъ отвѣчать на труды ихъ своими заботами объ ихъ благосостояніи. Поэтому рекомендуется устраивать въ деревняхъ школы, больницы и богадѣльни. Священника надо имѣть образованнаго, чтобы онъ могъ быть истиннымъ отцомъ своей паствы: "Старайся имѣть попа ученаго, говоритъ Татищевъ, который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикой къ совершенной добродѣтели крестьянъ твоихъ довести могъ, а особливо, гдѣ ты жить будешь; имѣй съ нимъ частое свиданіе, награди его безбѣднымъ пропитаніемъ, деньгами, а не пашней, для того, чтобы отъ него навозомъ не пахло, голодный, хотя бы онъ и патріархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ, за деньги онъ лучше будетъ прилежать церкви, нежели къ своей землѣ, пашнѣ и сѣнокосу." Заботы о содержаніи духовенства вызваны были тѣмъ положеніемъ сельскаго духовенства, которое такъ мастерски описано у Посошкова. Этотъ же взглядъ на хозяй-

ство Т. высказалъ въ небольшомъ отдѣльномъ сочиненіи "Экономическія Записки". Так. обр., изъ завѣщанія Татищева мы видимъ, какая жизнь шляхтича представлялась ему нормальной.

Если мы сравнимъ Посошкова съ Татищевымъ, то, конечно, на сторонѣ послѣдняго будетъ преимущество образованія, но и Посошковъ имѣетъ свои преимущества, а именно, его сравнительная широта воззрѣній и, такъ сказать, стихійная бытовая связь съ своимъ народомъ, которая у него постоянно проявляется. Съ этой то стороны Посошковъ представляетъ для насъ болѣе интереса, чѣмъ Татищевъ; послѣдній рисуетъ намъ картину быта дворянина XVII в., а Посошковъ знакомитъ насъ съ тѣми нравственными и религіозными воззрѣніями, которыя, такъ сказать, укоренились въ русскомъ народѣ.

Кромѣ завѣщаній Татищева и Посошкова до насъ дошло отъ Петровской эпохи еще одно завѣщаніе Это завѣщаніе отца сыну, ѣдущему за границу для образованія. Въ рукописи мы не встрѣчаемъ имени автора, и одно время его приписывали Посошкову. Но это опровергается учеными, которые говорятъ, что Посошкову незачѣмъ было писать его, такъ какъ его сынъ не ѣздилъ за границу. Любопытенъ тотъ фактъ, что именно Петровская эпоха, когда наступала новая пора для русской жизни, характеризуется именно такими завѣщаніями отцовъ къ сыновьямъ.

КАНТЕМІРЪ.

Перехожу теперь къ ознакомленію съ дѣятельностью другого представителя русской литературы, къ князю Антіоху Дмитріевичу Кантеміру. Мы можемъ провести параллель между

дѣятельностью Татищева, Кантеміра, Сумарокова и Ломоносова, которые составляютъ второе поколѣніе русскихъ писателей послѣ Петра. Ѳеофанъ Прокоповичъ и Посошковъ, хотя и были проповѣдниками европейскаго образованія и сочувствовали новому движенію въ Россіи, которому данъ былъ толчокъ Петромъ, но всетаки ихъ воззрѣнія слажились еще въ эпоху до-петровскую; въ Татищевѣ же мы видимъ человѣка, цѣликомъ принадлежащаго новой эпохѣ: онъ получилъ образованіе въ новой школѣ, основанной Петромъ Великимъ, и закончилъ его своими путешествіями по Европѣ. Но что же было существеннымъ шагомъ впередъ въ дѣятельности Татищева въ сравненіи съ Ѳ.Прокоповичемъ, Посошковымъ и Ст.Яворскимъ? Присматриваясь къ воззрѣніямъ Татищева, мы замѣчаемъ, что они сходны съ воззрѣніями Прокоповича: здѣсь мы встрѣчаемся съ тою же борьбою въ пользу европейскаго образованія, тѣ же нападки на невѣжество и суевѣрія народа и полемическія выходки противъ духовенства; принимая это во вниманіе, мы могли бы, повидимому, сказать, что Татищевъ является только продолжателемъ дѣла Ѳ.Прокоповича, но это только - повидимому. Дѣятельность Ѳ.Прокоповича и другихъ лицъ того же направленія заключалась въ полемикѣ, они боролись противъ старинной партіи за европейскую образованность и реформы Петра; они поддерживали новое движеніе, но ничего существеннаго не сдѣлали на его пользу, не представили никакихъ плодовъ той новой образованности, которую они такъ горячо защищали. Въ Петровскій періодъ все сосредоточивалось на полемикѣ, и въ ней было большое оживленіе и порой пробивался талантъ, но въ ученой дѣятельности господствовало безсиліе и неумѣлость. Вспомнимъ только, что въ то время Петръ, не смотря на свое страстное желаніе, не могъ даже

найти людей способныхъ, которымъ бы онъ могъ поручить составленіе исторіи Россіи. Если бы это продолжалось, то можетъ быть это движеніе въ пользу европейскаго образованія не удержалось бы, но было бы подавлено партіей старины. Заслуга Татищева въ томъ и состоитъ, что онъ первый далъ положительный результатъ своего европейскаго образованія, а не всецѣло предался полемикѣ. Плодомъ его неустанной дѣятельности былъ его трудъ по исторіи русской, трудъ замѣчательный для своего времени, написанный впервые русскимъ человѣкомъ; если вспомнить, сколько труда приложилъ Татищевъ при пріисканіи матеріаловъ, то мы невольно должны будемъ удивляться дѣятельности этого труженика. Этотъ трудъ Татищева, хотя и несовершенный и незаконченный, представляющій только простую попытку, важенъ потому, что Татищевъ далъ намъ первый плодъ образованности; до него только говорили въ пользу новаго образованія, но фактовъ ея полезности не представляли. Когда появился трудъ Татищева, то партія старины должна была умолкнуть и склониться передъ новымъ образованіемъ, способствовавшимъ появленію такого великаго труда; они могли по прежнему защищать свое дѣло, но не признать важности этого дѣла не могли. Если обратиться къ поэзіи въ Петровскую эпоху, то также не найдемъ ничего новаго, отличающагося отъ предыдущей эпохи: нѣсколько рыцарскихъ повѣстей, переводныхъ драмъ и только; поэзіей занимались только въ школахъ, а школьная поэзія среди новаго историческаго строя казалась чѣмъ то архаическимъ, старовиднымъ, второе поколѣніе русскихъ писателей даетъ первый плодъ своей образованности въ области поэзіи. Какъ Татищевъ

далъ намъ первый трудъ по исторіи Россіи, такъ и Кантемір представилъ первые образцы поэзіи, удовлетворявшіе тѣмъ требованіямъ, которыя господствовали въ западной Европѣ, хотя и его произведенія отличались грубостью формы, однако важно въ немъ то, что онъ сдѣлалъ первый шагъ къ усовершенствованію въ области поэзіи.

Антіохъ Дмитріевичъ Кантеміръ родился въ Константинополѣ въ 1708 г., по происхожденію онъ была молдаванинъ; отецъ его происходилъ изъ весьма знатнаго рода. Дмитрій Кантеміръ, отецъ нашего писателя, былъ сначала молдавскимъ господаремъ. Въ 1711 г. во время войны Петра съ Турціей, Кантеміръ держалъ сторону Петра; но такъ какъ походъ Петра былъ неудаченъ, то Кантеміръ, боясь преслѣдованія со стороны турецкаго правительства, счелъ за лучшее удалиться въ Россію подъ защиту Петра, поэтому въ 1711 году Кантеміръ переѣхалъ въ Россію со всѣмъ своимъ семействомъ. Дмитрій Кантеміръ и его жена, происходившая изъ рода Кантакузенъ, рода греческихъ императоровъ, были люди высокообразованные. Старый Кантеміръ былъ знатокомъ многихъ европейскихъ и восточныхъ языковъ и извѣстенъ въ то время, какъ авторъ нѣкоторыхъ сочиненій по исторіи Молдавіи и Турціи. Нѣкоторыя сочиненія Кантеміра были переведены и на русскій языкъ Ильинскимъ, учителемъ дѣтей Кантеміра. Будучи самъ такимъ образованнымъ, Кантеміръ, понятно, и своимъ дѣтямъ хотѣлъ дать блестящее образованіе и старался пріискивать для нихъ лучшихъ учителей. Въ первые годы пребыванія Кантеміровъ въ Россіи такимъ учителемъ состоялъ Грекъ Анастасій Кондонди, котораго Кантеміры привезли съ собою изъ Молдавіи, человѣкъ, обладавшій большою ученостью и знаніемъ языка греческаго древняго и

новаго, латинскаго и итальянскаго. Подъ его то руководствомъ началъ Антіохъ свое знакомство съ словесными науками. Однако, занятія съ Кондоиди продолжались недолго. Вскорѣ уже послѣ пріѣзда Кантеміровъ въ Россію, Кондоиди, по приказанію Петра, вездѣ искавшаго ученыхъ и дѣльныхъ людей, былъ назначенъ на государственную службу при духовной коллегіи |1720 г.| и Антіохъ съ другими братьями долженъ былъ остаться на нѣкоторое время безъ учителя. Тогда Кантеміры должны были искать себѣ новаго учителя и пригласили себѣ грека Елиферія Калетта. Кромѣ того, для преподаванія русскаго яз. былъ приглашенъ бывшій студентъ Московской Академіи Иванъ Ильинскій. Но Кантеміры имѣли въ виду не ограничиться этимъ домашнимъ воспитаніемъ, а отправить своихъ дѣтей за границу, что видно изъ договора Кантеміра съ Петромъ, гдѣ онъ вставилъ пунктъ о позволеніи его сыновьямъ отправиться за границу для пополненія своего образованія, но этому не суждено было исполниться. Въ 1723 г. умеръ старый Кантеміръ, и Антіохъ сталъ проситься у царя за границу для завершенія образованія, но Петръ, понимая, что образованныя люди нужны и въ Россіи, боялся, что Кантеміръ не возвратиться обратно и поэтому не отпустилъ его. Но вскорѣ Антіоху представился удобный случай довершить свое образованіе и въ Россіи. Въ 1726 г. была открыта Академія Наукъ, членами которой были приглашены ученые иностранцы; вотъ подъ ихъ то руководствомъ Кантеміръ и закончилъ свое образованіе: у Бернулла онъ проходилъ курсъ высшей математики, у Бонера онъ слушалъ исторію, у Гросса - нравственную философію, у Бѣльдингера - физику. Кн. Антіохъ Кантеміръ, по обычаю дворянъ того времени, очень рано началъ военную

службу, онъ, вѣроятно, уже въ дѣтствѣ былъ записанъ въ гвардію и II лѣтъ былъ уже сержантомъ. Въ царствованіе Петра II онъ уже былъ офицеромъ. Въ это время Антіоху пришлось испытать новый ударъ судьбы. Извѣстно, что Петр В. установилъ нераздѣльность имѣнія "маіоратъ". Кн. Дмитрій Кантеміръ, возвратившись изъ Персидскаго похода |1722| впалъ въ жестокую болѣзнь въ 1723 г.и предъ кончиною своею просилъ Петра назначить наслѣдникомъ его имѣнія, въ которомъ считалось 9000 душъ крестьянъ, какого-нибудь изъ двухъ сыновей, но между прочимъ намекнулъ, что своимъ наслѣдникомъ онъ желалъ бы имѣть младшаго Антіоха, какъ самаго способнаго изъ своихъ сыновей. Князь Дмитрій Кантеміръ вскорѣ умеръ послѣ этого въ своихъ сѣвскихъ имѣніяхъ. Антіохъ, конечно, зная объ этомъ завѣщаніи отца, думалъ провести мирную жизнь, посвященную наукѣ, нисколько не заботясь о своемъ матеріальномъ обезпеченіи. Но дѣло вышло иначе. Петръ В. умеръ, не назначивъ наслѣдника имѣнію Кантеміра. Въ царствованіе уже Петра II, старшій братъ Антіоха женился на дочери кн. Димитрія Михайловича Голицына, который былъ тогда въ большой силѣ при дворѣ; благодаря стараніямъ Голицына все имѣніе было отдано старшему сыну Дмитрія Кантеміра. Такимъ образомъ, Антіохъ Кантеміръ долженъ былъ довольствоваться своимъ скуднымъ жалованіемъ. Положеніе Кантеміра стало улучшаться только со вступленія на престолъ Анны Іоановны. При избраніи на престолъ Анны Іоанновны начались различные толки, борьба между сторонниками новаго порядка правленія и партіей, требовавшей стараго порядка вещей, т.е. неограниченной монархической

власти, приняла довольно рѣзкій характеръ. Кантемiръ примкнулъ къ послѣдней партiи. По вступленiи на престолъ Анны Iоановны на Кантемiра посыпались щедрые поземельные подарки и кромѣ того онъ былъ назначенъ нашимъ резидентомъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ пробылъ съ I73I - I738 г., а потомъ былъ переведенъ резидентомъ въ Парижъ, гдѣ онъ пробылъ съ I738 г. до самой своей смерти I744 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ КАНТЕМIРА.

Сначала мы скажемъ кратко о литературной дѣятельности Кантемiра вообще, а потомъ подробнѣе остановимся на сатирахъ. Старикъ Кантемiръ, говоря объ Антiохѣ, какъ о самомъ способномъ изъ своихъ сыновей, зналъ, что говорилъ. Что Кантемiръ былъ человѣкомъ способнымъ, можно видѣть уже изъ его постояннаго стремленiя къ образованiю. Антiохъ выступилъ на литературное поприще I7 лѣтъ; впрочемъ изъ сочиненiй его указываютъ на одно, относящееся къ I7I9 г., когда Кантемiру было только I0 лѣтъ, а именно указываютъ на "Слово похвальное Дмитрiю Солужскому," сказанное имъ въ присутствiи Петра въ Московской Академiи на греческомъ языкѣ. Но на этомъ "Словѣ" Кантемiра мы не будемъ останавливаться, п.ч. оно, конечно, не принадлежитъ самому Кантемiру, а написано, вѣроятно, кѣмъ-нибудь изъ учителей, можетъ быть Ильинскимъ. Литературная карьера Кантемiра началась съ I726 г., когда ему было I7 лѣтъ. Свою дѣятельность онъ началъ съ переводовъ, первое переведенное имъ сочиненiе: "утѣшное критическое описанiе Парижа и Францiи". Это есть не что иное, какъ легкая сатира, написанная, вѣроятно, какимъ нибудь французомъ въ формѣ писемъ къ какому то итальянцу. Замѣча-

тельно, что въ выборѣ статей для перевода у Кантеміра выразилось его будущее направленіе на литературномъ поприщѣ. Въ 1727 г. Кантеміръ сдѣлалъ переводъ сочиненія: Πινακ ξ," приписываемое Кебесу, ученику Сократа, сочиненіе по нравственной философіи; но едва ли можно это сочиненіе приписывать вышеназванному лицу, п.ч. взгляды, проводимые въ этомъ сочиненіи, принадлежатъ скорѣе стоикамъ. Переводъ Кантеміра носитъ слѣдующее заглавіе: „Таблица Кевика философа или изображеніе житія человѣческаго." Главная мысль, проводимая въ этомъ сочиненіи,- власть и богатство не могутъ считаться источниками благополучія, а нравственное спокойствіе духа. И въ этомъ сочиненіи у Кантеміра высказался вкусъ къ морали и сатирѣ. Выборъ этого сочиненія для перевода отчасти объясняется сильнымъ вліяніемъ Гросса на Кантеміра; какъ ученый, Гроссъ стоитъ гораздо ниже Бонера и Беркулли, но что онъ оказалъ сильное вліяніе на Кантеміра, подтверждается тѣмъ, что послѣдній во всю жизнь былъ другомъ Гросса и покровительствовалъ впослѣдствіи его родственникамъ. Это вліяніе Гросса объясняется интересомъ самого Кантеміра къ вопросамъ нравственности. Далѣе, къ числу раннихъ произведеній Кантеміра относится "Симфонія на Псалтырь", которая представляетъ собой справочный указатель параллельныхъ мѣстъ Псалтири. Кантеміръ предпринялъ этотъ трудъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ Ильинскаго, воспитанника Московской Духовной Академіи. Но въ скоромъ времени Антіохъ Кантеміръ выступаетъ оригинальнымъ писателемъ въ томъ направленіи, первые признаки котораго проявились въ его переводныхъ произведеніяхъ, а именно въ сатирическомъ. Въ 1729 г. появилась I-ая его сатира, затѣмъ, бы-

стро одна за другою стали появляться и другія сатиры: такъ съ 1730 - 1731 г. были написаны II, III, IУ, У, и IX сатиры |въ порядкѣ изданія|. Но рядомъ съ сатирами Кантеміръ пробуетъ свои силы и на другихъ родахъ литературы. Такъ въ 1730 г. начата была поэма "Петрида", оставшаяся неоконченной, содержащая въ себѣ поэтическое описаніе смерти Петра. Сюжетъ ея слѣдующій: появляется чудовище Стразуріо, олицетворяющее болѣзнь Петра, которое пытается выбраться изъ ада и наброситься на Петра, но его до поры до времени удерживаютъ; потомъ, когда настало время, то оно вылѣзло изъ ада, набросилось на Петра и покончило съ нимъ.

"Такъ Стразуріо, пріявъ властъ, во вредъ намъ ей данну,
Устремися на Петра, и видя прерванну
Неволю свою, гордо смѣетъ обладати
Тѣмъ, ему же скипетръ всего міра можно бы дати."

Образъ, какъ видно, нельзя считать удачнымъ. Въ это же время написаны, къ сожалѣнію до насъ не дошедшія, тѣ любовныя пѣсни, о которыхъ упоминаетъ самъ Кантеміръ въ концѣ IУ сатиры:

"Довольно моихъ поютъ пѣсней и дѣвицы
Чистыя и отроки, коихъ отъ денницы
До другой невидимо колетъ любви жало."

Но что это были за пѣсни, намъ неизвѣстно; что же касается ихъ популярности, то это объясняется запросомъ на нѣжную лирику въ Петровское время. А что касается Петриды и сатиръ Кантеміра, то мы видимъ здѣсь связь ихъ съ обстоятельствами жизни Кантеміра. Въ самомъ дѣлѣ, какъ долженъ былъ чувствовать себя Кантеміръ въ царствованіе Екатерины I и Петра II, когда стала поднимать голову партія, которая,

не отрицая таланта Птера, находила однако темныя стороны въ его дѣятельности и считала нужнымъ кое въ чемъ вернуться къ старинѣ; а въ особенности въ царств. Петра II, когда партія приверженцевъ старины особенно усилилась, когда боялись даже, что плоды дѣятельности Петра пропадутъ совершенно. Приверженецъ новаго порядка Ѳеофанъ Прокоповичъ чувствовалъ себя въ неопредѣленномъ положеніи. Теперь является вопросъ, на какую же сторону станетъ Кантемiръ? Конечно, Антіохъ, иностранецъ по происхожденію, получившій полу-европейское образованіе, при сильномъ стремленіи къ европейскому образованію, скорѣе всего станетъ на сторону Ѳ.Прокоповича. Кромѣ того, съ приверженцами старины у Кантеміра не было никакихъ общихъ связей; тѣ преданія, которыми руководилась эта партія, были чужды Антіоху; съ приверженцами же новаго порядка вещей Кантемiръ имѣлъ общія стремленія къ европейскому образованію. Кромѣ того, Голицынъ, главный представитель этой партіи старины, благодаря своему вліянію, лишилъ Антіоха наслѣдства, о которомъ послѣдній мечталъ, почему эта партія стала Антіоху еще ненавистнѣй. Этими то обстоятельствами въ жизни Кантеміра и объясняется появленіе его произведеній. Въ "Петридѣ" Кантемiръ изображаетъ свой плачъ по тѣмъ стремленіямъ, которыя не удались Великому Преобразователю. Въ I сатирѣ слышится стонъ оскорбленнаго личнаго чувства.

"Уже недозрѣлый плодъ недолгой наукѣ!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи дни вѣка проводити,
Можно и славу достать, хоть творцомъ не слыти.
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,

На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги.
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестеръ. Многи на немъ силу потеряли,
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ себя, какъ мору чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глазы, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами сада;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду."

Подъ вліяніемъ этого тяжелаго настроенія и объясняется то, что Кантемірь примкнулъ къ партіи Ѳ.Прокоповича и выступилъ на сатирическомъ поприщѣ. Подъ вліяніемъ личнаго оскорбленнаго чувства первая сатира вышла лучше всѣхъ послѣдующихъ сатиръ. Послѣдующія сатиры представляютъ болѣе спокойное изображеніе обще-человѣческихъ пороковъ. Но будемъ слѣдить за дальнѣйшей судьбой Кантеміра. По смерти Петра II разнесся слухъ что на престолъ хотятъ возвести Анну Іоанновну, герцогиню Курляндскую; подъ вліяніемъ этого слуха Кантемірь, надѣясь на перемѣну къ лучшему, написалъ къ Ѳ.Прокоповичу утѣшительное произведеніе. Дѣло въ томъ, что въ 1730 г. Ѳ.Прокоповичъ, находясь въ самомъ неопредѣленномъ положеніи, написалъ стихотвореніе "Плачъ пастушка", начинающееся словами:

"Плачетъ пастушокъ въ долгомъ ненастьи."

Здѣсь онъ представляетъ себя въ образѣ пастушка, который сожалѣетъ о себѣ и о своемъ стадѣ, терпящемъ много невзгодъ отъ продолжительнаго ненастья, и ждетъ себѣ гибели:

"Коли дождусь я весела ведра
И дней красныхъ?
Коли явится милость прещедра

Небесъ ясныхъ?

Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно,

Все ненастье,

Нѣтъ и надежды, о многобѣдно

Мое счастье,

Хотя жъ малую явитъ отраду

И поманитъ,

И будто нѣчто польготитъ стаду

Да обманетъ и т.д.

Въ отвѣтъ на этотъ "плачъ" Кантемiръ написалъ утѣшительное посланiе въ стихахъ, носящее почему то латинское названiе „ *Epodos consolatoria ad idem pastoris Pimeni sor tempestatem Deplorantis* / *tem gregis sub* / Эподосъ начинается выраженiемъ сочувствiя къ Ѳ.Прокоповичу, вызвавшему его на это посланiе; Кантемiръ говоритъ, что, если Пименъ жалуется на ненастье, то тѣмъ болѣе на него долженъ роптать онъ сатирикъ при своемъ положенiи; однако онъ не жалуется, п.ч. есть надежда на лучшее впереди: не все будетъ осень и зима: есть уже признаки близкой весны, когда должна появиться и въ ихъ мѣстахъ Дiана, очевидный намекъ на Анну Iоанновну, которую тогда уже рѣшено было пригласить на русскiй престолъ.

"На горахъ нашихъ Пименъ славный сѣдинами !
Ни свирѣлiю тебѣ кто равный, ни стадами !
На рожку ль поешь, иль на сопѣли, хвала Богу !
Стихомъ ли даешь промежду дѣлы радость многу;
Забывши травы, къ ней же изъ млада научены,
Стоятъ овцы и козлы изъ стада удивлены."

Затѣмъ Кантемiръ изображаетъ свое собственное положенiе:

"Ужъ трожды солнце въ кругъ обѣжало путь свой бѣлы
А я не имѣю льготы не мало весь унылый.

Лишенъ и стада, лишенъ хижины, лишенъ нивы,
Межъ пастушками брожу единый несчастливый;
Ниже въ наимиты кто нанимаетъ, ни козлятемъ
На заводъ бѣдну кто помогаетъ ни ягнятемъ!
То праведнѣйше нежли въ ненастье я скучаю,
Плачу тяжкаго сего ненастья и скучаю..."
Но остается еще надежда на Діану.

"И славна въ горахъ нашихъ Діана благодатна,
Весны дарами цвѣты вѣнчанна всѣмъ пріятна."

Представивъ затѣмъ описаніе ея вооруженія, онъ говоритъ:

Вскорѣ ловитвы будетъ корысти раздѣляти"
Сихъ звѣрей дикихъ кожи вмѣсто монаста раздавати."

Къ этому же времени относится нѣсколько переложеній псалмовъ, въ выборѣ которыхъ опять таки нельзя не видѣть соотвѣтствія съ его тогдашнимъ положеніемъ: онъ перелагаетъ только тѣ псалмы, въ которыхъ говорится о могущественныхъ врагахъ, о знатныхъ и гордыхъ, изображается ихъ торжество и затѣмъ паденіе и т.д. Когда съ восшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны сторонники новой партіи вздохнули свободно, и опасенія для нихъ были невозможны, Кантемиръ написалъ нѣсколько басенъ съ прозрачными намеками на то положеніе, въ которомъ очутилась враждебная сторона. Укажемъ на двѣ басни, а именно: I|Верблюдъ и Лисица и 2|Огонь и восковой болванъ. Содержаніе первой басни слѣдующее: Верблюдъ, увидѣвши однажды, какъ козелъ легко отбивается своими рогами, возъимѣлъ желаніе имѣть и самому рога. Встрѣтивъ разъ лисицу, онъ высказалъ ей свое желаніе и съ неудовольствіемъ жалуется на то, что природа не надѣлила его рогами. Хитрая Лисица какъ будто изъ сочувствія, открываетъ ему нетрудный способъ нажить рога, указавъ ему на одну пещеру въ лѣсу,

гдѣ, по ея словамъ, онъ можетъ запастись ими безъ всякой раны, развѣ потерпѣвъ только малый страхъ. Простодушный верблюдъ отправляется туда, но пещера оказалась логовищемъ льва, и верблюдъ, обманутый лисицей, едва унесъ оттуда ноги. Здѣсь Кантемiръ, очевидно, указываетъ на положенiе верховниковъ, которые хотѣли запастись рогами, возвыситься, а между тѣмъ потерпѣли неудачу. На это указываетъ и самая мораль басни, которая обращена противъ славолюбцевъ:

"Славолюбцы! васъ поютъ, о васъ басни дѣло,
Верблюжее нанялъ я для украсн тѣло.
Кто древо, какъ говорятъ, не по себѣ рубитъ,
Тотъ большова не доставъ, малое погубитъ."

Другая басня: "Огонь и восковой болванъ" также имѣетъ отношенiе къ обстоятельствамъ того времени. Содержанiе ея слѣдующее. Художникъ |искусный восколей| вылилъ восковую статую, употребивъ на неемного труда и умѣнья. Но по неосторожности онъ забылъ отставить ее отъ огня, на которомъ топилъ топилъ воскъ, вслѣдствiе чего воскъ растопился и тѣло болвана распустилось. Мораль этой басни та, что, если кто хочетъ совершить какое нибудь дѣло, то онъ долженъ довести его до конца. Здѣсь, повидимому, Кантемiръ даетъ намекъ правительству, что надо покончить совершенно съ партiей верховниковъ. Далѣе, до насъ дошелъ цѣлый рядъ духовныхъ произведенiй Кантемiра; но точно опредѣлить, когда онѣ имъ написаны, нѣтъ возможности; здѣсь возможны только догадки. Предполагаютъ, что онѣ написаны Кантемiромъ до отъѣзда его за границу, такъ

Съ разрѣшенiя Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЗРТЕЛЕВЪ П. 1.

какъ Кантемiръ пользовался здѣсь такими псалмами для переложенiя, въ которыхъ изображается угнетенiе людей невинныхъ и торжество богатыхъ, - въ этихъ пѣсняхъ выражается настроенiе Кантемiра въ царствованiе Петра II. Въ 1731 г. Кантемiръ уѣхалъ за границу, получивъ постъ нашего посла въ Лондонѣ, а затѣмъ въ Парижѣ. Но и тамъ, занимаясь дѣлами дипломатическими, онъ не оставлялъ занятiй литературою. Во время своего пребыванiя за границей Кантемiръ составилъ новую теорiю русскаго стихосложенiя, появленiе ея находится въ тѣсной связи съ стихосложенiемъ Тредьяковскаго. Въ 1735 г. появилась книга Тредьяковскаго "Новый и краткiй способъ къ изложенiю россiйскихъ стиховъ", въ которой онъ защищалъ тоническое стихосложенiе. Кантемiръ не вполнѣ примкнулъ къ теорiи тоническаго стихосложенiя, а самъ выработалъ систему смѣшанную - силлабо-тоническую: въ основу стиха кладется одинаковое количество слоговъ въ стихахъ и риема. Къ этому онъ присоединяетъ еще удареніе; онъ не допускаетъ чередованiя ударенiя по стопамъ, а указываетъ только нѣсколько опредѣленныхъ ударенiй, которыя долженъ имѣть тотъ или другой стихъ. Однако доводы его въ пользу этого оказываются очень произвольными. Такъ онъ говоритъ, что стихъ, состоящiй изъ 13 словъ, долженъ имѣть только два ударенiя, а именно на 12-мъ слогѣ, затѣмъ на 5-мъ или на 7-мъ, причемъ послѣ 7-го слога полагается цезура; такимъ образомъ были написаны имъ сатиры, напр. 1-я:

"Уме недозрѣлый плодъ | недолгой науки.
Покойся, не понуждай | къ перу мои руки.

Такого рода систему стихосложенiя, по замѣчанiю самого Кантемiра, онъ позаимствовалъ изъ итальянскихъ стиховъ.

Примѣнительно къ этой теоріи Кантемиръ передѣлалъ тѣ сатиры, которыя имъ были написаны въ Россіи, а именно первыя пять, измѣнивъ также ихъ изложеніе, IX же сатира осталась не передѣланной и существуетъ въ одной редакціи. Кромѣ передѣлки старыхъ сатиръ, Кантемиръ написалъ во время пребыванія за границей еще три, а именно 6, 7 и 8. Всѣ эти 8 сатиръ Кантемиръ въ 1743 г. собралъ вмѣстѣ и присоединивъ къ нимъ посвященіе Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, хотѣлъ издать ихъ, но это ему не удалось; также и раньше, еще въ 1731 г., когда имъ было написано еще 5 сатиръ, онъ тоже собралъ ихъ, присоединивъ посвященіе Императрицѣ Аннѣ, желая издать, но также потерпѣлъ неудачу. Поэтому мы имѣемъ двѣ редакціи, одна 1731 г. съ посвященіемъ императрицѣ Аннѣ, и другая 1743 г. съ посвященіемъ Елизаветѣ. Во время своего пребыванія за границей Кантемиръ работалъ въ области переводовъ; имъ переведены были оды Анакреона, посланія Горація и книжка Фонтенеля: "О множествѣ міровъ" это была популярная книжка по космографіи, здѣсь излагалась система астрономіи, при чемъ прибавлена была статья объ обитателяхъ на другихъ планетахъ. Въ XVIII вѣкѣ любили помечтать объ такомъ вопросѣ, и Фонтенель прибавилъ эту статью, чтобы оживить свой трудъ. При изданіи этой книжки Кантеміру пришлось много хлопотать для устраненія цензурныхъ затрудненій; дѣло въ томъ, что въ ней излагалась система Коперника, тогда еще новая и казавшаяся ревнителямъ вѣры несогласною со святою вѣрою. Затѣмъ Кантеміру приписывается еще II писемъ о природѣ и человѣкѣ, но можно сомнѣваться въ подлинной принадлежности ихъ Кантеміру, п.ч. тамъ есть указаніе на позднѣйшее ихъ происхож-

деніе. Теперь перейдемъ къ сатирамъ Кантеміра. Есть небольшая статья Жуковскаго въ Вѣстникѣ Европы, который онъ тогда издавалъ; въ ней онъ дѣлитъ всѣ сатиры Кантеміра на 2 группы: одну живописную, а другую философскую. Это дѣленіе довольно характеристичное. Дѣйствительно, присматриваясь къ сатирамъ Кантеміра, мы найдемъ, что въ нѣкоторыхъ преобладаетъ тонъ философскій, а въ другихъ живописный. Нужно сказать, что сатиры причислялись къ произведеніямъ дидактическимъ, имѣвшимъ въ виду нравственныя цѣли. Самый терминъ "дидактическій" указываетъ на двоякую сторону сатиры: она должна была бичевать пороки и высказывать то положительное міровоззрѣніе, ту точку зрѣнія, съ которой осмѣиваются пороки; только тѣ сатиры, которыя указываютъ на нее, впонѣ присоединяются къ разряду сатиръ. Въ настоящее время не высказываютъ тѣхъ основаній и точку зрѣнія, съ которой осмѣиваются пороки, но мы сами понимаемъ ее, а во время Кантемира нужно было эти осонванія высказывать. Во всѣхъ сатирахъ Кантеміра существуетъ, съ одной стороны, элементъ обличительный и поучительный, но въ однѣхъ сатирахъ преобладаетъ элементъ обличительный, а въ другихъ поучительный.

Къ I-й группѣ обличительныхъ или живописныхъ принадлежатъ: I-я сатира "На хулящихъ ученіе - или къ уму своему"; II-я сатира "На гордость и зависть дворянъ злонравныхъ"; III-я сатира "О различіи страстей человѣческихъ"; У-я сатира "На человѣческое злонравіе"; IX-я сатира "Къ солнцу". Заглавіе сатиръ этой группы уже само показываетъ, что содержаніе ихъ обличительное.

Ко 2-й группѣ - поучительныхъ или философскихъ принадлежатъ: УI-я сатира "Объ истинномъ блаженствѣ" и УII-я

"О воспитаніи".

Затѣмъ остаются еще двѣ сатиры IУ-я и УIII-я, но онѣ занимаютъ особое мѣсто - это автобіографическія.

IУ-я сатира "Къ музѣ своей, или объ опасности сатирическихъ произведеній". Содержаніе ея заключается въ разсужденіи относительно сатиры, какъ литературнаго рода произведеній. УIII-я - "На безстыдную нахальность". Здѣсь Кантеміръ знакомитъ насъ съ пріемами своей литературной рѣчи.

Сначала мы разсмотримъ сатиры живописныя, затѣмъ философскія, а потомъ уже перейдемъ къ автобіографическимъ.

Первая сатира написана въ I729 г. Она носитъ два заглавія: "Къ уму своему" и "на хулящихъ ученіе", изъ которыхъ одно указываетъ на форму сатиры, а другой - на содержаніе. По формѣ - обращеніе автора къ уму своему, по содержанію направлена противъ противниковъ образованія.

Что касается содержанія первой сатиры, то распространяться объ немъ нѣтъ надобности, поэтому передадимъ ея содержаніе вкратцѣ. Въ началѣ сатиры авторъ обращается къ своему уму и задается вопросомъ, не бросить ли перо, потому что безполезно предаваться литературѣ, такъ какъ она не цѣнится, на образованіе мало обращается вниманія, что самое трудное - достичь славы "будучи творцомъ"", посредствомъ наукъ, а скорѣе наживешь себѣ враговъ. Въ этихъ словахъ слышится раздраженіе Кантеміра, недовольство тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ: науки не цѣнятся, а невѣжество торжествуетъ надъ просвѣщеніемъ. Затѣмъ, послѣ этого предисловія, онъ выводитъ 4-хъ противниковъ образованія: это ханжа Критонъ, помѣщикъ Сильванъ, гуляка Лука и Щеголь - Медоръ. Критонъ - ханжа изъ ревности къ религіи, которая по его

мнѣнію, заключается въ обрядахъ, отрицалъ пользу образованія, говоря, что отъ наукъ происходятъ ереси и расколъ, что послѣдствіемъ образованія является распутство и вольнодумство, что стали уже свободно относиться къ вопросамъ религіознымъ, пренебрегать святыми обычаями старины. Этотъ типъ весьма интересенъ для насъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ типъ Критона живой, описываемый съ натуры, потому что и другіе писатели выводятъ его, Такъ Ѳ. Прокоповичъ, Татищевъ въ разговорѣ "о пользѣ наукъ и училищъ". Это полное согласіе между названными писателями въ изображеніи этого типа объясняется тѣмъ, что въ тогдашнемъ обществѣ дѣйствительно были такіе люди и такого рода воззрѣнія дѣйствительно высказывались; во-вторыхъ, обращаетъ на себя вниманіе то искусство сатирика, съ которымъ онъ рисуетъ намъ Критона, смѣшивающаго религіозные вопросы съ непитіемъ квасу. Вотъ какъ рисуетъ Кантемиръ Критона:

Расколы и ереси науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому далось больши разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ,
Критонъ съ чотками въ рукахъ, ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что передъ тѣмъ тихи и покорны
Праотеческимъ шли слѣдомъ, къ Божьей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали;
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣри подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,

Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали."

Критонъ, какъ мы видимъ, говорилъ, что подъ вліяніемъ образованія не стали уже ходить въ церковь, свѣчекъ не ставятъ, постовъ не соблюдаютъ; наряду съ этими религіозными вопросами онъ ставитъ и непитіе квасу и отказъ отъ соленаго мяса. Вообще подобное смѣшиваніе важнаго съ мелочами было въ характерѣ старины, такъ напр. Посошковъ въ книгѣ "о скудости и богатствѣ" часто впадаетъ въ мелочи, упуская изъ виду важное; въ его "завѣщаніи къ сыну" находятся тѣ же недостатки, такъ что здѣсь, повидимому, Кантеміръ нарочно и представляетъ Критона съ этими недостатками, подмѣтивъ эту черту у всѣхъ подобныхъ Критону людей.

Второй типъ, выводимый Кантеміромъ, это помѣщикъ Сильванъ - узкій утилитаристъ; онъ отвергаетъ пользу наукъ, по той причинѣ, что то не даетъ ему никакого дохода:

Сильванъ другую вину наукамъ находитъ;
ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Должно ль о томъ тужить дворянину?
Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ то есть дѣло
Знатнымъ полно подтверждать иль отрицать смѣло

Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобы строй міра и вещей вывѣдать премѣну,
Иль причину; глупо онъ горохъ лѣпитъ въ стѣну,
Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни, иль въ ящикъ
Хоть грошъ?.....

Далѣе онъ перечисляетъ науки: астрономію, химію, медицину, алгебру, минералогію и т.д. и говоритъ, что отъ нихъ пользы мало, такъ какъ отъ нихъ доходовъ не жди, скорѣе они распотрошатъ его мошну. Такія лица, какъ Сильванъ, тоже были на Руси, ибо Татищевъ, Посошковъ и Ѳ.Прокоповичъ упоминаютъ объ нихъ; такъ напр у Ѳ.Прокоповича въ его "разговорѣ горожанина, дьячкѣ и селянина", селянинъ подходитъ подъ типъ Сильвана, такъ какъ и тотъ по тѣмъ же причинамъ не видѣлъ пользы въ образованіи. Что касается сатирическаго изображенія этого типа у Кантеміра, то нужно сказать, что типъ Сильвана выведенъ слабѣе предыдущаго Критона. Сильванъ, человѣкъ вполнѣ невѣжественный, рисуется Кантеміромъ, какъ знающій всѣ науки и ихъ содержаніе, что немного странно въ устахъ невѣжды, кромѣ того изображеніе этого типа идетъ слишкомъ растянуто.

Теперь остаются еще два типическихъ представителя враговъ науки - Лука и Медоръ.

Лука это типъ весельчака, который возстаетъ противъ науки, потому что она уничтожаетъ дружбу людей.

Вотъ какъ его рисуетъ Кантеміръ:

...."Румяный, трожды рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:

Наука содружество людей разрушаетъ
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ приняли.

Чтожъ пользу иному, когда я запруся
Въ чуланъ; для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ, бумага?
Въ веселіи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати,
И такъ она недолга, на что коротати,
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ божественный, много въ немъ провору;
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору;
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободрять,
Жестокихъ мягчить сердца, угрюмость отводить,
Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.

Въ чисто сатирическомъ смыслѣ этотъ типъ менѣе удаченъ. Такихъ охотниковъ веселиться, можно найти всегда сколько угодно; да и самая рѣчь не соотвѣтствуетъ его характеру, такъ мы видимъ, что онъ въ слѣд. словахъ передаетъ намъ стихи Овидія |7-я элегія|:

"Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратяться назадъ минувшіе вѣки,
Когда въ постъ чернецъ ѣсть станетъ одну вязигу
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.

Для насъ представляется страннымъ, что этотъ противникъ науки, такъ прекрасно выражается стихами Овидія, съ которымъ онъ, очевидно, знакомъ, слѣд. до извѣстной степени онъ человѣкъ образованный.

Болѣе удаченъ Медоръ; это уже представитель новой эпохи. Онъ не чуждъ нѣкотораго образованія, которое, впрочемъ, у него сводится къ манерамъ, къ умѣнью порядиться, къ лицу завиться и т.д. Съ этой точки зрѣнія онъ является противникомъ науки:

"Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумагі исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ
Что не въ чемъ уже завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ[x] двухъ денегъ Виргилій не стоитъ,
Рексу[x] не Цицерону похвала достоитъ."

Для насъ интересно то обстоятельство, что Кантеміръ сильно нападаетъ на Медора. Такія личности, какъ Медоръ, вызываютъ у насъ теперь легкую усмѣшку, къ чему же Кантеміръ бросаетъ на нихъ столь сильные сатирическіе громы? Дѣло въ томъ, что въ XVIII в. такіе люди представляли серьезную опасность. Припомнимъ "Юности честное зерцало" и "Домострой" Каріона Истомина, гдѣ даются наставленія, какъ держать себя въ обществѣ. Слѣдовательно въ ту пору внѣшнему проявленію Европейскаго образованія придавали большое значеніе даже такіе люди, какъ Каріонъ Истоминъ и Татищевъ въ "Завѣщаніи къ сыну." Да это и понятно: русскіе знакомясь съ образованной Европой должны были сначала перенять у ней внѣшность. Слѣд. такой человѣкъ,

---

x| Егоръ - славный въ Москвѣ сапожникъ ум. 1729 г.

xx| Рексъ - лучшій портной въ Москвѣ, родомъ нѣмецъ.

какъ Медоръ, усвоивъ себѣ внѣшній лоскъ, считаетъ себя уже гораздо выше по образованію другихъ, можетъ быть людей болѣе ученыхъ, чѣмъ онъ самъ, но не обладающимъ искусствомъ держать себя въ обществѣ съ такою ловкостью, какъ Медоръ. Вотъ потому-то нашъ сатирикъ и нападаетъ такъ сильно на подобныхъ Медору, заслоняющихъ собою истинное образованіе. Послѣ атого Кантеміръ снова обращается къ уму своему:

"Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель ставить,
Что щеголь, Ханжа, скупецъ и такимъ подобны
Науку должны хулить, да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно."

Т.е. у сатирика является мысль, стоитъ ли обращать вниманіе на такихъ людей, и отвѣчаетъ, что къ сожалѣнію подобнаго рода типы не представляютъ исключеніе, но общи.

"Изряденъ, хваленъ твой судъ, такъ бы то быть должно,
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ.
А къ тому же не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя,
Исчелъ, илъ правду сказать, могъ исчесть смѣлѣя.
Полноль того? Райскихъ вратъ ключари святые,
И имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила святые,
Мало любятъ чуть не всѣ истинну украсу".

Въ подтвержденіе этого Кантеміръ рисуетъ типическія личности судью и епископа. Онъ нарочно выбираетъ такихъ людей, которые должны были бы быть образованными. Но цѣнятъ ли эти люди науку? Кантеміръ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно.

"Епископомъ хочешь быть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата

Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою
Клюку пышно повели везти предъ тобою
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
Долженъ архипастыремъ тя всякъ въ сихъ познати
Знакахъ, благовѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ? что съ нея пользы церкви будетъ
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отчего доходамъ вредъ, а въ нихъ церкви права
Лучшія основаны и вся церкви слава"...

Епископъ цѣнитъ только внѣшніе знаки своего званія и вовсе не цѣнитъ сущности образованія. Это тоже своего рода Медоръ, какъ тотъ дорожитъ фраками, модными сапогами и т.п.такъ и этотъ своими внѣшними знаками. Далѣе Кантемiръ рисуетъ предъ нами типъ судьи:

Хочешь ли судьею стать? вздѣнь перукъ съ узлами
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Еслижъ кто вспомнитъ тебѣ гражданскi уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы,
Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесну.
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подьячимъ должно лѣзть на бумажны горы,
А судьѣ довольно знать, крѣпить приговоры.

Въ виду того, что даже такiе люди вовсе не цѣнятъ науки, которымъ она болѣе всего необходима, человѣку искренне преданному наукѣ ничего не остается, по мнѣнiю Кантемiра,

какъ "въ углу таиться" и наслаждаться наукой про себя; эту мысль Кантемиръ высказываетъ въ обращеніи къ своему уму въ самомъ концѣ сатиры:

Таковы слыша слова и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай, въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится,
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая.
Пользу наукъ; не ищи изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

Этимъ и оканчивается первая сатира.

Вторая сатира носитъ заглавіе "Филаретъ и Евгеній", или "на гордость и зависть дворянъ злонравныхъ." Въ первой редакціи вмѣсто Филарета и Евгенія названы другія лица: "Аретофилосъ и Дворянинъ". Это заглавіе указываетъ на самое содержаніе сатиры, а именно она написана на гордость и зависть дворянъ.

Что въ этой сатирѣ мы имѣемъ дѣло съ живыми типами, то для этого достаточно припомнить Татищева - его "разсужденіе о новомъ положеніи дворянства". Въ концѣ этого разсужденія онъ останавливается на различіи должностей воинскихъ и гражданскихъ, гдѣ дѣлаетъ замѣтку о томъ, что дворянство у насъ не довольно выдвинуто: "сія разность чиновъ временная, но другая есть пребывающая и наслѣдственная, яко шляхетство, гражданство и подлость, а негдѣ четвертое счисляютъ духовенство. У насъ въ Уложеніи неколико шляхетство отъ прочихъ отмѣнно, токмо безъ основанія, недостаточно и неясно. Для того у насъ всякъ, кто только похочетъ, честь шляхетскую похищаетъ, тѣмъ

преимущество государя видится забыто." Татищевъ намѣренно выражается неопредѣленно, онъ хорошо зналъ, что Петръ Великій не только не забылъ шляхетства, но даже дѣйствовалъ наперекоръ этому сословію; съ этою цѣлію онъ установилъ "табель о рангахъ", чтобы разъ навсегда покончить съ мѣстническими счетами, которые приносили Россіи въ допетровское время очень много вреда. Петръ сословности предпочиталъ службу государственную. Но, какъ видно, для шляхетства такія мѣры его не были пріятны, что и высказываетъ Татищевъ. Правда Татищевъ лично ничего не имѣлъ противъ этого закона, а смотрѣлъ на него съ точки зрѣнія дворянъ, такъ какъ самъ то Татищевъ былъ знатенъ по происхожденію и высокъ по чину, но другіе, хотя были людьми родовитыми, однако не успѣли получить высокаго чина. Обратимся теперь къ содержанію второй сатиры.

Вторая сатира начинается такъ: Филаретъ встрѣчаетъ однажды своего друга Евгенія и, замѣтивъ, что его другъ ужасно похудѣлъ и грустенъ, начинаетъ строить различныя догадки о причинѣ такой перемѣны, но всѣ догадки кажутся ему мало вѣроятными, наконецъ онъ добирается до вѣроятной причины, можетъ быть Евгеній завидуетъ кому нибудь, кто, не будучи такъ высокъ родомъ, какъ онъ, оказался выше его чиномъ:

....А, а ! дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Трифону лента дана, Туллій деревнями
Награжденъ; ты съ пышными презрѣнъ именами.
Забыта крови твоей и слава и древность
Предковъ къ общества добру многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ;

А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ.

Оказывается, что Евгеній отгадалъ причину грусти Евгенія, который вспоминаетъ затѣмъ заслуги своихъ предковъ, даже - отца, и вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ о незнатности лицъ высокопоставленныхъ:

"Часть ты прямо отгадалъ. Хоть мнѣ не завидно,
Чувствую, сколь знатнымъ всѣмъ и стыдъ и обидно,
Что кто не всѣ еще стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ "сальныя", крича, "ясныя свѣчи
Горятъ"; кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высоку степень вспрыгнувши блистаетъ;
А благородство во мнѣ мое унываетъ,
И не сильно принести мнѣ никакой помочи.
Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри Гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу Родословную, записки приказны;
Съ прадѣдова прадѣда, чтобъ начать поближе,
Думнаго, намѣстника никто не былъ ниже;
Искусны въ мiру, въ войнѣ искусно и смѣло
Вершили ружьемъ, умомъ не одно тѣ дѣло.
Взгляни на пространныя стѣны нашей салы,
Увидишь, какъ рвали строй, какъ ломали валы.
Въ судѣ чисты руки ихъ, помнитъ челобитчикъ
Милости ихъ и помнитъ злу остуду обидчикъ.
А батюшка ужъ всѣмъ верхъ; какъ его не стало,
Государства правое плечо съ нимъ отпало.
Когда было выѣдетъ, всѣ долой съ дороги,

И шапочку снявъ, ему головою въ ноги.
Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
Что ни день, рано съ утра крестова набита
Тѣми, которыхъ теперь народъ почитаетъ,
И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками?
И когда батюшка промолвитъ къ нимъ хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмевъ, слезн у инова
Потекли съ глазъ съ радости, иной не спокоенъ
Всѣмъ наскучилъ хвастая, что былъ онъ достоинъ
Съ временщикомъ говорить, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатий явился.
Самъ ужъ суди, какъ легко мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣвъ забытымъ остаться,
Послѣднимъ видѣть себя, куды глазъ не вскину?

Филаретъ на эти возраженія отвѣчаетъ, что онъ цѣнитъ благородство только въ томъ случаѣ, если съ буквальнымъ смысломъ этого слова соединяется и переносный, т.е. онъ цѣнитъ знатность происхожденія, если она служитъ стимуломъ на государственной службѣ, если же этого нѣтъ, то чѣловѣкъ, гордящійся своимъ происхожденіемъ, похожъ на ворону въ павлиньихъ перьяхъ.

Слашалъ я важну твоей печали причину,
Позволь ужъ мнѣ мою мысль открыть и совѣтъ.
А вѣдай при томъ, что я лукавыхъ примѣты,
Лесть, похлѣбство не люблю: но сердце согласно
Съ языкомъ, что мыслитъ, то онъ вымолвитъ ясно.
Благородство, будучи заслугъ мзда, я знаю,
Сколь важно и много въ немъ пользы признаваю.

Почесть эта къ добрымъ дѣламъ многихъ ободряетъ,
Когда награду въ себѣ вершенныхъ являетъ.
|Сыщешь въ людяхъ таковыхъ, которымъ не дивны
Куча злата, ни домъ огромный, ни льстивый
На пуху покой, ни жизнь сколь бы ни прохладна;
Къ титламъ, къ славѣ до одной всяка душа жадна|.
Но тщетно имя оно ничего собою
Не значитъ въ томъ, кто себѣ своею рукою
Не присвоитъ почесть ту, добыту трудами
Предковъ своихъ. Грамота, плѣсенью и червями
Изгрызена, знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель,
Благородными явитъ одна добродѣтель".

Не довольствуясь общими соображеніями, Филаретъ прибѣгаетъ къ общему пріему: онъ противопоставляетъ друга его предкамъ. Въ противоположность предкамъ - онъ рисуетъ въ этомъ мѣстѣ въ лицѣ Евгенія современное дворянство. Эта часть полна интереса. Кантемиръ здѣсь въ яркихъ краскахъ рисуетъ намъ модника и франта, и не такъ слабо, какъ Медора въ I-й сатирѣ.

Пелъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душою
Грозно соплешь | спишь|, пока дня пробѣгутъ двѣ доли
Зѣвнулъ, растворилъ глаза, выспался до воли,
Тянешься ужъ часъ другой, нѣжишься, ожидая
Пойло, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая,
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

Лит. Богданова Эртелевъ п. 1.

Тамъ ужъ въ поченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину.
Часть надъ лоскимъ лбомъ торчать будутъ сановиты,
По румянымъ часть щекамъ, въ колечки завиты,
Свободно станетъ играть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ, новый Нарцисъ, жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ съ слуги валится
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится;
Избитъ полъ и подъ башмакъ стерто много мѣлу;
Деревню вденешь потомъ на себя ты цѣлу.

Этотъ дворянинъ слишкомъ преданъ своимъ соображеніямъ, что надѣть на себя къ лицу, сообразно съ возрастомъ, чиномъ, временемъ года, мѣстомъ и т.д.

Не столько стало народъ Римляновъ пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу и стройно
Сшить кафтанъ по правиламъ щегольства и моды:
Пора |время года| и мѣсто и твои разсмотрѣны годы
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ тебѣ въ обзу,
Нѣжну зеленъ въ городѣ не досаждалъ глазу
Чтобы бархатъ не отягчалъ въ лѣтню пору тѣло,
Чтобы тафта не хвастала среди зимы смѣло;
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
Какъ искусные попы всякаго дни звоны".

Евгеній путешествуетъ даже въ Европѣ съ цѣлью изучить моды.

Долголѣтняго пути въ краяхъ чужестранныхъ

Иждивенiй и трудовъ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ. Ущербя пожитки
Понялъ, что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ полъ аршина глубоки и ситой обшиты;
Согнувъ кафтанъ не были бъ станомъ всѣ покрыты,
Каковъ рукавъ долженъ быть, глѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа прибавить;
Въ лѣто иль осенью, въ зиму и весною
Какую парчу подбить достойно какою,
Что приличное нашить, сребро или злато,
И Рексу лучше тебя знать ужъ трудновато.

Но со всѣми этими недостатками Евгенiй соединяетъ въ себѣ еще кое-что, не совсѣмъ то похвальное, а именно:

Въ обѣдъ и на ужинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ, часто полъ подъ тобой вертится,
И обжирство тебѣ въ ротъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебя окружаетъ,
И глодая до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу и въ тебѣ хвалитъ разумъ смѣлый,
Сладко щекотятъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднятъ пузыремъ, чаешь, что подъ плечи
Не дойдетъ тебѣ людей все прочее племя.
Оглянись, намѣстниковъ царскихъ чисто сѣмя,
Тотъ же полкъ, лишь съ глазъ твоихъ, тебѣ ужъ смѣется
Скоро станетъ и въ глаза; притворство минется,
Какъ скоро сойдутъ твоихъ пожитковъ остатки.
|Боюсь я устъ, что въ лицо точатъ слова сладки|.
Ты самъ неотступно то время ускоряешь,
Изъ рукъ ты пестрыхъ пучки бумагъ не спускаешь.
И мечешь горстью твоихъ мозольми и потомъ

Предковъ скоплёно добро. Деревня со скотомъ
Не первая ужъ пошла въ бережную руку
Того, кто мало предъ симъ кормился отъ стуку
Молота по жаркому въ кузницѣ желѣзу.
Приложился сильный жаръ къ поносному рѣзу,
Часто любишь опирать щеки на грудь бѣлу;
Въ томъ проводишь прочій день и ночь почти цѣлу".

И такъ этотъ Евгеній франтъ и человѣкъ очень расточительный и преданный удовольствіямъ, но кромѣ того грубый невѣжда, онъ даже не въ состояніи прочитать подписи на картинахъ, свидѣтельствующихъ о подвигахъ его предковъ:

"Но тѣ, что на стѣнахъ твоей пространной сали
Видишь надписи, прочесть трудъ тебѣ не малый;
Чужой глазъ тебѣ нуженъ и помочь чужая
Нужнѣе, чтобъ знать названь черту, что копая
Воинъ предъ тобой ведетъ, укрываясь въ валу;
Чтобы различить, гдѣ отѣны часть одна помалу
Частымъ быстро-пагубныхъ пуль ударомъ пала;
Гдѣ грозно разсѣдшися земля вдругъ пожрала;
Къ чему тутъ войска одна часть въ четверобочникъ
Строится, гдѣ болѣе нуженъ ужъ спомочникъ
Рѣдкимъ полкамъ и гдѣ ужъ отмѣнны силы
Оплошнаго недруга надежду прельстили".

Далѣе идетъ изображеніе идеальнаго воеводы, моряка, судьи и придворнаго. Каждое изъ упомянутыхъ званій непремѣнно должно соединяться съ образованіемъ. Но Евгеній по образованію не годенъ ни для одного изъ этихъ званій, поэтому ему лучше ужъ молчать, чтобы хоть этимъ проявить свое благородство.

"Но положимъ, что твои заслуги и нравы
Достойнымъ являютъ тебя лучшей мзды и славы:
Тѣ, кои оной тебя неправо лишаютъ,
Жалки, что пользу свою въ тебѣ презираютъ;
А ты не долженъ судить, судятъ ли тѣ здраво,
Или самъ многимъ себя предпочтешь неправо?
Надъ всѣмъ же тому, кто родъ съ древняго начала
Ведетъ, зависть, какъ свиньѣ узда, не пристала,
Еще можно извинить, если знатный тужитъ,
Видя, что счастіе во всемъ слѣпо тому служитъ,
Кого сколь теменъ родъ, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры, ни въ людяхъ пріятны:
Но когда противное видитъ въ человѣкѣ,
Веселиться долженъ ужъ, что есть въ его вѣкѣ
Таковъ мужъ, кой добрыми свой родъ возвышаетъ
Дѣлами и полезенъ всѣмъ быть начинаетъ"...

Третья сатира посвящена архіепископу Новгородскому Ѳеофану Прокоповичу и носитъ заглавіе "О различіи страстей человѣческихъ". Это посвященіе Ѳеофану Прокоповичу было вызвано слѣд. обстоятельствомъ: первая сатира, какъ извѣстно, вскорѣ послѣ того, какъ она вышла изъ подъ пера своего автора, скоро стала распространяться въ рукописи безъ имени автора по рукамъ высшаго общества, между прочимъ одна рукопись попала также въ руки Ѳ.Прокоповича. Онъ, понявъ, что имѣетъ дѣло съ талантомъ, кромѣ того сочувствуя содержанію сатиры, такъ и самъ былъ однихъ съ авторомъ убѣжденій, постарался поддержать автора, что и выразилъ ему въ маленькомъ стихотвореніи, которое начинается такъ:

"Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю коликой достоинъ ты славы;
Да почтожъ было имя укрывати?
Знать тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ трикраты...."

Встрѣтивъ такой пріемъ отъ Ѳ.Прокоповича, Кантемiръ отблагодарилъ его, посвятивъ ему третью сатиру.

Заглавiе III-й сатиры вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанiю: Здѣсь мы находимъ цѣлую галлерею порочныхъ людей, подъ различными вымышленными именами. Передъ нами проходятъ: скупой, ханжа, самолюбивый, пьяница, гордецъ и т.д. Большая часть этихъ типовъ похожи на общiя сатирическiя мѣста. Самый интересный изъ выведенныхъ въ этой сатирѣ типовъ - типъ ханжи Варлаама. Вотъ какъ онъ изображается въ сатирѣ:

"Варлаамъ смиренъ, молчаливъ, какъ въ палату войдетъ,
Всѣмъ низко поклонится, ко всякому подойдетъ,
Въ уголъ свернувшись потомъ, глаза въ землю втупитъ;
Чуть слнхать, что говоритъ; чуть, когда ходитъ, ступитъ.
Безперечь четки въ рукахъ, на всякое слово
Страшное имя Христа въ устахъ тѣхъ готово.
Молебны пѣть и свѣчи класть склоненъ безъ мѣры
Умильно десятью въ часъ выхваляетъ вѣру
Тѣхъ, кои церковную славу расширили,
И великолѣпенъ храмъ Божiй учинили;
Души де ихъ подлинно будутъ наслаждаться
Вѣчныхъ благъ. Слово къ чему, можешь догадаться;
О доходахъ говорить церковныхъ склоняетъ;
Кто далъ, чѣмъ жирѣетъ онъ, того похваляетъ,
Другое всяко не столь дѣло годно Богу,
Тѣмъ однимъ легку сыскать можемъ въ рай дорогу.

Когда въ гостяхъ, за столомъ и мясо противно,
И вина не хочетъ пить, да то и не дивно:
Дома съѣлъ цѣлъ каплунъ и на жиръ и сало
Бутылки венгерскаго съ нуждой запить стало.
Жалки ему въ похотяхъ погибшіе люди,
Но жадно пялитъ съ подъ лба глазъ на круглы груди,
И женѣ бы я заказалъ своей съ нимъ знаться.
Безперечь совѣтуетъ гнѣва удаляться
И досады забывать; но ищетъ въ прахъ стерти
Тайно недруга; не дастъ покой и по смерти;
И себя льоя, бѣдный мнитъ: такъ, какъ человѣки,
Всевидцы, легко прельщать Бога вышня вѣки.

Пятая сатира носитъ слѣд. заглавіе: "На человѣческія злонравія вообще." Она написана въ формѣ разговора сатира съ періергомъ т.е. любопытнымъ Содержаніе ея слѣд.: однажды сатиръ встрѣтился съ періергомъ; а почему сатиръ, откуда онъ и зачѣмъ тутъ введенъ? Это объясняетъ самъ авторъ въ стихахъ 50 - 69. Тутъ говорится, что Панъ, царь лѣсовъ, чрезъ каждые три года разсылаетъ по нѣскольку сатировъ во всѣ края земли для наблюденія надъ нравами и дѣлами людей; по возвращеніи сатиры разсказываютъ Пану обо всемъ, что они видѣли, и Панъ, слушая ихъ потѣшался:

....."къ нему возвращаясь,
Сказуемъ, онъ слушаетъ, со смѣху надсаждаясь."

Въ нашей сатирѣ изображенъ такой сатиръ; онъ пробылъ уже два года въ одномъ русскомъ городѣ, наблюдая за нравами людей, и возвращается уже къ Пану, не будучи въ состояніи прожить среди столь распутныхъ людей третій годъ. На вопросъ періерга, достаточно ли ему было времени для ознакомл

нія съ нравами людей, сатиръ отвѣчаетъ, что для того, чтобы найти смѣшныя стороны въ человѣкѣ и изучить ихъ, достаточно одного мѣсяца и что онъ собраннымъ матеріаломъ можетъ доставить большое удовольствіе Пану. Затѣмъ, по просьбѣ Періэрга, сатиръ разсказываетъ ему все видѣнное и слышанное имъ, онъ рисуетъ намъ картину нравовъ, не лишенную оживленія. Сатиръ начинаетъ свой разсказъ. Онъ говоритъ, что прибылъ въ одинъ городъ и былъ пораженъ зрѣлищемъ, представившимся ему: вездѣ по городу валялись тѣла людей, солдатъ, стоящій на часахъ съ ружьемъ, былъ погруженъ въ глубокій сонъ; видя это странное зрѣлище, сатиръ подумалъ, что въ городѣ свирѣпствуетъ моръ, но присматриваясь поближе, онъ замѣтилъ, что эти тѣла людей поднимали и, поставивъ ихъ на ноги, тащили; Другіе же, будучи подняты, идутъ шатаясь и т.д. Изъ этого онъ понялъ, что всѣ должно быть пьяны:

"Прибылъ я въ городъ вашъ, въ день нѣкій знаменитый
Пришедъ къ воротамъ, нашелъ, что стоитъ какъ убитый
Мужикъ съ ружьемъ, который, какъ потомъ провѣдалъ,
Поставленъ былъ входъ стеречь; еще не обѣдалъ
Было народъ и солнце полкруга небесна
Не пробѣгло, а почти ужъ улица тѣсна
Была отъ лежащихъ тѣлъ. При взглядѣ я первомъ,
Чаялъ, что моръ у васъ былъ; да не пахнетъ стервомъ,
И вижу, что прочіе тѣхъ не отбѣгаютъ
Тѣлъ люди, и съ нихъ самыхъ ины поднимаютъ
Руки, ины головы тяжки и румяны;
И слабость ногъ лишь не даетъ встать; словомъ всѣ
пьяны;
Пьяны тѣ, кои лежатъ, прочи не трезвѣе,
Не обильнѣе умомъ, ногами сильнѣе.

Сатиръ въ недоумѣніи смотрѣлъ на это зрѣлище, не зная, что это такое; въ это время къ нему подходитъ старикъ почтеннаго вида и вступилъ съ нимъ въ бесѣду. Онъ сказалъ сатиру, что народъ сегодня весь пьянъ, такъ какъ сегодня празднуется день св. Николая; далѣе старецъ высказывалъ сожалѣніе, что падаетъ нравственность людей, съ горечью говорилъ о чашѣ съ ядомъ |виномъ|, которая губитъ тѣхъ людей. Сатиру понравились рѣчи этого почтеннаго старца, и по его предложенію, согласился поступить къ нему въ услуженіе. Но скоро пришлось ему убѣдиться, что этотъ старикъ, который съ такимъ жаромъ возставалъ противъ пороковъ людей, оказывается такимъ же негодяемъ, какъ и тѣ, которыхъ онъ бичевалъ въ своихъ рѣчахъ. Онъ былъ цѣловальникомъ и заставлялъ сатира таскать воду и лить ее въ вино. Сначала сатиръ безропотно исполнялъ это порученіе, но потомъ не удержался и съ укоромъ обратился къ старику, говоря, что онъ проповѣдуетъ одно, а дѣлаетъ другое: онъ тужилъ о потерѣ нравственности людьми, а теперь самъ служитъ разврату, продаетъ дурное вино; старику не понравилась такая рѣчь сатира и онъ прогналъ его отъ себя. Послѣ этого сатиръ поступилъ въ услуженіе къ дворецкому, который обкрадывалъ своего господина, проводившаго время въ развлеченіяхъ и не обращавшаго вниманія на хозяйство. Проживши здѣсь нѣкоторое время, сатиръ поступаетъ въ услуженіе къ самому господину Хирону, который, какъ оказалось потомъ, обкрадывалъ казну и былъ за это наказанъ. Поэтому и здѣсь сатиру не пришлось остаться на долго. Затѣмъ онъ поступаетъ къ нѣкоему Менандру, другу Хирона. Пока Хиронъ былъ богатъ, то Менандръ исполнялъ всякія прихоти и глупыя порученія Хирона:

Изъ друговъ Хирону былъ Менандръ всѣхъ любѣе,
Не для того, что ему мнится всѣхъ умнѣе
И зналъ лучше во всемъ подавать совѣты,
Но къ любовницамъ носилъ письма и отвѣты,
И ночныя устроялъ всѣ его забавы..."

Но когда Хирона постигла кара правосудія и онъ былъ лишенъ всего своего имущества, то Менандръ пересталъ даже ходить къ своему другу и покинулъ его въ несчастіи. Затѣмъ, сатиръ поступилъ на службу къ одному горожанину Милону, человѣку, какъ ему казалось, очень тихому и набожному. Но потомъ оказалось, что Милонъ былъ нрава очень сварливаго, да и вся семья изъ-за пустяковъ затѣвала ссоры, и нерѣдко приходилось испытать ихъ гнѣвъ и сатиру. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ такой ссоры изъ-за пустяковъ: однажды Милонъ служилъ у себя молебенъ. Во время молебна одинъ изъ сыновей его уронилъ платокъ, тогда поднялась страшная буря въ домѣ, такъ что даже священникъ, служившій молебенъ, и сатиръ должны были бѣжать во избѣжаніе непріятностей. Вотъ какъ рисуется эта картина въ сатирѣ:

Однажды въ избу я, вшедъ, нашелъ всю въ сборѣ
Семью, горитъ куча свѣчъ, попъ въ священномъ уборѣ,
Сказалъ въ себѣ: господа собрались молиться,
Посмотрю, страху тутъ нѣтъ, чтобъ могли браниться.
Но въ тотъ самый часъ одинъ изъ дѣтей, незнаю,
Зачѣмъ пошедъ, матерній платокъ, кой при краю
Лежалъ стола, уронилъ. Буря тотчасъ встала,
Отецъ сперва, потомъ мать волноваться стала,
И молитвы, и кресты, и земны поклоны
Различно сына ругать не даютъ препоны,
Винный извиняется, братья заступаютъ

Ворча, слово за слово ссору подымаютъ,
Шумъ и громъ ужъ не слыхать ни чтенья, ни пѣву.
Попъ, видя, что ужъ пришло дѣло не къ издѣву,
Спѣшитъ утолять огонь. Ему подражая,
И я прошу перестать, вину представляя
Распри маловажну быть, и что тутъ къ молитвѣ
Гдѣ любовь нужна, сошлись не къ брани и битвѣ.
Но вдругъ вижу, что свѣчи и книги летаютъ,
На попѣ ужъ борода и кудри пылаютъ,
И туша, кричитъ, бѣжитъ въ ризахъ изъ палаты,
Хозяинъ за мой совѣтъ мнѣ вмѣсто уплаты,
Налоемъ въ спину стрѣлнулъ; я съ лѣстницы скатился,
Спадшіе кудри мои тотчасъ схвативъ, роги
Прикрылъ., и ударился безъ оглядки въ ноги."

Вотъ картина жизни въ домѣ Милона.

Послѣ того сатиръ рѣшился уже прекратить свои наблюденія и возвратиться къ Пану. Продолжая затѣмъ изображать пороки людей, сатиръ, чтобы нагляднѣе представить ихъ, проводитъ параллель между жизнью людей и жизнью муравьевъ. Муравей, по его словамъ, довольствуется малымъ; между тѣмъ люди никогда не бываютъ довольны своимъ положеніемъ. Въ этомъ заключается, говоритъ онъ, главная причина людскихъ несчастій.

Послѣдняя живописная сатира IX. Эта сатира написана еще до отправленія за границу и написана силлабическимъ размѣромъ, такъ какъ авторъ забылъ исправить ее. Она носитъ двоякое заглавіе: "На состояніе свѣта сего" или "Къ солнцу". Одно изъ нихъ указываетъ на содержаніе сатиры, другое на ея форму. Въ началѣ авторъ обращается къ солнцу, онъ говоритъ, что солнце очень дивное свѣ-

тило, и уже въ древности считали его за бога, но, говоритъ Кантемiръ, я не могу согласиться съ этимъ, п.ч., если бы оно было богомъ, , то не могло бы спокойно взирать на пороки людей. Послѣ этого обращенiя къ солнцу, авторъ переходитъ къ описанiю различныхъ типовъ людей, преданныхъ порокамъ. Типы эти уже знакомы намъ по I-й сатирѣ. Здѣсь выводятся: ханжа, купецъ, священникъ, заботящiйся о своихъ собственныхъ интересахъ, оставляя безъ вниманiя свои прямыя обязанности - пасти стадо Христово и поучать его въ вѣрѣ. Онъ проповѣдуетъ, что тѣ люди, которые не даютъ денегъ на церковь и на духовенство,не спасутся. Вотъ какъ описывается этотъ типъ у Кантемiра:

.....Вонъ на пастырей взглянемъ,
Такъ тутъ то ужъ развѣ дивиться устанемъ,
Хочетъ ли кто божьихъ словъ въ церкви научиться
Отъ пастыря, то я въ томъ готовъ поручиться,
Что, ходя въ церковь не разъ, потомъ обольется,
А чуть ли о томъ отъ нихъ и слова добьется.
Если жъ бы онъ подошелъ къ попу на кружало
То ужъ тамъ однихъ ушей ему будетъ мало,
Не переслушаешь рѣчь его медоточну:
Опишетъ онъ тамъ кгугомъ церковь всю восточну.
Да какъ? Не ученiемъ вѣдь здравымъ и умнымъ,
Но суевѣрнымъ, и мозгомъ своимъ съ вина шумнымъ,
Плететъ тутъ безъ разсмотру и безъ стыда враки;
Въ первыхъ, какъ онъ искусенъ всѣ свершать браки,
Сколько разъ коло стола обводити знаетъ
И какой стихъ за всякимъ ходомъ припѣчаетъ...
Не знаю |говоритъ|, какъ тѣ люди спасутся,
Что давать намъ въ церковь и съ деньгами жмутся.

Вѣдь не съ добра моя въ заплатахъ де ряса;

Вонъ дома на завтра нѣтъ на что купить мяса".

Затѣмъ рисуется невѣжда, разсуждающій о богословскихъ вопросахъ, но обращающій больше вниманія на обрядовую сторону. Этотъ типъ мы уже видѣли въ 3-й сатирѣ, типъ Варлаама. Далѣе передъ нами является типъ купца, отличающагося повидимому набожностью, въ церкви не подымается съ колѣнъ и откладываетъ поклонъ за поклономъ, а между тѣмъ не гнушается обманывать людей и безъ пошлины продавать товары. Въ этой сатирѣ, въ которой мало новаго, мы находимъ однако нѣчто интересное и до сихъ поръ не встрѣчавшееся въ сатирахъ Кантемiра, это указанiе на положенiе Академiи Наукъ. По завѣщанiю Петра Академiя должна была состоять изъ 1| собранiя ученыхъ, 2| университета, и 3| гимназiи. Между тѣмъ это благое желанiе Великаго преобразователя не вполнѣ исполнилось. Университетъ то закрывался, то снова открывался; слушателей было мало, да и профессора не особенно охотно занимались съ учениками. Вотъ на эту то сторону дѣла и указываетъ Кантемiръ:

Вонъ дивись, какъ ученiя заводятъ заботы.
Строятъ безмѣрнымъ коштомъ тутъ палаты славны;
Славятъ, что ученiя будутъ тамо славны;
Тщатся хоть именемъ умножить къ намъ чести,
Коли не дѣломъ. Пишутъ печатныя вѣсти:
Вотъ завтра ученiя высоки начнутся,
Вотъ ужъ и учители Холмогорски сберутся:
Пусть какъ можно всякъ скоро о себѣ радѣетъ,
Кто оныхъ обучаться охоту имѣетъ.
Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ,
А пришедъ, комплиментовъ увидитъ не мало,

Высокихъ же наукъ тамъ тѣни не бываетъ.

Это самое интересное мѣсто въ сатирѣ, указывающее на неустройства Академіи.

Этимъ мы и закончимъ разсмотрѣніе живописныхъ сатиръ и перейдемъ теперь къ сатирамъ, которыя Жуковскій называетъ философскими. Сюда относятся сатира УІ и УІІ.

УІ сатира уже самымъ заглавіемъ своимъ указываетъ на то, что характеръ ея скорѣе поучительный. Между тѣмъ какъ прежнія сатиры озаглавливались, напр. "На хулящихъ ученіе" "На человѣческое злонравіе" и др., шестая сатира носитъ заглавіе: "Объ истинномъ блаженствѣ". Здѣсь Кантемиръ высказываетъ свой взглядъ на блаженство и говоритъ, въ чемъ заключается его идеалъ жизни. Этотъ взглядъ выясняется въ первыхъ стихахъ сатиры:

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ
Въ тишинѣ можетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
Небольшой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Даетъ нужное моей умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ и средню забаву,
Гдѣ бъ съ другомъ честнымъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишни часы прогнать скуки время,
Гдѣ бъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время,
Провождать межъ мертвыми Греки и Латины;
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
И учась, знать образцомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ нужно иль любезно
То одно желанія мои составляетъ".

Вотъ та картина, которая рисуется автору, какъ предѣлы его

~~его~~ желаній. Небольшой достатокъ, мирная тихая жизнь, невозмущаемая заботами, кружокъ избранныхъ людей, съ которыми можно было бы раздѣлить часы досуга, занятія литературой - вотъ идеалъ жизни нашего писателя. Эти же самыя воззрѣнія и думы Кантеміра мы встрѣчаемъ и въ первой сатирѣ, гдѣ онъ въ виду общаго поголовнаго невѣжества рекомендуетъ скрыться въ уединеніе и заниматься науками. Въ противуположность этой скромной уединенной жизни въ УІ сатирѣ выставляются стремленія честолюбивыя. Честолюбецъ, говоритъ Кантеміръ похожъ на человѣка, который взбирается на высокую гору по узкой тропинкѣ; рѣдко онъ достигаетъ вершины, большею частью ему удается это съ великимъ трудомъ. Бѣднякъ, прежде чѣмъ достигать почестей, долженъ много претерпѣть униженій, долженъ лгать, поддѣлываться подъ начальство - вообще играть роль Молчалина. Онъ долженъ уви-

ваться за начальникомъ, его женой и семействомъ: называть жену его кривую - Венерой, называть шальныхъ дѣтей начальника разумными и умными и т.п. Но, положимъ, рядомъ такихъ униженій честолюбецъ достигнетъ первой ступени почестей; а сколько хлопотъ ждетъ его потомъ на этомъ пути? Но, положимъ, наконецъ, онъ достигъ всего, чего желалъ, счастливъ ли онъ тогда? Нѣтъ, отвѣчаетъ Кантеміръ.

"Ужли покоенъ? Никакъ. Покой отнимаетъ
Домъ пышный и сладокъ сонъ съ глазъ того убѣгаетъ,
Кто на нѣжной подъ парчей постели ложится.
Сильна тревога въ сердцахъ богатыхъ таится;
Не столько волнуется море, когда съ сама
Дна двинетъ воды его зла буря упряма.
Зависть шепчетъ, буде въ слухъ говорить не смѣетъ,
Безпрестанно на тебя, хоть и одолѣетъ.

Десятью достоинство твое, погибаетъ
Наконецъ, хотя вины самъ своей не знаешь,
.....
Добродѣтель лучшая есть наша украса;
Тишина ума подъ ней и своя мнѣ воля
Всего драгоцѣннѣе.....

Въ концѣ сатиры авторъ снова возвращается къ картинѣ блаженства, нарисованной имъ въ началѣ. По поводу идеала, нарисованнаго авторомъ въ этой сатирѣ, возникаетъ нѣкоторое недоумѣніе. Во-первыхъ, является вопросъ, насколько искренен былъ Кантемiръ, описывая мирную сельскую жизнь, рекомендуя довольство немногимъ, между тѣмъ какъ самъ принимаетъ на себя важный постъ резидента въ Лондонѣ; здѣсь, повидимому, мы находимъ противорѣчіе, Кантемiръ проповѣдуетъ одно, а поступаетъ иначе. Во-вторыхъ является недоумѣніе касательно общественнаго значенія того идеала, который рисуетъ Кантемiръ, въ общемъ ходѣ русской исторической жизни. Дудышкинъ упрекаетъ Кантемiра, что онъ выставляетъ идеалъ чисто эгоистическій; по этому идеалу счастье заключается въ какомъ то утонченномъ наслажденіи. То ли нужно говорить у насъ на Руси въ то время, когда общественное сознаніе было еще такъ мало развито и чувствовалась робость мысли? Но мнѣ кажется, что то и другое мнѣніе несправедливо. Относительно перваго - именно отношенія идеала къ личной жизни Кантемiра, дѣйствительно мы здѣсь видимъ, повидимому, рѣзкое противорѣчіе; но чтобы правильно судить объ этомъ, вникнемъ хорошенько въ истинное положеніе Кантемiра. Онъ получилъ образованіе подъ руководствомъ иностранцевъ и потомъ хотѣлъ отправится за границу для довершенія своего образованія, но, какъ

мы знаемъ, ему не удалось это. Это противодѣйствіе еще болѣе развило въ немъ желаніе видѣть Зап.Европу и осуществить свою завѣтную мечту, которую поддерживали и учителя его - ученые академики. Принявъ это во вниманіе, мы можемъ объяснить себѣ тотъ фактъ, что онъ принялъ на себя постъ посла; другимъ путемъ онъ не могъ отправиться за границу. Далѣе, читая дипломатическія донесенія Кантеміра, получаемъ такое впечатлѣніе: Кантемірь, какъ человѣкъ умный, хорошо понималъ дипломатическую игру, но не былъ дипломатомъ по призванію. Въ его донесеніяхъ часто встрѣчаются жалобы на коварство дипломатовъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, а особенно на коварство французскаго министра Флери. Эти жалобы показываютъ, какъ мало походилъ Кантемірь на окружавшихъ его дипломатовъ. Хорошій дипломатъ не тотъ, который жалуется, а на котораго жалуются. Так.Обр. дипломатическая игра не могла увлечь Кантеміра; другого рода дѣятельность была ему болѣе по душѣ. Среди служебныхъ занятій онъ находилъ время заниматься науками, знакомиться съ знаменитыми литераторами и учеными |Монтескье|, онъ не переставалъ работать для русской литературы, и за время своего пребыванія за границей написалъ нѣсколько сатиръ, слѣдилъ за успѣхами русской литературы; прочитавъ сочиненіе Тредьяковскаго о стихосложеніи, онъ усвоилъ особый размѣръ |тоническо-силлабическій| и написалъ имъ нѣсколько произведеній. Так.обр. нужно предположить, что скорѣе обстоятельства, чѣмъ личная склонность заставили Кантеміра избрать родъ службы, который не соотвѣтствовалъ его идеалу. Не смотря на занятія по службѣ, онъ старался удовлетворять стремленіямъ

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

своего идеала и, стало быть, былъ вѣренъ себѣ. Второе недоумѣніе, касающееся общественнаго значенія идеала, начертанного Кантеміромъ, въ ходѣ русской жизни, мы разберемъ позже по окончаніи разбора всѣхъ сатиръ.

Перейдемъ теперь къ УІІ сатирѣ "О воспитаніи", написанной къ князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому. Почему вопросъ о воспитаніи интересовалъ Кантеміра? Придти къ нему онъ могъ совершенно естественно. Если онъ говоритъ о болѣзни общества, то естественно было указать на лѣкарство отъ нея; говоря о порокахъ общества, естественно было и указать на средства, которыя дѣлали бы людей лучшими. Между людьми стараго поколѣнія Кантемiръ встрѣчалъ только Критоновъ, Сильвановъ, между молодежью Медоровъ; попадались, правда, Филареты, но очень рѣдко. А для того, чтобы люди дѣлались нравственными, необходимо воспитаніе, проникнутое нравственными принципами. Основная мысль УІІ сатиры слѣд: вся сумма убѣжденій и нравственныхъ воззрѣній человѣка опредѣляется впечатлѣніями, полученными имъ съ дѣтства. Эту мысль Кантемiръ высказываетъ прямо въ примѣчаніи къ этой сатирѣ: "часто мы примѣчаемъ, что люди злыхъ своихъ дѣлъ причину сваливаютъ на слабость тѣла и ума, приписывая так.обр. жалость свою несовершенству природы." Стихотворецъ старается этой сатирой опровергнуть такое неправое мнѣніе и, напротивъ, доказать, что мы правильнѣе должны приписывать страсти свои воспитанію, котораго потомъ нѣкоторыя правила предписываетъ.

Въ слѣд. стихахъ К. доказываетъ, что наше міросозерцаніе слагается не подъ вліяніемъ наслѣдственности, а подъ вліяніемъ впечатлѣній:

"Каково бы отъ природы сердце намъ ни пало,

Есть, есть время нѣкое, въ кое злу не мало
Склонность уймемъ, буде всю истребить не можемъ,
И утвердиться въ добрѣ дрброму не можемъ.
Время то суть перьвыя младенчества лѣта.
Чутко ухо, зорокъ глазъ новый житель свѣта
Пялитъ, всяка вещь ему примѣтна, все ново
Будучи, все съ жадностью сердце въ немъ готово
Принять: что туды вскользнетъ, скоро вкоренится,
Буде руки приложитъ, повадка потщится,
На веревкѣ силою повадки танцуемъ.
Большу часть всего того, что въ насъ приписуемъ
Природѣ, есть ли хотимъ изслѣдовать зѣло,
Найдемъ воспитанья одного быть дѣло...

Отсюда само по себѣ вытекаетъ важность воспитанія, что къ сожалѣнію немногіе у насъ понимаютъ. Петръ прекрасно понималъ всю важность воспитанія, но послѣ него это дѣло оставили въ сторонѣ:

И зналъ то мудрымъ умомъ монархъ одаренный
Петръ, отецъ нашъ, никакимъ трудомъ утомленный,
Когда труды его намъ въ пользу были нужны.
Училище основалъ, гдѣ промыслъ услужный
Въ пути добродѣтелей умѣлъ бы наставить
Младенцевъ, осмѣлился и престолъ оставить
И покой; самъ странствовалъ, чтобъ подать собою
Примѣръ въ чужихъ братъ краяхъ то, что надъ Москвою
Сыскать нельзя: сличные человѣку нравы
И искусства. Былъ тотъ трудъ корень нашей славы:
Мужи вышли годные къ мирнымъ и военнымъ
Дѣламъ, внукамъ памятны нашимъ отдаленнымъ.
Но скоро полезные презрѣнны бываютъ
Дѣла, кои лакомымъ чувствамъ не ласкаютъ.

Кучу къ кучѣ накоплять, домъ построить пышной,
Развесть садъ, развесть заводъ, расчистить лѣсъ лишной
Дѣтямъ ужъ богатое оставит наслѣдство
Печемся, потѣемъ въ томъ: каково ихъ дѣтство
Проходитъ - рѣдко на умъ двумъ или тремъ всходитъ;
И у кого не одна въ бездѣлкахъ исходитъ
Тысяча, малѣйшаго расхода жалѣетъ
Къ наставленію дѣтей; когда же шалѣетъ
Сынъ, въ возрастъ пришедъ, отецъ тужитъ и стыдится;
Напрасно свалить вину съ плечъ своихъ онъ тщится:
Богатства сыну копилъ, презрѣлъ въ сердцѣ нравы
Добры всадить. Богатъ сынъ будетъ, но безъ славы
Проживетъ, мало любимъ, и свѣту презрѣнный,
Буде въ петлю не вбѣжитъ плутъ ужъ совершенный.

Какія же воззрѣнія Катеміра на воспитаніе? Всѣ его воззрѣнія могутъ быть сведены къ слѣдующему пункту: нравственное воспитаніе нужно предпочитать умственному развитію. Онъ прямо говоритъ, что лучше предпочесть человѣка съ простымъ умомъ, но чистою совѣстью, человѣку съ острымъ умомъ, но злымъ сердцемъ.

Есть ли бъ изъ двухъ нуженъ былъ выборъ неотмѣнный
Съ чистою совѣстью умъ избралъ бы я простый,
И оставилъ бы я съ злымъ сердцемъ разумъ острый.
Ввѣрилъ бы я все добро тому, кто съ чужого
Стыдится жирѣть добра, хотя онъ немного
Счету знаетъ, и рубить числа долженъ въ полку;
А грошъ не далъ бы беречь другому, что въ свалку
Глотаетъ одну свернувъ домъ и пашни,
Хоть числитъ онъ лучше всей Сухаревской башни.

Главная задача воспитанія по Кантеміру - утвердить сердце

младенца въ добрыхъ нравахъ. Но какъ этого достигнуть? Средствомъ для этого онъ рекомендуетъ наставленія, но 1| нужно дѣлать ихъ въ удобное время, потому что, дѣлая ихъ постоянно, можно ими наскучить ребенку, во 2| не слѣдуетъ наставленія сопровождать угрозами, потому что ими можно сдѣлать ребенка существомъ забитымъ, но лучше нужно вызвать дѣятельность ребенка похвалами:

"Завсегда дѣтямъ твердя строгіе уставы,
Наскучишь, истребишь въ нихъ всяку любовь славы,
Есть ли часто предъ людьми обличать ихъ станешь;
Дай имъ время и играть; самъ себя обманешь,
Буде станешь торопить лишно спѣша дѣло;
Наединѣ исправлять можешь ты ихъ смѣло.
Ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей исправитъ,
Чѣмъ суровость въ цѣлый годъ; кто часто заставитъ
Дрожать сына предъ собой, хвальну въ немъ загладитъ
Смѣлость и безвременно торопѣть повадитъ.
Счастливъ, кто надеждою похвалъ возбудить знаетъ
Младенца....."

Кромѣ наставленій, громадную роль въ дѣлѣ воспитанія играетъ примѣръ. Кантемиръ указываетъ при этомъ на животныхъ: орла, собаку, курицу, козловъ, утокъ, которые своимъ примѣромъ научаютъ своихъ дѣтенышей; тутъ же онъ беретъ двухъ братьевъ, которыхъ воспиталъ одинъ и тотъ же учитель, и изъ которыхъ одинъ вышелъ человѣкомъ гуманнымъ, прилежнымъ, ласковымъ, добрымъ; другой - яростнымъ, гордымъ, безпощадимъ, человѣкомъ продажнымъ, не задумывающимся предать даже родного отца; К. при томъ говоритъ, что такое различіе между братьями могло только произойти благодаря примѣрамъ людей, ихъ окружающихъ:

Примѣръ наставленія всякаго сильняе:

Онъ и скотовъ слѣдовать родителямъ учитъ.
Орлій птенецъ быстръ летитъ, щенокъ гончій мучитъ
Курицъ въ дворѣ, лобъ со лбомъ козлята сшибаютъ;
Утята, лишь изъ яйца выдутъ, плавать знаютъ.
Не смыслъ учитъ, не совѣтъ: того не имѣютъ,
Сего не льзя имъ подать; подражать умѣютъ.
Съ двухъ братьевъ, кои росли подъ тѣми жъ глазами,
И коихъ тотъ же крушилъ учитель лозами,
Одинъ добродѣтелей хвальную дорогу
Топчетъ; ни надежда свесть съ нея, ни страхъ ногу
Его не могли, въ своей должности онъ вѣренъ
И прилеженъ, ласковъ, тихъ и въ словахъ умѣренъ,
Въ бѣдности смотрѣть кого сухими глазами
Не можетъ, сердцемъ даетъ, что даетъ руками.
Другой гордостью надутъ, яростенъ безщаденъ,
Готовъ и отца предать, къ большимъ мѣшкамъ жаденъ,
Казну крадетъ царскую, и тѣмъ сломя шею,
Весь ужъ слѣдъ въ петлю бѣжитъ, въ казнь должну злодѣ
Въ томъ, по счастью, добрые примѣры скрѣпили
Совѣтъ, въ семъ примѣры злы они истребили.

Кантемiръ рекомендуетъ при воспитанiи дѣтей, описавъ различные пороки, указывать на примѣры, т.е. на людей, терпящихъ справедливое наказанiе за свою порочную жизнь. а именно, на печальнаго, блѣднаго, постоянно трепещущаго за свое богатство скрягу; на вора, попавшаго въ тюрьму, до которой довела его лѣнь, на болѣзни сластолюбца.

Если бъ я сыновнюю могъ унять скупость,
Описавъ злонравiя и гнусность, и глупость,
Смотри, сказалъ бы ему, сколь Игнатiй бѣденъ

Всякой часъ мучитъ себя: мнишь ли ты счастливу
Жизнь въ обительствѣ такову? Если бъ чрезъ-чуръ тщиву
Руку его усмотрѣлъ, пальцемъ указалъ бы
Тюрьму, гдѣ сидитъ Клеархъ, и всю разсказалъ бы
Потомъ жизнь Клеархову, чрезъ мѣру прохладну.
Если бъ къ подлой похоти видѣлъ склонность жадну,
Привелъ бы его смотрѣть Мелита въ постели,
И гнусны черви, что весь носъ его объѣли...

|Подражаніе Горацію *lib.* I, *Sat.* IУ.|

Въ виду того, что примѣры играютъ такую важную роль въ воспитаніи, Кантемiръ совѣтуетъ осторожно выбирать мамокъ и дядекъ, которымъ ввѣряются дѣти еще въ младенческихъ годахъ, потому что ихъ примѣръ скорѣе всего можетъ повліять на ребенка, что онъ подтверждаетъ примѣрами, а кромѣ того, и самимъ родителямъ онъ рекомендуетъ быть осторожнѣе и сдержаннѣе въ своихъ поступкахъ въ присутствіи своихъ дѣтей:

Филипъ выросъ пьяница? пьяница былъ сродникъ,
Кой вскормилъ. Мартинъ блядунъ? дядька его сводникъ.
У Савки вѣкъ на губахъ правда не садится,
И вретъ, что на умъ взойдетъ, что въ ночь ни приснится?
Лгуньи бабушки его помнимъ безконечны
Басни, коими надоѣлъ язнкъ скоротечный.
Сильвія круглую грудь рѣдко покрываетъ,
Смѣшкомъ сладкимъ всякому льститъ, очкомъ мигаетъ,
Бѣлится, румянится, мушекъ съ двадцать носитъ;
Сильвія легко даетъ, что кто ни попроситъ,
Бояся досаднаго въ отказѣ отвѣта?
Такова и матушка была въ ея лѣта.
Обычно цвѣтъ чистоты первый увядаетъ

Отрока въ объятіяхъ рабыни; и знаетъ,
Унести младенецъ что, небомъ и землею
Отлыгаться предъ отцомъ,- наставленъ слугою.
Слуги язва суть дѣтей. Родителей - злѣе
Всѣхъ примѣръ. Часто дѣти были бы честиѣе,
Если бъ и мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собои владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали....
|Ср. послѣдніе стихи съ I4 сат. Ювенала|.

Вотъ главныя воззрѣнія Кантеміра на воспитаніе. Но нужно замѣтить, что эти воззрѣнія его не оригинальны, а заимствованы отъ англійскаго мыслителя Локка, главнаго представителя сенсуалистической школы, который отрицалъ врожденныя дарованія у человѣка и все развитіе его духовной дѣятельности ставилъ въ зависимости отъ первыхъ впечатлѣній получаемыхъ съ дѣтства. Но не одинъ Кантеміръ заимствовалъ этотъ взглядъ у Локка, даже и въ вѣкъ Екатерины II держались того же воззрѣнія на воспитаніе, о чемъ мы скажемъ подробнѣе, когда будемъ слѣдить за литературой въ царствованіе Екатерины.

Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію сатиръ Кантеміра - автобіографическихъ. Къ сатирамъ автобіографическимъ во-первыхъ, относится IУ сатира, которая носитъ заглавіе: "Къ музѣ своей", или "О опасности сатирическихъ сочиненій." Само заглавіе указываетъ уже на дальнѣйшее содержаніе этой сатиры. Сатирикъ обращается къ музѣ, чтобы она разрѣшила его недоумѣніе, продолжать ли ему свою сатирическую дѣятельность или нѣтъ:

Муза, не пора ли слогъ отмѣнить твой грубый,
И сатиръ ужъ не писать? Многимъ тѣ не любы,
И ворчитъ ужъ не одинъ, что гдѣ нѣтъ мнѣ дѣла,

Тамъ мѣшаюсь, и кажу себя черезчуръ смѣла.

Чѣмъ же вызывается это колебаніе у сатирика? Сатира вызываетъ злобу людей, сатирой человѣкъ пріобрѣтаетъ себѣ много враговъ:

Вотъ Кондратъ съ товарищи, сказнваютъ, дышетъ
Гнѣвомъ, и стряпчихъ собравъ, челобитну пишетъ,
Имѣя скоро меня ужъ на судъ позвати,
Что хвала Клитесовъ нравъ, тщуся умаляти
Пьяницъ добрыхъ и съ ними кружальны доходы.
А Никонъ, тверды одни любящій доводы,
Библею, говорятъ, всю Острожской печати
Съ доски до доски прошолъ, и не три тетрати
Наполнивъ, мудрые въ нихъ доводы готовитъ,
Что нечистой въ тебѣ духъ бороду злословитъ,
Что законоломное и невѣрныхъ дѣло
Полосатой мантію ризою звать смѣло.
Иной не хочетъ писать указъ объ отказѣ,
Что о взяткахъ говоритъ обычныхъ въ приказѣ.
Однимъ словомъ, сатира, что чистосердечно
Писана, колетъ глаза многимъ всеконечно.
Ибо всякъ въ семъ зеркалѣ какъ станетъ сотрѣти,
Мнитъ, зная себя, лицо свое ясно зрѣти.

Во-вторыхъ, сатира не только вызываетъ враждебное чувство у другихъ, но даже не даетъ удовлетворенія самому автору:

"Муза, свѣтъ мой, слогъ твой мнѣ творцу ядовитый;
Кто всѣхъ бить нахалится, часто живетъ битый,
И стихи, что чтецамъ смѣхъ на губы сажаютъ,
Часто слезъ издателю причина бываютъ.
Знаю, что правду пишу и именъ не значу,
Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердце о злонравныхъ плачу"..

Послѣднія слова Кантеміра напоминаютъ слова Гоголя: "дано мнѣ чудной властью смотрѣть на міръ сквозь видный смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы", которыя свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что творческое состояніе такихъ поэтовъ сопровождается страданіемъ.

Въ 3-хъ, сатира безполезна. Можно бы было еще помириться со всѣмъ, усли бы сатира приносила пользу. Кантемірь говоритъ, что если невозможно путемъ сатиры убѣдить перемѣнить моду, тѣмъ труднѣе убѣдить людей перемѣнить свои нравы:

"Чего жъ плакать, что народъ хромаетъ душою?
Еслибъ правдой все идти, таскаться съ сумою.
Таковъ обычай; уйми, чтобъ шляпъ не носили
Маленькихъ, или живутъ пусть люди, какъ жили.
Лучше насъ пастыри душъ, которыхъ и нравы
И должность есть исправлять народные нравы,
Да молчатъ; на что всупать со всѣмъ свѣтомъ въ ссору
Зимой дровъ никто не дастъ, ни льду въ лѣтнюю пору.

Въ 4-хъ можно пожалуй бы утѣшаться тѣмъ, что на этомъ поприщѣ можно найти славу, но Кантемірь въ этомъ отношеніи отличается скромностью, онъ не смѣетъ даже сравнивать себя съ великими сатириками: Ювеналомъ, Персіемъ, Гораціемъ и Буало.

"Буде ты указывать смѣешь Ювенала,
Персія, Горація, мысля, что какъ встала
Имъ отъ сатиръ не бѣда, но многая слава;
Что какъ того же Боало причастникъ былъ права,
Такъ ужъ и мнѣ, что слѣды ихъ топчу, довлѣетъ
То жъ счастье. Позволь сказать, что умъ твой шалѣетъ.
Истая Зевсова дочь перо ихъ водила;
Тебя чуть ли не съ другимъ кѣмъ Память родила.

Въ нихъ шутки вмѣстѣ съ умомъ цвѣтутъ превосходнымъ,
И слова гладко текутъ, какъ рѣка природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ кто зритъ себѣ досадно,
Не въ досаду себѣ мнитъ, что сказано складно.
А въ тебѣ что таково? безъ всякой украсы
Болтнешь, что не дѣлаютъ черица однѣ рясы.
Такъ ли теперь говорятъ, такъ ли живутъ въ людяхъ?
Медъ держи на языкѣ, а желчь всю прячь въ грудяхъ,
И врагъ смертный будучи, тщись другомъ казаться,
Если хочешь нѣчто быть, и умнымъ назваться..."

Вотъ рядъ соображеній, которыя заставляютъ Кантеміра колебаться: отказаться ли отъ сатирической дѣятельности, или продолжать ее вопреки всему. Послѣ этихъ соображеній Кантеміръ перечисляетъ также и другіе роды литературы и задаетъ себѣ вопросъ: почему бы ему не выступить на какомъ либо изъ нихъ? Но лишь только онъ умственно представитъ себя на другомъ литературномъ поприщѣ, онъ начинаетъ горячиться и чувствовать себя неспособнымъ къ другому роду литературной дѣятельности, кромѣ сатирической:

"Однимъ словомъ сатиру намъ писать лишь сродно,
Въ другомъ неудачливы: съ нравомъ же неходно
Моимъ, не писавъ прожить въ лѣности съ тобою.
Каковъ бы мой ни былъ рокъ, смѣлою рукою
Злой нравъ станемъ мы пятнать вездѣ нестудно..."

Это заявленіе таланта очень любопытно. Онъ чувствуетъ всю тяжесть сатирической дѣятельности, но отказаться отъ нея не можетъ. Сатира оканчивается твердою рѣшимостью, не смотря на нападки злыхъ людей, продолжать дѣйствовать на сатирическомъ поприщѣ, потому что люди беззлобные поймутъ его, и онъ окажетъ имъ великую пользу:

Беззлобны беззлобные наши стихи возлюбятъ,
И охотно станутъ честь, надѣясь, что сгубятъ,
Можетъ быть, иль уменьшатъ злые людей нравы.
Сколько тѣмъ придастся имъ и пользы и славы

Сатира XIII носитъ заглавіе: "На безстыдную нахальчивость Въ самомъ началѣ сатиры Кантемiръ говоритъ, что счастливъ тотъ человѣкъ, который быстро пишетъ стихи, не заботясь о томъ, какъ они написаны:

"Счастливъ тотъ, кто, на одной ногѣ стоя, двѣсти
Стиховъ пишетъ въ часъ одинъ, и что день, полдести
Измараетъ: не смотря на то, какъ ни пишетъ,
Мало суетясь, какой вѣтръ на дворѣ дышетъ"...

Напротивъ самъ, написавъ сатиру, долго еще направляетъ и чиститъ ее, это вызывается сознаніемъ важности своей дѣятельности:

"Избравъ силамъ своимъ трудъ равный и способный,
Пущу перо, но въ уздѣ; херить не лѣнюся;
Много ль, мало ль напишу стишковъ, не пекуся,
Но смотрю, чтобъ здравому смыслу рѣчь служила,
Не нужда мѣры слова безпутно лѣпила;
Чтобъ всякое на своемъ мѣстѣ стоя слово,
Не слабо казалося, ни столь лишно ново,
Чтобъ въ безплодномъ звукѣ умъ не могъ понять дѣло.
Во всемъ между тѣмъ смотрю, не чрезчуръ ли смѣло,
Не досадна ли кому рѣчь, что съ пера сплыла,
Стрегучись, чтобъ, хуля злы нравы, не открыла
Злонравнаго ясная чрезмѣру примѣта..."

Чѣмъ же объясняется такая щепетильность писателя? Это объясняется двумя обстоятельствами: во I-хъ, серьезнымъ отношеніемъ къ сатирѣ нашего писателя. Онъ сравниваетъ са-

тирика съ хирургомъ: какъ хорошій хирургъ дѣлаетъ насъ здоровыми, отрѣзая больныя части тѣла и выпуская изъ насъ испорченную кровь, такъ и сатирикъ, бичуя пороки, способствуетъ нравственному исправленію людей:

"Видалъ ли искуснаго когда рудамета,
Въ жирномъ тѣлѣ кровь пущать больному въ отраду?
Руку сего обвязавъ, долго, часту, сряду
Напружену щупаетъ жилу сверху, сбоку,
И сталь впустивъ, смотритъ, чтобъ не весьма глубоку
Ни узку, ни широку распороть въ ней рану,
Чтобъ не проткнуть, чтобъ подъ ней не нанесть изъяну
Того осторожности точно подражаю,
И когда стихи пишу, мню, что кровь пущаю.
Кончавъ дѣло, надолго тетрадь въ ящикъ спрячу.
Пилю и чищу потомъ, и хотя истрачу
Большу часть прежнихъ трудовъ, новыхъ не жалѣю;
Совсѣмъ тѣмъ стихи свои я казать не смѣю...."

Во 2-хъ, причиною такой отрицательной отдѣлки сатиръ, какъ говоритъ намъ самъ Кантемiръ, была его природная стыдливость, боязливость и недовольство собою, что было для нашего писателя источникомъ многихъ огорченiй въ жизни, такъ что Кантемiръ въ шутку говоритъ, что счастливъ только нахальный человѣкъ:

"Стыдливымъ, боязливымъ и всегда собою
Недовольнымъ быть во мнѣ природы рукою
Втиснено, иль отческимъ совѣтомъ изъ дѣтства.
Здравый смыслъ часто потомъ и труды и бѣдства
Грозилъ мнѣ, еслибъ я сталъ смѣлъ и стыдъ оставилъ.
И съ тѣхъ поръ туды я шелъ, куды онъ направилъ.

Вѣрилъ всегда, что лицо, на коемъ садится
Часто красный цвѣтъ стыда, вдвое становится
Красивѣе, и даетъ знаки неоспорны
Внутреннія доброты; что языкъ проворной,
Когда бѣжитъ безъ узды, долженъ спотыкаться;
Что смѣлость только тогда хвальна можетъ зваться,
Когда нудимся прогнать злобу нашей воли,
Иль законно рвемъ вѣнцы съ вражіихъ рукъ въ полѣ,
Когда клеветниковъ ложь гнусну обличаемъ,
Иль невинность слабую право защищаемъ
Что кто выше всѣхъ себя цѣня, повышаетъ,
Достойнымъ похвалъ самъ себя не почитаетъ.
Теперь тѣ свойства мои чувствую умиленъ,
Сколь вредны мнѣ, и ужь избыть ихъ не силенъ.
Вредны не въ одномъ лишь томъ, что мѣшаютъ смѣло
Стихи писать и казать, и, какъ многи, дѣло
Свои въ люди выводить, самъ то восхваляя.
Часто счастливый случай, что у пальцевъ края
Моихъ лежалъ, упустилъ, не посмѣвъ вжать въ руку;
Часто безконечныхъ вракъ тяжку снесъ я скуку,
Потѣя, сжимаяся, и нѣмѣя клуши,
Стыдясь сказать? пощади мои, дружокъ, уши.
Между тѣмъ другой, кому боги благосклонны
Дали мѣдное лицо, дабы всѣ законны
Стыда чувства презирать, не рдясь, не блѣднѣя,
У всякихъ стучитъ дверей, предъ всякимъ и шея
И спина гнется его; въ отказу задору
Не знаетъ, скучая всѣмъ, дерзокъ безъ разбору.
Сотью прогнанъ, сотью онъ воротится сряду,
Ни слугъ, ни господскую помня досаду.

И такъ съ степени въ степень счастье онъ возноситъ;
Чтобъ избыть его , даютъ ему, что ни проситъ...

Теперь, познакомившись съ этими сатирами, мы легко можемъ понять взглядъ Кантеміра на истинное блаженство, который онъ проводитъ въ УІ сатирѣ. Тамъ онъ рисуетъ мирную сельскую жизнь, посвященную наукамъ. Нѣкоторые изслѣдователи упрекали Кантеміра за то, что онъ рисуетъ идеалъ эгоистическаго счастія. Справедливъ ли такой взглядъ? Припомнимъ І-ю сатиру, гдѣ Кантеміръ говоритъ, что человѣку, стремящемуся къ наукѣ - ничего другого не остается, какъ только уединиться отъ людей:

"Молчи, уме, не скучай въ незнатности сидя;
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что ти дала знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хуху злую."

Въ этихъ словахъ, повидимому, ставится цѣлію только личное счастье, именно - уединиться и веселить себя науками.

Въ УІ-ой же сатирѣ Кантеміръ, рисуя идеалъ счастія мирнаго, прибавляетъ такія слова:

Степенямъ блистающихъ именъ не дивися
И богатствъ болшихъ; живи тихъ, ища, что честно
Что и тебѣ и другимъ пользуетъ не лестно
Къ нравовъ исправленію; слава твоя вѣчно
Между добрыми людьми жить будетъ конечно.
Да хоть бы невѣдомъ дни скончалъ, и по смерти

Свѣту остался забытъ; силенъ ты былъ, стерши
Зубъ зависти; ни трудовъ твоихъ мзда пропала;
Добрымъ быть, собою мзда есть уже не мала.

Въ этой сатирѣ, какъ видно изъ приведенныхъ стиховъ, Кантемiръ ставитъ цѣлью жизни изученiе полезнаго и честнаго для пользы себя и другихъ. Итакъ въ I-й сатирѣ Кантемiръ говоритъ, что нужно заниматься наукой и литературой. Для чего же? Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ УI сатирѣ "живи тихъ", для того, чтобы принести пользу себѣ и другимъ. Изъ этихъ двухъ мѣстъ видно, что К. на занятiя наукой и литературой смотритъ, какъ на особаго рода службу отечеству. Мысль сатирика такая: Одинъ можетъ служить отечеству мечемъ, другой въ качествѣ судьи, а онъ на сатирическомъ поприщѣ. Когда мы знакомились съ IУ и XIII сат., то видѣли, что онъ выбралъ себѣ родъ занятiй самый трудный, но на которомъ онъ надѣется принести больше всего пользы. Взглядъ на свою сатирическую дѣятельность К. высказалъ въ примѣчанiи ко 2-ой сатирѣ первой редакцiи: "Все, что я пишу, пишу по должности гражданина." Здѣсь онъ прямо говоритъ, что смотритъ на свою литературную дѣятельность, какъ на гражданскiй долгъ. Этотъ взглядъ Кантемiра очень возвышенный и въ свое время новый. Въ XУIII в. переплетались два взгляда, по одному, литературная дѣятельность - особая гражданская служба, а по другому - легкая забава. Это видно изъ того, что тогда давали порученiя нашимъ академикамъ написать стихи на какой-нибудь случай, не рабирая спецiальностей этихъ академиковъ; такъ, какой-нибудь академикъ математикъ или философъ коптѣлъ, сочиняя стихи на тотъ или другой торжественный случай: такъ въ 1750 г.

академикамъ Ломоносову и Тредьяковскому указомъ было повелѣно составить по трагедіи. Представителемъ другого взгляда былъ В.К.Тредьяковскій, который смотрѣлъ на литературную дѣятельность, какъ на десертъ послѣ твердыхъ кушаній.

Изъ примѣчанія ко 2-й сатирѣ видно, что К. смотрѣлъ на свою литературную дѣятельность, какъ на исполненіе гражданскаго дѣла, а слѣд. цѣнитъ въ ней услуги обществу. Это воззрѣніе К. считалось новостью, что видно уже изъ того, что ему приходилось такъ настойчиво защищать его. Признавая за литературною дѣятельностью самостоятельное значеніе, К. старался выяснить этотъ общій взглядъ на литературу, разрѣшая нѣкоторыя частныя недоразумѣнія, какія могли являться въ обществѣ, въ которомъ господствовалъ взглядъ на литературу, какъ на отправленіе своего рода государственной службы. Въ посланіи "къ стихамъ своимъ" К. предвидитъ, напр., такой упрекъ:

"Другіе, что въ такомъ я трудѣ упражнялся,
Ни возрасту своему приличномъ, ни чину,
Хулить станутъ: лишной часъ скажутъ, имѣть трудно
И стихи писать всегда безразсудно.

Это замѣчаніе характеризуетъ намъ общество русскихъ людей 18 вѣка. Они считаютъ занятія К. литературой - отклоненіемъ его отъ исполненія своихъ обязанностей пола и порицаютъ его за это. Въ примѣчаніи къ этимъ стихамъ К. такъ оправдывается отъ этого упрека: "жизнь человѣческая столь коротка, что многимъ кажется, что впрямь, когда кто какую должность имѣетъ, лишнихъ часовъ ему не остает-

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

ся; но если подробно изслѣдуемъ, сколько времени теряемъ напрасно въ чрезмѣрномъ снѣ, въ обѣдѣ и ужинѣ, и наипаче въ медленности начать дѣло, узнаемъ, что много бъ времени намъ ко всякимъ упражненіямъ осталось, еслибъ оное умѣли мы употреблять. Къ тому, если кто на всякій день четверть одну часа |которую не трудно изъ цѣлыхъ сутокъ себѣ спасти| употреблять въ письмѣ, произойдетъ отъ этого малаго труда въ годъ не малая книга. Безпрерывный трудъ, сколь не малъ временемъ, вельми споръ."

Эта необходимость объяснять эти вещи показываетъ уже намъ, какъ трудно было бороться русскому писателю, оправдывая свои взгляды на литературу.. Кантемiръ зналъ уровень образованія своихъ современниковъ, чѣмъ и объясняется странность, наблюдаемая въ сатирахъ Кантеміра - приводить комментаріи на каждое произведеніе. Къ тому же К. въ своихъ комментаріяхъ объясняетъ самыя простыя вещи, какъ напр. миѳолог. имена, историческія и т.п. Это намъ показываетъ ясно, что уровень образованія русскаго общества былъ крайне низокъ. Въ заключеніе намъ необходимо нѣсколько общихъ замѣчаній относительно литературнаго и историческаго значенія сатиръ Кантеміра.

Въ посланіи "Къстихамъ своимъ" онъ между прочимъ говоритъ, что можетъ быть найдутся люди, которые будутъ упрекать его въ подражательности:

"Зависть васъ пошевеля, найдетъ, что я новыхъ
И древнихъ окралъ творцовъ, и что вру по русски
То, что по римски, давно ужъ и по французски
Сказано красивѣе".-

Такой упрекъ ожидаемый К. имѣетъ мого основаній. Самъ К. признается, что онъ подражалъ многимъ писателямъ. Въ

предисловіи къ I-му изданію сатиръ онъ говоритъ: "Я въ сочиненіяхъ Горацію и Буало французу наипаче послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ"; а также въ другомъ мѣстѣ говоритъ:

Что далъ Горацій, занялъ у француза,
О сколь собою бѣдна моя муза.
Да вѣрно, ума хоть предѣлы узки
Что взялъ попольски, заплатилъ по русски."

И дѣйствительно, чужого, заимствованнаго въ сатирахъ Кантеміра не мало, какъ въ планѣ, фабулѣ сатиръ, такъ и въ самомъ содержаніи. Такъ I-я сатира представляетъ подражаніе Буало, 2-я - Ювеналу, 3-я - Θеофросту, планъ 4-й и 5-й - Буало, 6-я Горацію, 7-я Ювеналу. Кромѣ того, въ частностяхъ отдѣльныя мѣста его сатиръ представляютъ подражанія, а иногда буквальный переводъ съ образца, такъ напр. въ словахъ Сильвана: "Когда по небу сохой бразды водить станутъ," и т.д сказывается переводъ изъ 7-й элегіи Овидія. Прослѣдить эти заимствованія очень легко: самъ сатирикъ въ примѣчаніяхъ добросовѣстно указываетъ свои заимствованія у того или другого писателя. Горацій, Ювеналъ, Овидій, Виргилій, Плавт., Сенека, Буало, Вольтеръ - вотъ тѣ писатели, которымъ въ томъ или другомъ отношеніи подражалъ Кантеміръ.

Чтожъ сказать объ этой подражательности Кантеміра? Слѣдуетъ ли за это его порицать, или его подражательность была неизбѣжна?

Подражательность К. не только была неизбѣжною, но оказывалась даже полезною. Кантеміру приходилось самому пробивать себѣ литературную дорогу. Правда и прежде были на Руси такія произведенія, которыя можно отнести къ разряду сатирическихъ; въ петровскую эпоху мы также находимъ слѣды такого рода произведеній; такъ въ произведеніяхъ Петра Ве-

ликаго и Ѳ.Прокоповича находимъ не мало произведеній сатирическихъ, но у насъ не было еще сатиры въ смыслѣ дидактической лирики, затѣмъ въ литературѣ Зап.Европы господствовала псевдо-классическая теорія, писатели подражали въ формѣ древнимъ. Русскіе писатели, впервые выступая на литературное поприще, поневолѣ должны были усвоить тѣ манеры изложенія произведеній, которыя господствовали на образованномъ Западѣ. Требовать отъ Кантеміра, чтобы онъ сразу возвысился надъ литературой Запада и пренебрегъ господствовавшимъ направленіемъ, невозможно: наша литература была еще очень слаба, т.е. она на первыхъ порахъ могла проявиться только въ подражаніи. Это подражаніе могло быть также и полезнымъ, еслибы К. ограничился въ подражаніи только формой, тогда онъ могъ бы представить живыя картины русской жизни. Но дѣло въ томъ, что К. не ограничивался въ своемъ подражаніи только формой, но заимствовалъ также и содержаніе, при чемъ не умѣлъ подчасъ примѣнить его къ дѣйствительной русской жизни. Сатирическій талантъ у К. несомнѣнно былъ: живые типы Критона, Сильвана, Луки, Мелора, Евгенія, Варлаама ясно говорятъ о немъ. Къ сожалѣнію кругъ наблюдательности нашего сатирика, рано удалившагося отъ русской дѣйствительности былъ ограниченъ. Перечисленными выше типами, въ числѣ которыхъ, нужно сказать, типъ Мелора былъ новымъ типомъ, въ первый разъ выведеннымъ въ литературѣ, почти и ограничивается все живое, самобытное въ сатирахъ Кантеміра. Остальные выведенные имъ типы представляютъ общія сатирическія мѣста присущіе каждой національности пороки. Такъ напр., 3-я сатира представляетъ собою галлерею пороковъ, гдѣ оригинальнаго, самобытнаго нѣтъ ничего. Еслибы выбрать изъ сатиръ К. всѣ тѣ картины, въ которыхъ онъ изображаетъ русскую

жизнь, то получится весьма скудный матеріалъ, который туманно обрисуетъ намъ общество его современниковъ. Образцы, которымъ слѣдовалъ К. не остались безъ вліянія и на положительные взгляды нашего сатирика. Такъ напр. въ сатирѣ "о воспитаніи" онъ не является оригинальнымъ мыслителемъ, а основывается на воззрѣніяхъ Локка, а отчасти видно вліяніе и Ювенала. Упрекать К. въ томъ, что онъ заимствовалъ эти взгляды, мы не можемъ; онъ стремился къ тому, чтобы пересоздать окружающее его общество, изыскивалъ разныя средства и при этомъ ему необходимо было остановиться на воспитаніи. Здѣсь онъ по необходимости д.б. высказать тотъ взглядъ, который существовалъ на этотъ счетъ на Западѣ. Но въ упрекъ ему можно поставить то, что онъ заимствовавъ воззрѣнія, не приноровилъ ихъ къ русской дѣйствительности. Онъ проводитъ въ этой сатирѣ мысль, что предпочитаетъ нравственное воспитаніе человѣка умственному, онъ говоритъ, что если бы ему представили на выборъ человѣка образованнаго, но не получившаго нравственнаго воспитанія и человѣка необразованнаго, но нравственнаго, то онъ предпочелъ бы послѣдняго. Этотъ взглядъ о преимуществѣ нравственнаго воспитанія передъ умственнымъ впослѣдствіи раздѣляла Екатерина II и главный помощникъ ея въ дѣлѣ воспитанія и образованія - Бецкій. Но Кантемiръ, провозглашая такую мысль, не подумалъ, не противорѣчитъ ли она тогдашней русской жизни. Вѣдь, говоря такъ, онъ, повидимому становится на сторону тѣхъ людей, которыхъ онъ самъ осмѣивалъ въ I-й сатирѣ въ лицѣ Критона. Вѣдь, послѣдній возстаетъ противъ науки именно во имя нравственности. Онъ говоритъ: "дѣти наши позабыли добрый нравъ"- подъ вліяніемъ науки. Кантемiръ, осмѣивая Критона, желалъ, чтобы

воззрѣнія послѣдняго перемѣнились и чтобы онъ позналъ необходимость образованія. Ѳ.Прокоповичъ въ своемъ произведеніи "Разговоръ поселянина, дьячка и горожанина" высказывалъ мысль, что только посредствомъ образованія можно сдѣлаться нравственнымъ человѣкомъ и, говоря это, онъ ясно понималъ потребности русскаго общества. Необходимо нужно было доказать обществу, что наука не только не противорѣчитъ нравственности, но даже способствуетъ ея развитію. Кантемиръ же, увлекшись воззрѣніями Локка, господствовавшими на Западѣ, не принялъ во вниманіе русской жизни, а также и того, что это воззрѣніе противорѣчило его прежде высказаннымъ убѣжденіямъ. То же пренебреженіе къ требованіямъ и условіямъ русской жизни выразилось въ сатирѣ объ "истинномъ блаженствѣ." Высокій взглядъ на служеніе наукѣ и литературѣ, какъ и служеніе обществу, выраженъ здѣсь словами Горація; и вотъ чужая форма опять затемнила здѣсь содержаніе, дала поводъ къ обвиненіямъ сатирика въ эгоистическомъ удаленіи отъ жизни и общественной дѣятельности. Какъ мало обращалъ К. вниманія на условія современной ему русской жизни, это ясно видно изъ одного мѣста въ 5-й сатирѣ, гдѣ сатирикъ указываетъ какъ на причину бѣдствій человѣческихъ, на неумѣнье человѣка быть довольнымъ своимъ жребіемъ, онъ приводитъ здѣсь въ примѣръ, между прочимъ, крестьянина, завидующаго будто бы долѣ солдата. Едва ли мы можемъ сказать, что тогда были такіе крестьяне, припомнимъ, что крестьяне оплакивали тѣхъ, которые поступали въ военную службу. Нельзя вообще не указать на неумѣнье нашего сатирика искусно слить въ своихъ произведеніяхъ свое оригинальное съ чужимъ заимствованіемъ.

Что касается вліянія сатиръ К. на русское общество, то отрицать его конечно нельзя. Сильное впечатлѣніе произвела I-я сатира, вызвавшая восторженные отзывы |въ стихахъ| со стороны Ѳ.Прокоповича и Ѳеофила Кролика. Объ успѣхѣ Кантеміровыхъ сатиръ упоминаетъ и Ломоносовъ въ отзывѣ объ одномъ изъ произведеній Сумарокова: "Сатиры князя А.Д.Кантеміра, писалъ Ломоносовъ, съ общею аппробаціею приняты, хотя въ нихъ всѣ страсти всякаго чина людей самымъ острымъ сатирическимъ жаломъ проницаются". Но едвали кругъ вліянія этихъ сатиръ былъ очень значителенъ. Не слѣдуетъ забывать, что русскихъ печатныхъ изданій К. до I762 г. не было. До этого времени русское общество знакомилось съ ними или въ рукописяхъ, или въ переводахъ |такъ въ I749 г. является франц. переводъ, а Въ I752 г. появился нѣмецкій переводъ сатиръ Кантеміра|.

ВАСИЛІЙ КИРИЛЛОВИЧЪ ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Познакомившись съ дѣятельностью Кантеміра, перейдемъ къ современному ему писателю В.К.Тредьяковскому. Сынъ священника В.К.Тредьяковскій родился въ Астрахани въ I703 г. Въ Астрахани въ то время проживало много армянъ-католиковъ, для удовлетворенія духовныхъ потребностей которыхъ тамъ жило много капуциновъ. Они устроили тамъ элементарную школу для обученія мальчиковъ, тамъ обучался и Тредьяковскій. Но школа эта не могла удовлетворить Тредьяковскаго, а возбудила только сильную жажду знаній. Подобно Ломоносову въ I723 г. онъ оставилъ родительскій домъ, пришелъ въ Москву, гдѣ и поступилъ въ Заиконоспасскую школу, будучи уже 20-и лѣтъ. Но здѣсь онъ оставался только 3 года, а именно до I726-го; отсюда для окончательнаго образованія онъ отправился за границу. Что же влекло его по-

бывать въ чужихъ краяхъ? Можетъ быть съ одной стороны онъ поддавался общему теченію русскаго общества тогдашняго времени - путешествовать за границу съ цѣлью получить образованіе, съ другой стороны на него можетъ быть сильно подѣйствовали разсказы астраханскихъ капуциновъ объ иноземной жизни, обычаяхъ и наукѣ. Но какъ бы то ни было, въ 1726 г. Тредьяковскій прибылъ въ Петербургъ, гдѣ онъ сѣлъ на корабль и пріѣхалъ въ Голландія къ нашему тамошнему послу Головкину. Но не Голландія была предметомъ стремленій Тредьяковскаго - его влекло во Францію, въ Парижъ. Онъ еще на родинѣ познакомился съ французскимъ язнкомъ и литературой. Изъ Голландіи Т. пѣшкомъ отправился въ Парижъ. Тамъ онъ нашелъ все, чего и ожидалъ, - это видно изъ его стихотворенія: "Стихи похвальныя Парижу":

Красное мѣсто! драгой берегъ Сенски!
Тебя не лучше поля Елисейски:
Всѣхъ радостей домъ и сладка покоя,
Гдѣ ни зимня нѣтъ ни лѣтня зноя.
Надъ тобою солнце по небу катаетъ
Смѣясь, а лучше нигдѣ не блистаетъ.
Зефиръ пріятный одѣваетъ цвѣты
Красны и воины чрезъ многія лѣты.
Чрезъ тебя лимфы текутъ всѣ прохладны,
Нимфы гуляя поютъ пѣсни складны.
Любо играетъ и Аполлонъ съ музы
Въ лоры и въ гусли, также и въ флейтузы.
Красное мѣсто. Драгой берегъ Сенски.
Гдѣ быть не смѣетъ манеръ деревенски:
Ибо все держитъ въ себѣ благородно,
Богамъ, богинямъ, ты мѣсто природно.

Лаоръ напаяютъ твои сладки воды,
Въ тебѣ желаютъ быть всѣ роды:
Точитъ млеко, медъ и веселье мило,
Каково нигдѣ истинно не было.

Красное мѣсто. Драгой берегъ Сеиски.
Кто тебя не любитъ? развѣ бъ былъ духъ звѣрски.
А я не могу никогда забыти,
Пока имѣю здѣсь на землѣ быти".

Что же такъ влекло его въ Парижъ? Съ одной стороны влекла его наука; мы знаемъ, что онъ усердно работалъ тамъ надъ своимъ образованіемъ; такъ, въ Сорбоннѣ, славившейся тогда богословскимъ факультетомъ, онъ занимался богословіемъ, философіей, математикой, литературой; но особенно сильное впечатлѣніе произвели на него лекціи историка Роллеия. Тутъ Т., какъ говоритъ самъ онъ, получилъ аттестатъ, который онъ потерялъ на обратномъ пути на родину, - и мы не имѣемъ никакого права не вѣрить его словамъ. Кромѣ науки, Т-скому нравилась парижская жизнь и общество. Онъ нашелъ покровительство у нашего посла въ Парижѣ - Куракина, черезъ котораго онъ и вошелъ въ высшее парижское общество. Тогдашнее французское общество, блестящее по внѣшности, но испорченное внутри, нравилось молодежи, которая стремилась отдать дань молодости, чего не избѣжалъ и Тредьяковскій. Въ 1730 г. онъ уѣхалъ изъ Парижа; на возвратномъ пути онъ долго прожилъ въ Гамбургѣ, потомъ въ Петербургѣ у студента Ададурова. Въ Москвѣ онъ познакомился съ Семеномъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ и пользовался его покровительствомъ. Немного спустя онъ былъ представленъ императрицѣ Аннѣ, въ честь которой онъ написалъ стихотвореніе, носящее заглавіе "Пѣснь Аннѣ". Несмотря на такія обширныя знакомства, Т. не занялъ вид-

наго поста среди ученыхъ и литераторовъ, онъ только былъ прикомандированъ въ переводчики къ Академіи Наукъ. Въ 1735 г. было организовано изъ переводчиковъ особое собраніе, именно "Россійское собраніе" съ тою цѣлью, чтобы оно собиралось разъ въ недѣлю и читало переводы; при этомъ имѣлось въ виду, что переводчики будутъ исправлять другъ у другъ переводы, вслѣдствіе чего они будутъ лучше. Тредьяковскій, когда было организовано это собраніе, задумалъ придать ему видъ Академіи, по образу Ришельевской Академіи, которая представляла собственно не собраніе ученыхъ, а собраніе литераторовъ. Эти литераторы заботились о выработкѣ стиля и литературнаго вкуса. Эти планы Т. высказалъ въ рѣчи при открытіи этого собранія, гдѣ говорилъ объ обширныхъ задачахъ его: о выработкѣ русскаго литературнаго языка, не только практической, но и теоретической, т.е., чтобы это собраніе давало не только образцы литературной рѣчи, но и вырабатывало правила литературнаго языка. Оно, по плану Т. должно было составить русскій словарь, риторику, грамматику и теорію стихосложенія; при чемъ Т. намекалъ на то, что онъ имѣетъ въ виду представить одну изъ своихъ работъ, а именно теорію стихосложенія. Но эти планы Т. не были выполнены; но замѣчательно то, что его мысли считались тогда здравыми, это видно изъ того, что гораздо позже при Екатеринѣ II была основана Россійская Академія, которая и привела въ исполненіе планы Тредьяковскаго. Но Т. не довольствовался своимъ скромнымъ положеніемъ переводчика, онъ во что бы то ни стало, хотѣлъ попасть въ академики, но его не выбирали, тогда онъ подалъ въ сенатъ, прося назначить его въ академики на кафедру элоквенціи россійской и латинской. И вотъ въ 1745 г. Вас.

Кириловичъ указомъ сената назначенъ былъ въ академики и въ томъ же году были выбраны въ академики Ломоносовъ и Крашенниковъ. Товарищи академики относились къ Т. не слишкомъ дружелюбно за то, онъ былъ назначенъ помимо ихъ воли. Въ должности академика Т. оставался съ 1745 - 1759. Въ 1759 г. онъ вышелъ въ отставку и посвятилъ остатокъ своей жизни переводной литературѣ и педагогическимъ трудамъ; онъ открылъ нѣчто въ родѣ пансіона. Умеръ онъ въ 1769 г.

Тредьяковскій былъ очень трудолюбивымъ писателемъ; о трудолюбіи его свидѣтельствуетъ слѣдующій случай: Вас. Кир. переводилъ многотомную исторію Ролленя, и когда работа была доведена почти до конца, въ домѣ его случился пожаръ и уничтожилъ его долгій трудъ, но онъ не упалъ духомъ и перевелъ ее въ другой разъ. Отъ него осталось много произведеній. Онъ очень рано началъ писать стихи: уже въ заиконоспасской школѣ онъ написалъ двѣ драмы: "Язонъ" и "Титъ", но онѣ до насъ не дошли. Первымъ по времени стихотвореніемъ изъ тѣхъ, которыя дошли до насъ, было стихотвореніе, написанное имъ предъ отправленіемъ за границу, гдѣ онъ высказываетъ радость по поводу своего отправленія; оно носитъ такое заглавіе: "пѣсенка, которую я сочинилъ, еще будучи въ Московскихъ школахъ на мой выѣздъ въ чужіе края".

Весна катитъ, Взрыты брозды
Зиму валитъ, Цвѣтутъ грозды
Ужъ листикъ съ древомъ шумитъ Кличетъ щегликъ, свищутъ дрозды
Поютъ птички Льются воды,
Со синички и погоды
Хвостомъ машутъ и лисички Да вѣдь знатны намъ походы.

Канатъ рвется,
Якорь бьется
Знать корабликъ понесется.
Ну жъ плыть спѣшно,
Не помѣшно
Плыви смѣло то успѣшно.

Ахъ! широки
И глубоки.
Воды морски разбьютъ боки
Весь заставятъ,
Не оставятъ
Добры вѣтры и приставятъ
Плюнь на суху,
Морску скуку
Держись черней, а знай штуку:
Стать отишно
И не пышно,
Такъ не будетъ волнъ и слышно.

Во время пребыванія за границей онъ неутомимо продолжалъ развивать свой мнимый талантъ и на русскомъ и на франц. языкѣ; изъ этихъ стихотвореній первое мѣсто занимаютъ любовныя нѣсенки: "Баладъ о томъ, что любовь безъ заплатъ не бываетъ отъ женска пола"; "Басенка о непостоянствѣ дѣвушекъ"; "Пѣсенка къ красной дѣвушкѣ, которая стыдится и будто не вѣритъ, что она хороша"; "Объявленіе любви французской работы"; "Прошеніе любви"; "Пѣсенка любовна"; "Стихи о силѣ любви"; "Объявленіе любви одной дѣвицѣ, которая всегда любила черниньку собачку на рукахъ держать" "Желаніе, учиненное одной дѣвицѣ"; "Пѣсня къ любовнику и любовницѣ обручившимся"; "Пѣсня одной дѣвицѣ - вышедшей замужъ"; "Похвала всякой милой"; "Прощаніе при разлученіи со всякой милой"; "Тоска любовницына въ разлученіи съ любовницею"; "Плачъ одного любовника, разлувшагося со своей милой, которую онъ видѣлъ во снѣ"; Чтобы имѣть понятіе объ этихъ пѣсенкахъ, мы приведемъ одну изъ нихъ, а именно: "Пѣсенка любовна":

"Красотъ умильна,
Паче всѣхъ сильна.
Уже склонивши,
Ужъ побѣдивши
Изволь сотворить
Милость, мя любить:
Люблю драгая
Тя самъ весь тая.

Такъ въ очахъ ясныхъ.
Такъ въ словахъ красныхъ.
Въ устахъ сахарныхъ,
Такъ въ краснозарнихъ.
Милости нѣту
Ниже привѣту?
Люблю драгая
Тя, самъ весь тая.

Нужъ умилился,
Сердцемъ склонился;
Не будь жестока
Мнѣ паче рока:
Сличью обидно
То твому обидно;
Люблю драгая
Тя самъ весь тая

Ахъ! я не знаю
Такъ умираю,
Что за причина
Тебѣ едина
Любовь униситъ?
А сердце проситъ:
Люблю драгая
Тя, самъ весь тая."

Достоинства въ этихъ пѣсенкахъ нѣтъ, потому мы и не будемъ на нихъ останавливаться. Во время пребыванія въ Гамбургѣ Вас.Кир. дополнилъ этотъ рядъ любовныхъ пѣсенокъ однимъ переводомъ съ французскаго. Тредьяковскій взялся за эту работу по предложенію Куракина. Дѣло въ томъ, что Куракинъ еще въ Парижѣ просилъ перевести что-нибудь съ французскаго. Въ Гамбургѣ Т. и рѣшился исполнить просьбу Куракина; для перевода онъ выбралъ *Le voyage de l'Isle d'amon par Paul Tallement* |Ѣзда на островъ любви Поля Тальмана|. Содержаніе ея - психологія нѣжной страсти, по формѣ же эта книга представляетъ фантастическій разсказъ. Нѣкогда общество молодыхъ людей отправилось посѣтить отрану "Роскоши", но на дорогѣ

поднялась буря и прибила ихъ къ какому то невѣдомому острову, оказалось, что они пріѣхали на островъ любви. Лишь только они приблизилиось къ острову, отъ него отчалила маленькая флотилія, состоящая изъ красивыхъ лодокъ, украшенныхъ цвѣтами и съ шелковыми парусами; въ лодкахъ этихъ сидѣли купидоны, правили веслами и пѣли пѣсни. Приблизившись къ кораблю они просили путешественниковъ посѣтить ихъ островъ, гдѣ царствуетъ красавица Аминта. Молодежь согласилась. Но лишь только они вышли на берегъ, ихъ встрѣтилъ человѣкъ суровый на видъ и совѣтовалъ имъ не ходить на островъ. Это былъ разсудокъ. Но они его не послушались, желая увидѣть красавицу. Далѣе идетъ разсказъ о пребываніи одного молодого человѣка на островѣ, гдѣ ему пришлось провести нѣсколько ночей въ мѣстечкѣ "Надежда", на рѣкѣ "Претензіи", а предъ этимъ въ мѣстечкѣ "Безпокойство". Онъ знакомится съ Аминтой, имѣетъ съ ней свиданія; но когда онъ рѣшился высказать ей свои чувства, то она, узнавъ объ его любви къ ней, уходитъ въ пещеру "Жестокость". Купидонъ же повелъ молодого человѣка къ берегу озера "Отчаяніе", гдѣ онъ ожидалъ выхода Аминты. Далѣе "Жалость" выводитъ Аминту изъ пещеры "Жестокость" и вручаетъ ее "Искренности", своей подругѣ. Подъ охраной этой послѣдней они проводятъ счастливо время, но потомъ является "Должность" и уводитъ Аминту. Тогда герой удаляется въ пустыню, называемую "Разлука" и т.д. въ этомъ родѣ.

По возвращеніи своемъ въ Россію Тредьяковскій поспѣшилъ издать этотъ переводъ съ присоединеніемъ любовныхъ стишковъ, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ. Это былъ первый печатный трудъ его, если не считать перевода латинскихъ стиховъ въ честь португальскаго посланника Эмма-

нуила, бывшаго тогда въ Петербургѣ. Этотъ выборъ для перевода и оригинальные стишки Т-скаго заставляютъ насъ задуматься. Чѣмъ объяснить, что онъ, отправившись за границу съ серьезными цѣлями образованія и усердно занимавшійся философіей, математикой и исторіей, вдругъ начинаетъ писать такіе стихи? Это можно объяснить тѣмъ, что Вас.Кирилловичъ явился въ Парижъ съ несчастною увѣренностью въ своемъ поэтическомъ дарованіи, которая явилась у него подъ вліяніемъ школы. Извѣстно, что древняя школа воспитывала въ своихъ питомцахъ подобное убѣжденіе, она думала, что можно сдѣлать человѣка, если не поэтомъ, то по крайней мѣрѣ, хорошимъ стихотворцемъ; жертвою такого заблужденія можно считать и Тредьяковскаго. Затѣмъ Т-скій, выступившій изъ Заиконоспасской школы въ Парижѣ встрѣтился съ другими условіями. Онъ встрѣтилъ блескъ Парижскаго общества, его восхищала тамошняя жизнь, нравы и литература. Литература французская не могла не окозать огромнаго вліянія на Тредьяковскаго, ея усерднаго поклонника. Въ Парижѣ тогда господствовалъ вкусъ легкой поэзіи. Въ это время тамъ имѣлъ успѣхъ аббатъ Шолье, писавшій любовные стишки, прозванный благодаря имъ "церковнымъ Анакреономъ". Здѣсь же имѣла успѣхъ книжка Теллемана "Ѣзда на островъ любви". Самъ Тредьяковскій говоритъ объ этой книжкѣ такъ: "оная выдана на французскомъ языкѣ въ Парижѣ въ 1713 г. и учинила своему творцу великую славу, потому что онъ ее весьма разумно выдумалъ, и могу послѣ всѣхъ доброразсудливыхъ сказать смѣло, что она еще первая въ своемъ родѣ такова нашлась. Будучи въ Парижѣ я ее прочелъ съ великимъ удовольствіемъ моего сердца, усладившись весьма, какъ разумнымъ ея вымысломъ, стилемъ короткимъ, такъ и виршами очень сладкими и пріятными, а наи-

паче мудрымъ нравоученіемъ, которое она въ себѣ почти во всякой строкѣ замкнула такъ, что я ужъ въ то самое время горячее возымѣлъ желаніе перевесть оную на нашъ языкъ. Так. обр. онъ прямо свидѣтельствуетъ, что она нравилась ему своимъ нравоученіемъ.

Относительно того, какъ было принято обществомъ первое произведеніе Т. "Ѣзда на островъ любви", мы имѣемъ два разнорѣчивыхъ извѣстія, а именно Шумахера и Миллера. Шумахеръ въ своемъ письмѣ къ Т. отзывается съ похвалою о произведеніи его и говоритъ, что оно принято въ обществѣ съ всеобщимъ одобреніемъ: "радуясь, пишетъ онъ, хорошему успѣху вашей книги между разумными людьми не только по любви къ вамъ, но и по отношенію къ намъ. Хорошо извѣстно, что какъ только поэзія и музыка начнутъ смягчать нравы народа, то владѣтели послѣ того съумѣютъ извлечь пользу отсюда. Чтобы не лишать далѣе любителей чтенія вашей книги, я имѣю честь отправить къ вамъ сегодня 25 экземпляровъ". Напротивъ того Миллеръ, товарищъ Т. по Академіи Наукъ, свидѣтельствуетъ, что "Ѣзда на островъ любви" не имѣла успѣха, что самый подлинникъ, говоритъ онъ, не имѣетъ никакого особеннаго достоинства, переводъ также не болѣе похваленъ. Говорили, что Г.Тредьяковскій пренебрегъ духомъ родного языка, слишкомъ слѣдуя французскому сочетанію".

Изъ этихъ двухъ отзывовъ нужно предпочесть отзывъ Миллера. Потому что, по свидѣт. самого Т., слова Шумахера были не искренни; онъ, какъ человѣкъ хитрый, хотѣлъ польстить Т. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ самъ Т.: "по возвращеніи моемъ въ отечество въ 1730 г. началъ я себѣ производить по молодости и по французскому духу въ обществѣ нѣкоторыми стихами; читаемы они были отъ нѣкоторыхъ не безъ довольныхъ

мнѣ похвалъ, безъ сомнѣнія не по правдѣ, но съ нѣкоторымъ родомъ насмѣянія приносимыхъ". Это свидѣтельство показываетъ, что его произведенія одобрялись съ насмѣшкой. Принимая это во вниманіе, слѣдуетъ признать, что I-й дебютъ Т. былъ неудаченъ: его произведеніе читали, но со смѣхомъ. Самъ Т., видя, что его произведеніе не производитъ впечатлѣнія на общество, а напротивъ вызываетъ смѣхъ, понялъ, что тотъ литературный путь, по которому онъ пошелъ, не есть его путь; поэтому, чтобы совершенно уничтожить память объ этомъ сочиненіи и изгладить впечатлѣніе въ обществѣ, онъ сжегъ всѣ экземпляры "Ѣзды на островъ любви". Чѣмъ же объяснить эту неудачу Тредьяковскаго? Припомнимъ, что во время Т-го въ обществѣ былъ запросъ на легкія произведенія, который возникъ еще со времени великаго преобразователя, когда общество стало интересоваться западною жизнью и ея литературой. Кантемиръ, мы знаемъ, въ началѣ своей литературной дѣятельности успѣшно писалъ стихи легкаго содержанія. А Т., начавъ литературную дѣятельность такого же рода произведеніями, какъ и Кантемиръ, не только не имѣлъ успѣха, но прослылъ даже за бездарнаго писаку. Его неудачу нельзя объяснить только тѣмъ, что онъ не отличался особеннымъ талантомъ, и что его произведенія отличались грубостію формы. Первое его произведеніе не было оригинальнымъ, но представляло собою переводъ книги, имѣвшей успѣхъ, и переводъ этой книги вовсе не былъ такъ дуренъ сообразно съ тогдашнимъ временемъ. Далѣе любовные стишки Т. были "французской работы" и нисколько не хуже тѣхъ, которые тогда были въ ходу. Его стихотворенія съ французскаго являются лучшими, потому что онъ имѣлъ образцы. Въ этихъ его про-

Съ разрѣш. Директора Латышева.

изведеніяхъ не было ничего, возбуждающаго рѣзкую насмѣшку. Остаются его любовные стишки русскіе, про которые говорили, что они грубы по формѣ; но нужно сказать, что подобнаго рода стишки и другихъ писателей также не отличаются художественностью, литературный языкъ еще не былъ выработанъ. Всѣ легкія произведенія тогдашней эпохи поражаютъ насъ грубостію формы, напр. хоть аріи въ повѣсти о Василіи Коріотскомъ. Даже произведенія Кантемира страдаютъ этимъ недостаткомъ; такъ что напр. въ его переводѣ Анакреона трудно узнать оригиналъ - настолько въ немъ грубы формы. Поэтому нельзя сказать, что Т. потерпѣлъ неудачу благодаря грубости формъ своихъ стиховъ, въ то время публика была не такъ избалована. Была здѣсь другая причина, которая доставляла ему репутацію потѣшнаго поэта - это нѣкоторыя условія тогдашней жизни. Мнѣніе о писателѣ въ то время, когда еще не было общественной здравой критики, составлялось небольшимъ кружкомъ людей, въ которомъ вращался писатель. Вспомнимъ тотъ фактъ, что Кантемиръ долженъ былъ объяснять самыя элементарныя вещи: прилично ли ему заниматься стихами и по какому праву онъ берется за сатиру - это уже показываетъ, какъ низокъ былъ уровень образованія тогдашняго общества, въ которомъ едва ли могло выработаться какое-нибудь здравое сужденіе о писателѣ. Слѣдовательно только тотъ кружокъ, въ которомъ вращался писатель, создавалъ его репутацію. Кантемиръ принадлежалъ къ кружку молодыхъ людей, среди которыхъ онъ выдавался по образованію,- его почитатели, вслѣдствіе этого то и его любовные стишки имѣли успѣхъ. Въ иномъ положеніи былъ Тредьяковскій. По возвращеніи изъ за границы онъ попалъ въ общество заиконоспасскихъ ученыхъ.

Какое впечатлѣніе должны были произвести здѣсь его стихи? Явившись сюда парижскимъ франтомъ и переводчикомъ "Ѣзды на островъ любви", онъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на этихъ ученыхъ людей, которые отнеслись къ нему съ презрѣніемъ и которые сомнѣвались въ его образованности. Сохранилось два разсказа, доказывающіе, какъ непріятно было положеніе Т-скаго среди этихъ ученыхъ. Однажды онъ былъ въ гостяхъ у Заиконоспасскаго архимандрита, гдѣ былъ архимандритъ Платонъ Малиновскій; стали Т-скаго спрашивать, каковы науки онъ прошелъ въ чужихъ краяхъ? Онъ отвѣчалъ, что произошелъ прежде всего философію, "и по разговорамъ объявленной философіи въ окончаніи пришло, якобы Бога нѣтъ". Когда услышалъ это Малиновскій, то пришелъ къ тому заключенію, что и оный Т-скій по слушаніи той философіи, можетъ быть въ томъ не безъ поврежденія, и обвинили его въ атеизмѣ. Вотъ какъ недоброжелательно встрѣтили его заиконоспасскіе ученые, но скоро это недоброжелательство обратилось въ насмѣшку, когда они замѣтили, что онъ не опасенъ. Такъ напр. однажды онъ читалъ I-ю сатиру Кантеміра, въ ней, какъ извѣстно, выставляется въ дурномъ свѣтѣ епископъ, что также не могло понравиться заиконоспасскимъ ученымъ. Далѣе онъ вздумалъ пѣть при нихъ псалмы своего переложенія, но тогда тотъ же Малиновскій съ презрѣніемъ сказалъ, что ему только любовныя пѣсенки приходится, а перекладывать псалмы - не его дѣло.

Слѣдовательно мы видимъ, что Т-скій на первыхъ же порахъ составилъ себѣ репутацію несчастнаго и потѣшнаго поэта среди ученыхъ Заиконоспасскихъ. Литературная дѣятельность его даже вызвала насмѣшки; такъ его называли потѣш-

нымъ стихотворцемъ, составителемъ дѣвичьихъ пѣсенъ. Подобная репутація понятно сильно огорчала неудачнаго пѣвца. Правда, если онъ не находилъ оцѣнки среди ученыхъ Московскихъ, то могъ вотрѣтить ее въ кружкѣ знатныхъ людей. Но какъ презрительно смотрѣли тогда на писателей, видно изъ писемъ Ломоносова, гдѣ разсказывается, что, напр. Шуваловъ любилъ приглашать Ломоносова и Сумарокова для споровъ, причемъ стравлялъ ихъ и потомъ потѣшался надъ ними. Слѣд. мы видимъ, что даже такой человѣкъ, какъ Шуваловъ, человѣкъ образованный, увлекавшійся Вольтеромъ и самъ писавшій стихи, смотрѣлъ на стихотворцевъ, какъ на потѣшниковъ; чего же можно было ожидать отъ другихъ? Ломоносовъ, какъ человѣкъ твердаго характера, протестовалъ противъ этой травли, и съ достоинствомъ выходилъ изъ этого положенія. Тредьяковокій же не отличалоя такою твердостью, а потому и долженъ былъ играть жалкую роль шута. Какъ смотрѣли въ обществѣ на Т-скаго видно изъ того, что онъ участвовалъ въ шутовской свадьбѣ, устроенной въ 1740 г. Это была свадьба шута Анны Іоанновны князя Голицына съ дурочкой Бужениновой. По этому поводу приказано было Т-скому сочинить привѣтственные стихи, которые онъ долженъ былъ прочесть на свадьбѣ, одѣтый въ шутовскую одежду. Объ этой свадьбѣ есть разсказъ Т-скаго. Онъ говоритъ, что вечеромъ пріѣхалъ къ нему кадетъ Куницынъ и объявилъ, что его зовутъ въ кабинетъ Ея Величества. Т-кій былъ очень встревоженъ этимъ и, надѣвъ нарядное платье, отправился вмѣстѣ съ кадетомъ. Но дорогой Т-кій замѣтилъ, что его ведутъ не въ кабинетъ и началъ упрекать кадета, что онъ обманулъ его, причемъ назвалъ кадета мальчикомъ,

что послѣднему не понравилось. Пріѣхали они въ то помѣщеніе, гдѣ приготовлялась шутовская свадьба. Здѣсь Т-кій встрѣтилъ А.П.Волынскаго и пожаловался на кадета. Но Волынскій, не выслушавъ его, началъ бить по щекамъ Т-каго и заставилъ и кадета бить его. Послѣ этого жестокаго и безчеловѣчнаго поступка Т-скому было дано приказаніе написать стихи для свадьбы. Обиженный такимъ обращеніемъ Волынскаго, Т-кій отправился жаловаться на него Бирону, но несчастный случай снова столкнулъ его съ этимъ грубымъ человѣкомъ - Волынскимъ и дѣло кончилось тѣмъ, что поэтъ, снова побитый, былъ заключенъ подъ арестъ. Но звѣрская натура Волынскаго этимъ не удовольствовалась; онъ самъ явился въ мѣсто заключенія поэта, началъ бранить его, отобралъ у него шпагу и, совершенно раздѣвъ его, велѣлъ сержанту дать ему 70 ударовъ палкою по голой спинѣ. Тредьяковскій подъ вліяніемъ страшной боли впалъ въ безпамятство и не могъ отвѣтить на предложенный ему Волынскимъ вопросъ, что раздражило послѣдняго и Т-кій снова сдѣлался жертвою истязанія. Послѣ всѣхъ этихъ побоевъ его привели на свадьбу и здѣсь, нарядивъ его въ шутовской костюмъ, заставили насильно читать стихи. Разсказъ объ этомъ сохранился въ рапортѣ проф. Т-скаго въ Императорскую Академію Наукъ отъ 10 февр. 1740 г. Удивляться этому печальному разсказу особенно нечего. Такая грубость и жестокость составляли отличительную черту того времени. Послѣ этого мы можемъ понять, какъ горько раскаявался Т. въ томъ, что выступилъ на литер. поприще съ стихами не соотвѣтствовавшими его таланту. Кромѣ этихъ любовныхъ стишковъ у него развилась литературная дѣятельность другого рода. По возвращеніи изъ за границы онъ былъ представ-

день Аннѣ Іоанновнѣ и написалъ торжественную оду. Затѣмъ онъ написалъ Элегію о смерти Петра I-го, "стихи похвальные Россіи". Такъ же рано, какъ и любовные стихи, появились его произведенія, относящіяся къ торжественной лирикѣ. Напр. пѣснь въ честь коронаціи Анны, начинавшаяся словами: "Да здравствуетъ днесь Императриксъ Анна, на престолъ Сѣдши увѣнчанна"...Это произведеніе имѣло успѣхъ въ публикѣ, и было переложено на ноты и распѣвалось любителями. Оно распространилось не только въ столицѣ, но и въ провинціи; при чемъ съ нимъ произошелъ слѣд. случай: одинъ Костромской священникъ, пріѣхавъ въ городъ, попросилъ подъячаго достать ему пѣснь; подъячій досталъ, но приставъ заподозрилъ слово "императрикъ" и сдѣлалъ доносъ. По поводу этого Т-скому пришлось писать объясненіе. Онъ защитилъ себя, говоря, что поэту позволено ради метра и стиха вставлять другія слова или слова иностранныя. Затѣмъ еще слѣдуетъ упомянуть стихи поздравительные барону Корфу, написанные въ 1734 г.По содержанію эти стихи ничтожны, но въ исторіи русской литературы они имѣютъ значеніе въ томъ отношеніи, что это есть I-ый образецъ тоническаго размѣра, честь открытія и введенія котораго принадлежитъ Тредьяковскому. Вотъ отрывокъ:

"Есть россійска муза всѣмъ млада и нова,
А по долгу ты служить съ прочими готова
Многи тя сестры-ся славитъ Аполлона
Ухо но не отврати е отъ Росска звона
Слово красно произнесть, та хоть и исправна
Малыхъ по отцамъ дѣтей и нѣма рѣчь красна.

Кромѣ того отъ Т-скаго остались оды похвальныя, духовныя, переложенія псалмовъ, трагедія, два переведенныхъ стихо-

творныхъ произведенія: "Телемахида" переводъ поэмы Фенелона |1661-1715| *Les aventures de Télémaque* Фенелонъ написалъ это произведеніе прозой, но Т-скій находилъ, что такую поэму нельзя писать прозой, и поэтому перевелъ ее гекзаметромъ. Далѣе онъ перевелъ съ латинскаго сатирико-аллегорическій романъ англійскаго писателя XУII в. Барклая "Ар...да Такимъ образомъ у Т-скаго находимъ не мало отихотворныхъ произведеній, но онъ, принимаясь за нихъ впалъ въ ошибку, которая и доставила ему дурную славу, какой онъ пользуется.

Самый важный отдѣлъ изъ сочиненій Т-скаго занимаютъ его прозаическія сочиненія, которыя можно раздѣлить на три группы: I| труды по теоріи и исторіи литературы, 2| статьи для изученія русскаго языка и 3| труды по исторіи и преимущественно русской. Значеніе Т-скаго для исторіи русской литературы главнымъ образомъ заключается въ I-мъ отдѣлѣ. Къ этому отдѣлу относятся: I| "Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ", появившійся въ печати въ I735 г., 2| "Мнѣніе о началѣ стиховъ и поэзіи вообще" и 3| "О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи Россійскомъ" |I775 г.|. Самый важный изъ этихъ трудовъ есть "Новый и краткій способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ", съ котораго начинается у насъ тоническое стихосложеніе. Хотя и встрѣчаются тонические стихи до появленія этого трактата Т-скаго, но они писались безсознательно, Т-скому же первому принадлежитъ честь сознательнаго примѣненія тоническаго стихосложенія. Этотъ трактатъ распадается на 2 отдѣла: въ I-мъ Т-скій проводитъ теорію стихосложенія вообще, во 2-мъ - въ поэзіи. Въ первомъ отдѣлѣ онъ задается вопросомъ, чѣмъ отличается рѣчь прозаическая отъ поэтической. Онъ говоритъ, что число словъ, что раздѣленіе

стиха на двѣ части и риѳма нѐ отмѣнятъ никакого стиха отъ прозы: ибо, что порознь въ себѣ отнюдь и всеконечно не имѣетъ, то и совокупно дать того не можетъ, для того, что негдѣ каждому взять въ себѣ особно; да и все сіе составитъ токмо нѣкоторый членъ періода, а согласившему первую риѳму со второю, произойдутъ два нѣкоторыхъ періодическихъ члена, или одинъ нелѣпый съ фигурою Гоміотелевтонъ |сія фигура всѣ члены въ періодѣ оканчиваетъ подобно и подобнымъ звономъ; по словамъ значитъ: подобоокончащаяся| и риѳма не есть еще различіе между прозой и стихомъ. Такимъ образомъ Т-скій этими словами прямо отрицаетъ прежнее силлабическое стихосложеніе. Стихъ же или рѣчь поэтическая состоитъ въ чередованіи слоговъ, по его мнѣнію, на которыхъ лежитъ удареніе: "сія не можетъ быть у насъ существеннѣйшая, какъ только, когда въ рѣчи цѣлой многократно повторяется тонъ, называемый просодіею, силою, удареніемъ по нѣкоторымъ опредѣленнымъ разстояніямъ отъ самого себя отстоящій; сіе каждому собственнымъ опытомъ тотчасъ познать можно". Итакъ Т-скій первый установилъ тоническое стихосложеніе и различу между русскимъ и классическимъ стихосложеніемъ, однако говоритъ о трохеяхъ, ямбахъ, дактиляхъ,, анапестахъ и т.д. что легко можно объяснить школьными традиціями, отъ которыхъ онъ не вполнѣ освободился. Теорія стихосложенія Т-ского была крупнымъ явленіемъ; на нее обратили вниманіе даже такіе крупные таланты, какъ Кантемиръ и Ломоносовъ, которые дѣлали въ ней поправки, но весьма незначительныя.

Чѣмъ же наведенъ былъ Т-скій на это открытіе? Онъ самъ говоритъ, что открытіемъ этой теоріи обязанъ народной поэзіи. Эти слова прямо показываютъ на научную чуткость Т-скаго,

тѣмъ болѣе, что на народную поэзію смотрѣли тогда, какъ на нестоющую вниманія, отъ чего не вполнѣ свободенъ былъ и самъ Т-скій, что видно изъ того, что онъ, приведя нѣсколько примѣровъ народной поэзіи, извиняется въ нихъ. Такимъ образомъ съ одной стороны преданія классической метрики, съ другой изученіе народной поэзіи, привели Т-скаго къ такой формулировкѣ теоріи стихосложенія. Его теорія и въ настоящее время остается господствующею съ немногими измѣненіями.

Вторая часть - теорія поэзіи. Въ этой части онъ перечисляетъ разные виды поэтическихъ произведеній; но здѣсь мы не встрѣчаемъ ничего новаго, эти виды вычитаны Т-скимъ изъ старинныхъ учебниковъ піитики. Т-скій дѣлитъ поэзію на эпическую, лирическую, драматическую, буколическую, элегіаческую, эпиграмматическую, дидактическую, сатирическую, эпистолярную, генетліаческую |есть поэма, рожденіемъ какія особы, или днемъ рожденія привѣтствующая|, апобатерическую |сею поэмою прощаются отъѣзжающіе въ путь съ остающимися на мѣстѣ|, эпибатерическую |поэма, которой возвратившійся изъ пути благодарятъ божество, а отечество и друговъ поздравляютъ|, пролемптическую |сею провожающіи отъѣзжающимъ желанія свои приносятъ|, синзаристическую, или евфеимическую |симъ поздравляютъ возвратившихся въ отечество, или прибывшихъ гостей| эпиникическую |торжественная есть поэма, коею піиты побѣдителю непріятелей поздравляютъ|, сотерическую |есть поэма, привѣтствующая свобожденіемъ отъ тяжкія болѣзни|, эпидиктическую, или панегирическую |сею поэмою честныя добродѣтели и славныя дѣйствія восхваляются|,

эвхаристическую |есть поэма, которою благодареніе за благодѣянія приносится| , эоническую |сею по пропествіи каждаго года вѣка проповѣдуемъ, и описываемъ знатныя приключенія, бывшія чрезъ все то время|, схоластическую или симпосіастическую |возносится и прославляется ею великолѣпный пиръ|, просевтическую |есть поэма, которою или Бога о чемъ нибудь молимъ, или Ему какіе обѣты творимъ, или чего у высочайшихъ лицъ просимъ|, апологетическую |сія бываетъ повѣствованіемъ разговаривающихъ между собою звѣрей и бездушныхъ тварей, ради исправленія человѣческихъ нравовъ, покоренія и обличенія злонравныхъ|. Здѣсь мы видимъ странное сопоставленіе дѣленія панегиристическихъ произведеній съ общимъ дѣленіемъ поэтическихъ.

Въ 1752 г. Тредьяковскій написалъ трактатъ "О началѣ стиховъ и поэзіи вообще." Въ этомъ сочиненіи онъ старается прежде всего установить взглядъ на отношеніе стиховъ и поэзіи. Иное дѣло стихи, иное - поэзія. Онъ объясняетъ разницу между стихами и поэзіей наглядным сравненіемъ, по которому поэзія есть картина, стихи же - краски: "какъ живописная картина, такъ и поэзія; она есть словесное изображеніе. Преизрядно послѣ Горація употребляется живопись - поэзія; но стихъ я уподобляю краскѣ, употребленной на живопись. Что изображено краскою весьма различно отъ нея; Равно и поэзія есть всеконечно не стихъ сей есть, какъ краска, а поэзія, какъ изображеніе его". Затѣмъ онъ даетъ понятіе о поэзіи: "поэзія есть подражаніе природѣ путемъ вымысла. Она не есть ложь; послѣдняя противна разуму и совѣсти, а поэтическое вымышленіе бываетъ по разуму, т.е. какъ вещь могла быть или должен-

ствовала." Так. обр. поэзія заключаетъ въ себѣ нѣчто философское: поэтъ изображаетъ событія, какъ они должны быть и этимъ отличается отъ историка, изображающаго какъ событія совершаются, и отъ ремесленника, подражающаго природѣ, какъ она дана.

Когда же началась поэзія? Т-скій перебираетъ сказанія о началѣ поэзіи, начинаетъ съ миѳа объ Аполлонѣ и Бахусѣ и говоритъ, что смыслъ этого миѳа заставляетъ насъ признать поэзію, какъ даръ божества. Взявъ мѣсто изъ Библіи |Б.IУ,2I|, гдѣ говорится объ Іувалѣ, какъ изобрѣтателѣ гуслей, жившемъ въ кибиткѣ и упражнявшемся въ своихъ занятіяхъ среди пастушескихъ занятій, онъ приходитъ къ тому выводу, что поэзія развилась въ пастушескомъ быту. Иное дѣло - стихи. Начало стиховъ, по его мнѣнію, совпадаетъ съ началомъ человѣческихъ обществъ. Люди, живя отдѣльными семьями, враждовали между собою; потомъ начали вступать между собою въ союзы, для заключенія которыхъ явилась нужда въ убѣжденіяхъ, выражаемыхъ мѣрною рѣчью: "весьма вѣроятно, что сія нужда |-заключать союзы| первымъ онымъ піитикамъ дала случай къ различенію въ реченіяхъ долгихъ и краткихъ слоговъ." Но первые основатели обществъ положили только начало стихосложенію, развитіе же его Т-скій приписываетъ жрецамъ: они воспользовались изобрѣтеніемъ политиковъ и, стараясь во всемъ отличаться отъ другихъ, стали писать гимны богамъ, сочинять молитвы не обыкновенною уже рѣчью, а стихотворною. Древняя поэзія есть поэзія, по его мнѣнію, жреческая. Этотъ взглядъ онъ примѣняетъ и къ нашимъ стихамъ: "сіе равнымъ образомъ я разумѣю и о нашихъ первоначальныхъ стихахъ. Вѣроятно по всему,

что и наши поганскіе жрецы были первыми у насъ стихотворцами. И хотя нѣтъ у насъ ни одного оставшагося образчика языческія нашея поэзіи, однако видно и нынѣ по мужицкимъ пѣснямъ, что древнѣйшіе стихи наши, въ употребленіи у жрецовъ бывшіе, состояли стопами, были безъ риемъ и имѣли тоническое количество слоговъ, да и односложныя слова почитались по вольности общими. Прошу читателя не зазрить меня и извинить, что сообщаю здѣсь нѣсколько отрывченковъ отъ нашихъ подлыхъ нѣкоторыхъ стиховъ: дѣлаю я сіе только въ подражаніе примѣра:"

Хорей: Отста|вала| лебедь|бѣла|я

Какъ отъ|стада|лебе|дина|го.

Іамбъ съ анапестомъ: Не шуми|мати|зеле|на дубро|ва

Не мѣшай|извѣсти|лазо|реву цвѣ|ту.

Хорей съ дактилемъ: Уко|лодезя|у сту|денаго

Добрый|молодецъ|самъ ко|ня поилъ,

Красна|дѣвица|воду| черпала.

Дактиль: Ярка не|ярка, ба|ранъ не ба|ранъ,

Стара о|вечка не|ярина|чка.

Ямбъ: Дале|че охъ| дале|че во|чистомъ|полѣ

Не трав|ка не|мурав|ка за|шата|лася.

Анапестъ: Ой ты по|люшко, по|люшко чи|сто

Ничего|ты мнѣ по|ле не ро|дило

Охъ ты ро|дило толь|ко раки|товъ кустъ.

По его мнѣнію въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ стопы состоятъ по большей части или изъ хорея, или изъ хорея съ дактилемъ, или изъ одного дактиля, а также изъ ямба, или изъ ямба съ анапестомъ, или изъ одного анапеста, а "по вольности за хорея и ямба полагается стопа пиррихій.

Приведенныя выше слова Т-скаго указываютъ на его ученый

такъ. Въ то время, когда гнушались народной поэзіей, что видно изъ замѣчанія самого Т-скаго, онъ путемъ изученія ея, несмотря на господство тяготѣвшей надъ нимъ теоріи, дошелъ до мысли, что русскому языку свойственно тоническое стихосложеніе. Въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ преимущество передъ Ломоносовымъ. Послѣдній имѣлъ уже готовые образцы нѣмецкой поэзіи, Т-скому же французскіе теоретики не могли дать основъ для опредѣленія тоническаго стиха. Онъ долженъ былъ самостоятельно, обратившись къ народной поэзіи, додуматься до нихъ.

Третій трудъ Т-скаго: "О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ", можетъ быть разсматриваемъ, какъ опытъ исторіи русской поэзіи. Т-скій подъ древнею поэзіею разумѣетъ жреческую и считаетъ остатками ея народныя пѣсни, которыя очень удачно, считаетъ побочнымъ потомствомъ языческой поэзіи. Эта поэзія съ введеніемъ христіанства исчезаетъ, а оно само не приноситъ поэзіи. Впервые въ I6 в. появляются стихотворные образцы, именно въ Острожской Библіи |I589|, въ началѣ которой помѣщены силлабическіе стихи. Силлабическое стихосложеніе, перешедшее къ намъ изъ Польши, утвердилось въ школахъ, но оно не могло у насъ остаться, потому что не соотвѣтствовало духу языка, не допускающему чередованія тоновъ. И вотъ онъ отъ силлабическаго скромно переходитъ къ изложенію новаго стихосложенія: "приступая къ описанію новаго нашего стихосложенія, нынѣ отъ всѣхъ стихотворцевъ у насъ воспринятаго и многими достохвальными и достопамятными сочиненіями у насъ введеннаго и подтвержденнаго, принужденъ объявить съ нѣкоторымъ поистинѣ устыдѣніемъ и внутреннимъ отвращеніемъ, хотя и сущую правду, что я въ немъ первое и главнѣйшее участіе

имѣю. Да отпуститъ мнѣ, покорно прошу каждаго правосердна-
го читателя, сіе необыкновенное объявленіе; не дѣлается
оно по самолюбному тщеславію, но въ предосужденіе другимъ,
изрядную долю послѣ къ тому приложившихъ, но по соедине-
нію изобрѣтенія съ изобрѣтшимъ сперва, для того, что не
можно упомянуть объ одномъ..." Затѣмъ Т-скій указываетъ,
какъ онъ дошелъ до новаго стихосложенія, именно разборомъ
народныхъ пѣсенъ и въ заключеніи говоритъ о попыткахъ Кан-
теміра установить нѣчто среднее между тоническими и силла-
бическими стихами. Самъ Т-скій не сразу выработалъ свою
теорію; иногда онъ пользовался указаніями Ломоносова. Сна-
чала Т-скій не считалъ ямбъ свойственнымъ русскому языку
и признавалъ только хорей, но позже, когда появилось пись-
мо Ломоносова, въ которомъ были нѣкоторыя съ нимъ несогла-
сія, онъ призналъ и ямбъ. Затѣмъ Т-скій односложныя слова
принималъ за долгія; Ломоносовъ считалъ ихъ за ударяемыя
и неударяемыя. Т-скій и въ этомъ пунктѣ согласился съ Ло-
моносовымъ. Далѣе Т. не признавалъ раньше чередованія муж-
скихъ и женскихъ риѳмъ, но подъ вліяніемъ Ломоносова допу-
стилъ таковое.

Къ теоріи и исторіи литературы относится и присоединенное
къ переводу Фенелоновой поэмы: *Les aventures de Télémaque*
въ качествѣ предисловія предъизъясненіе о героической піи-
мѣ. Это предъизъясненіе взято изъ сочиненія Рамэ: *Discours*
sur l'heroete épique и заключаетъ въ себѣ полную теорію искус-
ственнаго ложноклассическаго эпоса. Т-скій здѣсь разсмат-
риваетъ какъ образцы поэмъ Иліаду, Одиссею и Энеиду, дол-
гое время не имѣвшихъ себѣ равныхъ произведеній. Теперь же
Телемахида не уступаетъ имъ: герой ея соединяетъ въ себѣ
и храбрость Ахиллеса и благоразуміе Одиссея и благочестіе

Энея, а по морали высокой, чистохристіанской, она даже выше этихъ произведеній. Только одинъ, по мнѣнію Т-скаго, недостатокъ у французской Телемахиды, что она написана прозой; этотъ недостатокъ Т-скій устраняетъ, сдѣлавъ переводъ гекзаметромъ. Кромѣ того Т. написалъ разсужденіе объ одѣ, въ предисловіи къ одѣ на взятіе города Гданска. Это разсужденіе позаимствовано изъ сочиненія Буало *Discours sur l'ode* Здѣсь даются свѣдѣнія о лирической одѣ.

Свѣдѣнія о драмѣ изложены въ разсужденіи о комедіи вообще, которое выбрано Т-скимъ изъ сочиненіи Брюма, Роленя, Ролленя и др. и было приложено къ переводу "Евнухъ и Теренція". Кромѣ этого Т-скимъ были переведены два сочиненія по теоріи поэзіи: 1| *„De arte poetica"* Горація и 2| поэма Буало *„L'art poetique"* Такимъ образомъ въ трудахъ Т-скаго видимъ полное изложеніе теоріи поэзіи, какъ развилась она у псевдоклассиковъ.

Всѣ эти труды Т-скаго имѣютъ то важное значеніе, что они знакомили современную публику съ различными родами стихотворства, развившагося у другихъ народовъ. Въ дополненіе къ его сочиненіямъ нужно упомянуть объ его "письмѣ къ пріятелю о нынѣшней пользѣ гражданству отъ поэзіи". Кто то чувствовавшій призваніе къ поэзіи и раздумывавшій стоитъ ли обрекать свои силы на такіе труды, обратился за рѣшеніемъ этого вопроса къ Т-скому. Т. отвѣчаетъ, что было время, когда поэзія имѣла важное значеніе: "подлинно, отъ-нѣнно симъ родомъ краснорѣчія древность описывала храбрыя славныя дѣла великихъ людей, наставляла къ добродѣтели человѣческіе исправляла нравы, философскіе предлагала догматы, полагала уставы къ полученію отъ правосудія какъ истиннаго благополучія, такъ и спокойнаго сожитія, запи-

сывала прошедшія бытія и достопамятныя событія; теперь же, по мнѣнію Т-скаго, проза получила великую силу, славу, честь"; однако и при такомъ положеніи вещей нужны еще стихи: "потолику между ученіями словесными надобны стихи, по колику фрукты и конфекты на богатый столъ по твердыхъ кушаніяхъ." Читая послѣднія строки невольно поддаешься изумленію: человѣкъ, потратившій столько труда и силъ на изученіе поэзіи, вдругъ дѣлаетъ о ней такой отзывъ. Какъ примирить это противорѣчіе между словомъ и дѣломъ? Это противорѣчіе легко объясняется тѣмъ, что Т-скій, отвѣчая на письмо пріятелю, былъ уже старъ, а подъ старость онъ во многомъ измѣнилъ свои взгляды, съ нимъ случилось то же, что и съ Абрамовымъ. О такой перемѣнѣ взглядовъ Т-скаго свидѣтельствуетъ слѣдующій случай: у Миллера въ журналѣ былъ напечатанъ "Гимнъ Венерѣ" сочиненія Сумарокова. Старикъ Т-скій, прочитавъ этотъ гимнъ, пишетъ въ Академію докладъ, что не слѣдовало бы печатать такихъ срамныхъ и зазорныхъ гимновъ, позабывъ, что самъ въ молодости писалъ подобныя этому гимну любовныя пѣсенки и стишки. Слова Т-скаго: поэзія есть фрукты или конфекты на богатый столъ по твердыхъ кушаній" ничѣмъ не отличаются отъ господствовавшихъ въ XУIII в. взглядовъ на поэзію, какъ напр. Татищевъ причисляетъ поэзію къ наукамъ увеселительнымъ; Кантемиръ, защищавшій самостоятельное значеніе науки, смотритъ на поэзію, какъ на забаву; не ранится, пожалуй, отъ этихъ взглядовъ и взглядъ Державина, сказавшаго, что поэзія пріятна, "какъ лѣтомъ сладкій лимонадъ." Не оставилъ безъ вниманія Василій Кирилловычъ и прозу. О прозаическихъ произведеніяхъ онъ разсуждаетъ въ словѣ "о богатомъ, различномъ, искусномъ и несходственномъ витійствѣ". Подъ витійствомъ разумѣется элоквенція

или краснорѣчія, какъ называлась тогда вся область прозаич литературы. Т-скій указываетъ здѣсь на обширный объемъ краснорѣчія и значеніе его для всѣхъ наукъ: исторіи, археологіи, филологіи и др. Отсюда онъ приходитъ къ выводу, какъ важно изученіе витійства, особенно предъявляемаго требованіями правильнаго русскаго языка. Но, чтобы имѣть время заниматься своимъ языкомъ, прежде нужно перевести все лучшее на свой языкъ: "и такъ да переводятъ, которые цвѣтутъ изъ нашихъ искусствомъ языка все, что полезнѣйше, все, что достойнѣйше въ чужихъ языкахъ, на нашъ россійскій языкъ, да обогащаютъ Россію выборнѣйшими книгами.... Но однако же да и не возперадятъ ученые наши также и собственнымъ своимъ что-нибь. между тѣмъ сочиненное обществу подавать: всегда удивляться чужому искусству, а о собственномъ искусствѣ не стараться - знакъ есть незнанія и лѣности, или по крайней мѣрѣ ненадѣянія къ сдѣланію равнаго, хотя бы ужъ такова, которое бы весьма мало не равнялось. Но и вы, о дражайшіе россіяне, сдѣлаете либо еще и плодоноснѣйшее и полезнѣйшее и изящнѣйшее и высочайшее, ежели о томъ всякими мѣрами, неустаннымъ прилеганіемъ, всѣми, наконецъ, силами денно и нощно |тотъ сіе, тотъ другое, тотъ иное, а все совокупно, что преизряднѣйшее, что полезнѣйшее, наинужнѣйшее| потщатися благоволити."

Особый отдѣлъ составляютъ сочиненія Т-скаго по изученію русскаго языка. Въ 1735 г. при Академіи Наукъ было учреждено "Россійское собраніе любителей русскаго слова" и Т-скій открылъ его рѣчью "о чистотѣ русскаго слова". Въ этой рѣчи онъ первый сказалъ, что главная забота Академіи

Съ разрѣш. Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

должна быть о русскомъ язикѣ и указалъ на необходимость "доброй и исправной грамматики, полнаго и довольнаго лексикона риторики и стихотворной науки." Въ предисловіи къ "Ѣздѣ на островъ любви" Т-скій отдаетъ предпочтеніе русскому разговорному языку предъ славянскимъ: "на мены, говоритъ онъ, прошу васъ покорно, не изволите погнѣвать-ся |буде вы еще глубокословныя держитесь славянщины| что я оную словенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простнмъ русскимъ словомъ, т.е. каковымъ мы межъ собой говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенскій есть у насъ языкъ церковный, а сія книга мірская. Другая: языкъ славенскій въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очень темненъ и многіе его читая не разумѣютъ; а сія книга есть сладкія Любви, того ради всѣмъ должна быть вразумительна. Третія которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, т.е., что языкъ словескій нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не токмо я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми: но за то у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскимъ особымъ рѣчетотцемъ хотѣлъ себя показать." Сюда же относится "разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ" объ орфографіи старинной и новой" |1748 г.|, имѣющій предметомъ установить русское правописаніе, не на словопроизводствѣ, а на словопроизношеніи. Доказательства свои онъ основываетъ на томъ, что каждая буква есть условный знакъ "звона" |членор. звука|; слѣд. писать надо по "звонамъ" |по выговору|. Съ этимъ правиломъ связываетъ преобразованіе нашего алфавита. Такъ какъ буквы служатъ къ означенію членораздѣльныхъ звуковъ человѣче-

скаго голоса, то русская азбука должна заключать въ себѣ столько знаковъ, сколько разныхъ звуковъ. Посему, разсмотрѣвъ оба алфавита наши, церковно-славянскій и гражданскій, Тредьяковскій исключаетъ 6 буквъ: з,и,щ,э,ѳ и ѵ, вмѣсто „и" оставляя только і, а з и щ замѣняя знаками Ѕ |зѣло| и „шч".

Далѣе у Тредьяковскаго находимъ также и

Историческіе труды.

Въ то время былъ возбужденъ нѣмцами, пріѣхавшими въ Россію, вопросъ о происхожденіи русскихъ князей. Такъ, напр. Байеръ, разбирая этотъ вопросъ, пришелъ къ убѣжденію, что русскіе князья призваны были изъ Нормандіи. Нѣмцы впервые взялись за рѣшеніе этого вопроса, п.ч. онъ для нихъ былъ болѣе доступенъ: они были люди образованные, знакомые съ многими языками Европейскими и восточными, но не знали русскаго языка. Вслѣдствіе этого они могли заняться только тѣми вопросами по русской исторіи, при разрѣшеніи которыхъ можно было бы обращаться къ иностраннымъ матеріаламъ. Такимъ вопросомъ и являлся вопросъ о происхожденіи русскихъ князей. Противъ Нормандской теоріи Байера, выступили Ломоносовъ и Тредьяковскій. Это воззрѣніе нѣмецкаго ученаго казалось нашимъ академикамъ унизительнымъ для русскаго народа - производить русскихъ князей отъ норманновъ. Поэтому то Т-скій и Ломоносовъ выступили противъ Байера. Т-скій по этому поводу написалъ три произведенія: I|о первенствѣ славянскаго языка предъ тевтонскимъ. 2| О первоначаліи Россовъ и3| Разсужденіе о Варяго-Россахъ славянскаго племени и языка. Самое важное изъ этихъ разсужденій - послѣднее; въ немъ высказывается мысль, что первые русскіе князья были призваны изъ

Помераніи, которая тогда населена была славянскими племенами; причемъ Т-скій считаетъ родиной Рюрика островъ Рюгенъ. Въ защиту своей теоріи Т-скій приводитъ цѣлый рядъ историческихъ доказательствъ; онъ набралъ значительный матеріалъ противъ норманской теоріи, такъ что С.М. Соловьевъ компетентный въ этомъ дѣлѣ судья, говоритъ, что Т-скимъ была собрана большая часть тѣхъ доводовъ, которые впослѣдствіи выставлялись противъ норманской теоріи. Во всякомъ случаѣ въ этомъ трудѣ Т. просвѣчиваетъ его ученость и сообразительность. Что касается I-го и 2-го разсужденія, то они представляются болѣе слабыми; но это можно объяснить плохимъ состояніемъ въ то время филологіи. Напр. въ первомъ разсужденіи Т. прибѣгаетъ къ очень страннымъ объясненіямъ иностранныхъ словъ, находя, что они собственно искаженныя русскія слова. Такъ имя "варяги" онъ производитъ отъ глагола "варяти", предваряти; Германія - это искаженное Ярманія отъ"ярмо" т.е. страна земледѣльческая; скиѳы - скиты,- народъ скитающійся, кочевой; Сибирь отъ сиверъ или сѣверъ и т.п. Теперь эти объясненія возбуждаютъ у насъ улыбку, но въ то время, когда научной этимологіи не существовало, все объясненіе основывалось на сближеніи словъ по созвучію. Въ такія ошибки по этимологіи впадали и такіе серьезные ученые, какъ Шлоссеръ, производившій слово князь отъ *Kinyt* Это былъ общій недостатокъ того времени. Кромѣ этихъ разсужденій историческаго характера у Т-скаго были и переводные труды по исторіи. Такъ онъ перевелъ два труда французскаго ученаго Ролленя, именно I0 т. древней исторіи и I6 т. римской. При этомъ нужно отмѣтить фактъ замѣчательнаго трудолюбія Т. Всѣ I6 т. его перевода Римской исторіи сгорѣли еще въ рукописи, и не

смотря на то у него хватило терпѣнія вновь перевести этотъ трудъ. Въ обоихъ этихъ трудахъ есть и самостоятельныя добавленія Т-скаго: онъ сдѣлалъ къ нимъ примѣчанія, приложилъ карты и указатель.Этотъ трудъ имѣлъ большое значеніе для своего времени, п.ч. это было первое обстоятельное изложеніе всеобщей исторіи, а также и Римской на русскомъ языкѣ. И такъ мы можемъ сказать, что Тредьяковскій по своимъ трудамъ занимаетъ порядочное мѣсто въ исторической литературѣ.

Так. обр. мы находимъ двѣ стороны въ дѣятельности Т-го I| сторону смѣшную и печальную - это его увлеченіе стихотворствомъ и 2| сторону свѣтлую - его ученые труды, въ которыхъ выразился талантъ и остроуміе. Во времена Т-каго преимущественно обращали вниманіе на I-ую сторону дѣятельности его, но судьею научныхъ его трудовъ никто не могъ выступить. Стихотворныя его проиведенія были у всѣхъ на виду, чѣмъ и объясняется то, что онъ у современниковъ пріобрѣлъ репутацію смѣшного стихотворца. Это возарѣніе на Т-каго дов. долго держалось и въ послѣдующее время. Такъ напр. Лажечниковъ въ своемъ романѣ "Ледяной домъ" выставляетъ нашего ученаго со стороны смѣшной и каррикатурной. Но все-таки и въ I8 в. раздавались справедливые голоса, понимавшіе значеніе Т-скаго. Такъ напр. Новиковъ, оставившій намъ "Словарь русскихъ писателей" отводитъ въ немъ мѣсто и для Т-скаго и дов. удачно характеризуетъ его дѣятельность. Онъ говоритъ такъ: "сей мужъ былъ великаго разума, многаго ученія, обширнаго знанія и безпримѣрнаго трудолюбія; весьма знающъ въ лат. греч. франц. итал. и въ своемъ родномъ языкѣ, также въ философіи, богословіи, краснорѣчіи и др. наукахъ. Не обинуясь къ чести

его сказать нужно, что онъ первый открылъ въ Россіи путь къ словеснымъ наукамъ, а паче къ стихотворству; причемъ былъ I-й профессоръ, I-й стихотворецъ и I-й, положившій столько труда и прилежанія въ переводѣ на русск. яз. полезныхъ книгъ. Далѣе изъ болѣе позднихъ писателей приведемъ мнѣніе Пушкина, который говоритъ въ одной замѣткѣ, озаглавленной: "мысль на дорогѣ": "Тредьяковскій былъ конечно почтенный и порядочный человѣкъ. Его филологич. и грамматич. изъясненія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль его перевести стихами и самый выборъ стиховъ доказываютъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Телемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ." Дельвигъ приводилъ часто слѣдующій стихъ въ примѣръ прекраснаго гекзаметра: "корабль Одиссеевъ, бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся," и вообще изученіе Т-скаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ старыхъ писателей." Быть можетъ здѣсь сказывается увлеченіе, которое всегда проявляется у Пушкина, когда онъ говоритъ объ униженныхъ и обиженныхъ, но нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь слышится и дѣйствительное, серьезное мнѣніе великаго поэта.

ЛОМОНОСОВЪ.

Современникомъ, соперникомъ и противникомъ Т-скаго былъ Ломоносовъ. Сочиненій о Ломоносовѣ много, и мы укажемъ только главныя изъ нихъ. Составленіемъ біографіи занимались еще въ прошломъ вѣкѣ и матеріалы для нея собиралъ Штелинъ - академикъ. Но въ его свѣдѣніяхъ много анекдотическаго. Болѣе достовѣрна біографія, написанная

Новиковымъ въ его "Словарѣ русскихъ писателей." Въ новѣйшее время много матеріаловъ издано Билярскимъ, Ламанскимъ и Куникомъ. На основаніи ихъ академикъ Пекарскій составилъ самую полную біографію Ломоносова, помѣщенную во 2 томѣ "Ист.Академіи Наукъ" |въ этомъ томѣ всего двѣ біографіи Ломоносова и Тредьяковскаго|. Въ 1865 г. праздновали 100-лѣтній юбилей Ломоносова и по этому случаю напечатано было много сочиненій о немъ; между ними слѣдуетъ отмѣтить статью Грота: "Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова", помѣщенную въ особомъ описаніи академическаго празднества въ честь Ломоносова. Хороша также біографія, написанная Буличемъ въ "Запискахъ Казанскаго университета", издана въ 1865 г. а затѣмъ изданная отдѣльно; Наконецъ, Лавровскаго "Обзоръ дѣятельности Ломоносова по новымъ источникамъ." Что касается изученія произведеній Ломоносова, то какъ пособіе къ этому, можно указать трудъ Будиловича - "Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ."

Годъ рожденія Ломоносова съ точностью неизвѣстенъ; указываютъ нѣсколько годовъ - 1709,1710,1711 и 1715 гг. но всего вѣроятнѣе мнѣніе Пекарскаго, который признаетъ 1712 г., основываясь на показаніи самого Ломоносова, который въ 1734 г. считалъ себѣ 42 года. Ломоносовъ былъ сынъ "черносошнаго" крестьянина Архангельской губ. деревни Денисовки, близь Холмогоръ. Отецъ его занимался не только сельскимъ хозяйствомъ, но, кромѣ того, совершалъ частыя поѣздки по Бѣлому морю; у него было свое судно, на которомъ онъ перевозилъ грузы. Въ этихъ поѣздкахъ принималъ участіе и сынъ; быть можетъ, здѣсь впервые зародилась страсть его къ природѣ, на что есть указанія и въ его сочиненіяхъ. Именно въ одномъ мѣстѣ онъ приводитъ

извѣстіе о лопаряхъ, какъ очевидецъ. Мать Ломоносова была изъ духовныхъ,дочь дьякона и можетъ быть, этимъ объясняется то, что онъ еще въ дѣтствѣ выучился грамотѣ. Сохранилось извѣстіе, что онъ считался грамотѣемъ въ селѣ, читалъ въ церкви, писалъ прошенія своимъ односельчанамъ |у Пекарскаго издана одна изъ такихъ бумагъ|. Это пробудило въ немъ любознательность, сильное стремленіе къ образованію. Онъ жадно читалъ все, что попадало ему подъ руку. Славянская грамматика Смотрицкаго, ариѳметика Магницкаго и псалтирь, переложенная стихами Симеономъ Полоцкимъ, были первыми его учебниками; онъ называлъ ихъ впослѣдствіи "вратами своей учености". Но домашнія обстоятельство не благопріятствовали его образованію. Мать его умерла, отецъ женился на другой и мачиха очень неблагосклонно относилась къ занятіямъ мальчика. Въ одномъ письмѣ къ Шувалову онъ такъ говоритъ объ этомъ: "имѣлъ я отца, хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго и злую завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда попусту сижу за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему можно было въ уединенныхъ и пустынныхъ мѣстахъ, и терпѣть холодъ и стужу, пока не ушелъ въ спасскую школу". Тѣ мѣста, гдѣ жилъ Ломоносовъ, находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ Москвою, земляки его возили туда рыбу. Это, быть можетъ, натолкнуло его отправиться въ Москву, чтобы тамъ продолжать свое образованіе, что онъ и исполнилъ въ 1731 г. Здѣсь онъ сначала учился въ школѣ при Сухаревой башнѣ, затѣмъ былъ принятъ въ заиконоспасское училище |1732|. Во время обученія здѣсь ему пришлось бороться со многими препятствіями, о которыхъ онъ такъ го-

воритъ въ письмѣ къ Шувалову: "обучаясь въ спасскихъ школахъ имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никогда, кромѣ меня, дѣтей не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство |по тамошнему состоянію|, которое онъ для меня правымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой несказанная бѣдность; имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу и на обувь. Такимъ я жилъ пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдаютъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали, съ другой школьники - малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри де какой болванъ, лѣтъ въ 20-ть пришелъ латыни учиться".

Не смотря на такія трудныя обстоятельства, онъ преодолѣлъ школьную жизнь. Памятникомъ его пребыванія въ заиконоспасской школѣ остались "стихи на тужокъ" |особаго рода сосудъ, приготовляемый изъ береста|. Это школьное упражненіе, на которомъ сохранилась даже похвальная отмѣтка учителя. Въ заиконоспасской школѣ пробылъ Ломоносовъ 4 года 1731-1735 г. Въ этомъ году сюда былъ присланъ изъ Академіи запросъ выбрать 12 лучшихъ учениковъ и отправить ихъ въ Петербургъ для слушанія Академическихъ лекцій. Въ числѣ этихъ 12-ти былъ посланъ и Ломоносовъ. Но не успѣли они еще прибыть въ Петербургъ и слушать лекціи въ Академіи, какъ намѣреніе относительно нихъ было перемѣнено: рѣшено было нѣкоторыхъ изъ нихъ отправить за границу для

изученія горнаго дѣла - предметъ всегдашнихъ заботъ правительства. Достаточно припомнить командировку Татищева въ 1724 г. въ Щвецію для изученія горнаго дѣла и его неоднократную службу на Уралѣ. И теперь, заботясь о томъ же, правительство рѣшило трехъ: Ломоносова, Виноградова и Рейзера отправить въ Саксонію для изученія горнаго дѣла. Но прежде этого они должны были прослушать общій курсъ въ Марбургѣ, гдѣ они занимались подъ руководствомъ и надзоромъ Христіана Вольфа, профессора и знаменитаго филолога. Главнымъ предметомъ было изученіе горнаго дѣла и наукъ, имѣющихъ къ нему непосредственное отношеніе: химіи, физики, механики, гидрографіи, естественной исторіи; но требовалось также и изученіе другихъ предметовъ: исторіи, языковъ латинск., нѣмецкаго и франц., а также упражненія и въ русскомъ языкѣ.

Жизнь Ломоносова за границей послужила предметомъ особой статьи Сухомилина въ Русск.Вѣст. 1861 г. № I: "Ломоносовъ студентъ въ Марбургѣ". О нашихъ студентахъ сохранились донесенія Вольфа, наполненныя жалобами на ихъ небережливость, которая заставляла ихъ дѣлать долги, разгульную жизнь и пристрастіе къ прекрасному полу. "Они чрезъ мѣру предавались разгульной жизни, говоритъ Вольфъ, и были пристрастны къ женскому полу. Пока они были еще здѣсь на лицо, всякій боялся сказать про нихъ что нибудь, потому что они угрозами держали всѣхъ въ страхѣ. Отъѣздъ ихъ освободилъ меня отъ многихъ хлопотъ." Тутъ сказалась, быть можетъ удалая русская натура, но главнымъ образомъ вліяніе тогдашняго быта германскихъ студентовъ. Характерной чертой этого быта былъ разгулъ, которому студенты охотно предавались въ промежуткахъ занятій. Студенты заводили постоян-

но ссоры съ филистерами, т.е. мѣщанами, ремесленниками и все это считали въ порядкѣ вещей, никто не обращалъ на это вниманія. Любопытно въ этомъ отношеніи извѣстіе объ одномъ университетскомъ праздникѣ: въ 1726 г. праздновался юбилей Марбургскаго универеситета, былъ обѣдъ. Сухомилиновъ приводитъ такое оффиціальное извѣстіе объ этомъ праздникѣ. Въ залѣ обѣдало около 500 человѣкъ; господа студенты веселились вдоволь, но не произошло ни малѣйшаго несчастія и даже безпорядка, за исключеніемъ только того, что всѣ стаканы, бутылки, столы, скамьи и окна были разбиты въ дребезги, что сдѣлало убытку на 200 талеровъ.

Въ такой то бытъ попали наши юноши. Впрочемъ, пирушки не мѣшали ихъ научнымъ занятіямъ, и съ этой стороны Вольфъ отзывается о нихъ хорошо, особенно выдѣляя Ломоносова. И самъ Ломоносовъ представлялъ въ Академію доказательства своей дѣятельности. Такъ, въ 1738 г. онъ прислалъ латинское разсужденіе по физикѣ и стихотворный переводъ оды Фенелона, воспѣвающей счастье семейной жизни. Въ 1739 г. наши студенты были переведены въ Фрейбургъ для спеціальнаго изученія горнаго дѣла, гдѣ они надодились подъ надзоромъ завѣдывавшаго рудникомъ Генкеля. Въ виду донесенія Вольфа о ихъ дурномъ поведеніи "содержаніе ихъ сокращено на половину" |вмѣсто 300 р. имъ было назначено по 150 р.| да и эти деньги отдавались на руки Генкелю, чтобы онъ производилъ изъ нихъ всѣ необходимые расходы, самимъ же студентамъ выдавалось на руки по одному талеру въ мѣсяцъ. Такое положеніе служило источникомъ безчисленныхъ недоразумѣній и ссоръ между студентами и Генкелемъ. Ломоносовъ въ письмѣ своемъ къ Шумахеру дурно отзывается о Генкелѣ -

какъ о человѣкѣ зломъ и завистливомъ и плохомъ ученомъ, который читалъ лекціи о пустякахъ. Впрочемъ, и въ это время онъ успѣшно занимался науками; изъ Фрейбурга онъ прислалъ оду на взятіе Хотина и разсужденіе о русскомъ стихосложеніи. Между тѣмъ недоразумѣнія съ Генкелемъ все росли и наконецъ дошли до того, что Ломоносовъ рѣшился самовольно покинуть Фрейбургъ. 1740 годъ - годъ его блужданія по разнымъ городамъ. Но главнымъ образомъ онъ былъ въ Марбургѣ, гдѣ и женился. Наконецъ, оставивъ Марбургъ, онъ отправился въ Россію и въ 1741 г. онъ прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь въ томъ же 1741 г. онъ былъ прикомандированъ къ Академіи Наукъ, въ какомъ званіи и оставался до времени своей смерти 1765 г. Такимъ образомъ, жизнь Ломоносова не богата внѣшними событіями, но зато богата ученою дѣятельностью. Положеніе его въ Академіи было не легко, о чемъ свидѣтельствуетъ онъ самъ, говоря, что "посвятилъ себя борьбѣ съ непріятелями наукъ Россійскихъ." Академія была наполнена иностранцами, которые непріязненно смотрѣли на русскихъ ученыхъ. Самъ Ломоносовъ такъ говоритъ объ этомъ: "Шумахеру было опасно происхожденіе въ наукахъ и произвожденіе въ профессоры природныхъ россіянъ, отъ которыхъ онъ уменьшенія своей силы опасался; того ради ученіе и содержаніе россійскихъ студентовъ было въ такомъ небреженіи, по которому ясно оказывалось, что не было у него намѣренія допустить ихъ къ совершенству ученія; яснѣе сіе понять можно, что Шумахеръ неоднократно такъ отзывался: я де великую прошибку въ своей политикѣ дѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессоры, и недавно зять его и имѣнія и дѣлъ чуть не Академіи наслѣдникъ отозвался въ разговорѣ о произве-

деніи россійскихъ студентовъ, развѣ де намъ 10 Ломоносовыхъ надо, и одинъ намъ въ тягость. Это было первое обстоятельство, неблагопріятное для Ломоносова и часто доводившее его до борьбы; но ближе присматриваясь къ положенію дѣла, мы найдемъ, что главную причину этой борьбы было не столько преобладаніе иностранцевъ, сколько самый строй Академіи. Академія состояла изъ нѣсколькихъ, почти самостоятельныхъ учрежденій: Профессорское русское собраніе, географическій департаментъ, гимназія, университетъ. Все это объединялось чисто канцелярскимъ путемъ; весь ходъ академической жизни опредѣлялся канцеляріей, воротилой которой былъ Шумахеръ. Так. обр. ученые члены Академіи вполнѣ зависѣли отъ чиновниковъ канцеляріи. Этимъ тяготился не одинъ Ломоносовъ, а и другіе члены Академіи, напр. Миллеръ. Какъ бы то ни было, Ломоносовъ всегда находился въ борьбѣ съ нѣмцами; зато иногда и платился; такъ, однажды онъ сидѣлъ подъ арестомъ, другой разъ поплатился половиной жалованья. Главнымъ предметомъ занятій Ломоносова были естественные науки - физика, химія, металлургія; но если будемъ слѣдить за постепеннымъ ходомъ его дѣятельности, то увидимъ, что эти излюбленныя его занятія все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто занятіямъ другого рода. Онъ, какъ и другіе члены Академіи, занимался преподаваніемъ въ университетѣ. Онъ преподавалъ физическую географію, химію, естественную исторію, минералогію, а также русское стихосложеніе. Въ 1742 г. Академія сдѣлала объявленіе о преподаваніи въ университетѣ, и въ этомъ объявленіи, между прочимъ, значилось: "До полудни отъ 3 до 4 Михаилъ Ломоносовъ - россійскаго языка..." |см. Пекар. т.2 стр.328|. Это первый отдѣлъ дѣятельности

Ломоносова, но на первыхъ же порахъ онъ выступилъ и какъ поэтъ.

Еще въ 1738 г., какъ мы видѣли, онъ первый перевелъ оду "на счастіе" Фенелона; въ 1735 г. онъ написалъ оду на взятіе Хотина. На занятіе поэзіей натолкнуло его вѣроятно, вліяніе школы. Въ замкноспас. школѣ упражненія въ стихотворствѣ занимали видное мѣсто. То же самое встрѣтилъ Ломоносовъ и въ Марбургѣ, гдѣ стихотворство очень цѣнилось и установлена была даже такса на лучшія стихотзоренія студентовъ. Неудивительно, что и Ломоносовъ взялся за это дѣло. Кромѣ того, стихотв. дѣятельность имѣла особую цѣнность въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, такъ какъ входила въ требованія придворнаго этикета. Въ придворныхъ кружкахъ начала 18 в. если устраивался какой-либо праздникъ, для него непремѣнно представлялась ода; былъ ли парадъ, гулянье или иллюминація, прочитывались при этомъ подходящіе стихи. Словомъ, запросъ на стихотворенія былъ большой, и до какой степени цѣнилось стихотворство, видно изъ того, что въ Академіи Наукъ былъ особый членъ - Штеликъ, ловкій стихоплетъ, который только тѣмъ и занимался, что слагалъ стихи для придворныхъ праздниковъ; онъ назывался профессоромъ аллегоріи. Естественно, что и за Ломоносова ухватились, какъ за хорошаго стихотворца, который писалъ стихи прямо по-русски, тогда какъ стихи Штелина нужно было еще переводить на русскій языкъ: онъ, не зная русск. яз., писалъ по нѣмецки. Въ то же время Ломоносовъ вступилъ въ сношенія со знатью - съ Разумовскимъ, Воронцовымъ, Шуваловымъ и др. которые

также поощряли занятіе его стихотворствомъ, такъ что это даже сдѣлалось его служебной обязанностью. Въ 1750 г. въ Академіи было объявлено, что Ея Императорское Величество, Всемилостивѣйшая Государыня изустнымъ своимъ именнымъ указомъ изволила повелѣть "Тредьяковскому и Ломоносову сочинить по трагедіи." Въ исполненіе этого указа была написана Ломоносовымъ трагедія "Тамира и Селимъ."

На занятія исторіей Ломоносовъ былъ натолкнутъ Шуваловымъ. Послѣдній заявилъ, что императрица желала бы видѣть "Россійскую исторію, его штилемъ написанную." Ломоносовъ неохотно взялся за эти занятія. Онъ часто жаловался на ихъ тяжесть. Въ словѣ "о происхожденіи свѣта" онъ говоритъ: "къ ясному всего истолкованію необходимо нужно предложить всю мою систему физической химіи, которую совершить и сообщить ученому свѣту препятствуетъ мнѣ любовь къ россійскому слову, къ прославленію россійскихъ героевъ и къ достовѣрному изъясненію дѣяній нашего отечества."

Въ письмѣ къ Эйлеру онъ писалъ: "я принужденъ здѣсь играть роль не только поэта, оратора, химика и физика, но теперь совершенно почти превращаюсь въ историка." Какъ надоѣдали ему занятія исторіей, видно изъ письма къ Шувалову: "могу васъ увѣрить въ томъ заподлинно, что первый томъ въ нынѣшнемъ году съ Божіей помощью совершить упованю. Что же до другихъ моихъ въ физикѣ и химіи упражненій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ниже возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ упокоенія: для того, оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостьми или съ домашними препровожденія времени картами, шашками или другими забавами, а иные табач-

нимъ дымомъ: отъ чего я уже давно отказался, затѣмъ что не нашелъ въ нихъ ничего кромѣ скуки." Въ связи съ занятіями Ломоносова исторіею стоятъ нѣкоторые труды его - "Слово похвальное Государю Императору Петру В.", "Краткій лѣтописецъ" и "Древняя Россійская Исторія отъ начала россійскаго народа до кончины великаго князя Ярослава I."

Четвертый родъ занятій Ломоносова - участіе въ управленіи Академіей. Въ 1757 г. Ломоносовъ назначенъ былъ совѣтникомъ академической канцеляріи, а въ 1758 г. ему порученъ надзоръ за всей ученой и учебной частью Академіи: надзоръ за профессорскимъ собраніемъ, за университетомъ и гимназіей, за географ. департаментомъ. Памятникомъ этой дѣятельности остались географическіе вопросы, проэктъ "о посылкѣ астрономовъ и геодезистовъ въ нужнѣйшія мѣста въ Россіи для опредѣленія широты и долготы", а также преобразованія Академіи и университета.

Наконецъ, въ пятыхъ, мы должны сказать о занятіяхъ Ломоносова мозаикою, на которыя онъ натолкнулся случайно. Вице-канцлеръ Воронцовъ привезъ изъ Рима мозаическую икону. Это древнее искусство заинтересовало Ломоносова, и онъ рѣшился возродить его на Руси. Съ жаромъ Ломоносовъ принялся за это дѣло: устроилъ лабораторію, фабрику. Но дѣло шло плохо: фабрики, требовавшія огромныхъ расходовъ, вовсе не покрывались доходами. Итакъ, мы видимъ, что онъ былъ плохой фабрикантъ, хотя хорошій ученый. Памятникомъ увлеченія мозаикой осталось "Письмо о пользѣ стекла".

Приступимъ теперь къ изложенію различныхъ отдѣловъ литературной дѣятельности Ломоносова. Здѣсь всего естественнѣе начать съ трудовъ ученыхъ, именно - по естествознанію. Какая же общая заслуга Ломоносова въ этомъ отношеніи? Здѣсь

нужно повторить то же, что мы сказали о Татищевѣ. Заслуга послѣдняго въ томъ, что онъ первый представилъ опыты научнаго изученія русской исторіи. То же можемъ сказать и о Ломоносовѣ по отношенію къ естественнымъ наукамъ. Извѣстно, что прикладныя естественныя знанія болѣе всего цѣнились Петромъ В. Онъ выдвигалъ по преимуществу знанія практическія, какъ напр., инженерное искусство, металлургію и проч. Сравнительно съ этими воззрѣніями Петра у Ломоносова встрѣчаемъ болѣе возвышенный взглядъ на науку. Въ словѣ "О явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ" Ломоносовъ становится на точку зрѣнія Петра: "Монархъ, къ великимъ дѣламъ рожденный..... усмотрѣлъ ясно, что ни полковъ, ни городовъ надежно укрѣпить, ни кораблей построить и безопасно пустить въ море, не употребляя математики, ни оружія, ни огнедышащихъ машинъ, ни лѣкарства поврежденнымъ въ сраженіи воинамъ безъ физики приготовить, ни законовъ, ни судовъ провести, ни чеотности нравовъ, безъ ученія философіи и краснорѣчія ввести; и словомъ, ни во время войны государству надлежащаго защищенія, ни во время мира украшенія безъ вспоможенія наукъ изобрѣсти возможно. Того ради не токмо людей всякими науками и художествами знатныхъ превеликими награжденіями и ласковымъ и безопаснымъ въ Россію принятіемъ изъ дальныхъ земель призвалъ; не токмо во всѣ европ. государства и города, академіями, гимназіями, военными училищами и художниковъ искусствомъ славныя, избранныхъ юношей, посламъ подобное множество, разсылалъ, но и самъ всѣхъ общій примѣръ и предводитель, паче обыкновенія дру-

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

гихъ государей, неоднократно удаляясь изъ отечества въ Голландію, Германію, Францію и Англію, пылая желаніемъ знаній, странствовалъ". |т.II, стр.32-33|.

Но въ другомъ его трудѣ, въ "словѣ о пользѣ химіи", мы находимъ у него ясное разграниченіе двухъ областей науки и художества |ремесла|, ихъ цѣлей, средствъ и взаимныхъ отношеній: "ученіемъ пріобрѣтенныя знанія раздѣляются на науки и художества. Науки подаютъ ясное о вещахъ понятіе и открываютъ потаенныя дѣйствій и свойствъ причины; художества къ пріумноженію человѣческой пользы оныя употребляютъ. Науки довольствуютъ врожденное и вкорененное въ насъ любопытство, художества снисканіемъ прибытка увеселяютъ. Науки къ художествамъ путь показываютъ, художества происхожденіе наукъ ускоряютъ. Обои общею пользою согласно служатъ". |II, 5.|

Еще въ 3-мъ мѣстѣ своихъ разсужденій, именно въ началѣ "Слова о происхожденіи свѣта", Ломоносовъ такъ выражается о самостоятельномъ значеніи науки: "испытаніе натуры трудно, однако, пріятно, полезно, свято"|II, 109|.

Такимъ образомъ въ области естественныхъ наукъ Л. дѣлаетъ такой шагъ, какой Татищевъ въ области историческихъ наукъ. Труды его въ этомъ отношеніи разнообразны: онъ работалъ въ области химіи, физики, металлургіи и пр.. По-видимому, его научные труды важны только для исторіи науки, и разсмотрѣніе ихъ не входитъ въ литературу, но всмотрѣвшись глубже въ нихъ, мы и здѣсь находимъ черту, заслуживающую быть упомянутой въ исторіи литературы. Этой характерной чертой является постоянное стремленіе Ломоносова къ обобщеніямъ, даже гипотезамъ. Самыя заглавія его сочиненій: "О явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической

силы происходящихъ, о происхожденіи свѣта, о рожденіи металловъ" указываютъ на попытки его къ самостоятельному объясненію явленій природы, часто даже оригинальныя. Такъ Ломоносовъ въ одномъ словѣ предлагаетъ новую теорію свѣта, въ другомъ - новую теорію происхожденія металловъ. Это стремленіе къ гипотезамъ составляетъ особенность Ломоносова. Знаменитый математикъ Эйлеръ такъ отзывается о Ломоносовѣ: "догадки автора столь же остроумны, сколь и вѣроподобны, и выказываютъ въ авторѣ счастливое дарованіе къ распространенію истиннаго познанія естествовѣдѣнія. Нынѣ таковые умы весьма рѣдки, такъ какъ большая часть остается только при опытахъ, почему и не желаютъ пускаться въ разсужденія. Другіе же впадаютъ въ такіе нелѣпые толки, что они въ противорѣчіи всѣмъ началамъ здраваго естествовѣдѣнія. Поэтому догадки Ломоносова тѣмъ большую имѣютъ цѣну, что онѣ удачно задуманы и вѣроподобны. Отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы онѣ вполнѣ были доказаны, п.ч. дальнѣйшія изслѣдованія, согласуются ли онѣ съ истиною или нѣтъ, приведутъ насъ къ желанной цѣли. Все, что мы знаемъ теперь достовѣрнаго въ физикѣ, было первоначально окружено только догадками. И когда бы никогда не допускать таковыхъ, даже ложныхъ гипотезъ, то мы не достигли бы никакой истины." Въ другомъ мѣстѣ - въ письмѣ къ Ломоносову, онъ выражаетъ удивленіе къ его дарованіямъ и смѣлымъ гипотезамъ. Это желаніе постоянно возвышаться надъ кропотливымъ занятіемъ узкаго опеціалиста отличало Ломоносова. Съ презрительнымъ негодованіемъ онъ отзывается о тѣхъ ученыхъ, которые рабски подчиняются факту. Возражая одному изъ своихъ критиковъ, который упрекалъ его за желаніе идти дальше простыхъ опытовъ, Ломоносовъ замѣчаетъ: "какъ будто физикъ въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ права возвы-

шаться надъ производствомъ опытовъ и не долженъ подчинять
ихъ размышленію, чтобы перейти отъ нихъ къ открытіямъ.
Или химикъ, напр., неужели осужденъ вѣчно держать въ одной
рукѣ щипчики, а въ другой плавильный горшокъ и ни на мину-
ту отлучаться отъ углей и пеклу". |Сборн.Матер.для Ак.Н.
II,522|. Для Ломоносова факты интересны настолько, наскольк
ко они нужны для его теоріи. Онъ самъ формулируетъ эти свои
воззрѣнія так.обр.: "изъ наблюденій установлять теорію,
чрезъ теорію направлять наблюденія, есть лучшій всѣхъ спо-
собъ къ изысканію правды." |II,232|. Так.обр. Л. ставилъ ря
домъ наблюденіе и теорію, но изъ этихъ двухъ элементовъ он
болѣе дорожитъ теоріей. Поэтому онъ съ пренебреженіемъ от-
зывается о Генкелѣ, учителѣ металлургіи, п.ч. онъ хотѣлъ
обладать богатыми познаніями, но не охотникъ былъ до обобщ
ній. "Онъ, писалъ Ломоносовъ въ Академію Наукъ, всю разумну
философію презиралъ и, когда я однажды по его приказанію
зачалъ причину химическихъ явленій объяснять |но не по его
перипатетическому концепту, а по началамъ механики и гидра
лики|, то онъ тотчасъ же мнѣ замолчать приказалъ и съ обы-
кновенною своею наглостью на смѣхъ поднялъ мои объясненія,
яко несбыточную причуду." |Сборн. Кулиша, II,335|. Этотъ пр
зрительный отзывъ доказываетъ, что Л. не довольствовался
однимъ опытомъ, онъ хотѣлъ возвысится до философіи природы.
Это стремленіе высказывается имъ не разъ. Такъ онъ говорит
"что *physicum esse debet philosophus* Въ его бумагахъ остались
наброски философіи природы, которая должна обнимать морфо-
логію, космографію, географію, метеорологію, ботанологію
и психологію. Так. обр., вотъ сторона произведеній Л-ва, на
которую нельзя не обратить вниманія. Въ этой особенности
трудовъ Л-ва лежитъ ихъ источникъ достоинствъ и недостатков

Они отличаются доступностью и популярностью |они были написаны реторическою рѣчью и имѣли видъ академическихъ рѣчей|. Въ этомъ ихъ достоинство. Недостатки ихъ въ томъ, что теоріи его не отличались особенною живучестью, факты накоплялись, и онѣ падали.

Но спрашивается, откуда въ Л-вѣ это стремленіе къ философіи, къ обобщеніямъ? Откуда это положеніе, что физикъ долженъ быть философомъ? Объясненія этого нужно искать въ особенностяхъ его широкаго ума. Но рядомъ съ этимъ нужно признать вліяніе тѣхъ условій, при которыхъ онъ началъ свое ознакомленіе съ естественными науками въ Марбургѣ, гдѣ онъ, какъ извѣстно слушалъ у Вольфа философію, физику и логику. Отъ него то Л-совъ усвоилъ тотъ взглядъ на науку вообще и въ частности на науку о природѣ, какой выражается въ его сочиненіяхъ. Это подтверждаетъ отзывъ Эйлера, который прямо причисляетъ Л-ва къ философамъ Вольфіанской школы. По поводу гипотезы Л-ва объ атомахъ Эйлеръ писалъ, что положеніе монадъ отвергнуто всѣми, даже Вольфіанцами: *monadum argumentum jam fere in universum repudiatum videtur, plures enim philosophi Volphiani, inter quos Plaquetus primum locum tenet se in errore esse versos agnoverunt, unde non est quod dubites tua de hoc argumento meditata in medium proferre.*

|Пек. 918| Так. обр. онъ замѣчаетъ, что воззрѣнія Л-ва примыкаютъ къ воззрѣніямъ Вольфа. Итакъ, вліяніе Вольфа, на Л-ва очевидно. Въ чемъ же выразилось оно? Прежде чѣмъ перейти къ рѣшенію этого вопроса, мы скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Вольфѣ.

Вольфъ не былъ вполнѣ самостоятельнымъ мыслителемъ; онъ

былъ истолкователемъ геніальныхъ идей Лейбница и Декарта. Но воззрѣнія его имѣли громадное значеніе въ исторіи философіи. Что же сдѣлало ихъ такъ извѣстными? Лейбницъ не былъ профессоромъ, и большая часть его сочиненій написана не на нѣмецкомъ языкѣ, а Вольфъ былъ профессоромъ и одинъ изъ первыхъ ввелъ нѣмецкій языкъ въ область философіи, гдѣ до того господствовалъ латинскій языкъ исключительно. Онъ систематизировалъ воззрѣнія этихъ философовъ |Лейбница и Декарта| и, изложивъ ихъ въ массѣ произведеній, сдѣлалъ изъ нихъ школьную систему. Въ чемъ, повторяемъ, выразилось вліяніе этихъ философовъ на нашего ученаго? Оно сказалось въ двухъ пунктахъ воззрѣній Ломоносова: во-первыхъ, въ ученіи о монадахъ, во-вторыхъ, во взглядахъ его на отношенія религіи къ знанію.

Обратимся къ первому пункту. Терминъ "монада" былъ введенъ Лейбницемъ, у котораго монады представляли метафизическое основаніе всего сущаго.. Введены монады были для того, чтобы предположеніемъ ихъ примирить противоположность духа и матеріи. Что касается Вольфа, то онъ отвергнулъ такое понятіе о монадахъ, но самый терминъ былъ удержанъ имъ въ физикѣ, хотя въ совершенно другомъ смыслѣ, именно, въ значеніи атомовъ, т.е. мельчайшихъ частицъ матеріи, разнообразіемъ и дѣятельностію которыхъ объясняется разнообразіе и движеніе природы. Вольфъ полагалъ, что матерія раздѣляется на невидимыя малыя частицы, находящіяся въ движеніи. То же повторяется и у Л-ва, который въ основаніе своихъ воззрѣній кладетъ ученіе о монадахъ, какъ атомахъ. Ихъ движеніемъ онъ старается объяснить все разнообразіе явленій природы. Вотъ нѣкоторые образцы этого. Въ "Словѣ о пользѣ химіи" Ломоносовъ говоритъ: "натураль-

ныя вещи разсматривая, двоякаго рода свойства въ нихъ находимъ...Перваго рода суть величина, видъ, движеніе и положеніе цѣлой вещи; второго - цвѣтъ, вкусъ, запахъ, лѣкарственныя силы и прочія....Второго рода качествъ подробнаго понятія имѣть невозможно, не изслѣдовавъ самыхъ малѣйшихъ и нераздѣльныхъ частицъ, отъ коихъ они происходятъ и коихъ познаніе толь нужно есть испытателемъ натуры, какъ самыя оныя частицы къ составленію тѣлъ необходимо потребны" |II,6-7|. Так. обр. эти частицы являются чистымъ предположеніемъ, но необходимымъ естествоиспытателю для объясненій явленій въ природѣ. И эту мысль Л-въ повторяетъ весьма часто. Такъ, въ "Словѣ о происхожденіи свѣта" онъ говоритъ: "представьте себѣ всемірнаго строенія пространство, изъ шариковъ нечувствительной, но разной величины состоящее, поверхность ихъ наполненную частыми и мелкими неровностями, которыми оныя частицы на подобіе зубцовъ, каковы на колесахъ бываютъ, другъ съ другомъ сцѣпиться могутъ" |т. III,126-127|. Въ томъ же словѣ онъ говоритъ: "знаніе первоначальныхъ частицъ толь нужно въ физикѣ, коль сами первоначальныя частицы къ составленію тѣлъ чувствительныхъ |*ibidem* стр.146|. У Л-ва былъ даже обширный замыслъ изложить всѣ естественныя науки съ атомистической точки зрѣнія; каковой трудъ онъ назвалъ: "*Corpuscularis philosophiae systema.*" Объ этомъ трудѣ Л-въ писалъ |въ 1748 г.|Эйлеру: *integrum corpularis philosophiae systema publici juris facere possem,*" |Матер. Биллярскаго,ст.110|Эта философія, памятникъ остроумія Л-ва, была наполнена воззрѣніями Вольфа, что вполнѣ понятно. При сильномъ вліяніи Вольфа на учениковъ, нельзя предполагать, чтобы его лекціи и бесѣды остались безъ вліянія на одного изъ даровитѣйшихъ слушателей его, по призна-

нію самого профессора, на Ломоносова, который, какъ извѣстно, высоко цѣнилъ своего учителя, называя его славнѣйшимъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ авторомъ. Опытная физика Вольфа переведена на русскій языкъ Ломоносовымъ.

Второй пунктъ, въ которомъ сказалось вліяніе Вольфа на Л-ва это воззрѣніе на отношеніе религіи къ знанію. Въ философіи Вольфа этотъ пунктъ занимаетъ видное мѣсто. По своимъ возарѣніямъ онъ былъ деистъ; онъ допускалъ естественное богословіе, т.е. допускалъ ученіе о божествѣ, какъ оно можетъ быть объяснено естественнымъ разумомъ. Но ему пришлось столкнуться съ откровенною религіею. Что же онъ дѣлаетъ? Онъ не противоставляетъ ихъ т.е. разумъ и откровеніе, какъ нѣчто противоположное и взаимно исключающее другъ друга, а ставитъ рядомъ. Въ одномъ своемъ сочиненіи Вольфъ пытается установить критерій для опредѣленія условій, при которыхъ возможно признаніе откровенія и чуда. Эти воззрѣнія навлекли преслѣдованія на Вольфа. Они то были усвоены Ломоносов. Но у послѣдняго, работающаго въ условіяхъ русской жизни, вопросъ ставится проще и элементарнѣе; онъ хлопочетъ, чтобы дали хоть какія-нибудь права въ наукѣ естественному разуму на ряду съ религіей. Присмотрѣвшись къ нѣкоторымъ мѣстамъ его сочиненій, мы замѣчаемъ, что здѣсь цѣликомъ многое заимствовано у Вольфа. Вотъ нѣсколько такихъ мѣстъ: во I-хъ, нужно указать на второе прибавленіе къ металлургіи. Здѣсь Л-совъ, приводя воззрѣніе на древность земли, на основаніи геологическихъ и палеонтологическихъ изслѣдованій, говоритъ, что они заставляютъ предполагать болѣе продолжительное существованіе земли, чѣмъ по общепринятому счисленію. Итакъ яв-

ляется противорѣчіе. Какъ же примирить его? Онъ держится того убѣжденія, что нужно стать на сторону природы. При этомъ онъ говоритъ, что счисленія лѣтъ отъ сотворенія міра не представляютъ собою догматовъ, такъ какъ у различныхъ богослововъ они различны. Если сталкиваются, продолжаетъ онъ, воззрѣнія научныя съ традиціонными, то нужно различать, къ какой области они относятся; а такъ какъ вопросъ о сущности земли есть вопросъ науки, а не богословія, то первой и нужно отдать предпочтеніе при рѣшеніи вопроса: "нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что науки наукамъ весьма много способствуютъ, какъ физика химіи, физикѣ математика, нравоучительная наука и исторія -стихотворству, однако же не каждая каждой. Что помогутъ хорошія риѳмы въ доказательствѣ пиѳагоровой теоремы? Что пользуетъ знаніе причины возвышенія и паденія Римской Имперіи въ изъясненіи обращеніи крови въ животномъ тѣлѣ. Такимъ же образомъ, уложенія и кормчая книга ничего не служатъ учащемуся астрономіи, равно какъ одно другому не препятствуетъ. Посмѣянія достойны таковые люди, кои чего требуютъ, подобно, какъ нѣкоторые католицкіе философы дерзаютъ по физикѣ изъяснять непонятныя чудеса Божіи и самыя страшныя таинства христіанскія. Сему излишеству есть съ другой стороны подобное, но и при томъ приращенію наукъ помѣшательное нѣкоторыхъ поведеніе, кои осмѣхаютъ науки, а особливо новыя откровенія въ натурѣ, разглашая, будто бы они были противны закону. Коимъ самымъ мнимымъ защищеніемъ, дѣйствительно, его поносятъ, представляя оной непріятелемъ натурѣ, не меньше отъ Бога происшеждшей, и называя все то соблазномъ, чего не понимаютъ. Но всякъ изъ таковыхъ людей вѣдай, что онъ ссор-

щикъ, что онъ старается произвести вражду между Божьею дщерью - натурою и между невѣстою Христовою - церковью."

Что такого рода замѣчанія были не лишни - ясно изъ слѣдующихъ фактовъ. Кантемiръ перевелъ сочиненiе Фонтенеля "О множествѣ мiровъ", и его книга испытала затрудненiя при появленiи на свѣтъ. Разъ въ Академiи Наукъ одинъ академикъ сказалъ рѣчь, въ которой развивалъ систему Коперника; ее не дозволили напечатать на русскомъ языкѣ, и она была напечатана на латинскомъ языкѣ.

Въ философскихъ сочиненiяхъ Ломоносова, какъ мы замѣтили выше, вліянiе Вольфа сказывается преимущественно въ двухъ пунктахъ: въ ученiи о монадахъ и во взглядѣ на отношенiе вѣры къ знанiю. О первомъ мы говорили уже выше; послѣдній взглядъ высказывается Ломоносовымъ также не разъ. Такъ мы его встрѣчаемъ во "второмъ прибавленiи къ металлургiи", гдѣ, говоря объ отношенiи науки и вѣры, Ломоносовъ выставляетъ два положенiя: I| Нельзя считать догматомъ библейское лѣтосчисленiе, которому противорѣчитъ долгота времени и множество вѣковъ, требуемыхъ на обращенiе и произведенiе вещей въ природѣ. Это лѣтосчисленiе не точно и въ самой библiи, разногласятъ о немъ и св. отцы и ученiя церкви. 2| подобно тому, какъ наука не каждая имѣетъ связь съ каждой, такъ и естествознанiе и вѣра, не имѣя между собою связи, должны ограничиваться, каждое своею областью". Болѣе подробно развивается то же воззрѣнiе въ прибавленiи къ статьѣ: "Явленiе Венеры на солнце, наблюденное въ С.П.Б. и Академiи наукъ въ I76I г." Такъ какъ приведенныя въ этой статьѣ соображенiя по поводу происхожденiя Венеры предполагаютъ систему Коперника, то Л. счелъ нужнымъ остановиться на кажущемся противорѣчiи этой системы съ ученiемъ Св.

Писанія |извѣстенъ библейскій разсказъ о томъ, какъ Іисусъ Навинъ остановилъ движеніе солнца|. Онъ говоритъ,что во І-хъ св.Писаніе не всегда нужно понимать буквально "грамматическимъ разумомъ"", такъ учили и св. отцы, напр. Василій Великій въ своемъ "Шестодневѣ"; во 2-хъ, что вѣра и знаніе, имѣя свои особыя области, и содержаніе свое получаютъ изъ разныхъ источниковъ: источникомъ для вѣры служитъ откровеніе, а для естествознанія источникъ въ природѣ. "Правда и вѣра, говоритъ онъ, суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго родителя, никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду сплететъ... Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой свою волю. Первая - видимый сей міръ, имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, признавалъ божественное всемогущество, по мѣрѣ дарованнаго себѣ понятія. Вторая книга Св.Писаніе. Въ ней показано Создателемъ благоволеніе къ нашему спасенію. Не здраво разсуди-телень математикъ, ежели онъ хочетъ божественную волю вымѣрять циркулемъ. Таковъ же и Богословіи учитель, есть-ли онъ думаетъ, что по псалтирѣ научиться можно астрономіи или химіи." Так. обр. по мысли Ломоносова, наука и религія должны быть разграничены между собою такъ, чтобы каждая имѣла приложеніе и значеніе только въ своей области.

Но для чего нужно Ломоносову говорить объ этомъ? Были ли въ окружающей его дѣйствительности прямыя побужденія къ развитію подобныхъ мыслей? Припоминая то, что было сказано нами прежде о борьбѣ между сторонниками реформы Петра съ

одной стороны и приверженцами старины и противниками наукъ съ другой стороны, мы поймемъ, что развитіе этихъ мыслей, особенно въ сочиненіяхъ популярныхъ, было необходимостью. Эта необходимость вызывала сатиру Кантеміра, она же побуждала Ломоносова къ прямой защитѣ науки и разъясненію ея правъ и значенія. Кромѣ того, Л-въ иногда и прямо касался этихъ противниковъ, даже иронизировалъ на ихъ счетъ. Такъ въ "прибавленіи къ статьѣ о прохожденіи Венеры", онъ говоритъ о двоякаго рода противникахъ наукъ: одни изъ нихъ невѣжи, слушающіе всякіе бредни ханжей и пустосвятовъ: "Нерѣдко легковѣріемъ наполненныя головы слушаютъ и съ уваженіемъ внимаютъ, что при таковыхъ небесныхъ явленіяхъ |затмѣніяхъ солнца| пророчествуютъ бродящіе по міру богадѣльники, кои не только весь свой долгій вѣкъ о имени астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, ходя сугорбясь." Другого рода противниковъ видитъ Л-въ въ людяхъ грамотныхъ, чтецахъ писанія и ревнителяхъ православія, которые считали науки противными вѣрѣ. Тамъ же помѣщается юмористическое разсужденіе двухъ ученыхъ о движеніи земли. Коперникъ и Птоломей разъ спорили между собой о движеніи земли, споръ грозилъ затянуться долго, если бы спорившіе не обратились за разрѣшеніемъ вопроса къ повару, который случился тутъ.

Онъ далъ такой отвѣтъ: что въ томъ Кперникъ правъ,

Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ;

Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такова,

Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркова?"

Упоминаніе о противникахъ наукъ встрѣчаемъ и въ другихъ произведеніяхъ Л-ва. Въ "Посланіи о пользѣ стекла", разсуждая о различныхъ полезныхъ примѣненіяхъ его, онъ между

прочимъ останавливается на телескопахъ и зажигательныхъ стеклахъ. Упоминаніе о послѣднихъ приводитъ ему на память извѣстный миѳъ о Прометеѣ, подвергшемся тяжкому наказанію за похищеніе огня съ неба; онъ догадывался, что подъ похищеніемъ огня съ неба нужно разумѣть изобрѣтеніе зажигательнаго стекла и что, такимъ обр., Прометей палъ жертвою науки и неправаго толка свирѣпыхъ невѣждъ:

"Не свергла ль въ пагубу наука Прометея?
Не зляся ль на него невѣждъ свирѣпыхъ полкъ
На знатны вымыслы сложилъ неправый толкъ?
Подъ видомъ ложныхъ сихъ почтенія боговъ
Закрытъ былъ звѣздный міръ чрезъ множество вѣсовъ.
Боясь паденія неправой оной вѣры,
Вели всегдашню брань съ наукой лицемѣры,
Дабы она, открывъ величество небесъ,
И разность дивную невѣдомыхъ чудесъ,
Не показала, что непостижима сила
Единаго Творца весь міръ свой сотворила."

Къ тому же отдѣлу сатирическихъ выходокъ Л-ва противъ враговъ науки, выходокъ, имѣющихъ связь съ его воззрѣніями на отношеніе науки къ вѣрѣ, относятся два шуточныхъ стихотворенія: "Посланіе къ Пахомію" и "Гимнъ бородѣ." Эти стихотворенія цѣликомъ примыкаютъ къ тѣмъ выходкамъ противъ ханжей, которыя мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Петра В. и Ѳ. Прокоповича. Въ "Посланіи къ Пахомію" поэтъ говоритъ о какомъ то Пахоміи, знаменитомъ проповѣдникѣ, который возстаетъ противъ наукъ, считая ихъ вредными, не признаетъ пользы даже той науки, въ которой одной онъ только и смыслитъ кое что, т.е. риторикѣ. Пахомій говоритъ, что

Для святаго слова риторика ничто; лишь совѣсть будь готова.

Ты будешь кознодѣй, лишь только отань попомъ,
И стыдъ весь отложи. Однако врешь, Пахомъ,
На что риторику совсѣмъ пренебрегаешь?
Ее лишь ты одну и то худенько знаешь....
Ты словомъ Божіимъ незнанье закрываешь,
И больше тѣхъ мужей у насъ быть уповаешь.
Ты думаешь, Пахомъ, что ты ужъ Златоустъ?
Но мы увѣрены о томъ, что мозгъ твой пустъ.
Намъ слово Божіе чувствительно, любезно,
И лишь во ртѣ твоемъ безсильно, безполезно.
Нравоученіемъ преславный Телемакъ
Стократъ полезнѣе твоихъ нескладныхъ вракъ.

Еще болѣе сатирическимъ характеромъ отличается "Гимнъ бородѣ". Рѣзкость тона этого стихотворенія вызвала даже противъ автора неудовольствіе Синода. Составлено было по поводу "Гимна" въ Синодѣ особое донесеніе, въ которомъ говорилось: "въ недавнемъ времени проявились въ городѣ пашквильные стихи, надписанные "Гимнъ бородѣ", въ которыхъ недовольно того, что тотъ пашквилянтъ подъ видомъ яко бы на раскольниковъ, крайне скверныя, и совѣсти и честности христіанской противныя ругательства генерально на всѣхъ персонъ, какъ прежде имѣвшихъ, такъ и нынѣ имѣющихъ бороды, написавъ, но и тайна святаго крещенія къ зазрительнымъ частямъ человѣческаго тѣла наводя, богопротивно обругалъ и черезъ названіе бороды ложныхъ мнѣній завѣсою всѣхъ святыхъ отецъ ученія и преданія еретически похулилъ." Синодъ требовалъ, чтобы это произведеніе предано было сожженію, а авторъ его былъ бы отосланъ въ Синодъ для увѣщанія. Къ счастію для Л-ва это требованіе не было исполнено.

Так. обр., Л-въ не скупился на рѣзкія выходки противъ ханжей и пустосвятовъ, которые во всякой научной попыткѣ хотѣли видѣть нарушеніе правъ религіи. Нужно еще сказать нѣсколько словъ о формѣ произведеній этого отдѣла, которая также имѣетъ свои достоинства. Л-въ вообще былъ того мнѣнія, что писать темно, неясно, можетъ только тотъ, кто самъ плохо знаетъ, о чемъ пишетъ. Поэтому, собственныя его произведенія всегда отличаются чрезвычайной ясностью и точностью, которая поражаетъ читателя даже теперь. Большая часть сочиненій Л-ва этого отдѣла написана въ формѣ рѣчей, назначенныхъ для произнесенія въ присутствіи публики. Этимъ обстояте льствомъ объясняется то, что авторъ, кромѣ научной ясности и точности, старался придать имъ еще и занимательность, допуская различныя сравненія, отступленія и даже шуточныя выходки. Такъ въ "Словѣ о пользѣ химіи" онъ сравниваетъ отношеніе естествоиспытателя къ наукѣ съ отношеніемъ любовника къ любимой имъ особѣ: "когда отъ любви безпокоящійся желаетъ познать прямо склонность къ себѣ своей невѣсты, тогда, разговаривая съ нею, примѣчаетъ въ лицѣ перемѣны цвѣту, очей обращеніе и рѣчей порядокъ; наблюдаетъ ея дружества, обходительство и увеселенія, выспрашиваетъ рабынь, которыя ей при возбужденіи, при нарядахъ, при выѣздахъ, при домашнихъ упражненіяхъ служатъ; и такъ, по всему точно увѣряется о подлинномъ сердца ея состояніи. Равнымъ образомъ, прекрасныя натуры значительный любитель, желая испытать столь глубоко сокровенное состояніе первоначальныхъ частицъ, тѣла составляющихъ, долженъ высматривать всѣ оныхъ свойства и перемѣны, а особливо тѣ, которыя показываетъ ближайшая ея служительница и наперсница и въ самые внутренніе чертоги

входъ имѣющая - химія."

Или вотъ другой примѣръ. Въ разсужденіи металлургіи Л-въ коснулся вопроса объ органическихъ морскихъ остаткахъ - раковинахъ и пр., находимыхъ иногда на вершинахъ горъ, тогда какъ мѣстомъ ихъ первоначальнаго нахожденія можно признать только море. Упомянувъ о томъ, что нѣкоторые ученые объясняли таковое явленіе просто игрою природы, авторъ замѣчаетъ шутливо: "что бы они подумали о такомъ водолазѣ, который бы изъ глубины морской вынести монеты, или ружье, либо сосуды, которые во время морского сраженія, или отъ потопленія бурею издавна погрязли, и сказалъ бы имъ, что ихъ множество производитъ тамъ, забавляясь своимъ избыткомъ прохладная натура? Что, когда бы дно посреди земного моря или и самаго великаго океана открылось, гдѣ воюющіе финикіяне, греки, карѳагенцы, римляне, гдѣ возвращающіеся изъ восточной Индіи, или изъ Америки флота лишились имѣнія и жизни, и оказались бы художествомъ человѣческимъ извѣстно произведенныя орудія, посуда, снасти, деньги съ изображеніями разныхъ государей, находячихъ или въ монетныхъ кабинетахъ хранимыхъ, видимыхъ со всѣми подобныя и того же писанія; а при томъ бы стали нѣкоторые разсуждать, что все то производитъ сама природа, т.е. исправляетъ въ пучинѣ морской кузнечное, ружейное, мѣдничное, монетное дѣло? Не призрительное ли бы осмѣяніе такія мысли произвели въ благоразсудныхъ людяхъ? Не меньшаго смѣху и презорства достойны оные любомудрцы, кои видя на горахъ лежащія въ ужасномъ множествѣ раковины фигурою, величиной, цвѣтами, струями и крапинками и всѣми разность и качествъ и свойствъ, коими сихъ животныхъ природы различаются, показующими характерами сходствующіе съ живущими

въ морѣ; и сверхъ того, химическими дѣйствіями раздѣлимыя на такія же матеріи, не отыдясь утверждаютъ, что они не морское произведеніе, но своевольной натуры легкомысленныя затѣи" |II,513-514|. Наконецъ вотъ еще образецъ старинія Ломоносова о занимательности своей рѣчи. Говоря о происхожденіи янтаря, онъ послѣ разныхъ ученыхъ доказательствъ своего предположенія добавляетъ: "Кто таковыхъ ясныхъ доказательствъ не принимаетъ, тотъ пусть послушаетъ, что говорятъ включенные въ янтарѣ червяки и др. гадины", и затѣмъ предотавляетъ цѣлый разсказъ червяковъ о томъ, какъ они попали въ каплю древесной смолы и были погребены съ нею на морскомъ днѣ, гдѣ и претворились въ янтарь. Отъ замѣчаній о научныхъ трудахъ Ломоносова, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію его поэтическихъ произведеній.

Здѣсь прежде всего мы должны остановиться на мнѣніи Пушкина объ этихъ произведеніяхъ, который не признавалъ у Ломоносова поэтическаго дара: "Поэзія, говоритъ онъ, бываетъ исключительною страстью немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни; но если мы станемъ изслѣдовать жизнь Ломоносова, то найдемъ, что науки точныя были всегда его главнымъ и любимымъ занятіемъ, стихотворство же иногда забавою, но чаще должностнымъ упражненіемъ. Мы напрасно бы искали въ первомъ нашемъ лирикѣ пламенныхъ порывовъ чувства и воображенія. Слогъ его ровный, цвѣтущій и живописный, заемлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго и славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія онаго съ языкомъ простонароднымъ. Вотъ почему переложеніе псалмовъ и др. сильныя и близкія подражанія высокой поэзіи

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

священныхъ книгъ суть лучшія его произведенія. Они останутся вѣчными памятниками русской словесности, по нимъ долгс еще мн должны будемъ поучаться стихотворному языку" |V,142|. Въ общемъ этотъ отзывъ справедливъ. Слава Л-ва дѣйствительно не въ поэзіи, а въ его трудахъ по наукамъ естественнымъ. Но мы должны принять во вниманіе то, что Л-овъ, какъ человѣкъ живой, съ умомъ обширнымъ и многообъемлющимъ, не могъ остановиться и сосредоточиться на одной какой нибудь спеціальности. Припомнимъ, что и въ вопросахъ естествознанія онъ не ограничивался простымъ изслѣдованіемъ фактовъ, а хотѣлъ возвыситься до общихъ выводовъ, до обобщеній философскихъ |напр., его мысль о „ *philosophiæ naturæ*

Потомъ обратимъ вниманіе еще на одну черту въ характерѣ Л-ова: мы уже замѣтили выше, что отношеніе естествоиспытателя къ наукѣ онъ сравниваетъ съ отношеніемъ человѣка къ любимой имъ особѣ. Такое сравненіе не было простою игривою выходкой Л-ова, это было подсказано ему собственнымъ внутреннимъ чувствомъ, ибо именно въ такомъ отношеніи къ наукѣ находился онъ самъ; онъ не только изслѣдовалъ природу, но и любилъ ее всѣми силами своей души. Эта черта была подмѣчена въ немъ еще Штелиномъ, который писалъ о молодомъ Л-овѣ въ Академію, что онъ "исполненъ страсти къ наукѣ, стремленія къ открытіямъ". Такое стремленіе намъ будетъ понятно, если мы обратимся къ біографіи Л-ова. Всѣ біографы его останавливаются на дѣтскихъ годахъ его жизни и тамъ ищутъ первыхъ задатковъ, изъ которыхъ впослѣдствіи развилась въ немъ склонность къ естествознанію. Такъ между прочимъ, говорятъ о томъ, что Л-овъ не разъ совершалъ вмѣстѣ съ отцомъ плаваніе по Бѣлому морю, гдѣ могъ близко познакомиться съ явленіями величественной сѣверной природы.

Это указаніе на возможность знакомства Л-ова съ природой еще въ дѣтскіе годы очень важно; человѣкъ, у котораго первый интересъ къ природѣ пробудился подъ такими сильными впечатлѣніями, не можетъ быть только холоднымъ изслѣдователемъ ея. И дѣйствительно, въ занятіяхъ Л-ова ученое изслѣдованіе природы было тѣсно соединено съ поэтическимъ содержаніемъ ея. Объ этомъ особенно свидѣтельствуютъ два стихотворенія его: "Утреннее размышленіе о Божіемъ величіи" и "Вечернее размышленіе о Божіемъ величіи"; изъ нихъ особенно важно второе. Въ одномъ изъ своихъ ученыхъ разсужденій, именно въ словѣ: "О явленіяхъ воздушныхъ" Л-въ дѣлаетъ ссылку на это размышленіе, смотря такимъ образомъ на него, какъ на изложеніе мыслей по научному вопросу; кромѣ того, здѣсь высказывается замѣчаніе о множествѣ міровъ, |любимая мысль 19-го в., нашедшая себѣ подробное развитіе у Фонтенеля|. Такимъ образомъ это "Размышленіе" цѣликомъ примыкаетъ къ научнымъ трудамъ Л-ова. Но это не даетъ намъ права смотрѣть на него, только какъ на ученую статью; мы вѣрнѣе опредѣлимъ его характеръ, если назовемъ его поэтическимъ созерцаніемъ природы, въ которомъ сухость научнаго изложенія согрѣта теплотой одушевленія. Размышленіе начинается изображеніемъ ночи:

Лицо свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь,
Лучи отъ насъ склонились прочь;
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Созерцая это величіе ночного звѣзднаго неба и особенно поразительнаго явленія, которое открывается ему въ сѣвер-

номъ сіяніи, поэтъ восклицаетъ:

О вы, которыхъ быстрой зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малой вещи знакъ
Являетъ естества уставъ.
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ.
Скажите, что насъ тамъ мятетъ?

Задавая потомъ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся научной области, онъ доходитъ до того предѣла, гдѣ уже невозможно научное воззрѣніе, гдѣ остается мѣсто только религіозному созерцанію:

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите жъ, сколь пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Не вѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ?

Такимъ образомъ, вотъ первая черта, придающая поэтическое достоинство нѣкоторымъ стихотвореніямъ Л-ова; въ нихъ научныя изслѣдованія природы соединены съ поэтическимъ созерцаніемъ ея. На ряду съ этимъ въ стихотвореніяхъ Л-ова можно указать и на другую черту, которая составляетъ также не малое достоинство ихъ, а именно: Л-овъ смотрѣлъ на жизнь строго, какъ на серьезный и важный подвигъ, требующій отъ человѣка много трудовъ и получающій цѣну сообразно этимъ трудамъ; но такая суровость взгляда на жизнь согрѣвалась и оживлялась у него глубокимъ чувствомъ любви къ отечеству; подъ вліяніемъ его онъ смотрѣлъ на жизнь, какъ на подвигъ къ славѣ родной земли. Эта мысль выражена въ письмѣ къ Теплову |1711|, гдѣ онъ говоритъ: "Повѣрьте, Ваше Высокоро-

діе, я пишу не изъ запальчивости, но принуждаетъ меня изъ многихъ лѣтъ извѣданное лезными опытами академическое несчастіе.... Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ, да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій и распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ въ жизни моей дороже", и въ концѣ письма добавляетъ: "что жъ до меня надлежитъ, то я сему себя посвятилъ, чтобы до гроба моего съ непріятелями наукъ Россійскихъ боротьося, какъ уже борюсь 20 лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину." Так.обр. строгость воззрѣній на жизнь согрѣвалась у Л-ова любовью къ отечеству. Эта черта отразилась и въ его стихотвореніяхъ. Таковы, напр., стихотворенія, носящія названіе: "Разговоръ съ Анакреонтомъ". Составъ его таковъ: переведено нѣсколько одъ Анакреона |I,XXII, XI, XXУIII| и послѣ каждой изъ нихъ помѣщенъ отъ лица автора отвѣтъ, обращенный къ Анакреону. Такимъ обр. представлены параллельно два противоположные взгляда на жизнь, одинъ Анакреона, который смотритъ на жизнь, какъ на веселый пиръ, другой - Ломоносова, считающаго жизнь подвигомъ къ славѣ и благу родной земли.

Въ XI одѣ Анакреона читаемъ:

Мнѣ дѣвушки сказали:
"Ты дожилъ старыхъ лѣтъ",
И зеркало мнѣ дали:
"Смотри, ты лысъ и сѣдъ."
Я ни тужу ни мало,
Еще ль мой волосъ цѣлъ,
Иль темя гладко стало,
И весь я поболѣлъ.
Лишь въ томъ могу божиться,
Что долженъ старичокъ
Тѣмъ больше веселиться,
Чѣмъ ближе видитъ рокъ.

Въ отвѣтъ на эту оду Ломоносовъ выводитъ Катона и прово-

дитъ параллель между его жизнью и жизнью Анакреона:

Отъ зеркала сюда взгляни, Анакреонъ.
И слушай, что ворчитъ, нахмурившись, Катонъ.
Какую вижу я сѣдую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шумъ,
Отъ ревности на смѣхъ склонить мой хочетъ умъ?
Анакреонъ, ты былъ роскошенъ, веселъ, сладокъ;
Катонъ старался ввесть въ республику порядокъ.
Ты жизнь употреблялъ, какъ временну утѣху,
Онъ жизнь пренебрегалъ къ республики успѣху;
Зерномъ твой отнялъ духъ пріятный виноградъ;
Ножемъ онъ самъ себѣ былъ смертный супостатъ;
Беззлобна роскошь въ томъ тебѣ была причина,
Упрямка славная была его судьбина".

Въ этомъ суровомъ образѣ Катона сказываются личные взгляды самого поэта: "упрямка славная" - это качество, какъ мы видѣли выше, Л-овъ прямо прилагаетъ себѣ. Но особенно обнаруживается любовь поэта къ родинѣ въ послѣдней одѣ. Анакреонъ проситъ живописца нарисовать ему красавицу въ такомъ видѣ, какъ онъ хотѣлъ бы видѣть ее: Л. въ своемъ отвѣтѣ также проситъ художника нарисовать ему портретъ красавицы, но особаго рода:

"О мастеръ въ живописи первый. И видъ въ довольствіи весел
Изобрази Россію мнѣ. Отрады ясность по челу
Изобрази ей возрастъ зрѣлый И вознесенную главу."

Въ концѣ описанія онъ говоритъ:

"Одѣнь,одѣнь ее въ порфиру О конь изображенье сходно,
Дай скипетръ,возложи вѣнецъ, Красно, любезно,благородно.
Какъ должно ей законы міру Великая промолви мать
И распрямъ надписать конецъ. И повели войнамъ престать."

Так.обр. Ломоносовъ проситъ живописца въ лицѣ этой краса-

вицы нарисовать ему отечество въ томъ видѣ, какимъ онъ желалъ бы его видѣть.

И такъ, хотя Л-овъ не былъ поэтомъ по призванію, но былъ способенъ возвышатьоя до поэтическаго вдохновенія то при разсматриваніи природы, то когда приходилось говорить о задачѣ жизни и любви къ отечеству; а если смотрѣть на его стихотворенія съ этой точки зрѣнія, то за нѣкоторыми изъ нихъ нельзя не признать поэтическаго достоинства. Теперь обратимся къ разсмотрѣнію самихъ стихотворныхъ произведеній Л-ва.

Наиболѣе важными изъ нихъ являются оды. Ихъ можно раздѣлить на 2 отдѣла: оды духовныя и оды похвальныя. Духовныя оды по большей части не оригинальныя, представляютъ собой переложенія то изъ псалмовъ, то изъ Іова; къ этому же разряду нужно отнести и два самостоятельныя произведенія его, упомянутыя выше: "Утреннее и вечернее размышленіе о Божіемъ величіи".

Нужно замѣтить, что своими произведеніями Л-овъ не далъ чего-либо новаго, небывалаго; они были во вкусѣ того времени, начало ихъ относится еще къ эпохѣ предшествовавшей. Припомнимъ, что Симеонъ Полоцкій переложилъ на стихи всю Псалтырь, и эта стихотворная Псалтырь была первой книгой, по которой Л-овъ познакомился въ первый разъ съ стихотворными произведеніями. Въ этомъ же родѣ писалъ Кантемиръ, Тредьяковскій, а также и послѣдующіе поэты. Кромѣ того, и въ европейской литературѣ Ломоносовъ встрѣчалъ ту же склонность поэтовъ къ переложенію; любимый поэтъ его Гюнтеръ |въ подражаніе ему написана самая первая ода Ломоносова "на взятіе Хотина"| написалъ цѣлую книгу переложеній псалмовъ. Такимъ обр., если Ломоносовъ предпочи-

талъ этотъ родъ литературы, а не другой какой либо, то это зависѣло не отъ его личнаго вкуса, а оттого, что ода вообще преобладала тогда надъ другими родами лирики. Но Л-въ въ своихъ духовныхъ одахъ не былъ только простымъ подражателемъ; изъ всѣхъ его стихотворныхъ произведеній именно въ этихъ то и находится больше поэтическаго вдохновенія; такое мнѣніе высказалъ о нихъ Пушкинъ, какъ мы видѣли выше. И дѣйствительно нѣкоторыя переложенія сдѣланы такъ удачно, что сдѣлались популярными, иныя были переложены на ноты, и быть можетъ еще теперь не утратили своей цѣны, напр., "Хвала Всевышнему". Какая же причина того, что поэтическое вдохновеніе автора выразилось наиболѣе именно въ этихъ несамостоятельныхъ произведеніяхъ, между тѣмъ какъ многія изъ самостоятельныхъ вовсе не имѣютъ этого достоинства? Чтобы найти причину этого, нужно обратиться къ содержанію духовныхъ одъ. Общее содержаніе ихъ - борьба съ людскою неправдою. Но вѣдь та же самая борьба съ людьми, борьба съ врагами науки играла немаловажную роль и въ собственной жизни Л-ва. Отсюда намъ понятно, почему онъ часто обращался къ этому источнику своего поэтическаго вдохновенія: Здѣсь онъ находилъ себѣ утѣшеніе и поддержку въ своей борьбѣ. Такимъ характеромъ проникнуты многія изъ его одъ, каковы, напр., переложеніе пс.34:

"Суди обидящихъ, Зиждитель,
И отъ борящихся со мной
Всегдашній буди покровитель,
Заступникъ и Спасительмой."

Или переложеніе 70 пс., гдѣ говорится:

"Враги мои чудясь смѣются,
Что я кругомъ объятъ бѣдой;

Однако мысли не мятутся,

Когда Господь заступникъ мой."

Или, наконецъ, 143 пс., гдѣ прямо говорится объ иноземныхъ врагахъ:

"Избавь меня отъ хищныхъ рукъ

И отъ чужихъ народовъ власти,

Ихъ рѣчь полна тщеты, напасти,

Рука ихъ въ насъ наводитъ лукъ."

Так. обр. духовныя оды Л-ва получаютъ важное значеніе, если принять во вниманіе ихъ связь съ собственною жизнью Л-ва. Кромѣ духовныхъ одъ Л-въ писалъ также оды похвальныя, которыя были даже въ большемъ ходу, чѣмъ первыя: подобныя произведенія съ панегирическихъ характеромъ считались необходимою принадлежностью различныхъ торжествъ, поэтому и людьми, способными писать панегирики на данный случай весьма дорожили. У насъ дѣло это, по основаніи Академіи Наукъ, поручалось академикамъ, но спеціалисты появились не сразу; только въ 30 гг. являются Юнкеръ и Штелинъ. Первый заявилъ себя по окончаніи университета поэтомъ, мастерскимъ составленіемъ стиховъ и, будучи приглашенъ въ Петербургъ, тотчасъ же нашелъ себѣ мѣсто въ Академіи. Второй - Штелинъ, соперникъ Юнкера, пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1735 г.; кромѣ стихотворства онъ занимался составленіемъ проэктовъ, иллюминацій. И Юнкеръ и Штелинъ были нѣмцы и писали по-нѣмецки, но нужно было поэта русскаго, и вотъ Ломоносовъ явился какъ нельзя болѣе кстати.

Понимая происхожденіе похвальныхъ одъ, нечего искать въ нихъ поэтическаго вдохновенія: поэтъ не можетъ вдохновляться по заказу; тѣмъ не менѣе отдѣльныя части Ломоносовскихъ одъ не суть только наборъ пышныхъ фразъ; онѣ

подчасъ не лишены поэтическаго и литературно-историческаго значенія. Преимущественно сюда относятся оды къ Елизаветѣ, и не мудрено почему, стоитъ только вспомнить то, что Л-овъ во все время своей академической |литературной| дѣятельности велъ борьбу съ нѣмцами, и то, какимъ сильнымъ подъемомъ національнаго чувства сопровождалось вступленіе Елизаветы на престолъ. Елизавета, дочь Преобразователя, казалась русскимъ людямъ избавительницею отъ иноземнаго господства, явилась защитницею русскихъ интересовъ, и въ этомъ случаѣ исполнительницею завѣтныхъ желаній Л-ва. Вотъ почему оды къ Елизаветѣ обращаютъ на себя большее вниманіе, чѣмъ всѣ остальныя; въ нихъ мы встрѣчаемся и съ двохновеніемъ. Такъ въ одѣ 1742 г. "на прибытіе Елизаветы въ Петербургъ" послѣ коронованія Л-въ касается прежняго положенія Россіи и сравниваетъ его съ современнымъ, сравниваетъ прежнюю эпоху съ потопомъ, а время Елизаветы съ появленіемъ радуги, возвѣстившей людямъ о прекращеніи потопа:

"Утѣшилъ я въ печали Ноя,
Когда потопомъ міръ казнилъ,
Дугу поставилъ въ знакъ покоя
И тою съ нимъ завѣтъ чинилъ,
Хотѣлъ Россію бѣдъ водою
И грозною казнить грозою;
Однако для заслугъ твоихъ
Прибавилъ милость въ людяхъ сихъ,
Надъ знатнѣйшей частью свѣта.

Так.обр., предшествующая эпоха рисуется, какъ кара Божія. Далѣе, въ этой же одѣ Л-въ касается шведской войны; но не военные успѣхи русскаго оружія дороги для него, не военная

слава, онъ жаждетъ другого блага - мира. Вотъ какъ говоритъ онъ:

"Союзъ приходитъ вожделѣнный |къ войнѣ|,
И гласъ возноситъ къ ней смиренный:
Престань прекрасный вѣкъ мрачить
И фински горы кровавить:
Се царствуетъ Елизавета
Да миръ подастъ предѣламъ свѣта.
Хотя твои махины грозны,
Но сплавлю ихъ въ зваянный видъ,
Чтобъ знали впредь потомки поздны,
Что нынѣ свѣтъ Россія зритъ.
Я вящимъ учиню предѣлы,
Когда градовъ пространны стѣны
Безъ пагубы людской сотру,
Въ огромные столпы сберу;
Превыше будутъ тѣ Мемфійскихъ
Монарховъ славою Россійскихъ.
Мечи твои о копья вредны
Я въ плуги и серпы скую:
Пребудутъ всѣ поля безбѣдны,
Отвергнувъ люту власть твою.
На мѣстѣ брани и раздора
Цвѣты свои разсыплетъ флора.
Разитъ не будетъ сѣрный прахъ
Сквозь воздухъ, огнь и смерть въ полкахъ.
Но озаривъ весель ночи,
Восхититъ зрящихъ духъ и очи".

Къ 1746 г. относится ода, въ которой опять таки сравниваются двѣ эпохи: до Елизаветы и Елизаветовская; опять

таки Елизавета прославляется, какъ хранительница мира:

"Взирая на дѣла Петровы,
На градъ, на флотъ и на полки
И купно на свои оковы,
На сильну власть чужой руки,
Россія ревностно вздыхала,
И сердцемъ всякій часъ взывала
Къ тебѣ защитницѣ своей:
Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни намъ Петрово племя,
Утѣшь печаль твоихъ людей".

Наконецъ, въ слѣдующемъ 1747 г. была составлена всѣмъ извѣстная ода, начинающаяся словами: "Царей и царствъ земныхъ отрада". Въ этой одѣ Ломоносовъ высказываетъ тѣ же самыя мысли, что и въ предыдущихъ; разница въ томъ, что онъ яснѣе говоритъ о пользѣ мира. Одною изъ причинъ къ написанію ея было появленіе новаго устава для Академіи Наукъ. Уставомъ этимъ предписывалось наполнить Академію русскими. И вотъ Ломоносовъ, поборникъ всего русскаго и врагъ иноземнаго, въ восторгѣ отъ устава пишетъ эту оду. Начинается она картиной мира:

"Царей и царствъ земныхъ отрада
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна.
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свои богатства по земли".

Почему же, спрашивается, миръ такъ дорогъ? потому что съ нимъ связано благосостояніе народа, и что особенно важно, процвѣтаніе наукъ:

"Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елизаветъ.
Вы, наши вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена".

Затѣмъ прилагается коротенькая исторія Академіи наукъ:

"Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирая руки,
Къ сему монарху, говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.
Но ахъ жестокая судьбина.
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отверженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ".

По смерти Петра наступила тяжелая пора для Россіи; лучемъ свѣта является царствованіе Екатерины I-й, которую Л-овъ называетъ "кроткой", "отрадой по Петрѣ единой".

За то какая радость, какія свѣтлыя надежды съ вопареніемъ Елизаветы:

"Се мрачной вѣчности закону
Надежды отверзаетъ намъ.
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ
И море тщится уступить:
Колумбъ Россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить."

Этотъ же храмъ Премудрости, созидаемый тамъ, "гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону", и есть Академія наукъ. Ода оканчивается призывомъ работать въ пользу наукъ:

"О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ
Какихъ заветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны.
Дерзайте нынѣ одобренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля Рождать."

Упомянемъ еще одну оду, написанную послѣ представленія Ломоносова Елизаветѣ въ Царскомъ Селѣ, ода, въ которой Ея Величеству благодареніе отъ сочинителя приносится за оказанную ему Высочайшую Милость въ Царскомъ Селѣ Августа 27 дня 1750 г. Онъ благодаритъ Императрицу за радушіе и

въ милостивомъ отношеніи къ себѣ видитъ вниманіе монархини къ наукамъ, и это ему особенно дорого:

"Такъ варварство твоимъ перуномъ
Уже отвержено лежитъ,
Когда при шумѣ сладкострунномъ
Поющихъ лицъ твой слухъ звучитъ,
Востокъ и Западъ наполняетъ
Хвалой твоей и возвышаетъ
Твои щедроты выше звѣздъ.
О вы, счастливыя науки,
Прилежно простирайте руки
И взоръ до самыхъ дальныхъ мѣстъ.
Пройдите землю и пучину,
И степи и глубокій лѣсъ,
И нутръ Рифейскій и вершину,
И саму высоту небесъ.
Вездѣ изслѣдуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видѣлъ свѣтъ;
Трудами вѣки удивите
И, сколько можетъ, покажите,
Щедротою Елизаветъ."

Что многія изъ мыслей, высказанныхъ въ этихъ одахъ, были не напускными, а искренними, въ томъ можно убѣдиться, прочитавъ хоть конецъ "Разговора съ Анакреонтомъ", т.е. конецъ такого произведенія, появленіе котораго не было вызвано заказомъ. Какъ Анакреонтъ обращается къ живописцу съ просьбой нарисовать ему милую, такъ и Ломоносовъ проситъ изобразить ему Россію:

-"Одѣнь, сдѣнь ее въ порфиру,

Дай скипетръ, возложи вѣнецъ" и проч.

Къ драматическимъ произведеніямъ Л-ва относятся двѣ трагедіи: "Тамира и Селимъ" и "Демофонтъ", обѣ съ сюжетомъ не русскимъ и не выдѣляются ничѣмъ особеннымъ.

Къ эпосу относится поэма "Петръ Великій", поэма, на которую современники возлагали большія надежды, т.к. считалось необходимымъ имѣть въ Россіи самостоятельный эпосъ, но которая Ломоносовымъ не была окончена.-"Полидоръ",,подъ именемъ котораго Л-въ разумѣлъ графа Разумовскаго, назначеннаго гетманомъ Малороссіи въ 1750 г., является представителемъ идиллической поэзіи. -Кромѣ этого у Ломоносова есть и дидактическія произведенія |Письмо о пользѣ стекла| и сатирическія, каковы "Гимнъ бородѣ", "О движеніи земли" и эпиграмма на Сумарокова.

Но л-овъ былъ не только поэтомъ, онъ не только далъ намъ образцы всѣхъ поэтическихъ произведеній, но былъ также и теоретикомъ. Теоретическіе труды его появляются отчасти по той причинѣ, что въ прежнее время писателямъ приходилось прилагать къ своимъ произведеніямъ объясненія, |припомнимъ сатиры Кантеміра и объясненія къ нимъ|, отчасти и по другимъ. Первымъ по времени теоретическимъ трудомъ Л-ва слѣдуетъ считать "Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства", написанное въ одно время съ одой "На взятіе Хотина" |1739|. Ближайшимъ поводомъ къ появленію этого письма, какъ полагаютъ, было появленіе незадолго передъ этимъ подобнаго же труда Тредьяковскаго. Ломоносовъ, какъ видно, не во всемъ соглашается съ Тредьяковскимъ. Терминологію онъ оставляетъ ту-же, основныя положенія сходны. Разница является только въ слѣдующемъ:

I| Тредьяковскій не находилъ свойственнымъ русскому языку

ямбъ, Ломоносовъ же говоритъ, что онъ также можетъ встрѣчаться. "Чистые ямбическіе стихи, прибавляетъ онъ, хотя и трудновато сочинять, однако, поднимаясь тихо вверхъ, матерій благородство, великолѣпіе и высоту умножаютъ. Оныхъ нигдѣ не можно лучше употреблять, какъ въ торжественныхъ одахъ, что я въ моей нынѣшней и учинилъ;" 2| Тредьяковскій не находилъ удобнымъ въ русскомъ языкѣ риемы мужскія и чередованіе мужскихъ съ женскими. Ломоносовъ возстаетъ противъ этого: "хоть до сего времени, говоритъ онъ, только однѣ женскія риемы въ стихахъ россійскихъ употребляемы были, а мужскія и отъ третьяго слога начинающіяся заказаны, однако сей законъ толь праведенъ и нашей версификаціи толъ свойственъ и природенъ,, какъ еслибы кто обѣими ногами здоровому человѣку на одной скакать велѣлъ. Въ нашемъ языкѣ толь же довольно на послѣднемъ и третьемъ, коль на предкончаемомъ слогѣ силу имѣющихъ словъ находится; но для чего намъ оное богатство пренебрегать, безъ всякой причины самовольную нужду терпѣть и только однѣми женскими побрякивать, а мужскимъ бодрость и силу трегласныхъ устремленіе и высоту оставлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужскія риемы толь смѣшны и подлы были, чтобы ихъ только въ комическомъ и сатирическомъ стихѣ, да и то еще рѣдко употреблять можно было." 3| Тредьяковскій утверждаетъ, что всѣ односложные слова должны считаться за долгія; въ опроверженіе этого Л-въ приводитъ, когда односложныя слова сливаются съ предыдущими. 4| Тредьяковскаго обвиняли въ пристрастіи ко всему французскому, а Л-овъ старался сблизить ученіе русскаго стихосложенія съ теоріей классическихъ

Съ разрѣшенія Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. 1.

языковъ и нѣмецкаго! "я не могу довольно о томъ нарадоваться, что Россійскій нашъ языкъ не только бодростію, и героическимъ звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можетъ". Кромѣ этого труда, сохранился обширный планъ филологическихъ работъ, который думалъ представить Ломоносовъ: "Филологическія изслѣдованія и показанія къ дополненію грамматики надлежащія": I| О сходствѣ и перемѣнахъ языковъ, 2| о сродныхъ языкахъ россійскому, 3| о словенскомъ и церковномъ языкѣ, 4| о простонародныхъ словахъ, 5| о преимуществѣ россійскаго языка, 6| о чистотѣ россійскаго языка, 7| о красотѣ россійскаго языка, 8| о синонимахъ, 9| о новыхъ россійскихъ реченіяхъ, I0| о чтеніи книгъ старинныхъ, II| о лексиконѣ, I2| о переводахъ.

Въ цѣломъ этотъ планъ Ломоносова не былъ исполненъ; сохранилось только одно "разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ", которое, какъ можно догадываться, есть та самая статья, которая упомянута въ планѣ подъ № I0: "О чтеніи книгъ старинныхъ". Появленіе этого труда было вызвано сильной порчей русскаго языка. Чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ, Л-въ и пишетъ разсужденіе. Въ основаніе кладется языкъ церковно-славянскій. Всѣ слова, употребляемыя въ рѣчи, онъ дѣлитъ на 3 разряда: I| слова церковно-славянскія, 2| слова, свойственныя и русскому и церковно-славянскому языку и 3| слова, которыхъ нѣтъ въ церковно-славянскомъ языкѣ. Соотвѣтственно этому устанавливается три слога: высокій, средній и низкій. Въ высокомъ слогѣ должны употребляться слова первыхъ двухъ разрядовъ. Этотъ слогъ болѣе всего идетъ къ произведеніямъ высокимъ. Низкимъ пишутся комедіи,

эпиграммы, пѣсни и т.д. Средній слогъ состоитъ изъ "реченій больше въ россійскомъ языкѣ употребляемыхъ" и употребляется въ такихъ произведеніяхъ, "въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія".

Опредѣливъ отношеніе русскаго языка къ церковно-славянскому, Л-въ позаботился установить формы русскаго языка въ своей "Россійской грамматикѣ". Хотя и замѣтно въ ней вліяніе грамматики Смотрицкаго, Ададурова, тѣмъ не менѣе есть однако много и самостоятельнаго, что подтверждается и рукописями. Впервые она была издана въ 1755 г.

Что касается реторики, то она представляетъ только отрывокъ изъ задуманнаго труда; она представляетъ массу заимствованій и ничѣмъ особеннымъ не отличается.

Особенный отдѣлъ произведеній Л-ова представляютъ сочиненія, касающіяся исторіи. Л-въ не чувствовалъ собственно призванія къ историческимъ изслѣдованіямъ и взялся за исторію лишь съ большой неохотой, уступая просьбамъ покровителя своего Шувалова и самой Императрицы, не разъ выражавшей желаніе "видѣть исторію Россійскую, его штилемъ написанную". Но, разъ взявшись за исторію, Ломоносовъ втянулся въ этотъ родъ занятій настолько, что любилъ впослѣдствіи выставлять ихъ на видъ. Слѣдуетъ упомянуть о двухъ историческихъ трудахъ Ломоносова: 1| Древняя Россійская исторія |отъ начала россійскаго народа до Ярослава| и 2| Краткій Россійскій лѣтописецъ. Что касается перваго труда, то онъ при жизни Л-ова въ печати не появился, но былъ напечатанъ послѣ его смерти въ 1766 г., хотя былъ написанъ уже въ 1757 г. Трудъ этотъ не оконченъ. То, что Л-въ написалъ, составляетъ двѣ части предполагавшейся

россiйской исторiи: первая посвящена обозрѣнiю древностей россiйскихъ, а вторая представляетъ лѣтописный пересказъ событiй до Ярослава I. Краткiй же россiйскiй лѣтописецъ, изданный Ломоносовымъ въ 1760 г., представляетъ собою коротенькое руководство, заключающее въ себѣ перечень великихъ князей и царей русскихъ отъ Рюрика до Петра Великаго включительно и родословiе россiйскихъ государей, доведенное до послѣдняго времени. Взглядъ Ломоносова на исторiю изложенъ въ предисловiи къ первому его труду - къ "Древней Россiйской исторiи", въ которомъ онъ старается доказать, что несправедливо уничтожается исторiя одного народа передъ исторiей другого. Такъ, несправедливо ставить исторiю русскаго народа ниже исторiи классическихъ народо Предпочтенiе, оказываемое послѣдней, онъ объясняетъ тѣмъ, что наша исторiя не имѣетъ такихъ краснорѣчивыхъ историковъ, какъ древняя. Здѣсь выражается взглядъ Л-ва, весьма впрочемъ, распространенный въ эпоху ложноклассическаго направленiя, на исторiю, какъ на произведенiе ораторское, риторическое, имѣвшее въ виду прославить отечество путемъ сравненiй и сопоставленiй съ формами классическихъ исторi Конечно, въ этомъ взглядѣ выражается патрiотизмъ Ломоносова. "Большая однихъ древность, говоритъ онъ, не отъемлетъ славы у другихъ, которыхъ имя позже въ свѣтѣ распространилось. Дѣянiя древнихъ грековъ не помрачаютъ римскихъ, как римскiя не могутъ унизить тѣхъ, которыя по долгомъ времен приняли начало своей славы. Начинаются Народы, когда другiе разсыпаются, одного разрушенiе даетъ происхожденiе другому. Не время, но великiя дѣла приносятъ преимущество. Посему всякъ, кто увидитъ въ россiйскихъ преданiяхъ равныя дѣла и героевъ греческимъ и римскимъ подобныхъ, унижать

насъ передъ оными причинъ имѣть не будетъ; но только вину полагать долженъ на бывшій нашъ недостатокъ въ искусствѣ, каковымъ греческіе и латинскіе писатели своихъ грековъ въ полной славѣ предали вѣчности". Далѣе мы видимъ у Ломоносова попытку провести переллель между римской исторіей и русской, между которыми онъ находитъ большое сходство.

Періодъ доудѣльный онъ сравниваетъ съ періодомъ римскихъ царей, удѣльный съ періодомъ республики, единодержавіе цезарей соотвѣтствуетъ самодержавію Московскихъ государей.

Соловьевъ дѣлаетъ такое замѣчаніе относительно взглядовъ Л-ва на исторію: "Л-въ смотрѣлъ на исторію съ литературной точки зрѣнія и, такимъ обр., явился у насъ отцомъ литературнаго направленія, которое послѣ такъ долго господствовало." Такая точка зрѣнія Л-ва на исторію объясняется какъ его неподготовленностью къ историческимъ изслѣдованіямъ, такъ и вліяніемъ лицъ, желавшихъ имѣть русскую исторію, написанную его штилемъ. И, дѣйствительно, къ изложенію Л-вымъ историческихъ событій вполнѣ примѣнимъ взглядъ литературный. Но въ первой части своей исторіи, посвященной россійскимъ древностямъ, Л-въ является какъ самостоятельный ученый. Эта часть занимается разборомъ этнографическаго состава населенія въ предѣлахъ территоріи, занимаемой нынѣшней Европейской Россіей. Здѣсь Л-въ говоритъ о древнѣйшемъ населеніи Россіи. Въ указаніи на скиѳовъ и сарматовъ, какъ на древнѣйшихъ обитателей восточноевропейской равнины, онъ видитъ указаніе на два племени: финское - скиѳы |въ доказательство чего Л-въ сопоставляетъ греческое слово Ἐκυθης съ чудь| и славянское - сарматы |нынѣшніе русскіе|. Так. обр., славяне и финны являются оборигенами Руси по Л-ву. Затѣмъ, рѣчь переходитъ къ

разсужденію о Варягахъ. Л-въ доказываетъ, что слово "варяги" не есть названіе особаго племени, а лишь отдѣльнаго класса людей. Если мы, говоритъ онъ, будемъ читать средневѣковыя извѣстія, то не разъ встрѣтимся съ разсказомъ о варягахъ или варангахъ.. По мнѣнію Л-ва это были дружины удальцовъ, разъѣхавшихся по морямъ и нападавшихъ съ цѣлью грабежа на прибрежныя земли. Это названіе можно прилагать къ разнымъ дружинамъ разныхъ племенъ. Такъ, напр., Л-въ говоритъ, что были варяги и изъ племени Русь. Названіе Руси онъ сближаетъ съ названіемъ Поруссіи, на что указывали и нѣмецкіе историки. Онъ говоритъ, что Поруссія - названіе страны, изъ которой ушли Руссы; что же касается самихъ Руссовъ, то Л-въ высказываетъ то мнѣніе, что они были, вѣроятно, однимъ изъ славянскихъ племенъ.- Что касается второго труда Л-ва: "Краткій Россійскій лѣтописецъ", то мы уже замѣтили, что онъ былъ изданъ въ первый разъ еще при жизни Л-ва въ 1760 г. Онъ состоитъ изъ вступленія и трехъ частей или отдѣловъ. Первая часть посвящена "показанію Россійскихъ древностей", въ ней повторяются мысли, изложенныя въ введеніи въ исторію |тутъ говорится о древнемъ населеніи Россіи: Скиѳахъ, Варягахъ, Сарматахъ и др.|. Вторая часть содержитъ въ себѣ краткій лѣтописный разсказъ событій по княженіямъ, доведенный до царствованія Петра.- Третья часть занята родословной русскихъ князей и царей, тоже до Петра. Воззрѣнія Л-ва на Русскую Исторію привели его въ столкновеніе съ Миллеромъ и Шлецеромъ, тоже занимавшимися научными изслѣдованіями въ этой области знанія. Въ 1749 г. Миллеръ приготовилъ для Академіи рѣчь |ко дню торжественнаго собранія въ день тезоименитства Елизаветы 5 сент. 1749 г.| "О происхожденіи народа и имени Руссовъ", въ которой излагалась теорія

Байера, обставленная лишь новыми доказательствами и полнѣе развитая. Теорія эта утверждала противоположное тому, что пытался доказать Л-въ, а именно, по этой теоріи древними обитателями Руси были Финны. Позднѣе сюда пришли съ береговъ Дуная Славяне. Варяги суть выходцы изъ Скандинавіи, доказательствомъ чему служатъ скандинавскія названія Днѣпровскихъ пороговъ, приведенныя у Константина Багрянороднаго, свидѣтельства лѣтописей, наконецъ, финское названіе скандинавовъ, созвучное съ названіемъ русскихъ. Рѣчь Миллера была отдана на разсмотрѣніе особой коммисіи изъ академиковъ, составленной изъ Л-ва, тредьяковскаго, Попова и Крашенинникова и вызвала страшные упреки со стороны перваго. Два раза разсматривалась рѣчь и Л-въ написалъ о ней два отчета, въ которыхъ старался разбить теорію своего противника. Замѣчанія Л-ва, высказанныя имъ по поводу рѣчи Миллера двоякаго рода: одни съ характеромъ, дѣйствительно, ученымъ, основанныя на научныхъ доказательствахъ, другія - съ характеромъ патріатическимъ носятъ на себѣ слѣды патріотическаго увлеченія.

Въ первыхъ Л-въ старался подвергнуть сомнѣнію положенія Миллера. Онъ доказываетъ исконное существованіе славянъ на Руси. При этомъ насмѣшливо отзывается объ указаніи Миллера на созвучіе въ финскомъ языкѣ названій русскихъ и скандинавовъ, какъ на доказательство скандинавскаго происхожденія русскихъ: "едва можно чуднѣе что представить, какъ то, что господинъ Миллеръ думаетъ, якобы чухонцы варягамъ и славянамъ имя дали." Затѣмъ въ защиту своей теоріи Л-въ указываетъ на отсутствіе слѣдовъ скандинавскаго вліянія въ русскомъ языкѣ, что несомнѣнно должно было бы быть, если бы справедливы были положенія Миллера. Замѣчателенъ также

упрекъ, который дѣлается Л-вымъ Миллеру въ желаніи унизить русскій народъ. По словамъ Л-ва онъ нарочно пропускаетъ тѣ случаи, въ которыхъ прославился русскій народъ и усердно приводитъ всѣ тѣ, гдѣ бьютъ и поражаютъ славянъ. Л-въ хочетъ доказать, что теорія Миллера обидна для чести русской.

Во-вторыхъ, Л-въ столкнулся съ Шлецеромъ. Послѣдній былъ выписанъ Миллеромъ для занятій съ его дѣтьми. Въ Петербургѣ онъ сблизился съ Таубертомъ, училъ дѣтей и Разумовскаго, впослѣдствіи сталъ заниматься и русской исторіей. Въ приготовительной работѣ онъ предлагаетъ планъ занятія русской исторіей. Между тѣмъ онъ изучалъ грамматику русскаго языка. Сохранился отзывъ Л-ва о грамматикѣ Шлецера, который занимался объясненіемъ происхожденія русскихъ словъ |конечно безъ сравнительнаго языкознанія оно было такъже удивительно, какъ и Тредьяковскаго|. Л-въ и тутъ въ нѣкоторыхъ объясненіяхъ усматривалъ обиду для національнаго самолюбія. Онъ представилъ особую замѣтку о грамматикѣ Шлецера. Въ этой замѣткѣ онъ удивляется смѣлости нѣмецкаго автора, взявшагося за составленіе грамматики мало ему извѣстнаго языка, а затѣмъ продолжаетъ: "но больше всего оказывается не только незнаніе, но и сумасбродство въ произведеніи словъ россійскихъ. Кромѣ многаго, что развратно и здравому разсудку противно, внесены еще ругательныя чести и святости разсужденія, что видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Стр. 58 "Бояринъ" производится: I|отъ дурака, 2|отъ барана.

Стр. 82. Слово "дѣва" Шлецеръ производитъ отъ нѣмецкаго *Dirn* |воръ| отъ голландскаго *Fect* |непотребная женщина|, отъ нижне-саксонскаго слова *Fiffe* |сука|. Диво, что сумасброду не пришло въ голову слово *Teufel*, оно ближе

будетъ по его мнѣнію къ дѣвѣ, нежели Dirl и проч. Стр. 83 слово "король" производитъ отъ слова Kerl Стр. 89 Напечатана ругательнымъ образомъ высочайшая степень русскаго дворянства, кажется тоже, что понѣмецки Knyft |холопъ|.

Изъ всего заключить должно, какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ Россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина.

Къ отдѣлу историческихъ же памятниковъ относятся два похвальныхъ слова Л-ва: Петру I-му и Елизаветѣ. По содержанію и композиціи они стоятъ на границѣ между трудами историч. и реторич. Въ словахъ Л-въ подражаетъ древнимъ, такъ въ первомъ изъ нихъ встрѣчаются буквальныя заимствованія изъ панегирика Плинія Траяну. Слѣдуетъ еще упомянуть объ отдѣлѣ произведеній публицистическихъ. И эта сторона не осталась чуждой Л-ву. Здѣсь придется намъ повторить то же, что было сказано нами о его филологическихъ трудахъ: у него было много замысловъ, но сдѣлано мало. Онъ задавался цѣлымъ рядомъ разсужденій, касающихся разныхъ сторонъ тогдашняго положенія Россіи.

Вотъ какія разсужденія онъ предполагалъ написать:

I| О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа. 2| Объ истребленіи праздности. 3| О исправленіи нравовъ и о большемъ народа просвѣщеніи. 4| О исправленіи земледѣлія. 5| О исправленіи и разиноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ. 6| О лучшихъ пользахъ купечества. 7| О лучшей государственной экономіи. 8| О исправленіи военнаго искусства во время долговременнаго мира. Характеръ этихъ вопросовъ напоминаетъ трудъ Посошкова. Изъ этого огромнаго задуманнаго труда Л-въ исполнилъ только одну часть

плодомъ чего явилось разсужденіе: "о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа." Разсужденіе это раздѣляется на двѣ части, сообразно двумъ темамъ, выраженнымъ уже въ самомъ заглавіи. Первая часть посвящена вопросу о сохраненіи россійскаго народа, вторая - о размноженіи его. Въ первой части Л-въ указываетъ на то, что, по его мнѣнію, мѣшаетъ увеличенію роста народонаселенія. Главныя причины уменьшенія народонаселенія Л-въ видитъ въ неравныхъ и насильственныхъ бракахъ, въ раннемъ постриженіи въ монашество. По мнѣнію Л-ва нужно установить закономъ, чтобы мужчины не могли поступать въ монастырь ранѣе 50 лѣтъ отъ роду, а женщины ранѣе 45. Во второй части указывается на рядъ условій, способствующихъ увеличеію народонаселенія, какъ напр., улучшеніе положенія незаконорожденныхъ посредствомъ устройства воспитательныхъ домовъ; противъ невѣжества крестьянъ рекомендуется распространеніе образованія; признается также вреднымъ обычай крестить дѣтей въ холодной водѣ, крутые переходы отъ одной пищи къ другой. Далѣе, какъ на причину, мѣшающую умноженію народонаселенія, Л-въ указываетъ на болѣзни, которыхъ не умѣютъ лѣчить, на пожары, разбои, на множество бѣглыхъ: бѣгутъ раскольники и всѣ, которые боятся государевой службы. Въ видѣ мѣры, способствующей ослабленію послѣдняго зла, Л-въ рекомендуетъ религіозную свободу и терпимость и уменьшеніе тягостей военной службы на пограничныхъ мѣстахъ.

Кромѣ разсужденія о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа сохранился еще набросокъ о положеніи духовенства |въ лѣтописи Русской Литературы и древностей - Тихонравова т. I|. Въ немъ говорится о невѣжествѣ и другихъ

недостаткахъ нашего духовенства. Противополагается жизнь нѣмецкихъ пасторовъ. Рекомендуется также устройство приходскихъ школъ.

Теперь перейдемъ къ замѣчаніямъ о состояніи русскаго театра при Елизаветѣ.

Русскій общественный театръ впервые появился при Петрѣ В., но съ кончиною послѣдняго заботы о немъ прекращаются и онъ падаетъ. Въ послѣдующія времена постоянный русскій театръ уступаетъ мѣсто чужеземнымъ. Такъ при Аннѣ Ивановнѣ его мѣсто заступаетъ итальянская труппа |1735|, дававшая народныя представленія, состоявшія изъ оперы и балета. Серьезнаго значенія эти представленія не имѣли: главное вниманіе въ нихъ обращалось на пышную и блестящую обстановку. Биронъ и жена его, которая совсѣмъ не знала русскаго языка завели нѣмецкую труппу. Елизавета же, больше всего любившая французскій язнкъ, устроила французскій театръ. Так. обр. до половины XУIII в. постояннаго русскаго театра не было. Во все это время онъ существовалъ только въ школахъ: школьники въ праздничные дни давали представленія.

Такія представленія, какъ извѣстно, давались воспитанниками артиллерійскаго училища и сухопутнаго шляхетскаго корпуса. Кадеты послѣдняго принимали даже участіе въ итальянской оперѣ. Вотъ эти школьныя представленія были зародышемъ, изъ котораго развился русскій театръ. Дѣло было такимъ образомъ. Въ I749 г. дворъ былъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ же главнымъ начальникомъ былъ Юсуповъ. Онъ самъ посѣщалъ кадетскій театръ и другихъ приглашалъ туда. Благодаря этому кадетскій театръ сдѣлался извѣстнымъ. Елизавета, возвратившись изъ Москвы, также узнала про его суще-

ствованіе и пожелала видѣть она, какъ извѣстно, любила театръ и заботилась о немъ. Сохранилось извѣстіе, что она сама при представленіи поправляла парикъ кадету Бекетову. Она пригласила кадетовъ и поручила имъ дать представленіе на придворномъ театрѣ. Представленія кадетовъ понравились императрицѣ и они были повторены нѣсколько разъ. Вотъ для этихъ то представленій и были заказываемы пьесы Ломоносову и Тредьяковскому. Но неизвѣстно, что было бы съ этимъ театромъ, если бы не помогъ ему Федоръ Григорьевичъ Волковъ положившій основаніе настоящему русскому театру.

Ф.Г.Волковъ родился въ 1729 г.Онъ былъ сынъ костромского купца Григорія Волкова. По смерти послѣдняго Ф.Гр. вмѣстѣ съ матерью, которая вышла замужъ за Ярославскаго купца Федора Полушкина, переселился въ Ярославль. Съ раннихъ лѣтъ въ немъ обнаружилась наклонность и способность къ разнымъ художествамъ, и самоучкой онъ выучился рисованію, живописи, рѣзному искусству; но настоящимъ его призваніемъ было театральное искусство. Первое ознакомленіе съ театральнымъ дѣломъ онъ получилъ въ Москвѣ, гдѣ разыгрывалъ духовныя драмы съ воспитанниками академіи; а въ Ярославлѣ онъ приложилъ его уже къ дѣлу. Здѣсь Ф.Гр. набралъ труппу изъ купеческой молодежи и началъ давать представленія, разыгрывая пьесы Димитрія Ростовскаго.

Сначала эти представленія давались въ большомъ сараѣ, а потомъ построенъ былъ большой театръ, вмѣщавшій до 1000 человѣкъ. Дѣло было такъ. Въ день имянинъ своего вотчима Ф.Гр. далъ представленіе; на сцену была поставлена драма Есфирь". На представленіи было много зрителей и въ томъ числѣ тогдашній ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ. Игра

и декораціи привели въ восторгъ всѣхъ зрителей и рѣшено было построить постоянный театръ. Устройствомъ его занимался самъ Ф.Гр., при чемъ онъ самъ былъ архитекторомъ, живописцемъ и машинистомъ, а потомъ главнымъ директоромъ и первымъ актеромъ.

Когда слухъ объ этомъ театрѣ дошелъ до Елизаветы, то она приказала вызвать въ Петербургъ Волкова и его товарищей, между которыми особенно извѣстны: Поповъ, Дмитревскій и Шумскій. Это было въ 1752 г. Въ томъ же году Ярославцы дебютировали на дворцовомъ театрѣ, въ присутствіи государыни и нѣкоторыхъ знатныхъ особъ въ комедіи: "о покаяніи грѣшнаго человѣка." Игра ихъ понравилась, но такъ какъ они не имѣли надлежащаго образованія, то ихъ и помѣстили въ кадетскій корпусъ для обученія иностраннымъ языкамъ и словесности. Спустя 4 года послѣ этого, въ 1756 г. былъ изданъ указъ объ открытіи постояннаго русскаго театра и Ф. Волковъ былъ назначенъ первымъ его актеромъ. Страстно любя театръ, онъ развилъ драматическій талантъ свой такъ, что явился великимъ художникомъ, достоинства котораго были признаны даже современниками иностранцами.

Въ 1759 г. Волковъ былъ отправленъ въ Москву для устройства перваго театра, а въ 1763 г. ему было поручено устройство праздника по случаю коронаціи Екатерины, но при этомъ онъ простудился, получилъ горячку и вскорѣ умеръ.

Сохранились отрывки извѣстій о немъ Новикова и Фонъ-Визина. Послѣдній говоритъ о Волковѣ, что "онъ былъ мужъ глубокаго разума исполненъ достоинствами, имѣлъ большія знанія и могъ быть человѣкомъ государственнымъ." Новиковъ также говоритъ, что Волковъ писалъ стихотворенія |народныя

пѣсни| и между прочимъ началъ было сочинять оду Петру В., расположивъ оную на 40 строфъ." Но какъ эта ода, такъ и другія его стихотворенія до насъ не сохранились.

Такимъ образомъ, съ именемъ русскаго театра со единяется прежде всего имя Волкова, затѣмъ Сумарокова.

Послѣдній былъ первымъ его директоромъ и первымъ его писателемъ, поэтому онъ имѣетъ такое же значеніе въ исторіи нашего театра какъ и первый.

Изученіе сочиненій Сумарокова встрѣчаетъ затрудненія въ томъ, что нѣтъ въ настоящее время новаго изданія ихъ. Изданіе же ихъ въ 1781 и 87 гг. представляетъ уже теперь библіографическую рѣдкость.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СУМАРОКОВЪ.

Сумароковъ происходилъ изъ знатной старой боярской фамиліи. Отецъ его имѣлъ важный чинъ. Родился Сумароковъ въ 1718 г., первоначальное образованіе онъ получилъ дома, какъ самъ говоритъ, подъ руководствомъ отца. Вообще нужно замѣтить, что свѣдѣнія объ этомъ періодѣ образованія Сумарокова весьма скудны. Зато послѣдующій періодъ его школьная жизнь - дов. извѣстенъ. Воспитался онъ въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1732 г., имѣя 14 лѣтъ отъ роду. Здѣсь онъ пробылъ 8 лѣтъ до 1740 г. Въ этомъ году онъ вышелъ изъ корпуса съ аттестатомъ, который сохранился до настоящаго времени. Въ немъ весьма подробно обозначены предметы, которые изучалъ Сумароковъ и успѣхи его по этимъ предметамъ. Здѣсь есть между прочимъ указаніе на то, что Сумароковъ изучалъ философію Вольфа. Указаніе это показываетъ, что философія этого ученаго въ теченіи всего почти 18 вѣка оказывала вліяніе на русскихъ людей. Припомнимъ, что уже Петръ В.

находился въ сношеніяхъ съ Вольфомъ, что она преобладала въ Московской Академіи, что ею въ свое время увлекался Ломоносовъ и, наконецъ, что она преподавалась въ кадетском корпусѣ. Всѣ эти факты указываютъ на то, что философія Вольфа имѣла большое вліяніе на нашихъ предковъ. Въ шляхетскомъ корпусѣ, гдѣ воспитывался Сумароковъ, почти всѣ преподаватели были иностранцы, но не смотря на то, кадеты имѣли большую любовь и уваженіе къ отечественному языку и литературѣ. Они составляли кружки, въ которыхъ читали опыты своихъ произведеній и переводы. Къ одному изъ такихъ кружковъ присталъ и Сумароковъ, гдѣ и развился въ немъ вкусъ къ литературѣ. Такъ какъ воспитанники кадетскаго корпуса больше всего упражнялись въ составленіи поздравительныхъ одъ, которыя они не рѣдко подносили императрицѣ, то и литературная его дѣятельность началась съ этихъ произведеній: первыми его произведеніями были двѣ поздравительныя оды на день новаго 1740 года. Въ кадетскомъ же корпусѣ Сумароковъ началъ писать любовныя пѣсни, изъ которыхъ многія пріобрѣли такую популярность, что по его словамъ, были переложены на ноты и распѣвались знатными дамами и господами. Почему онъ занимался этими трудами, это объясняется запросомъ на произведенія этого рода. Кантемиръ говоритъ, что онъ въ молодости тоже занимался составленіемъ любовныхъ пѣсенъ, которыя тоже имѣли большой успѣхъ. Есть извѣстіе, что даже императрица Елизавѣта любила любовныя пѣсни и занималась составленіемъ ихъ. Ей, какъ извѣстно, приписывается составленіе одной любовной пѣсни. При такихъ условіяхъ легко объяснить успѣхъ пѣсенъ Сумарокова, которыя, впрочемъ, до насъ не дошли.

По выходѣ изъ корпуса С-въ поступилъ въ военную службу,

въ которой дослужился до бригадирскаго чина. Директоромъ же театра Сумароковъ назначенъ былъ только съ 1756 г. Въ этой должности онъ оставался до 1761 г., когда былъ уволенъ вслѣдствіе непріязненныхъ столкновеній съ графомъ Сиверсомъ, исправлявшимъ должность прокурора при русскомъ театрѣ. Все свободное время С-въ посвящалъ литературнымъ занятіямъ, онъ писалъ во всѣхъ родахъ литературы трагедіи, комедіи, идилліи, оперы, оды, посланія, басни и проч.; но лучшими его произведеніями были драматическія

Первымъ его произведеніемъ въ этомъ родѣ была трагедія "Хоревъ", которую онъ написалъ, будучи еще въ корпусѣ въ 1747 г. За ней слѣдовалъ рядъ другихъ трагедій и комедій. Сюда относятся, между прочимъ, трагедіи: Гамлетъ, Синавъ и Труворъ, Артистона, Самира и др.; комедіи: Опекунъ, Лихоимецъ, Ядовитый Нарциссъ, Пустая ссора и мн. др. Въ должности директора онъ состоялъ 5 лѣтъ, но успѣлъ нажить много враговъ, которые старались вредить ему. Причиной этому былъ несчастный характеръ Сумарокова: раздражительный , гордый, самолюбивый до крайности, онъ не хотѣлъ не только признать кого либо выше себя, но даже себѣ равнымъ.

Послѣдніе годы жизни своей С-въ провелъ въ Москвѣ; здѣсь ему пришлось увидѣть, что онъ пережилъ свою славу. Случилось это такимъ образомъ. Появился переводъ слезливой комедіи "Евгеній" Бомарше, которая была поставлена на Московскомъ театрѣ. Комедія эта была новинкой и, какъ всякая новинка, весьма понравилась публикѣ и имѣла громадный успѣхъ. Но такой успѣхъ новой комедіи оскорбилъ Сумарокова, который видѣлъ въ этомъ паденіе драматическаго искусства. Надобно замѣтить, что комедіи

акого рода шли въ разрѣзъ съ псевдоклассической теорі-
й комедій, поклонникомъ которой и былъ С-въ. Поэтому
успѣхъ комедіи "Евгеній" и показался оскорбительнымъ Су-
марокову; онъ свое неудовольствіе по этому случаю выска-
залъ въ предисловіи къ трагедіи "Димитрій Самозванецъ",
гдѣ онъ главнымъ образомъ нападаетъ на переводчика коме-
діи Николая Пушникова, котораго называетъ подъячимъ. Здѣсь
же онъ жалуется на неприличное поведеніе публики въ театрѣ,
которая во время представленія шумѣла и грызла орѣхи, при
чемъ передаетъ содержаніе комедіи, выставляя ее противною
нравственности. Но это не прошло С-ву даромъ: оскорбленный
переводчикъ комедіи отмстилъ ему. Случилось это такъ: по
просьбѣ Пушникова тогдашній московскій генералъ-губерна-
торъ Салтыковъ приказабъ безъ вѣдома С-ва, представить на
московскомъ театрѣ его трагедію "Синавъ и Труворъ". Уже
одно это было большое оскорбленіе для С-ва, но къ этому
присоединилось еще другое болѣе сильное. Трагедія по про-
искамъ того Пушникова представлена была нарочно гадко и
потерпѣла полную неудачу. Это оскорбленіе С-въ не могъ
вынести и пожаловался императрицѣ Екатеринѣ, но послѣдняя
не обратила на это вниманія и на жалобѣ написала: "Сума-
роковъ безъ ума есть и будетъ." Къ этимъ непріятностямъ
и оскорбленіямъ присоединились и семейныя неудачи, бѣдность
и несчастная слабость, которая окончательно сразила его.
С-въ умеръ въ 1777 г. въ бѣдности всѣми оставленный и за-
бытный. Вотъ обстоятельства жизни нашего перваго драмати-
ческаго писателя.

Что касается произведеній С-ва, то они отличаются, какъ
уже замѣчено было, обиліемъ и разнообразіемъ. Прежде всего

Съ разрѣш, Директора Латышева.

ЛИТ. БОГДАНОВА ЭРТЕЛЕВЪ П. І.

онъ писалъ трагедіи и комедіи, которыхъ у него много. Лучшей изъ трагедій С-ва у современниковъ считались "Синавъ и Труворъ", Хоревъ, Семира, Димитрій Самозванецъ и Мстиславъ.

Содержаніе Хорева слѣдующее: русскій князь Кій разбилъ Кіевскаго князя Завлоха, овладѣлъ Кіевомъ и взялъ въ плѣнъ дочь Завлоха Оснельду. Но спустя 16 лѣтъ побѣжденный Завлохъ, собравъ войско, подступилъ къ Кіеву и потребовалъ выдачи Оснельды. Кій согласился выдать ему Оснельду, но Оснельда полюбила брата Кія Хорева, который также любитъ ее. О любви Хорева доносятъ Кію, возбуждая въ немъ подозрѣніе на счетъ вѣрности Хорева. Кій призываетъ Хорева и приказываетъ ему вступить въ бой съ Завлохомъ. Но Хоревъ старается отклонить Кія отъ сраженія, представляя ему тѣ случайныя бѣдствія, какія производитъ война. Кій не вѣритъ ему и заставляетъ его сражаться съ Завлохомъ, а Оснельду заключаетъ въ оковы.. Но когда Хоревъ и его наперсникъ Вельказъ взяли въ плѣнъ Завлоха, Кій, убѣжденный въ невинности Хорева, приказываетъ освободить Оснельду; но посланные находятъ ее уже мертвою; Хоревъ, узнавъ объ этомъ, закалывается.

Въ трагедіи "Синавъ и Труворъ" изображается соперничество двухъ братьевъ въ любви. Новгородскій бояринъ Гостомыслъ обѣщалъ выдать дочь свою Ильмену замужъ за князя Синава; но Ильмена уже любитъ брата его Трувора и сама имъ любима. Труворъ объявляетъ Синаву о своей любви къ Ильменѣ. Синавъ и самъ сознаетъ нерасположеніе къ себѣ Ильмены, но не можетъ побѣдить своей страсти. Во время объясненія братья бросаются другъ на друга съ мечами, но Ильмена разнимаетъ ихъ. Гостомыслъ убѣждаетъ ее преодолѣть

свою страсть и выйти за Синава, она соглашается, но Труворъ не можетъ пережить своего горя и убиваетъ себя мечемъ. Ильмена, узнавъ объ этомъ, тоже убиваетъ себя. Синавъ, считая себя виновникомъ двухъ смертей, обнажаетъ шпагу и хочетъ заколоть себя, но Гостомыслъ и воины вырываютъ шпагу изъ рукъ его. Такимъ образомъ содержаніе этой трагедіи представляетъ нѣкоторое сходство съ первой.

Въ трагедіи "Димитрій Самозванецъ" изображается послѣдній день жизни Самозванца, его любовь къ Ксеніи, дочери Бориса Годунова. Эта трагедія представляетъ образецъ псевдоклассической трагедіи. Послѣдняя, какъ извѣстно, обращала вниманіе на развитіе страсти, а не характеръ дѣйствующаго лица; это и было то, что называли единствомъ дѣйствія. При этомъ любовь почти всегда играла важную роль; она была главнымъ элементомъ псевдоклассической трагедіи. Это обстоятельство дѣлало ихъ монотонными и однообразными. У французскихъ великихъ трагиковъ, какъ напр. у Расина, этотъ недостатокъ еще прикрывался талантомъ, но у подражателей, не обладающихъ такимъ талантомъ, какъ Сумароковъ, онъ обнаруживался во всей силѣ. Въ его трагедіяхъ всѣ дѣйствующія лица похожи другъ на друга: всѣ они любятъ и выражаютъ любовь свою одинаково. На эту сторону трагедій Сумарокова указалъ еще Карамзинъ, сказавшій объ этомъ такъ: "Сумароковъ болѣе описываетъ чувства, нежели изображаетъ характеры въ ихъ естественной истинѣ. Литературная дѣятельность Сумарокова была чрезвычайно разнообразна: нѣтъ рода произведеній прозаическихъ и поэтическихъ, въ которомъ бы онъ не испробовалъ своихъ силъ. Но самыя важныя, быть можетъ, а не самыя лучшія изъ его произведеній - драматическія. Трагедіи и комедіи

С-кова цѣнились въ свое время и потому имѣютъ историческое значеніе. Что касается ихъ художественнаго значенія, то Пушкинъ далъ о нихъ пренебрежительный отзывъ: "явился Сумароковъ, несчастнѣйшій изъ подражателей, трагедіи его, исполненныя противомыслія, писанныя варварскимъ, изнѣженнымъ языкомъ, нравились двору Елизаветы, какъ новость, какъ подражаніе парижскимъ увеселеніямъ. Сіи вялыя, холодныя произведенія не могли имѣть никакого вліянія на народное пристрастіе."

Другой подобный же отзывъ сдѣланъ старымъ критикомъ Мерзляковымъ, который сдѣлалъ подробный разборъ трагедій Сумарокова въ статьѣ, помѣщенной въ Вѣсникѣ Европы за 1817 г. Его отзывъ имѣетъ особенный интересъ, потому что онъ придерживался той-же теоріи драматическаго искусства, какъ и С-въ. Не смотря на это сходство въ теоретическихъ воззрѣніяхъ, онъ не находилъ у С-во умѣнья ни въ устройствѣ завязки и развязки дѣйствія, ни въ построеніи сценъ; но какъ и Пушкинъ прибавляетъ, что его произведенія нравились современникамъ. Вотъ какъ пишетъ Мерзляковъ: "Сія трагедія | Дм.Самозванецъ| кажется была счастливѣе всѣхъ трагедій Сумарокова, чему весьма много способствовалъ выборъ содержанія, какъ ближайшаго къ тому вѣку, всѣмъ знакомаго и занимательнаго. Ни одна трагедія, не только Сумарокова, но и его счастливыхъ послѣдователей, не имѣла безъ сомнѣнія столькихъ представителей, какъ "Димитрій Самозванецъ". О трагедіи "Мстиславъ" Мерзляковъ говоритъ: "по увѣренію современниковъ сія пьеса долго держалась на театрѣ, особенно для монологовъ Мстислава, которые, дѣйствительно, написаны хорошо и сильно. Я знаю еще многихъ любителей драмъ изъ вѣка Екатерины, которые читаютъ наи-

зуетъ въ обществѣ, какъ образцовыя. Это можетъ служить, по крайней мѣрѣ, доказательствомъ, что онѣ въ свое время производили глубокое впечатлѣніе на слушателей." Свидѣтельство несомнѣнное, что въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX в. были люди, цѣнившіе и даже декламировавшіе С-ва. Что же заставляло цѣнить Сумарокова?

Во-первыхъ, трагедіи С-ва, какъ говоритъ Пушкинъ, были у насъ новостью. Онѣ составляли первый репертуаръ нашего перваго театра. Во-вторыхъ успѣхъ трагедій С-ва объясняется самымъ содержаніемъ ихъ. С-въ беретъ сюжеты большею частью изъ русской исторіи. Конечно, теперь мы не найдемъ въ нихъ чертъ историческихъ. Напр. въ трагедіи Дм.Самозванецъ не найдемъ изображенія эпохи смутнаго времени; но въ свое время, когда отечественная исторія была почти неизвѣстна, привлекали уже одни имена историческія, одни намеки на прошлое Руси. И это совершенно естественно. Вспомнимъ, что Пьесы Петровскаго времени были большею частью переводныя; при возобновленіи театра при Елизаветѣ Петровнѣ ставились также переводныя пьесы, и трагедіи Сумарокова выдавались между ними тѣмъ болѣе, что будили родныя воспоминанія. Мерзляковъ въ отзывѣ о "Дм.Самозв." прибавляетъ еще между прочимъ: "даже набатный колоколъ въ этой пьесѣ, какъ нѣчто напоминающее можетъ быть о вѣчевомъ, играетъ довольно важную роль."

Нужно принять во вниманіе еще одно обстоятельство. Цѣлью поэтическаго творчества псевдоклассическая теорія выставляла пользу: поэзія должна содѣйствовать исправленію нравовъ. Поэтому первымъ основнымъ требованіемъ поэтическаго творчества было наказаніе порока въ концѣ дѣйствія и торжество добродѣтели. Къ этому долженъ вести весь ходъ

драмы. Съ этою же цѣлью вводили въ драму обширныя разсужденія на разныя темы по вопросамъ политическимъ и нравственнымъ, напр., о любви къ отечеству, объ обязанностяхъ полководца, о семейныхъ обязанностяхъ и т.п. Все это вводилось не столько по требованію дѣйствія, сколько для того, чтобы дать мѣсто поученію. Съ этой именно точки зрѣнія и цѣнились произведенія псевдоклассическихъ авторовъ и Сумарокова въ томъ числѣ; такъ о трагедіи "Синавъ и Труворъ", которая была переведена на французскій языкъ и не осталась незамѣченной, сохранился такой отзывъ въ одной французской газетѣ: "должно благодарить автора при атомъ, что онъ такъ храбро ополчается противъ неправды и свирѣпости ненавистныхъ народовъ, которымъ отечество его неоднократно приносимо было. Преподавать Россіи правосудіе и человѣколюбіе есть ни что иное, какъ вспомоществовать августѣйшему примѣру, который она |Россія| имѣетъ отъ владѣющей нынѣ государыни. И для того надо слушать здѣсь автора, а не князя Трувора." Такимъ образомъ и франц. критикъ признаетъ за трагедіей цѣль поучительную. Трагедія превращается какъ бы въ проповѣдь въ лицахъ. Мерзляковъ говоритъ, что онъ зналъ еще многихъ стариковъ, которые знали отрывки изъ трагедій С-ва и охотно цитировали ихъ. Они хвалили С-ва за то, что онъ противоборствуетъ порокамъ. Съ этой стороны трагедіи С-ва цѣнились современной ему публикой и та же сторона составляетъ ихъ историческое значеніе. Справедливо одинъ изъ изслѣдователей, Стоюнинъ, говоритъ о трагедіяхъ С-ва слѣдующее: "какъ ни искусственны онѣ по своей формѣ, но все же между ними и современностью есть связь, на которую и слѣдуетъ обратить вниманіе. Онѣ вездѣ предоставля-

ютъ борьбу личной страсти съ общественнымъ долгомъ, что пришлось очень кстати для тогдашняго общества, гдѣ личные интересы не допускали еще яснаго сознанія интересовъ общественныхъ. Прояснить эти идеи, вытекавшія изъ новаго образованія, было полезно и даже необходимо русскимъ людямъ, чтобы дѣйствовать на ихъ нравственную сторону. А прояснять въ дѣйствіи было вѣрнѣе, чѣмъ въ какой нибудь рѣчи, или отвлеченномъ разсужденіи. При этомъ обращаютъ справедливо вниманіе на связь воззрѣній С-ва съ просвѣтительными идеями 18 вѣка, которыя съ этихъ поръ получаютъ все большее значеніе. Эти идеи постоянно сказываются въ тѣхъ разсужденіяхъ, которыя въ изобиліи встрѣчаются во всѣхъ трагедіяхъ Сумарокова. Интереснѣйшимъ отдѣломъ произведеній Сумарокова является отдѣлъ его сатирическихъ произведеній. Сатирическія его произведенія написаны въ различной формѣ; есть у него собственно сатиры, т.е. произведенія не только съ сатирическимъ содержаніемъ, но и изложенныя въ той формѣ, какая была выработана для сатиръ римскими поэтами и потомъ возобновлена Буало и Кантеміромъ. Такъ первая сатира, озаглавленная: "Піитъ и другъ его". Здѣсь поэтъ высказываетъ свое рѣшеніе взяться за составленіе сатиръ, но другъ предостерегаетъ его, говоря, что сатирой отучить людей отъ порока нельзя, только навлечешь на себя ненависть. Эта сатира близка по содержанію къ 4-й сатирѣ Кантеміра |"Къ музѣ своей, или объ опасности сатирическихъ сочиненій"|. 3-я сатира "О благородствѣ"; уже самое заглавіе сближаетъ ее со 2-й сатирой Кантеміра.

Есть у Сумарокова и другого рода сатиры, напр., на темы литературныя. Такъ въ 4-й сатирѣ "О худыхъ судіяхъ"

говорится противъ взяточничества въ слѣд. словахъ: "взяточничество тѣмъ только отличается отъ воровства, что воръ прячетъ украденное, а человѣкъ, получивши взятку, открыто показывается на лошадяхъ, полученныхъ въ качествѣ взятки. 6-я сатира осмѣиваетъ пристрастіе къ французскому языку и ко всему иноземному и напоминаетъ 2-у и 1-ю сатиры Кантеміра. Это одна изъ любимыхъ темъ С-ва, которую онъ затрагиваетъ также въ комедіи "Пустая ссора".

Далѣе, къ числу сатиръ должно отнести и басни или притчи С-ва. Ихъ дошло до насъ очень много. Эти басни Карамзинъ называетъ лучшими изъ произведеній С-ва, а Новиковъ именуетъ ихъ "сокровищемъ Россійскаго Парнаса." Но это могло такъ казаться только до Крылова. Не говоря уже объ языкѣ басенъ, въ сравненіи съ Крыловымъ С-въ имѣетъ еще тотъ недостатокъ, что тогда какъ у Крылова цѣнна преимущественно фабула: въ ней заключается весь смыслъ, у С-ва фабула заключается въ нѣсколькихъ словахъ. Напротивъ, мораль весьма распространяется, такъ что справедливо его басни называютъ сатирами въ формѣ басенъ. Потомъ къ сатирѣ Сумарокова нужно отнести его эпиграммы.

Но кромѣ этихъ двухъ родовъ, есть еще отдѣлъ сатирическихъ произведеній: это небольшія сатирическія статьи въ журналахъ того времени, представляющія лучшія произведенія въ сатирическомъ тонѣ. Къ нимъ то мы теперь и обратимся. Но прежде сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о самыхъ журналахъ. Журналы времени Сумарокова были, собственно говоря, первыми въ русской публицистикѣ, если не считать газетъ и ученыхъ академическихъ изданій Миллера подъ названіемъ: "Ежемѣсячное сочиненіе къ пользѣ и увеселенію служащее", издававшееся въ 1755 г. По своему характеру

журналъ Миллера был близкимъ подражаніемъ европейскимъ сатирическимъ журналамъ 18 в., которыя издавались по одному общему типу нравоучительныхъ сатирическихъ журналовъ, впервые появившихся въ Англіи. Первымъ изъ журналовъ англійскихъ такого рода былъ "Болтунъ", издававшійся Стилемъ; затѣмъ, по его же образцу сталъ издаваться "Зритель" |1711-1712| Адиссона и "Опекунъ". Первоначальная программа "Болтуна" была гораздо обширнѣе той, которой его издатель сталъ слѣдовать потомъ. Предполагалось сначала помѣщать здѣсь статьи самаго разнообразнаго характера: научныя, политическія, литературныя, публицистическія, фельетоны и т.п.. Но мало-по-малу содержаніе журнала съуживалось, пока, наконецъ, онъ не принялъ характера сатирическо-нравоучительнаго изданія. При такомъ направленіи репертуаръ ограничился разсказами въ нравоучительномъ тонѣ, сказками, аллегоріями, картинами изъ дѣйствительной жизни и т.п. Въ этомъ видѣ журналъ Адиссона "Зритель" имѣлъ громадный успѣхъ, что объясняется, конечно, прежде всего самою новостью подобнаго рода изданій. Въ литературныхъ кодексахъ того времени помѣщались лишь трагедіи и другія произведенія съ серьезнымъ характеромъ, въ сущности мало близкія къ дѣйствительной жизни. Читатели средняго круга потому не могли найти въ нихъ подходящаго для себя чтенія, какъ не находили въ трагическихъ герояхъ близкихъ себѣ людей. Сатирическіе журналы, напротивъ, касались жизни всѣхъ слоевъ общества и вслѣдствіе этого не могли не нравиться массѣ читающаго люда.

Въ подражаніе этимъ то сатирическимъ журналамъ стали издаваться и русскіе сатирическіе журналы времени Сумарокова. Они стояли такимъ образомъ въ связи съ подобнымъ

же явленіемъ въ западноевропескихъ литературахъ. Что это такъ, подтвержденіемъ служитъ упомянутый нами журналъ Миллера. Въ числѣ другихъ статей здѣсь Миллеръ помѣщалъ много отрывковъ въ русскомъ переводѣ изъ "Смотрителя" Адиссона. Но программа "ежемѣсячныхъ сочиненій" Миллера была однако гораздо шире, чѣмъ программа англійскихъ журналовъ. Въ журналахъ Миллера кромѣ сатирическихъ вхо-
дили вообще популярныя статьи по роднымъ вопросамъ. Здѣсь то стали появляться и статейки Сумарокова, то въ формѣ обличительныхъ разсужденій противъ различныхъ современныхъ пороковъ, то въ формѣ сказокъ и аллегорій, то въ формѣ картинъ изъ дѣйствительной жизни. При всемъ своемъ различіи въ формѣ всѣ онѣ однако имѣли въ виду изображеніе того или другого явленія нравственной жизни современнаго общества. Въ 1759 г. Сумароковъ задумалъ издавать "Трудолюбивую пчелу", но не долго участвовалъ въ изданіи. На первыхъ же порахъ онъ не поладилъ съ цензоромъ Поповымъ, который вздумалъ исправлять даже слогъ издателя. Обиженный Сумароковъ покончилъ изданіе "Трудолюбивой пчелы" черезъ годъ послѣ 1-го №. Все изданіе было наполнено почти исключительно сочиненіями самого Сумарокова. Сотрудниковъ было у него немного, и тѣ доставляли ему только переводы. Таковы: Полетика, Козицкій, Матони, Нартовъ, Дмитревскій и др. Прекративъ изданіе "пчелы", Сумароковъ сталъ помѣщать свои статьи то въ Миллеровских "ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ", то въ журналѣ: "Праздное время въ пользу употребленное". Всѣ помѣщенные въ нихъ имъ статейки, чаще всего содержатъ нападенія въ сатирическомъ тонѣ на подъячихъ - классъ людей, особенно несимпатичный нашему писателю за свое взяточничество и друг. пороки.

Подъ вліяніемъ этихъ то отрицательныхъ качествъ чиновничества, а отчасти и личныхъ столкновеній, въ которыя не разъ приходилось вступать Сумарокову съ подъячими, онъ особенно и вооружался противъ нихъ. Укажемъ для примѣра на нѣкоторыя изъ этихъ статей. Такова прежде всего статья "о нѣкоторой застарѣлой болѣзни", подъ которою авторъ разумѣетъ взяточничество. "Есть, говоритъ онъ, у насъ заразительная болѣзнь, которая едва ли существовала въ древнее время; едва ли она была извѣстна во времена Иппократа. Но зато новѣйшему времени эта болѣзнь хорошо извѣстна, ея имя - *accidentia* |взяточничество|. Одни говорятъ, что происхожденіе ея естественное, другіе - преестественное. Первый ею страдалъ Іуда. Есть у насъ разсказъ о происхожденіи этой заразительной болѣзни. Въ немъ говорится, будто бы чертъ, встрѣтившись однажды съ подъячимъ, позабылъ у него свой крючекъ, которымъ онъ таскалъ души въ аду. Имъ подъячій не преминулъ воспользоваться. Отсюда то подъячіе и стали называться крючками." Вторая статья "о почтеніи автора къ приказному роду". Авторъ говоритъ въ ней, что онъ настолько расположенъ къ этому классу людей, что будетъ даже и послѣ смерти являться къ нему съ того свѣта, такъ какъ, говоритъ онъ, тамъ ему не придется встрѣтиться съ приказными согласно словамъ св. писанія: "не воскреснутъ нечестивіи на судъ."

Къ этому же отдѣлу можно, наконецъ, отнести еще одну статью подъ заглавіемъ "четыре отвѣта". Въ ней Сумароковъ ставитъ 4 вопроса, на которые и даетъ свои отвѣты. Первый вопросъ: "что бы я сдѣлалъ, если бы я былъ малый человѣкъ и малый господинъ?" Второй: если бы я былъ великій человѣкъ и малый господинъ?" Третій: "великій человѣкъ и вели-

кій господинъ?" и четвертый: "малый человѣкъ и великій господинъ?" Сумароковъ отвѣчаетъ на эти вопросы такимъ образомъ: въ первомъ случаѣ я старался бы заискивать у болѣе сильныхъ, во второмъ старался бы принести пользу, въ третьемъ служилъ бы благу и, наконецъ, въ четвертомъ ничего бы не дѣлалъ и старался служить весело.

Далѣе, есть въ числѣ сатирическихъ сочиненій Сумароко-ва и такія, которыя представляютъ простое упражненіе въ остроуміи. Таково истолкованіе личныхъ мѣстоименій: я, ты, онъ, мы, вы, они. Эта статья была прототипомъ извѣстной придворной грамматики Фонъ-Визина и во многомъ напомина-етъ ее. Такъ о мѣстоименіи перваго лица говорится: „я" никогда не соединяется съ прилагательнымъ, означающимъ что-нибудь дурное. Послѣднее обыкновенно соединяется съ мѣстоименіемъ третьяго лица и рѣдко со вторымъ. Напр. ты человѣкъ нечестный изъ чего слѣдуетъ пощечина. Но то уже касается до троповъ. Ты - второе лицо единст. числа, но только повидимому. Говоря съ человѣкомъ, достойнымъ почтенія, наипаче имѣющимъ благородство или чинъ, ты противно сказать грамматикѣ, а вмѣсто того, по правиламъ хотя и противъ здраваго разсужденія надлежитъ говорить вы, а ты только для подлости осталось.

Наконецъ, въ этихъ же статьяхъ есть замѣтки и литера-турнаго характера, таково письмо "о чтеніи романовъ". Сумароковъ указываетъ на размноженіе литературы и нахо-дитъ чтеніе романовъ безполезнымъ. Онъ дѣлаетъ исключе-ніе только для Телемака Фенелона. Къ этому же отдѣлу от-носится статейка "Блохи", подъ которыми онъ разумѣетъ какихъ то литературныхъ враговъ своихъ.

Трагедіями, комедіями, сатирами не исчерпывается лите-ратурная дѣятельность Сумарокова. Въ числѣ его сочиненій

есть много другихъ, неимѣющихъ, впрочемъ, большого литературнаго значенія. Таковы, напр. его пѣсни. За этотъ родъ литературныхъ произведеній Сумароковъ взялся еще въ школѣ, но изъ пѣсенъ этого періода не сохранилось ни одной. Сохранилось однако болѣе 100 пѣсенъ, относящихся къ позднѣйшему времени. Всѣ онѣ однообразны и имѣютъ исключительно любовный характеръ. Но въ нихъ есть одна черта, которая заслуживаетъ вниманія: это стремленіе къ народности, которое сказывается въ подражаніи народнымъ образцамъ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Сумароковъ говоритъ:

"Все хвально, драма ли, эклога ли или ода,
Слагай, къ чему влечетъ тебя твоя природа,
Лишь просвѣщеніе, писатель, дай уму,
Прекрасный нашъ языкъ способенъ ко всему."

Къ сожалѣнію самъ онъ не слѣдовалъ этому мудрому правилу, онъ считалъ себя талантомъ на всѣ руки, брался за все, и потому, значительная часть того, что онъ написалъ, остается ненужнымъ балластомъ.

До насъ дошло значительное число его комедій - "Опекунъ" "Приданое обманомъ", "Пустая ссора", "Трясотеніусъ", "Мать совмѣстница дочерей", "Нарциссъ", "Лихоимцы", "Чудовище". Самыми ранними произведеніями были трагедіи; за составленіе комедій онъ принялся нѣсколько позже, а именно въ виду слѣд. обстоятельствъ. Во временномъ театрѣ при кадетскомъ корпусѣ на ряду съ трагедіями давались и комедіи, переведенныя съ франц. яз. Сумароковъ задумалъ дать оригинальныя русскія комедіи. Этотъ родъ дѣятельности снискалъ ему прозваніе русскаго Мольера. Какъ за трагедіи его называли россійскимъ Расиномъ, такъ за комедіи Мольеромъ. Его комедія "Опекунъ", гдѣ изображается скупой и

ханжа Чужехватъ, есть передѣлка Мольеровскаго Тартюфа.

Въ комедіи "Опекунъ" Чужехватъ - главное дѣйствующее лицо. Онъ опекунъ троихъ молодыхъ людей: Сострогны, Ниссы и Валерія. Чужехватъ - большой мошенникъ; онъ сумѣлъ одного изъ ввѣренныхъ ему молодыхъ людей поставить въ положеніе слуги, а самъ завладѣлъ его имѣніемъ. Однако въ концѣ плутни его обнаруживаются, и онъ наказывается. Характеромъ Чужехватъ напоминаетъ Тартюфа. Жадность у него беззавѣтная. Онъ не знакомъ ни съ какими нравственными требованіями. Это именно такой типъ, который вполнѣ соотвѣтствовалъ требованіямъ псевдоклассической теоріи - типъ чистый, доведенный даже до утрировки. У Чужехвата къ жадности присоединяется еще другое качество - ханжество, и въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ Кантемірова Критона.

Въ "Тресотеніусѣ" Сумароковъ смѣется надъ современными писателями - Тредьяковскимъ и Ломоносовымъ.

Въ комедіи "Пустая ссора" авторъ осмѣиваетъ страсть къ иноземному. Его герои напоминаютъ Медора Сатиръ Кантеміра.

Есть еще, наконецъ, отдѣлъ лирическихъ произведеній Сумарокова: это - оды, которыя раздѣляются во-первыхъ, на торжественныя, во 2-хъ, разныя и въ 3-хъ вздорныя. Первыя представляютъ тоже упражненія въ народной лирикѣ, которыя мы встрѣчаемъ и у Ломоносова. Но любопытно, что самъ же Сумароковъ усмотрѣлъ фальшивую сторону этихъ произведеній въ ихъ напыщенности и подборѣ громкихъ словъ часто безъ смысла и составилъ пародіи напыщенныхъ одъ подъ именемъ одъ вздорныхъ. Что касается отдѣла одъ разныхъ, то онъ представляетъ собою подражаніе Анакреонту, Горацію и др.

Къ этому же отдѣлу произведеній Сумарокова относятся и нѣкоторыя изъ прозаическихъ. Таково "Слово въ честь Петра I-го.

и затѣмъ "Слово въ честь Екатерины II на день коронаціи" и др.

У Сумарокова есть также нѣсколько трудовъ историческихъ и филологическихъ, но всѣ они лишены значенія.

---ooOoo---

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Ždanov, Ivan Nikolaevič

Istorija russkoj literatury Lekcii I. N. Ždanova

Bd.: 1

1886

4 H.lit.p. 325 y-1/3
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11499091-6